

**ОДИН ПРОПАЛ:
СКОРО СТАНЕТ БОЛЬШЕ**

ЭКСТРАСЕНС ДАВИНА РЕЙВЕН: КРИМИНАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР-1

КАЙЛИ ХАНТЕР

Трагедия приходит в жизнь Давины Рейвен трижды. Ее сестра. Ее мать. Ее отец.

Теперь убийца вернулся в родные места... чтобы забрать свою следующую жертву.

Давина не хочет неприятностей. Ни от нового горячего детектива, который продолжает безосновательно ее арестовывать. Ни от сплетников, которые шепчутся о ней. И уж точно не от отца, который неоднократно пытался ее убить.

Все, чего желает Давина, — это заработать достаточно денег, чтобы оставаться на плаву вместе со своим психически неуравновешенным отцом.

Но если ты экстрасенс, живущий в таком маленьком городке, как Дейбрик-Фоллс, неприятности преследуют тебя повсюду.

И когда расстроенные родители пропавшей девочки-подростка просят Давину помочь найти их дочь, она не может им отказать, даже несмотря на свою неспособность контролировать видения.

Сосредоточившись на самых ценных вещах девочки, Давина закрывает глаза, чтобы найти подсказки в своем сознании. Но вместо пропавшей девочки-подростка, Давина обнаруживает связь со своей собственной сестрой, которая исчезла пятнадцать лет назад.

Давине Рейвен придется разгадать правду о своем трагическом детстве, чтобы остановить серийного убийцу.

Кайли Хантер

«Один пропал: скоро станет больше»

Серия: Экстрасенс Давина Рейвен: криминальный триллер-1

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексаны

Переведено специально для группы: vk.com/monaburumba

Глава 1

Чувствуя на спине горячий взгляд отца, я дрожащей рукой положила последний кусок лазаньи в контейнер для хранения. «Не позволяй ему увидеть твой страх», — напомнила я себе, отодвигая в сторону пустое керамическое блюдо.

Мне не требовалось поворачиваться, чтобы увидеть его, стоящего в проеме между кухней и гостиной. Я слышала его дыхание. Чувствовала запах душистого мыла. Могла ощущать его ярость. Отвлечшись на его присутствие, я поставила блюдо слишком близко к краю столешницы. Когда оно начало падать, я резко подалась вперед, зажав его между животом и нижним шкафом.

— Проклятье, — выругалась я, поднимая посудину и ставя ее на дно раковины.

Опустив голову, я посмотрела на соус и сыр, размазанные по моей одежде. Собрав самые большие комки, вытерла футболку и джинсы влажной салфеткой, но рыжие пятна все равно остались.

Пожалуй, стоит переодеться. Я взглянула на свой фитнес-браслет, и увидела, что уже восемь утра. Если я сейчас пойду менять одежду, то опоздаю на работу.

Почувствовав, что Фрэнсис движется вперед, я отскочила влево, схватив нож, которым нарезала лазанью. Игнорируя желание повернуться, я держалась к нему спиной. Всегда становилось только хуже, когда наши глаза встречались. Невысказанный вызов или знак неповиновения; я не знала точной причины, но понимала, что лучше не смотреть прямо на него.

Переложив нож в ведущую руку, я проговорила настолько нормальным голосом, насколько смогла:

— В кофейнике свежий кофе.

Ничего. Ни звука. Никакой реакции. Он все еще стоял там, менее чем в пяти футах позади меня, но не двигался. Неужели отступит? Или будет бороться со мной за контроль над ножом?

— Я приготовила миску с фруктами на завтрак. Она на верхней полке в холодильнике, готова, когда ты захочешь. На второй полке внизу есть тарелка с лазаньей на обед. Просто разогрей ее в микроволновке.

Я не ожидала ответа. Фрэнсис не разговаривал со мной с того дня, как превратился в монстра. За эти годы я научилась кое-каким хитростям. И иногда, услышав мой голос, он переставал нападать. Может быть, часть его все еще помнила, что он когда-то любил меня. А может, и нет.

Фрэнсис быстрыми шагами направился в гостиную. Когда я услышала скрип его кресла, а затем щелчок подставки для ног, то облегченно выдохнула.

Опустив взгляд, я уставилась на нож в своей руке.

Я бы не стала использовать нож против него. По крайней мере, я надеялась, что не стала бы, хотя на прошлой неделе пришлось нелегко. Я все еще носила футболку с длинными рукавами, чтобы скрыть синяки.

Мой отец не всегда был чудовищем. До трагедий, постигших нашу семью — сначала исчезновение сестры, а вскоре после этого смерть моей матери — он был любящим отцом. Но это в прошлом.

Я едва помнила человека, который читал мне сказки, про принцев и принцесс, или

помогал строить желтый скворечник, висевший на дубе прямо за кухонным окном. Он стал жертвой разрушительной трагедии. Трагедии, превратившей отца, которого я знала маленьким ребенком, в бездушного монстра.

Прошел примерно год, прежде чем я перестала называть его папой, перейдя на имя Фрэнсис. Каким-то образом обращение к нему по имени смягчало потерю. Смирало с мыслью, что мой отец хотел меня убить.

Взглянув на раковину, я увидела, что блюдо из-под лазаньи умоляет почистить его, но у меня не осталось времени. Мусорное ведро заполнилось, поэтому опустив нож в блюдо, я поставила его на крышку, а затем закрыла шкаф. Почистищу их оба позже.

Я вернулась к контейнерам для хранения, защелкнула их и положила в сумку. Снова задумалась о том, чтобы переодеться, но не хотела рисковать еще одной стычкой с Фрэнсисом, оставаясь в доме дольше, чем необходимо. Схватила кошелек, сумку, ключи и выскользнула за дверь кухни.

Сбежав по ступенькам крыльца, я поспешила через невидимую линию на участок моей соседки миссис Полсон. Напряженность в моих плечах исчезла. Я в безопасности, по крайней мере, до вечера, когда вернусь домой.

К счастью, для меня, Фрэнсис никогда не выходил из дома.

Глава 2

Я дважды постучала в дверь миссис Полсон, прежде чем войти внутрь.

— Доброе утро! Это Давина! — Я завернула за угол направо.

В другом конце длинной узкой кухни миссис Полсон сидела за столом с разложенными перед ней картами, раскладывая пасьянс.

— Доброе утро, дорогая. Что-то ты сегодня припозднилась.

После инсульта, случившегося в прошлом году, некоторые слова она произносила невнятно, но после длительной терапии снова смогла и ходить, и говорить. Меня перестала расстраивать ее однобокая улыбка, но я старалась не смотреть, как шевелятся ее губы, когда она говорит. Не то чтобы это меня беспокоило, но моя соседка стеснялась своего состояния.

Я пересекла кухню и открыла холодильник.

— Уже опаздываю. Сегодня утром не смогу с вами поболтать, как обычно, но надеюсь, моя лазанья это компенсирует. Здесь две порции, на случай, если ваш надоедливый сынок заглянет на обед.

Миссис Полсон рассмеялась.

— Ноа сказал, что зайдет в гости вечером. Он работает сегодня в первую смену. На обед у меня будет суп, а на ужин мы съедим твою лазанью.

— Как скажете. — Поставив два контейнера из моей сумки в холодильник, я подошла и поцеловал ее в макушку. — Вам что-нибудь еще нужно сегодня утром?

— Нет, дорогая, но очень мило, что ты меня проведала. — Она посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнула грусть. — Твоя мать гордилась бы тем, какой женщиной ты стала.

Я инстинктивно потянулась к кулону с лунным камнем на шее. Мама подарила мне этот кулон всего за несколько дней до своей смерти.

Смерть. Холодная дрожь пробежала от основания позвоночника до затылка. Такое простое слово, которое и близко не подходит к кровавой сцене, выжженной в моей памяти. Ни один ребенок не должен стать свидетелем чего-то настолько ужасного.

Я тряхнула головой, пытаюсь прогнать неприятные мысли.

— Я не хотела тебя расстраивать, — прошептала миссис Полсон, потянувшись к моей руке.

— Вы ничего такого не сделали. Просто у меня выдалось напряженное утро с Фрэнсисом. Не переживайте. — Я слегка сжала ее руку, прежде чем выйти из кухни. — Мне нужно бежать. Телефон у вас с собой? — Я оглянулась через плечо, потянувшись к дверной ручке.

Она подняла свой мобильный телефон из кармана фартука. Миссис Полсон носила фартук не потому, что готовила. А потому, что карманы позволяли держать при себе такие вещи, как ключи, пульт от телевизора и мобильник.

— Хорошего дня, дорогая, — с искренней улыбкой проговорила миссис Полсон.

Выйдя от миссис Полсон, я поехала по центру Дейбрик-Фоллс, включив музыку и опустив окна. Даже таким ранним утром температура быстро росла, а влажность делала воздух в машине липким.

На другом конце города я повернула на запад, направляясь к районам на берегу озера. Дейбрик-Фоллс представлял собой довольно небольшой городок с населением около пяти тысяч человек. Достаточно вместительный, чтобы иметь несколько хороших ресторанов и приличный продуктовый магазин. Но при этом довольно маленький, чтобы постоянно наткаться на знакомых.

Как и в большинстве городов, в Дейбрик-Фоллс существовали свои экономические секторы. Я работала одной из трех профессиональных уборщиц в городе, и жители домов на берегу озера — трехэтажных стеклянных мини-особняков — обеспечивали мне хлеб с маслом. Без них я не смогла бы содержать ни себя, ни Фрэнсиса.

Почему до сих пор ухаживаю за ним, не знаю даже я. Но перед смертью мама взяла с меня обещание заботиться о Фрэнсисе. Ее слова запечатлелись в моей памяти. «Если со мной что-то случится, пригляди за своим отцом. Он будет нуждаться в твоей заботе».

Я не совсем понимала, как двенадцатилетняя девочка должна заботиться о взрослом мужчине, но ее слова мне навсегда запомнились. В тот же день она подарила кулон с лунным камнем.

Через два дня ее не стало. Через три дня после ее смерти состоялись похороны. А через две недели после похорон отец превратился в монстра. Я не только потеряла всех, но и оказалась вынуждена присматривать за Фрэнсисом. И, вероятно, именно чувство вины удерживало меня после всех этих лет от того, чтобы отправить его в какую-нибудь закрытую палату.

Я вздохнула и свернула на подъездную дорожку Гилморов, следуя вверх по холму к трехэтажному чудовищному дому с видом на Среднее озеро Найтшейд, одно из самых больших озер в Дейбрик-Фоллс.

«Ага, — подумала, глядя на стеклянный дом. — Еще один день мытья полов у какого-то придурка, в то время как я предпочла бы заниматься чем-нибудь другим».

Собрав свои принадлежности, я вошла в дом через боковую дверь — «вход для прислуги», как любил напоминать мне доктор Стивен Гилмор. Сразу за дверью я положила чистящие средства и инвентарь, а затем оглядела помещение.

Дважды в неделю, каждый вторник и пятницу, я убиралась у доктора Гилмора. И, как и ожидалось, доктор Гилмор и его несовершеннолетний сын-подросток Джейкоб за выходные устроили настоящий бардак. Все столешницы завалены грязной посудой. Мусорное ведро переполнено до краев. И кто-то оставил грязные следы на полу, ведущие в соседнюю комнату.

Уборка одной только кухни займет час. А ведь еще нужно разобраться с остальными шестнадцатью комнатами в доме.

Оставив свои принадлежности у двери, я прошла по дому, чтобы сначала собрать грязное белье. В мои обязанности не входила стирка их грязной одежды, но вот заполнить мешки для стирки и подготовить их к сдаче в прачечную было моей задачей. Я как раз ставила последний мешок на крыльцо, когда подъехал Пол Мейерс.

Дождавшись, пока он окажется в пределах слышимости со стороны крыльца, я его поприветствовала:

— Счастливого вторника. Только-только закончила собирать вещи в мешки.

Пол положил руки на бедра и покачал головой.

— Три мешка? Как два человека могут испачкать столько одежды за четыре дня?

— Некоторые вещи не их. Я не знала, что делать с бюстгальтером пуш-ап и

разноцветными стрингами, поэтому просто бросила их в мешок.

— Повезло мне, — проворчал Пол, схватив два мешка в одну руку и потянувшись за третьим.

— Посмотри на это с другой стороны, — посоветовала я, пока он шел обратно к своему фургону. — По крайней мере, тебе не придется выбрасывать использованные презервативы.

Несмотря на то, что Пол повернулся ко мне спиной, я увидела, как он вздрогнул.

— Ты выиграла конкурс на самую худшую работу. Увидимся в пятницу, Давина.

Я улыбалась, пока шла обратно в дом и закрывала за собой дверь. Но улыбка померкла, когда мой взгляд снова остановился на беспорядке в кухне. Взглянув на свой фитнес-трекер, я проверила время. Неважно, как быстро я буду работать, все равно опоздаю к Оливии. Если я не хотела, чтобы весь мой день пошел не по плану, мне нужно спешить.

Засучив рукава, я загрузила посудомоечную машину, затем взяла ведро для уборки и отправилась наверх.

Глава 3

Я уже закончила убирать второй и большую часть первого этажа, когда меня захватил образ бегущей, кричащей, плачущей девочки. Я видела, как она бежит по грунтовой дороге, петляя между деревьями и кустами с густой листвой вокруг. Позади нее сломалась ветка, отчего девочка пронзительно закричала, а мое сердцебиение участилось.

Я не могла понять, кто она, и где именно находится, и даже в каком направлении бежит. Но ее страх чувствовался по-настоящему. Она была в ужасе.

Так же быстро, как появилось видение, оно исчезло. Я снова оказалась сидящей на полу в ванной комнате внизу дома Гилморов и смотрела на желтое пятно на полу между душем и унитазом.

Через секунду или две ко мне вернулось обоняние: отбеливатель заменил собой тот влажный земляной запах, который я чувствовала раньше. Я вдохнула, приветствуя химические токсины, ожидая, пока мой пульс замедлится.

Стараясь прогнать страшную картину, я покачала головой, наклоняясь вперед на четвереньках, чтобы с силой надавить на губку для чистки. Видение длилось всего несколько секунд, но оно меня потрясло. Как правило, перед своими видениями я получала больше предупреждений. И обычно они не казались такими пугающими. Поднеся предплечье ко лбу и вытирая с него пот, я задумалась о личности девочки.

Я все еще слышала ее крики, но они постепенно стихали. Музыка из моего телефона, тихо играющая со стойки в ванной, становилась все отчетливее.

Когда мое зрение затуманилось во второй раз, появилась резкая боль в висках. Я не могла позволить этому снова утянуть меня за собой.

— Нет! — скомандовала я себе, сосредоточив все свои мысли на кафельном полу. Оттирая так сильно, как только позволяли руки, я сконцентрировалась на задаче, пока мое зрение не переключилось на «здесь и сейчас». Боль в висках утихла.

Я посмотрела на пол. Там растеклась огромная лужа мыльной воды. Бросив губку в ведро, я взяла сухую тряпку, чтобы убрать излишки воды. Быстро вытерев пол, я бросила полотенце в корзину для уборки и встала. Хорошо потянулась, разминая напряженные мышцы спины, рук, плеч и шеи, вращая суставами.

Хотя я мельком видела лицо девочки, все же сразу поняла, что это видение не про мою сестру. Но эта девочка чем-то напоминала Райну. По крайней мере, из того, что я видела. Выгоревшие белокурые волосы, завивающиеся на концах в естественные локоны. Лицо в форме сердца с красными от слез щеками, когда она оглядывалась через плечо. Волосы, лицо такие же как у Райны. Похожее лицо у меня, только волосы темнее.

Я вздрогнула, вспомнив последнее видение о Райне. Как его рука, его пальцы гладили ее волосы. Как она вскрикивала от страха. Как умоляла ее отпустить.

Выйдя из ванной, я направилась по коридору к стеклянным дверям патио. На другой стороне патио открывался потрясающий вид на озеро. Положив руки на декоративные перила, я закрыла глаза, повернув лицо к солнцу.

— Вот это реальность, Давина. Оставайся в настоящем.

Сделав глубокий вдох, я снова открыла глаза, чтобы посмотреть на воду.

Дом доктора Гилмора стоял в центре Среднего озера Найтшейд, хотя на карте оно называлось просто Озеро Найтшейд. Растянувшееся озеро образовывало лабиринт каналов и

заливов, деливших его на три основных водоема: Нижнее Найтшейд на юге, Верхнее Найтшейд на севере, а затем Среднее озеро Найтшейд — самый центральный и глубокий участок озера.

В Дейбрик-Фоллс имелись и другие озера, пруды и ручьи, но, несмотря на обилие воды, Среднее озеро Найтшейд считалось самым престижным. Его побережье усеивали мини-особняки на участках в пол-акра, чтобы владельцы могли похвастаться, что поселились на озере с лучшими видами и катанием на водных лыжах.

Но когда я смотрела на воду, то не видела красоты. Озера всегда казались мне холодными, злыми, и опасными. Я боялась их с детства, хотя никогда не понимала почему.

В последний раз бросив взгляд на стеклянную зеркальную поверхность, я вернулась в дом. Музыка все еще играла из моего телефона, когда я вошла в ванную. Я начала подпевать и взяла свежую тряпку, чтобы отполировать плитку.

Музыка всегда помогала. Она не только отвлекала меня от видений, но и позволяла не думать о более отвратительных аспектах моей работы — желтых пятнах возле унитазов. Или, что еще хуже, коричневых.

Я заметила остатки мыла на плитке за унитазом и наклонилась вперед, чтобы ее отполировать.

И тут меня шлепнули по заду. Испугавшись, я рванулась вперед и ударилась лбом об угол туалетного бачка.

— Ай. — Я приложила руку ко лбу. Отползая из угла, я опустилась на пол, согнув колени перед собой. Подняв голову, я обнаружила Джейкоба Гилмора, семнадцатилетнего сына доктора Гилмора, который стоял передо мной и смеялся.

— Эта задница, нуждается в хорошей порке, — заявил Джейкоб. — Почему бы тебе не пойти со мной наверх, а потом я закончу работу?

Вставая, я бросила тряпку в свою сумку с принадлежностями. Не говоря ни слова, взяла туалетный ершик и выставила его перед собой.

Джейкоб бросился к двери, затем отступил в коридор, боясь, что капающий ершик его коснется. Джейкоб, избалованный отцовскими деньгами, никогда в жизни не чистил унитаз.

Я схватила свой телефон, выключила музыку и нажала на кнопку записи. Прежде чем взять остальные принадлежности, положила телефон в передний карман джинсов объективом камеры наружу.

Я слышала, как Джейкоб шел за мной, пока несла все вещи на кухню. Положив все возле двери, я достала свой телефон, откинула вертикальную подставку на защитном чехле и положила его на кухонную стойку.

Не обращая внимания на Джейкоба, прислонившегося к дальней стене кухни, я вымыла руки, прежде чем выгрузить посудомоечную машину.

— Отец говорит, что нанял тебя вместо профессионалов, только из-за красивых сисек. Слушай, откуда он знает, что у тебя красивые сиськи? Ты носишь только мешковатую одежду.

Так ничего и не сказав, я закрыла посудомоечную машину.

— Полагаю, ты даешь чертовски крутые интервью. — Джейкоб рассмеялся над собственной шуткой.

Джейкоб Гилмор может и был всего лишь подростком, но, по моему мнению, он обречен на пожизненное заключение. И печальная правда в том, что в этом на самом деле нет его вины. Его отец, доктор Стивен Гилмор, был ничуть не лучше. Я знала Стивена еще со

школы, задолго до того, как он стал доктором Гилмором, как он сам предпочитал, чтобы его называли. И еще тогда мне постоянно приходилось следить за тем, чтобы он не зажал меня в углу. Не зря он разводился четыре раза. В его понимании женщины всего лишь игрушки, которые созданы для того, чтобы его развлекать.

Я взяла конверт с центрального острова и прочитала записку, которую оставил мне доктор Гилмор. В конверте лежал мой еженедельный чек, а еще пятьсот долларов. В записке содержался список продуктов.

Несколько раз я объясняла доктору Гилмору, что походы по магазинам не входят в мои обязанности, но уже далеко не в первый раз он ожидал, что я стану его девочкой на побегушках. Я взглянула на свой фитбит и поняла, что уже сильно опаздываю. Схватив ручку, я быстро написала ответ, объяснив, что у меня нет времени.

Оставив наличные и записку на столешнице острова, я переложила чек в боковой карман своего кошелька. Когда я повернулась, чтобы забрать телефон, Джейкоб прижал меня к стеклянной двери.

— Джейкоб..., — начала я, прежде чем его предплечье врезалось мне в шею, сдавливая горло. Другой рукой он остервенело шарил по моему телу.

— Знаю, ты меня хочешь, — заявил Джейкоб, лапая меня, сжимая грудь, а затем опуская руку ниже.

Благодаря многочисленным схваткам с Фрэнсисом, во мне сработал инстинкт выживания, и мое колено устремилось вверх. Когда Джейкоб скрючился, я оттолкнула его, обеспечив себе безопасное расстояние, чтобы достать из сумочки перцовый баллончик.

Я держала баллончик перед собой, предупреждая его. Долгие мгновения я ждала, как он отреагирует.

— Сука! — прошипел Джейкоб, обхватив свои гениталии. Его глаза сузились при виде черного баллончика, но он сделал шаг назад. — Ты за это заплатишь.

Держа палец на кнопке, я обогнула Джейкоба и прошла в центр кухни. Схватила телефон и направилась к холодильнику. Не глядя открыла дверцу и достала с нижней полки свою матерчатую сумку.

— Я буду обсуждать твоё поведение с доктором Гилмором. Ты не имел права прикасаться ко мне.

— Как будто ему есть до этого дело, — прошипел Джейкоб, с трудом выпрямляясь. — Ты для него просто еще одна задница.

Джейкоб отошел к моим вещам, вытащил из сумки банку «Комета» и вернулся. Приблизившись к острову, он поднял банку с чистящим порошком.

Я вздрогнула, не понимая, что он собирается сделать.

И тут он опустил руку, ударив боковую часть картонной банки о край столешницы. Упаковка треснула, осыпав пол и столешницу мелким порошком.

Джейкоб усмехнулся, а затем снова резко взмахнул рукой и ударил банкой несколько раз, пока та не раскололась пополам.

В итоге вся комната, Джейкоб и я оказались покрыты чистящим средством.

Джейкоб швырнул пустую банку в мою сторону. Куски картона отрикошетили от моей руки и упали на пол.

— Убери это дерьмо, — бросил Джейкоб, прежде чем выбежать из комнаты.

Я оглядела кухню, покрытую «Кометом». Затем опустила взгляд на свою сумку и телефон, которые все еще держала в руках. Я уже отработала больше положенного времени,

и это Джейкоб устроил беспорядок. Убирать за ним сверх положенного не входило в мои обязанности.

Я повернулась к двери, но, взявшись за ручку, остановилась.

Доктор Гилмор может аннулировать мой чек. Он может наложить запрет на выплату. Или, что еще хуже, я могу полностью потерять работу.

Не думаю, что буду скучать по работе здесь, но я брала с доктора Гилмора в два раза больше, чем с других клиентов. Я часто шутила с Оливией, что более высокая ставка — это плата за вредность.

Беспорядок, который только что устроил Джейкоб, казался вполне подходящим под это определение.

Я положила сумку и телефон рядом с кошельком.

По крайней мере, Джейкоб ушел, подумала я, беря щетку.

— Почему ты так долго? — спросила Оливия, как только я вошла в парадную дверь. И тут же забыв о своем вопросе, она потянула меня за локоть в сторону кухни. — Я приготовила нам обед.

Я усмехнулась, глядя на нее.

— Ты готовишь? Мне уже страшно.

Оливия высунула язык, когда мы обогнули кухонный остров.

— Наверное, надо еще немного подождать.

— Полагаю, все, что ты приготовила, было ядовитым еще до того как попало в духовку. — Я оглядела кухню, изучая все грязные миски, мерные стаканы и прочий мусор, сокрушаясь от еще одного беспорядка, который придется убрать.

Прижав мусорное ведро к краю стола, я провела рукой по нему, собирая яичную скорлупу, кучки муки и бумажные полотенца. Некоторые скорлупки намертво прилипли к столешнице.

— Хочу ли я вообще знать, как выглядит твоя духовка внутри? — спросила я Оливию, вздыхая. — Мне нужно будет вернуться вечером, чтобы ее отмыть?

Оливия открыла дверцу духовки и чуть ухмыльнулась.

— Я использовала фольгу на дно, как ты меня учила. Видишь?

Алюминиевая фольга и правда лежала где-то на дне духовки. Однако черные подгоревшие кляксы покрывали большую духового шкафа.

Я наклонилась и посмотрела на блюда, которые все еще готовились.

— Что это?

— Мясной рулет! — Довольная Оливия, улыбаясь, подпрыгивала на своих обутых в тапочки ногах. — Разве ты не гордишься мной?

— Не особо, — призналась я, выпрямляясь. — Но если ты хочешь произвести на меня впечатление, — я потянулась к плите и выключила духовку, — то можешь выбросить этот беспорядок, а потом начать мыть посуду. — Я взяла прихватки и вынула обе стеклянные тарелки из духовки, поставив их остывать на конфорки плиты.

Оливия склонилась над своим научным экспериментом, затем сморщила нос.

— Для ужина вполне сойдет. Брейдон не такой привередливый, как ты. — Оливия обошла остров, за которым я выкладывала свои вещи на барный стул. Она заглянула в мою сумку. — Что ты принесла на обед? Я умираю с голоду. Вся эта работа пробудила во мне аппетит.

— Я принесла лазанью. Ты можешь разогреть ее, пока я займусь твоей кухней. — Я наполнила раковину мыльной водой и начала все мыть.

— Почему ты так поздно? — спросила Оливия, выкладывая лазанью на тарелку. — И почему ты вся в белом порошке?

Я посмотрела на свой наряд. Моя футболка полностью испачкалась «Кометом». Даже красные пятна от соуса, появившиеся утром, теперь исчезли под чистящим средством.

— У Гилморов пришлось повозиться дольше, чем обычно.

Включив микроволновку, Оливия подошла к кухонному столу. На нем слоями валялась одежда — чистая одежда, часть которой ждала, когда ее сложат, а часть уже худо-бедно уложенная в пакки. Оливия схватила футболку и бросила ее мне.

Я с радостью переделалась в чистую футболку и улыбнулась. Золушка кружилась в своем платье, а крестная фея осыпала ее волшебством. В такой день, как сегодня, мне бы не помешало немного магии.

Тут Оливия схватила меня за запястье, выпрямив руку, и уставилась на мои синяки.

— Какого черта, Давина?

Я освободила руку и достала легкую толстовку со дна сумки. Сунула руки в рукава и застегнула молнию до половины.

— Дай угадаю, — проворчала Оливия, положив кулак на бедро. — Твой отец? Или это те мерзкие Гилморы?

— Фрэнсис, — кивнула я в ответ. — Со мной все в порядке. Он загнал меня в угол несколько дней назад. — Я вернулась к раковине, прополаскивая губку для посуды.

— Тебе нужно съехать. Ты же знаешь, мы с Брейдоном с удовольствием приняли бы тебя. У нас есть три свободные спальни, — махнув рукой в сторону потолка, предложила Оливия. — Выбирай!

— Да все нормально. У меня легко появляются синяки. Сама знаешь. Лучше достань наш обед из микроволновки, пока лазанья не взорвалась.

После напоминания, что она готовит — или, по крайней мере, готовит в версии Оливии — подруга бросилась к микроволновке. Наш обед плевался, брызгался, а затем шипел, когда тепло вырывалось наружу. Я схватила Оливию за руку, чтобы остановить ее, когда она полезла в микроволновку.

Она растерянно смотрела на меня, пока я не сунула ей в руку набор кухонных прихваток. Оливия оглянулась на микроволновку и захихикала, и используя прихватки, вытащила оттуда блюдо.

Пока она делила порцию на две тарелки, я вернулась к раковине с мыльной водой и закончила мыть и ополаскивать посуду, а затем поставила ее сушиться на полотенце.

— Ешь, — велела Оливия, когда я вытирала руки. — Я тебя знаю. Весь день носишься как сумасшедшая.

Я закатила глаза.

— Сейчас только час дня. Вряд ли это можно считать целым днем.

Оливия посмотрела на часы и надулась.

— Ты можешь отлучиться до конца дня?

Я покачала головой, используя вилку для разрезания лазаньи.

— Опять скучаешь?

— Скука не самое подходящее слово для описания моей жизни. Что вообще домохозяйки делают весь день?

— Готовят, убирают, воспитывают детей. — Я подняла глаза к потолку и прислушалась, нет ли близнецов. — И где же твои демонические отродья?

Оливия усмехнулась.

— У бабушки.

— У которой бабушки? — поинтересовалась я, приподняв одну бровь.

Я любила мать Оливии Эдит до глубины души, но она не жила в реальном мире вместе со всеми нами. Однажды она подала мальчикам на обед вино и икру, настаивая на том, что это вполне приемлемо во многих европейских странах. В то время им было по два года.

На очистку стен, занавесок, кроватей и толстого ворсового ковра в их спальне ушло несколько часов. словно одержимые, они извергали из себя содержимое своих маленьких

желудков, которое с невероятной скоростью разлеталось по комнате во все стороны. Именно в тот день я окрестила близнецов демоническими отродьями, хотя старалась никогда не использовать это прозвище, если они рядом.

После этого инцидента муж Оливии Брейдон запретил Эдит смотреть за мальчиками без присутствия другого взрослого. Чего не знал Брейдон, и что я поклялась хранить в тайне, так это то, что Оливия тоже присутствовала на этом обеде. Оливия считала праздник великолепным, пока я не заставила ее помогать отмывать икорную блевотину с ковра.

— Мама Брейдона отвела мальчиков в зоопарк, а потом они проведут ночь у нее дома.

— Значит... Сегодня вечер свиданий? — Я посмотрела на обугленные кляксы в блюдах с мясом. — И ты решила отравить своего мужа, пока детей нет дома?

Оливия погрозила мне вилкой.

— Будь повежливее! Ты должна быть моей лучшей подругой.

— И как твоя лучшая подруга, я не буду брать с тебя денег за соскабливание яиц с твоего стола, но мне нужно попасть к Мириам Роллинз к двум часам. Поэтому у меня останется время только на то, чтобы быстро навести порядок в доме. Извини.

Оливия надулась, но потом встала, отодвинув свою пустую тарелку к центру острова.

— Хорошо. Я помогу. Так будет быстрее. — И она принялась складывать одежду со стола в корзину для белья.

Сдерживая смех, я посмотрела на грязную тарелку, которую она оставила, затем взглянула на свою лучшую подругу. Оливия Бриджес-Холт, ранее просто Оливия Бриджес, была моей лучшей подругой с восьмого класса. Все, кто знал, любили ее. Но не просто так ее муж нанял меня для уборки их дома. Оливия была неряхой.

Куда бы она ни пошла, она оставляла за собой след: одежду, обувь, салфетки, фантики от конфет, грязную посуду. И ее пятилетние мальчики-близнецы пошли по ее стопам.

Я запихнула последний кусочек лазаньи в рот, жуя, пока ставила обе наши тарелки в раковину, прежде чем пойти в прачечную и взять еще одну корзину для белья.

Когда вернулась, то забрала наполненную одеждой корзину, а пустую передала Оливии.

— Собери все игрушки, разбросанные по первому этажу, и встретимся в комнате мальчиков.

— Да, мэм, — отсалютовала мне Оливия, прежде чем скрыться в столовой.

Я потащила корзину с чистой одеждой по черной лестнице. Думаю, к тому времени, как снова увижу Оливию, я уже уберу все наверху.

Час спустя, когда я собирала свои вещи, торопясь к Мириам Роллинз, Оливия остановила меня возле своей входной двери.

— Пожалуйста, погадай мне! С последнего раза уже прошла целая вечность.

Я закатила глаза на ее нелепую попытку оттянуть время.

— Ты же знаешь, что я не могу предсказывать будущее. — Я покачала головой. — Я зарабатываю на жизнь уборкой домов. Помнишь?

— Ну же. Пожалуйста! — взмолилась Оливия. — Я знаю, что ты не можешь предсказать мне будущее, но это так весело — делать вид. Кроме того, если я снова позвоню на горячую линию экстрасенсов, Брейдон меня убьет. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

— Хорошо. — Я закрыла глаза и мысленно сосчитала до пяти, прежде чем резко

открыть веки. — Пусть Брейдон купит новый огнетушитель по дороге домой.

Глаза Оливии расширились, она прикрыла рот рукой.

— Зачем? Разве будет пожар?

Я наклонилась и обняла ее, смеясь.

— Понятия не имею, но шансы велики, когда ты готовишь. И я заметила, что огнетушитель под раковиной просрочен два года назад.

Оливия откинулась назад, игриво ткнув меня в руку.

— Это не предсказание экстрасенса! Нечестно.

— Однако это никак не отменяет факта, что тебе нужно сказать Брейдону, чтобы он заехал в хозяйственный магазин. — Я поспешила выйти за дверь, пока она не продолжила донимать меня.

— А как насчет субботы? — крикнула Оливия с крыльца. — Ты по-прежнему участвуешь в мамином собрании по сбору средств?

— «По-прежнему»? — усмехнулась я, открывая дверь своей «Хонды» и забрасывая внутрь сумки. — Сколько раз я должна повторять тебе, что не пойду?

Она широко улыбнулась, обнажив все свои идеально выровненные ярко-белые зубы.

— Пока ответ не изменится на «да».

Я покачал головой, забираясь в машину.

Оливия была полна решимости найти мне мужчину. Мужчину, который, по ее словам, оценит мои домашние навыки приготовления пищи и уборки.

На кой черт мне нужен еще один мужчина, для которого я буду готовить и убирать?

— Почему ты подметаешь газон? — спросил Сет Блейн, засовывая почту в почтовый ящик Мириам. Сейчас, во взрослой жизни, Сет разносит почту, но в десятом классе мы вместе работали в биологической лаборатории. Пока он занимался препарированием, я пряталась в туалете.

— Потому что испачкала траву, когда вытрясла на нее ковер из прихожей. — Я спрятала лицо, чтобы Мириам не увидела моей ухмылки.

— Ты опять идешь не в ту сторону! — закричала Мириам. — Следуй по линии движения газонокосилки!

— Тебе же платят по часам? — уточнил Сет.

— Конечно, — ответила я, подмигивая ему и размахивая метлой взад-вперед, как маятником.

Сет посмеиваясь, зашагал по тротуару к следующему дому, где Джеки Джонс, моя клиентка по средам, стояла возле своего почтового ящика, положив руки на бедра, и укоризненно качала головой в адрес Мириам.

Сет что-то сказал Джеки, передавая ей почту. Ее хмурый взгляд сменился ухмылкой.

Если подумать — а я думала — это хорошая работа. Я не скрючилась в какой-то невозможной позе, оттирая неприятные пятна. Не двигала тяжелую габаритную мебель и не напрягала мышцы. Я стояла на улице, наслаждаясь мягким ветерком под красивым старым малиновым кленом, и при этом махала метлой из стороны в сторону. И мне за это платили.

Я продолжала улыбаться, несмотря на настойчивый визг Мириам, думая, что стоит почаще вытряхивать ее ковры на лужайку — по крайней мере, в солнечные дни.

Мои размышления прервали воющие сирены. Я перестала мести и вышла на тротуар, наблюдая, как две полицейские машины поворачивают на улицу. Поскольку в полицейском управлении Дейбрик-Фоллс числилось всего три машины и внедорожник шефа, видимо, случилось что-то серьезное.

Обе машины въехали на подъездную дорожку напротив дома Джеки, когда Мириам подошла и встала рядом со мной на тротуаре.

— Это дом Далтонов, — сообщила Мириам. — Интересно, из-за чего вся эта суета?

Я не знала Далтонов лично. Вернее, я знала о них, но не общалась с ними. К слову, они оба старше меня, и у них есть по крайней мере один подросток, но я не могла вспомнить, мальчик это или девочка.

Джеки перебежала улицу, едва не столкнувшись с первыми двумя офицерами, когда они выходили из машины. Один из офицеров Айзек Хупер, давний друг. А другой офицер — Роберт Гейбл, он переехал в Дейбрик-Фоллс около пяти лет назад. Оба офицера последовали за Джеки, поднялись на крыльцо и вошли в дом Далтонов.

— Джеки Джонс и Сонни Далтон — подруги, — объяснила Мириам. — Они ежедневно встречаются и шепчутся об остальных.

Я промолчала. Если дамы и собирались, чтобы посплетничать, то уверена, лишь для того, чтобы обсудить странное поведение Мириам. Вышедшая на пенсию генеральный директор международной компании по производству биологически активных добавок, Мириам тратила много энергии на то, чтобы превзойти своих соседей. Забавно, если учесть, что ее ближайшая соседка носит фамилию Джонс.

Когда водительская дверь внедорожника шефа полиции открылась, мое внимание вернулось к подъездной дорожке Далтонов. Я с удивлением наблюдала, как из машины вылез неизвестный мужчина, одетый в гражданские брюки и белую рубашку. Широкоплечий, с густыми темными волосами и в зеркальных солнцезащитных очках, он напомнил мне актера из фильма о мафии, который я недавно смотрела с Оливией.

Он оглядел квартал, пока шеф Адамс обходил внедорожник, чтобы встать рядом с ним на подъездной дорожке. Несмотря на то, что еще по меньшей мере двадцать человек глазели со своего участка тротуара, шеф Адамс заметил меня. Он подтолкнул высокого незнакомца и указал своим толстым пальцем в мою сторону.

И тот повернулся, снял солнцезащитные очки и стал разглядывать зрителей, пока его взгляд не остановился на мне. Однако выражение его лица не выглядело суровым, как у шефа Адамса. Напротив, он как будто с любопытством слушал болтовню шефа Адамса.

Я, пожалуй, догадывалась, какие ужасные вещи сейчас говорят обо мне. За эти годы мы с шефом несколько раз сталкивались лбами. Между исчезновением моей сестры, самоубийством мамы, вспышками насилия у Фрэнсиса и моим неудачным участием в подростковом возрасте в одном из дел шефа Адамса, он твердо решил однажды прогнать меня и Фрэнсиса из города.

Не могу сказать, что он мне тоже нравился. И если повезет, этот безмозглый мужлан скоро уйдет на пенсию.

— Тот мужчина с шефом Адамсом — Кайл Стоун, — прошептала Мириам, хотя рядом никого не было, чтобы услышать. — Он детектив из большого города, которого нанял наш городок. Я читала о нем в газете на прошлой неделе.

— Зачем такому маленькому городку, как Дейбрик-Фоллс, нужен детектив? — удивилась я.

— Ты не слышала? В последнее время произошла череда краж, поэтому городской совет настоял на том, чтобы полиция наняла детектива. Дженни Талберт сказала, что у ее соседа украли мотоцикл. А Сара Невинс заявила, что в дом ее кухни вломились.

Я не стала говорить Мириам, что соседями Дженни Талберт были Гилморы, а это означало, что Джейкоб, вероятно, сотворил с мотоциклом какую-нибудь глупость, а потом сказал отцу, что кто-то его украл. Я бы поставила деньги на то, что его мотоцикл лежит на дне озера, прямо за их причалом. Либо так, либо Джейкоб продал его, чтобы купить наркотики.

Что касается дома кухни Сары Невинс, то это дом Рикки и Рене Невинс. Рикки довольно неплохой парень, но как только он начинал пить, то уже не мог остановиться. Вероятно, он напился, поехал домой, не смог найти ключи, а потом вломился в собственный дом. Рене, как женщина пугливая, вероятно, услышала шум и вызвала полицию. Но к тому времени, когда приехали копы, Рикки наверняка убедил Рене, что он не массовый убийца. А поскольку он не мог позволить себе еще одно вождение в нетрезвом виде, они могли сочинить историю, чтобы объяснить этот звонок.

Но вместо того, чтобы довериться офицерам полиции, понимающим разницу между настоящим преступлением и дурачеством в маленьком городке, городской совет решил нанять умника из большого города, который ничего не знал ни о Дейбрик-Фоллс, ни о его жителях.

Короче, колесо жизни маленького городка продолжало вращаться.

Если бы у новичка хватило мозгов, он бы проигнорировал шефа Адамса и держался

поближе к Айзеку. Айзек служил в полиции этого города, сколько я себя помню. Он понимал жителей по обе стороны экономической пропасти и знал, как вести игру.

— Тебе лучше зайти внутрь, — предупредила меня Мириам. — Не хочу, чтобы люди приняли нас за друзей, ведь ты — помощница и все такое.

— Да, мэм, — ответила я и повернулась к дому.

Поднимаясь по ступенькам крыльца, я почувствовала, что за мной кто-то наблюдает. Но когда оглянулась, никого не увидела. Все снаружи устремили свои взоры на дом Далтонов.

Я отмахнулась от этого ощущения и вошла в дом Мириам. Закрыв дверь, проверила время на своем фитнес-браслете. Почти четыре. Я взяла свои принадлежности для уборки и отправилась вверх по лестнице.

Глава 6

К тому времени, когда я закончила уборку в доме Мириам к ее удовольствию, было уже почти пять. Я надеялась, что волнение при виде полицейских машин отвлечет ее, и мне удастся улизнуть пораньше, но, как оказалось, полицейские уехали через двадцать минут после приезда. Какая бы причина ни побудила их появиться, она, видимо, не так уж и важна.

Погрузив свои припасы в машину, я поехала в продуктовый магазин. Проходя через парковку, снова проверил свой фитбит. Я уже прошла десять тысяч шагов за день, а вечером мне еще предстояла уборка в церкви. Вторники всегда казались долгими днями.

По невнимательности я на кого-то натолкнулась. Пошатнувшись, я вытянула руку, пытаясь поймать равновесие. Кто-то обхватил мое запястье, но прежде чем мой мозг осознал, кто эта женщина, в моем воображении появилась картинка, находящаяся за много миль отсюда.

Иногда видения случались именно так, просто появлялись, а потом тут же исчезали. Не всегда, но временами.

— О, Давина, прости. Я не смотрела, куда иду, — проговорила Натали Чемперс, все еще держа меня за запястье.

— Нам нужно спешить, — я подтолкнула ее к пассажирской стороне моей машины. Прежде чем она поняла, что происходит, я впихнула ее на пассажирское сиденье своей «Хонды», пробежала к водительской стороне и запрыгнула на сиденье. Двигатель едва успел завестись, когда я спешно выехала с парковки.

— О, боже! — Натали посмотрела в боковое окно, потом на меня. — Дорогая, ты меня похищаешь?

— Ты ведь замужем, да? За тем большим парнем? — спросила я.

— Да, я замужем за Кевином. И ты можешь сказать это — он толстый. Не то чтобы меня это волновало. По правде говоря, я бы и сама не отказалась сбросить пару килограммов. — Натали засмеялась, но смех вышел нервным.

Я положила руку на клаксон, удерживая его, пока неслась через перекресток, не останавливаясь.

— О, боже! — воскликнула Натали, оглядываясь назад. — Тебе не следовало этого делать.

Я ускорила, следя за пешеходами, пробираясь зигзагами через лабиринт улиц, направляясь к северной окраине города.

Услышав сирену позади нас, я взглянула в зеркало заднего вида. Сзади двигался внедорожник шефа. Отлично, подумала я. Как раз то, что мне нужно.

Я не знала, кто за рулем — новый детектив или сам шеф, но не собиралась останавливаться, чтобы это выяснить.

— Давина, ты не собираешься остановиться? — спросила Натали, начиная нервничать еще больше.

— Твой дом — желтый, да? Яркий-желтый с зелеными ставнями?

— Да. — Натали повернулась, чтобы посмотреть в заднее окно, затем снова уставилась вперед. — А что?

— Твой муж, он дома?

— Да, Кевин дома. Я взяла детей с собой в магазин за продуктами, но Кевин остался

дома. Конечно, когда я приехала в магазин, дети отказались выходить из машины. Разумеется.

При упоминании о детях я резко нажала на тормоз.

— Твои дети в машине? Сколько им лет?

— Двенадцать и пятнадцать, — ответила Натали, схватившись за приборную панель.

— Достаточно взрослые, — успокоилась я, нажимая на газ.

Только когда я снова помчалась по улице, заметила нового детектива, бегущего обратно к полицейскому внедорожнику. Должно быть, он неправильно истолковал мою остановку. Упс.

Я слишком стремительно вошла в следующий поворот, проскочив через среднюю полосу, пока Натали кричала на сиденье рядом со мной. Затем пронеслась по тупиковой улице к их дому. Я попыталась затормозить перед поворотом на их подъездную дорожку, но тормоза «Хонды» ослабли. В итоге пришлось припарковаться на лужайке перед домом, вырывая куски дерна.

Ничего, потом разберемся, подумала я.

Распахнув дверь, я пробежала через открытый гараж, затем через боковую дверь в дом. Преодолев кухню, я опустилась на колени рядом с Кевином, который лежал на полу, уже потеряв сознание. Я попыталась поднять его, но это оказалось непросто.

Натали вбежала и замерла над нами, она слишком запаниковала, чтобы помочь. К тому времени, когда детектив вошел в кухню, я уже почти подняла Кевина в сидячее положение, но все еще не могла обхватить его руками, чтобы выполнить прием Геймлиха.

— Он задыхается! — закричала я детективу. — Помогите мне!

Детектив убрал пистолет в кобуру и подбежал к Кевину, подтянул его к себе и обхватил руками. Надавил раз, потом два, с третьей попытки ему удалось вытолкнуть кусок моркови, который перекрыл Кевину дыхательные пути.

Кевин втянул воздух в легкие, и детектив опустил его на пол. Айзек забежал внутрь, пока детектив вызывал по рации скорую помощь.

— Я уже вызвал скорую, — сообщил Айзек, обходя детектива. — Подумал, что она нам понадобится, после того как вы объявили, что машина Давины несется по городу. — Айзек наклонился и померил пульс Кевина, разговаривая с ним тихим голосом.

Я поднялась с пола кухни, но согнулась, положив руки на колени, чтобы перевести дух. Без предупреждения мою правую руку дернули в сторону, а затем за спину, после чего кто-то толкнул меня сзади в плечо и с силой впечатал лицом в верхние шкафы.

Я почувствовала знакомый щелчок наручников на одном запястье, затем на другом, когда мои руки оказались скованными за спиной. Наручники затягивали до тех пор, пока они не сдавили мою кожу.

Я ничего не сказала. Опыт подсказывал что смысла в этом нет.

Натали и Кевин сидели на полу и смотрели на меня и детектива. Айзек покачал головой, встав и прислонившись к стене кухни.

— Молодой человек, кто вы такой и что, черт возьми, вы делаете? — спросила Натали. — Почему вы надеваете на Давину наручники?

— Я детектив Стоун. И я арестовываю эту женщину, потому что она нарушила закон. Точнее несколько законов, — заявил детектив Стоун.

— Ей пришлось нарушить закон, чтобы спасти Кевина, — возразила Натали.

— У нее было видение? — спросил Кевин у своей жены.

Натали кивнула.

— Должно быть. Она запихнула меня в свою машину и поехала сюда как маньяк.

Два парамедика вбежали в дом. Одним из них был Ноа, сын миссис Полсон. Пока его напарник Девон накладывал на Кевина манжету для измерения давления, Ноа расспрашивал Натали о случившемся.

Когда Ноа закончил задавать вопросы о почти смертельном опыте Кевина, он спросил Натали:

— А почему Давина в наручниках?

— Потому что правоохранительные органы в этом городе — настоящее посмешище, — проворчал Кевин, ухватившись за край стола, чтобы подтянуться и сесть на стул. — Без обид, Айзек.

— Полагаю, я могу оставить это без внимания, — ответил Айзек. — Учитывая обстоятельства.

Кевин наклонил голову в знак уважения к Айзеку, прежде чем обратиться к Стоуну.

— Послушай, приятель, — ткнул он в него пальцем. — Ты слишком недавно в нашем городе, чтобы знать, как здесь все устроено. Но позволь заметить, будет некрасиво, если ты арестуешь Давину за это.

— Простите?! — раздраженно воскликнул Стоун.

— Сейчас, сейчас, — отозвался Айзек, все еще непринужденно прислонившись к стене. — Всем нужно успокоиться. — Айзек взглянул на Кевина. — Давай просто подведем итоги. Кевин, как ты себя чувствуешь? Ты в порядке?

Кевин снова наклонил голову.

— Я буду жить, благодаря Давине.

— Хорошо, хорошо. — Айзек взглянул на меня. — А как ты, дорогая? Ты ранена?

— Я в порядке, Айзек, — ответила ему.

— Рад это слышать. — Айзек взглянул на Стоуна. — Детектив Стоун, познакомьтесь с Давиной Рейвен. Давина, тот громила, что заковал тебя в наручники, — детектив Стоун.

— Приятно познакомиться, — с явным сарказмом в голосе отозвалась я.

Ноа фыркнул, доставая стетоскоп, чтобы послушать грудь Кевина.

— Ты снова создаешь проблемы? — спросил меня Ноа.

— Очевидно, — ответила я, после чего длинно вздохнула. — С другой стороны, если меня арестуют, мне не придется идти в магазин за продуктами.

Ноа рассмеялся.

— Мама звонила. Сказала, что у нас на ужин будет твоя лазанья. Я подумал, что мне стоит купить десерт. Есть предложения? — Ноа обладал прирожденным талантом миротворца, и мог разрядить практически любую ситуацию.

— Если ты хочешь набрать очки, то яблочный пирог вполне подойдет. И еще прихвати буханку чесночного хлеба, пока будешь в пекарне.

Ноа уложил свои принадлежности обратно в медицинскую сумку.

— Мне нужно будет его испечь или что-то еще?

— Он уже испечен, но я бы разогрела и пирог, и хлеб в духовке.

— Согласна, — кивнула Натали. — Они будут вкуснее разогретыми. Просто включи духовку примерно на 150 градусов и оставь их на пять-десять минут. Когда почувствуешь запах, значит, готово.

— Звучит достаточно просто, — кивнул Ноа. — Я доверяю вам, дамы, вы не направите

меня по ложному пути. — Он переключил свое внимание на Кевина. — Что касается тебя, большой парень, я думаю, с тобой все в порядке. Но, может быть, на всякий случай отвезем тебя к врачу?

— Черт, нет, — проворчал Кевин, пренебрежительно махнув рукой. — Насколько я понимаю, это доктор виноват в том, что я подавился. Он сказал, что если я сяду на диету, то проживу дольше. Ха! — Кевин посмотрел на свою жену. — А вот мороженым я бы не подавился.

Все, кроме Стоуна, засмеялись, включая меня, несмотря на то, что Стоун обыскивал меня на предмет оружия. Когда оказалось, что оружия нет, он схватил меня за плечо, разворачивая к себе.

Я поморщилась. Синяки, которые Фрэнсис поставил мне на прошлой неделе, все еще побаливали. Ноа и Стоун подняли брови, но я отвернулась, прислонившись спиной к шкафам.

Ноа хорошо знал о вспышках агрессии Фрэнсиса. Выросший в соседском доме, он видел несколько таких случаев воочию. Став взрослым, Ноа делал все возможное, чтобы защитить меня.

Айзек тоже знал о ситуации с Фрэнсисом.

— Детектив, — обратился Айзек, — могу я поговорить с вами наедине?

— Конечно, — ответил Стоун. — Только сначала мне нужно посадить мисс Рейвен в машину.

— Что ж, — произнес Айзек, оглянувшись на Кевина и Натали. — Именно об этом я и хотел с вами поговорить.

— Он пытается предупредить тебя, тупица, — фыркнул Девон, другой парамедик. Характер Девона резко отличался от характера Ноа. Девон любил взъерошить кому-нибудь перья своей прямоотой. Он был на несколько лет моложе меня, но я помнила, что в школе с ним часто случались драки.

Кевин встал, ударившись о Девона, когда повернулся, чтобы предложить свои запястья Стоуну.

— Если вам, парни, нужно кого-то арестовать, забирайте меня. Я тот тупица, который подавился морковкой.

Стоун нахмурился, глядя на Кевина.

— Но ты не тот тупица, который нарушил закон, несясь на огромной скорости через весь город.

— Мне кажется, это тебе не хватает ума, — пробурчал Девон, собирая свое медицинское оборудование. — Ты арестовываешь женщину, за то, что она спасла жизнь мужчине. Здешним людям это не понравится.

Натали взяла в руки телефон.

— Я сохранила список телефонов родительского комитета. Мы будем штурмовать полицейский участок.

Стоун скрестил руки на груди, уставившись на Натали.

— Вы угрожаете офицеру полиции?

Глаза Натали расширились, и она сделала полшага назад.

— Нет, я просто...

Айзек встал между Стоуном и Натали.

— Это не то, о чем говорит Нэт. — Айзек переложил руки на бедра, заправив большие

пальцы в пояс брюк. — В этих краях люди держатся вместе, защищая кого-то или направляя на него свои вилы. Люди выбирают сторону.

Стоун с минуту рассматривал всех по очереди, а затем снова посмотрел на Натали.

— Что насчет вашего двора? Если я не арестую ее, ваша страховка не покроет ущерб.

Натали указала на своего мужа.

— Поскольку Кевин еще дышит, я просто добавлю это в его список дел.

Стоун сузил глаза на меня, потом на Натали, потом снова на меня.

— Хорошо, дамы, расскажите мне, что произошло. Я полагаю, что Кевин, — Стоун махнул рукой в сторону Кевина, — позвонил одной из вас. Неужели никто не подумал о том, чтобы вызвать скорую помощь, вместо того чтобы подвергать опасности общественность, мчась через весь город?

— Ну, — пролепетала Натали, стискивая руки. — Понимаете, это сложно. — Она пыталась прикрыть меня, пыталась меня защитить.

Кевин ухмыльнулся своей жене, прежде чем обратиться к Стоуну.

— Я никому не звонил. Когда начал задыхаться, то попытался сам вытащить морковку, но в итоге потерял сознание.

— Тогда кто позвонил мисс Рейвен? — спросил Стоун.

Все занервничали, кроме Ноа. Он выдвинул стул, и уселся на него с большой глупой ухмылкой на лице, наблюдая за шоу.

Я бросила недовольный взгляд на Ноа, прежде чем ответить Стоуну.

— Мне никто не звонил. Но если мы скажем правду, то вы нам не поверите.

Стоун выглядел готовым задушить кого-нибудь.

— Все равно расскажите.

— Понимаете, я врезалась в Давину, — начала Натали, все еще заламывая руки. — Но прежде чем поняла, что это она, успела схватить ее за запястье, чтобы предотвратить падение.

— Это моя вина, — заверила я Натали. — Я не обратила внимания. Этот дурацкий фитнес, который Брейдон и Оливия подарили мне на день рождения, вызывает привыкание.

— Я думал купить маме такой же, — заявил Ноа. — Думаешь, ей понравится?

— Люди, соберитесь, — раздраженно проговорил Стоун. — Где произошло это столкновение?

— У продуктового магазина, — пояснила Натали. — О, боже, — она приложила руку ко рту, глядя на Кевина. — Дети все еще в машине!

Айзек рассмеялся, доставая свой телефон из переднего кармана.

— Они, наверное, даже еще не заметили. Подростки и их гаджеты. — Айзек нажал несколько кнопок на своем телефоне, покачав головой. — Я сейчас позвоню Элис, чтобы она их забрала. — Элис была женой Айзека, учительницей в средней школе.

Стоун со вздохом потер глаза рукой.

— Кто-нибудь может просто сказать мне, что, черт возьми, произошло?

— Они вроде как уже рассказали, — улыбнулся Ноа. — Давина может чувствовать всякое, особенно когда кто-то прикасается к ее коже. Иногда это старые события, например, травма или счастливый момент. В других случаях, это то, что происходит в реальном времени.

Стоун уставился на Ноа, ожидая продолжения. Когда Ноа только усмехнулся в ответ, Стоун перевел взгляд на меня. Я пожалала плечами, не утруждая себя дальнейшими

объяснениями.

Стоун указал на меня пальцем.

— Пытаетесь сказать мне, что она чертова гадалка?

— Давина не умеет предсказывать судьбу, — поправил Айзек, засовывая телефон обратно в карман рубашки. — Это так не работает. Она не видит будущее, только прошлое и настоящее.

Наручники сидели слишком туго, перекрывая кровообращение в пальцах. Нужно было поторопиться.

— Послушайте, хотите, верьте, хотите нет, но когда Натали дотронулась до меня, я почувствовала, что Кевин задыхается. Вот так просто.

— Я не верю в экстрасенсов, — фыркнул Стоун.

— Она говорит правду, — вспыхнула Натали.

Стоун проигнорировал ее слова.

— Почему бы тогда не вызвать скорую помощь?

— Я никогда не была здесь раньше, — призналась я. — Не знала, где они живут. И у меня не было времени объяснять, что я разглядела в видении, поэтому поскорее запихнула Натали в машину и постаралась добраться сюда как можно быстрее.

— Но вы ехали прямо сюда. — Стоун указал на пол, как будто я не знала, где находилась эта комната.

— Да, — ответила я, глядя на него исподлобья. — Такое тоже иногда случается. К сожалению, это странность, которую я сама не совсем понимаю.

Стоун поднял бровь, однако на его лице появилось угрюмое выражение.

— Детектив, — покачав головой, заговорил Айзек, — мы не ожидаем, что вы все это поймете. Вряд ли. Большинство из нас понимают только кусочки того, что делает Давина. А некоторые относятся к Давине очень скверно, потому что вообще ничего не понимают.

— Как твой босс, — заметил Ноа, взяв морковную палочку с тарелки на столе. — Шеф Адамс. — Закатив глаза, Ноа с наслаждением откусил морковку и громко захрустел.

Айзек бросил предупреждающий взгляд на Ноа, а затем снова посмотрел на Стоуна.

— Вам нужно знать, что вы наживете себе много врагов, если заберете Давину в этой ситуации. Просто знайте это, сэр, прежде чем совершать необдуманные поступки.

Стоун посмотрел на потолок, затем покачал головой и повернул меня к себе боком.

— Невероятно, — пробормотал он, расстегивая наручники. Схватив меня за локоть, он рывком развернул меня к себе лицом. С тяжелым взглядом Стоун сказал:

— Лучше чтобы я больше никогда не видел, как вы носитесь по городу на машине. Понятно?

В моей голове пронеслось миллион умных замечаний, но моя пассивная натура заставила меня только кивнуть в знак согласия.

Стоун выскочил из дома, хлопнув за собой дверь.

— Идиот, — проворчал Ноа, хрустя очередным кусочком моркови.

Распроставшись с Натали и Кевином, я заехала в магазин за продуктами, а затем отправилась домой, чтобы покормить Фрэнсиса. Первоначально я собиралась приготовить курицу, но времени до начала следующей работы оставалось совсем мало.

По вторникам я убирала в церкви — разумеется, со скидкой. Прислонясь к кухонной раковине и поедая свою порцию, я задумалась о том, чтобы сегодня вечером не выставлять счет церкви за полную уборку, а просто быстренько навести там порядок. Я устала до чертиков, и возможность лечь спать пораньше, казалась чудесной. Потом я вспомнила, что нужно заплатить за электричество, и решила, что смогу съесть остатки ужина, пока буду ехать обратно в город.

Я как раз упаковывала остатки еды, когда кто-то постучал во входную дверь.

Черт, подумала я, подходя к арке, чтобы заглянуть в гостиную. Фрэнсис подался вперед в своем кресле, готовый встретить нежданного визитера.

Надеясь не допустить драки, я проскочила через кухню и выскочила через боковую дверь, бегом обогнула дом и добралась до крыльца. Детектив Стоун стоял перед дверью с поднятой рукой, готовясь снова постучать.

— Отойдите от двери, — предупредила я, привлекая его внимание.

Он вздрогнул и сделал шаг назад. Приподняв бровь, посмотрел на дверь, но затем расправил плечи и спустился по ступенькам ко мне. Подойдя, он достал наручники.

— Опять? — удивилась я. — Думала, мы все уладили.

Прежде чем что-то объяснить, Стоун развернул меня, зафиксировал запястья в наручниках, и зачитал мне мои права Миранды.

— Давина! — воскликнула миссис Полсон из окна своей гостиной. — Все в порядке?

— Я в порядке! — прокричала ей в ответ. — Не могли бы вы позвонить Брейдону вместо меня?

— Почему этот человек арестовывает тебя?

— Без понятия.

В окошке рядом с матерью показался Ноа.

— Опять?

Я засмеялась.

— Я так и сказала!

— Что теперь? — поинтересовался Ноа.

Я оглянулась через плечо на Стоуна.

— Почему вы меня арестовываете?

— Кража. Доктор Гилмор заявил на вас, — ответил Стоун достаточно громко, чтобы миссис Полсон и Ноа услышали.

— Давина не воровка, молодой человек! — возмущенно прокричала миссис Полсон.

— Все в порядке, — успокоила я ее. — Брейдон все уладит.

— Я сейчас ему позвоню, дорогая, — пообещала миссис Полсон, прежде чем исчезнуть.

— Что-нибудь еще нужно? — участливо спросил Ноа.

— Мне нужна моя сумка, но Фрэнсис настроен на драку, потому что кто-то... — Я закатила глаза в сторону Стоуна, — постучался во входную дверь. Наверное, единственный человек, способный успокоить Фрэнсиса настолько, чтобы забрать мою сумку, — это Ланс.

Можешь позвонить ему, а потом отвезти мою сумку Брейдону в участок?

— Мы можем сами ее забрать, — заявил Стоун, направляя меня к крыльцу. — После всей этой суматохи, я совсем не тороплюсь везти вас туда.

— Нет!!! — закричали мы с Ноа.

Я поставила ногу на нижнюю ступеньку крыльца, откинувшись назад так, что мои плечи уперлись в грудь Стоуна. Если детектив начнет настаивать на своем, пока я в наручниках, то неизвестно, какие повреждения может причинить Фрэнсис.

— Пожалуйста, просто послушайте! — умоляюще обратилась я к Стоуну. — Мы не можем войти внутрь. У моего отца... эээ... проблемы.

Детектив Стоун замер, одной рукой все еще сжимая мой локоть.

— Да. Все, так как она сказала, — поддержал меня Ноа. — Просто забирайте ее и уходите. Ланс заберет ее сумку.

— Что значит, у вашего отца проблемы? — решил уточнить Стоун. — Мне нужно позвонить в социальную службу?

— Он в порядке. Давайте просто поедем, — пробурчала я, поворачиваясь боком и высвобождая руку. И направилась к его полицейскому внедорожнику, с облегчением вздохнув, когда Стоун последовал за мной.

Я не собиралась посвящать Мистера Городского Умника в подробности своей жизни. У меня и так хватало проблем.

Стоун открыл заднюю дверь внедорожника, и я поставила ногу на подножку. Немного замешкалась, прикидывая высоту. Не используя руки, я сомневалась, что смогу забраться в машину самостоятельно. Стоун решил эту проблему, приподняв меня за бедра, и закинув внутрь.

Я застонала, резко приземлившись на сиденье, поскольку синяк на моем правом бедре болезненно отозвался.

— Что случилось? Вы ранены? — забеспокоился Стоун, и положил руку на мое бедро, чуть выше колена.

— Не трогайте меня, — резко выдернув ногу из-под его руки, попросила я. — Со мной все в порядке. Давайте уже поедем.

Детектив захлопнул дверь, похоже, разозлившись на мою реакцию. Мне было все равно.

Я игнорировала Стоуна, наблюдая через боковое окно, как он везет нас в город. Когда мы подъехали к участку, я продолжала его игнорировать, пока он вытаскивал меня из внедорожника и проводил через парадные двери.

— Проклятье, — пробормотал Айзек из центра комнаты, проведя рукой по голове.

Пэтти Томсон, администратор и, безусловно, самая большая сплетница города, уронила челюсть почти на свою широкую грудь, когда Стоун вел меня мимо ее стола.

Айзек, офицер Гейбл и офицер Напьер смотрели так же ошеломленно, как и Пэтти, пока Стоун конвоировал меня через главный офис. Айзек покачал головой, с досадой отвернувшись.

Детектив завел меня в конференц-зал, который, как я знала по опыту, использовался еще и как комната для допросов. Уже не в первый раз меня приводили в наручниках. Далеко не в первый раз. Шеф Адамс всегда с большим удовольствием тащил меня в участок при любой возможности. Конечно, никаких дел не возбуждалось. Брейдон, муж Оливии, позаботился об этом. Брейдон всегда следил за тем, чтобы шеф Адамс относился ко мне с уважением и вовремя меня отпускал. Именно поэтому шеф Адамс недолюбливал Брейдона

почти так же сильно, как и меня.

Войдя в конференц-зал, я улыбнулась, увидев, что Брейдон уже нас ждет.

Брейдон подмигнул мне, прежде чем обратиться к Стоуну.

— Я бы хотел поговорить с моей клиенткой. Наедине.

— Я еще ее не оформлял, — отозвался Стоун.

Брейдон посмотрел на меня.

— Почему тебя арестовали на этот раз?

— Джейкоб Гилмор. — Это все, что я сказала. Это все, что мне требовалось сказать.

Брейдон знал расклад. И хотя я не рассказывала обо всех своих столкновениях с этой семьей, Брейдон слышал достаточно историй, чтобы понимать ситуацию.

— Детектив, прежде чем вы регистрируете мою клиентку, я бы предложил дать мне с ней поговорить. Уверен, мы сможем все прояснить.

— Мне нужно... — начал Стоун.

— Я записала его! — прервав Стоуна, воскликнула я. Поморщившись от собственной вспышки, напомнила себе, что Стоун просто выполняет свою работу. — Простите. Я не хотела кричать. Но вам нужны доказательства, чтобы прояснить ситуацию, где «он сказал, она сказала». У меня есть такие доказательства. Просто снимите наручники, пожалуйста. Мне больно.

Стоун осмотрел меня, еще раз убедился, что я без оружия, и снял наручники.

Потирая запястья, я подошла к стеклянному окну, выходящему в главный офис. Окно не было зеркальным, как показывают по телевизору. Просто обычное стекло, установленное в середине стены.

Оглядев комнату, я увидела, как вошел доктор Гилмор, а за ним Джейкоб. Они оба непринужденно сели в кресла для посетителей за столом Айзека. Джейкоб почувствовал, что за ним кто-то наблюдает, и поднял голову. Когда его глаза встретились с моими, он медленно улыбнулся. Подняв руку, он мне помахал.

— Расскажите, что случилось, — понизив голос, попросил Стоун, вставая рядом со мной.

Я взглянула на него. Но он не смотрел на меня. Он смотрел на Джейкоба.

— Вы мне верите? — удивилась я.

— Я бы не зашел так далеко, но этот пацан, — Стоун кивнул на Джейкоба, — маленький засранец.

— Вы и половины не знаете, — проворчал Брейдон.

Я отвернулась от окна и уселась на стул.

— Где шеф Адамс? Он обычно рядом, когда меня допрашивают.

Стоун поднял бровь, садясь на соседний стул.

— Шеф Адамс отбыл около часа назад. Он отправился на север на двухнедельную рыбалку. Я так понимаю, вы двое не ладите?

— Ха, — хмыкнул Брейдон, откинувшись на стуле. — Этот старый пердун забыл, что такое настоящая полицейская работа несколько десятилетий назад.

— Я просто рада, что его здесь нет, — призналась я. — Будет намного легче, если шеф Адамс не будет тыкать своим толстым пальцем в лицо, вопя на меня.

— Согласен, — подтвердил Брейдон. — Тогда давайте перейдем к делу. Ты записала Джейкоба?

Я кивнула.

— Мой телефон в сумке. Я не смотрела видео, но знаю, что записала большую часть. Даже если там только звук, этого должно хватить, чтобы все прояснить. Нам просто нужно подождать, пока Ноа принесет мою сумку в участок.

— Просто замечательно, — прокомментировал Брейдон, и на его лице появилась озорная ухмылка. Он переключился с роли адвоката на статус друга. — Тогда у нас есть время, чтобы обсудить мой счет. — Брейдон взмахнул бровями, наслаждаясь нашей игрой. — И помни, сейчас уже пять часов. Я должен быть дома с супругой.

— Поскольку я располагаю доказательствами, чтобы оправдать себя, твое присутствие даже не требуется. В лучшем случае, всю эту ситуацию можно оценить не дороже, чем в один балл.

— О чем вы двое говорите? — спросил Стоун.

— Давина — лучшая подруга моей жены, — пояснил Брейдон, ничего толком не объяснив.

— Вы выставляете счет лучшей подруге своей жены за юридические услуги? — удивился Стоун.

— Нет, — ответила я. — Брейдон берет с меня баллы. А в обмен на баллы я делюсь подробностями о его жене — идеями подарков или раскрываю секреты о ее последних проделках.

— Три балла, — заявил мне Брейдон. — Сейчас уже пять часов.

— Два. И это последнее предложение.

— Отлично. Только постарайся как следует. — Брейдон довольно потер ладони.

— На первый балл скажу следующее, если не хочешь есть мясной рулет, который выглядит так, будто его испекли в адской печи перед тем, как на нем потоптался Йети, то советую тебе взять пиццу по дороге домой.

Брейдон отпрянул от стола, как будто он горел.

— Оливия готовила?

— Я бы не назвала то, что она сделала с этим мясом, готовкой, но да. Она планировала скормить его мне, но я отказалась. Тогда она решила сохранить его на ужин для тебя.

Брейдона слегка замутило. Я не могла его винить.

— Как хорошо, что тебя арестовали прежде чем я отправился домой.

— Еще бы.

Брейдон набрал воздух в рот, а затем тяжело его выпустил.

— Ладно, что еще у тебя есть?

— Хм. — Я задумалась. По правде говоря, у меня накопилось много хорошего компромата на Оливию. В конце концов, она моя лучшая подруга. Но Оливия не только знала о нашей игре, но и прекрасно понимала, что я никогда не нарушу кодекс лучшей подруги, чтобы разболтать что-то слишком конфиденциальное. Многое из того, что я знаю, входило в этот список.

Прежде чем я решила, как ответить на второй пункт, Айзек постучал, войдя в комнату.

— Ноа занес сумку Давины. Он сказал, что она ей нужна.

Стоун взял сумку, мгновение смотрел на нее, затем вздохнул, когда поставил ее передо мной. Судя по выражению его лица, он точно нарушил какое-то правило полицейских, отдав мне мою сумку.

Я залезла внутрь, достала свой телефон и передала его Брейдону.

Брейдон подключил мой телефон к своему ноутбуку.

— Я полагаю, у меня есть разрешение на копирование видеофайла? — уточнил Брейдон.

— Ты и твои подтверждения, — ответила я, смеясь. — Да, Брейдон, копируй и загружай, как хочешь. Как считаешь нужным.

Брейдон усмехнулся, пока работал, затем кивнул мне, закончив работу.

— Ваши доказательства, — обратилась я к Стоуну, махнув рукой на ноутбук Брейдона.

Стоун и Айзек встали позади Брейдона.

Когда я услышала голос Джейкоба на видео, то закрыла глаза и расслабилась на стуле, откинув голову назад. Не обращая внимания на всех троих мужчин и видео, я пыталась придумать, каким секретом поделиться с Брейдоном, чтобы погасить еще один балл. Технически, я могла сохранить балл, задолжав ему будущий секрет, но тогда Брейдон мог бы использовать это против меня, если бы захотел узнать что-то конкретное.

Я уже свела свой выбор к историям о том, как Оливия на прошлой неделе устроила скандал в пекарне или как она умудрилась помять передний бампер своего кабриолета, когда в моей голове промелькнул образ Оливии. Меня не потянуло в видение, но я увидела достаточно, чтобы вскочить из-за стола, испугав всех.

— Брейдон, остановись! Твоя жена сейчас устроит скандал.

— Сейчас? — переспросил Брейдон, нажимая на паузу, пока вставал.

— Она в десяти секундах от двери и, о боже, она в ярости, — ответила я, подходя к окну, выходящему в главный зал.

— О чем мы сейчас говорим? — спросил Стоун, пересекая комнату, чтобы встать рядом со мной.

Айзек рассмеялся, вставая за мной.

— Это должно быть интересно.

Брейдон уже вышел за дверь, когда Оливия, лучшая подруга, о которой только может мечтать девушка, ворвалась в здание, выкрикивая угрозы физической расправы. За ней следовали ее мать, отец и еще добрый десяток местных жителей.

— Освободите Давину, сейчас же! — прокричала Оливия.

— Освободите Давину! — ухмыляясь поддержал ее отец, и драматично вскинул в воздух кулак. Отца Оливии, Майкла Бриджеса, всегда забавляли выходки дочери.

— Следовало захватить с собой закуски, — заметила Эдит, матери Оливии, своему мужу.

— Этот город — сумасшедший, — пробормотал Стоун рядом со мной.

— Эй, эм, — раздался позади меня голос Айзека. — Оливия голая под этим плащом?

— Не совсем голая, но и не особо одетая для публики. Сегодня мальчики у мамы Брейдона. Оливия рассчитывала побыть наедине с мужем.

— Я требую, чтобы вы освободили Давину! — снова выкрикнула Оливия, на этот раз ткнув пальцем в грудь офицера Гейбла.

— Олли, — ласково обратился к ней Брейдон, когда оттащивал от офицера Гейбла. — Я с этим разберусь. Иди домой, пока на тебя тоже не надели наручники.

— Она в наручниках? — Оливия сузила глаза, указывая пальцем на офицера Гейбла и офицера Напьера. — Я не уйду, пока Давину не отпустят!

— Да! — со смехом подтвердил Майкл. И расположился на ближайшем стуле, скрестив руки. — У нас тут сидячая забастовка!

Оливия посмотрела на отца, кивнула, затем шлепнулась на пол.

Брейдон, видя, что его жена вынуждена сидеть в одном плаще, доходящем лишь до

бедер, поступил так, как подобает хорошему мужу, — опустился на колени и руками прижал центр плаща, чтобы не было видно ее нижнего белья.

Мы с Айзеком засмеялись. Стоун застонал, прикрыв глаза рукой.

Я сняла свою толстовку и протянула ее Айзеку.

— Вот. Она может использовать ее как покрывало. Иди и избавь Брейдона от дальнейшего смущения.

Айзек все еще смеялся, когда выносил толстовку из зала.

— Ладно. Я сдаюсь, — произнес Стоун. — Что поможет избавиться от этих сумасшедших?

— В этом городе живут три типа людей. Имущие, неимущие и такие жители, как Оливия и ее родители — люди, которые могут позволить себе вести себя как имущие, но им больше нравятся люди из списка неимущих. Если вы разозлите их, они испортят вам жизнь. У них не только есть время и деньги, но они еще и обладают выдающимися личностными качествами.

Я кивнула в сторону Эдит, которая отвлеклась на беспорядок на пробковой доске и требовала от Пэтти расправить листовки.

— Если бы я была на вашем месте, то пошла бы туда и принялась извиняться, чтобы их задобрить. Они ведь нужны вам на вашей стороне, особенно Оливия. Эта малышка — самая сумасшедшая из всех.

Стоун вздохнул.

— Я боялся, что именно это вы и скажете. — Он ухмыльнулся, глядя на меня. Его ухмылка сменилась хмуростью, когда он заметил синяки на моих руках, которые теперь стали видны без толстовки. — Это сделал Джейкоб? — Он протянул ладонь к моей руке.

Я отпрыгнула в сторону, чтобы он не смог дотронуться до меня.

— Нет. — Скрестила руки, положив ладони на некоторые синяки. — Иногда мой отец становится агрессивным. Как я уже говорила, у него есть некоторые проблемы.

— Я должен сообщить об этом. Если он опасен, вам нельзя оставаться с ним наедине.

— Можете сообщать о чем угодно, но бумажка ничего не изменит. Я его законный опекун, это мое решение. — Я кивнула в сторону главного офиса. — Вам лучше пойти помочь Брейдону успокоить Оливию, иначе мы оба застрянем здесь на весь вечер.

Стоун поджал губы в раздражении, когда выходил из зала и пересекал главную комнату. Остановившись над Оливией, он заговорил с ней низким голосом. Я не смогла разобрать, что он сказал, но через несколько минут Оливия повернула голову в мою сторону. Увидев меня, она радостно улыбнулась и помахала рукой, как будто только что не устроила нелепый митинг посреди полицейского участка.

Брейдон сполз с колен Оливии, не выпуская из рук мою толстовку. Кивнув Айзеку, который стоял позади нее, Брейдон придержала толстовку на месте, пока Айзек поднимал Оливию с пола за подмышки.

Оливия даже не поблагодарила, проходя мимо мужчин в сторону конференц-зала. Дойдя до двери, она с грохотом распахнула ее, врезав ручку в стену.

— Ты готова идти домой? — спросила Оливия, словно забирала своих детей из детского сада.

Я посмотрела на Брейдона, который зашел вслед за Оливией в комнату.

— Ты сможешь справиться с остальным? — спросила я его.

— Ты все еще должна мне балл, — усмехнулся Брейдон, глядя вниз на плащ своей жены.

— Красный кружевной, — ответила я на его незаданный вопрос о том, что же на Оливии под плащом.

Брейдон вскинул кулак, прошептав про себя «Да». Он сдвинул Оливию в сторону, чтобы добраться до своего ноутбука на другом конце стола.

— Я закончу здесь и буду дома через десять минут, — сообщил Брейдон Оливии. — Подбрось Давину, но не задерживайся.

Я взяла свой телефон и сумочку и вышла вслед за Оливией из конференц-зала.

Когда мы пересекали главный офис, Стоун зачитывал Джейкобу его права Миранды. Доктор Гилмор смотрела на меня с другого конца комнаты.

Пригнув голову, я поспешила вслед за Оливией из полицейского участка.

Глава 8

Можно подумать, что уборка в церкви, особенно ночью, — дело спокойное. И в большинстве случаев, если меня спросят, отвечу, что так оно и есть. Но сегодня мне было совсем не спокойно. Я вздрагивала от каждого звука, мой уставший мозг реагировал на все слишком остро.

После ухода проповедника Эванса я закрыла дверь на засов и прошла по церкви, убеждаясь, что одна. И все же никак не могла избавиться от ощущения, что за мной кто-то наблюдает.

Я посмотрела вверх на витражи, такие красочные днем, но зловещие в ночной темноте. Бросила взгляд через плечо на скульптуру Иисуса на кресте.

— Ты ведь защитишь меня, правда? — И нервно рассмеялась.

Иисус не ответил, и это хорошо. Если бы услышала ответ — любой ответ — я бы с криком выбежала из здания.

Снова оглянулась на двери вестибюля в задней части святилища, ища источник своего беспокойства. Покачав головой, положила свои принадлежности в первом проходе.

Я уже убрала комнату отдыха, столовую и кухню в общественной комнате, все три подсобных помещения и детскую игровую комнату. Оставалось убрать только большое святилище с двумя секциями скамей и тремя длинными проходами, разделяющими помещение.

Обычно я дезинфицирую каждую скамью, спереди и сзади, а затем прохожусь пылесосом. Но я слишком нервничала, чтобы оставаться в церкви на лишний час.

— Пропылесось полы и заканчивай, Давина, — велела я себе. — Тридцать минут, не больше. Потом ты сможешь..., — мои глаза снова переместились на статую Иисуса, — убрать отсюда.

Я размотала шнур от пылесоса.

Двадцать минут спустя я начала пылесосить последний проход, когда услышала шум. Как будто кто-то закрыл дверь или уронил коробку — стук или грохот.

Я нажала на кнопку питания, выключив пылесос. Постояла в тишине, прислушиваясь, но ничего не услышала.

Вновь прошла в вестибюль, потом через комнату отдыха, даже заглянула в туалеты, но так никого и ничего не увидела, и не услышала.

Вернувшись в святилище, я нажала на кнопку, чтобы запустить пылесос. Он взревел, затем резко заглох и выключился, одновременно с этим погас свет.

Стоя в темноте, я огляделась вокруг, но ничего не увидела. В здании стояла жуткая тишина. Даже звучавшая из скрытых динамиков церкви духовная музыка прекратилась.

Я находилась в дальней части святилища, вдали от всех выходов. Дрожь медленно пробежала по моему позвоночнику. Я никогда не боялась темноты, но из-за расшатанных нервов и неспособности придумать логическую причину отключения электричества поняла, что близка к панике.

Чтобы не спалить пылесос при включении электричества, я проследила руками за шнуром до середины прохода и выдернула вилку из розетки. И замерла, обдумывая причины отключения света. Я не могла перегрузить автоматику. Не с простым бытовым пылесосом. А когда выносила мусор, небо было ясным, так что гроза не виновата. Конечно, машина могла

врезаться в близлежащий столб, в результате чего в районе отключилось электричество, но я в это не верила.

От страха волоски на моей шее встали дыбом. Руки дрожали, когда я растирала ладонями мурашки на коже.

Никаких логических причин для страха у меня нет, но я хорошо знала, что лучше не игнорировать это ощущение. Такое же чувство я испытывала перед трагическими видениями. Потеря. Страх. Разбитое сердце. Все они сопровождалось тяжелым грузом. То же самое я чувствовала и сейчас. Как будто на меня накинута темное тяжелое одеяло.

Только меня не затягивало в видение. Что бы это ни было, оно реально. Это происходило со мной в реальном мире. В моем мире.

Я сунула руку в задний карман, но телефона там не оказалось. Наверное, оставила его вместе с сумкой на кухне в комнате отдыха.

Помогая себе обеими руками, я потянулась пальцами в черноту, пока не коснулась стены. Поскольку я проделала путь по проходу, чтобы отключить пылесос, то знала, что нахожусь на полпути к крайним дверям. Если двинусь к задней части зала, то выйду в фойе. Если идти к передней площадке, то там окажется дверь для сотрудников, ведущая на кухню. Из кухни прихватив сумку, я могла выбраться на заднюю парковку. Это самый быстрый способ выйти на улицу, но мне не нравилась мысль о необходимости пересекать темную парковку, чтобы добраться до своей машины.

Однако оставался третий вариант. На дальней стороне помоста находился запасной выход, ведущий на улицу со стороны церкви. При открытии двери срабатывала сигнализация. Я не знала, связана ли сигнализация с полицией, но прекрасно помнила, что она очень громкая. Настолько громкая, что привлечет внимание жителей этого квартала. И даже поздно вечером велика вероятность, что кто-то проедет мимо церкви.

Я всматривалась в дальнюю дверь, недоумевая, почему не светится надпись «Выход». Может, сел резервный аккумулятор? Кто-то его испортил? Или лампочка перегорела?

Даже при выключенном свете выход на улицу казался более безопасным, чем выход из кухни на заднюю парковку.

Я перешла на другую сторону прохода, используя руки, чтобы найти скамьи, затем начала двигаться к передней части святилища. Когда добралась до первого ряда скамей, то услышала шум возле главных дверей святилища, ведущих в вестибюль. Я замерла, ухватившись за деревянную скамью, и усилием воли заставила себя не шуметь.

Что-то билось в деревянные двери святилища, ударяя одну из них о порог. Я знала этот звук, потому что сто раз производила его, когда открывала дверь плечом, заноса в помещение свои принадлежности.

Раздался еще один звук, на этот раз гораздо тише, похожий на небольшой стук, после чего что-то потащило по главной дорожке. Я присела на корточки, затем на четвереньки и поползла к скамье, прячась под сиденьем и продолжая прислушиваться.

Кто бы там ни был, это не человек из церкви. Никто из церкви не стал бы разгуливать в темноте. Кроме того, этот кто-то знал, что я здесь. Во-первых, он мог слышать, как я пылесосила. А во-вторых, несмотря на то, что я старалась вести себя тихо, знала, что тяжело дышу. Я не могла это контролировать.

Я пересмотрела вариант выхода через кухню. Это ближе. Но что потом? Кто бы ни был со мной в помещении, он мог преследовать меня на задней парковке. Даже если бы я закричала, никто бы меня не услышал. Вряд ли кто-то успеет мне помочь.

Раздался еще один звук — что-то тяжелое ударилось о деревянные скамьи, а затем раздался двойной стук. Что бы ни делал злоумышленник, я поняла, что он уже в центре святылища.

И хотя я ничего не видела, все же закрыла глаза и представила себе расстояние до запасного выхода. Я выбралась из-под скамейки и встала на ноги. Опираясь одной рукой на переднюю часть скамьи, я поспешила в другой конец зала. Я старалась определить расстояние, но удивилась, когда моя рука достигла конца первой скамьи и улетела в пустоту. Я продолжила двигаться, ища следующую скамью

Я бежала вслепую. Дрожала, пытаюсь задержать дыхание и не думать, что в этой черноте могу споткнуться: о скамью, о подмости, о свои собственные ноги. И если вдруг упаду, я не была уверена, что успею подняться до того, как он меня поймает. Нет, я не могу оступиться, сказала себе твердо.

Послышался новый звук. От него у меня по позвоночнику пробежал холодок. Едва ли громче шепота, мужчина рассмеялся дьявольским смехом. Как будто мы играли в игру, и он хотел, чтобы я об этом знала.

«Быстрее», — думала я, пока бежала.

Я услышала тяжелые шаги, двигавшиеся за мной по главному проходу. Сердце все сильнее билось в груди. Я вытянула обе руки в левую сторону, пытаюсь найти скамью в то время, как шаги приближались. Бросив поиски скамьи, я побежала прямо вперед, выставив руки перед собой. Секунды спустя мои пальцы встретились с гладкой поверхностью дальней стены.

Я поняла, что уже нашла путь к двери. Повернувшись еще на сорок пять градусов, я рванула к выходу, врезалась в ручку толкателя и распахнула дверь.

Прохладный воздух обжег мое потное лицо, когда я свернула налево на вымощенную камнем дорожку. Ландшафтные фонари не горели, но уличные огни впереди освещали путь. Я побежала так быстро, как только могла, на середину дороги, а когда оказалась под фонарями, остановилась, чтобы набрать полные легкие воздуха для крика, надеясь привлечь внимание жителей близлежащих домов. Но когда попыталась, из моего горла не вырвалось ни звука. Как будто в состоянии паники мое тело забыло, как кричать.

Визг тормозов автомобиля позади заставил меня обернуться. Навстречу мне на большой скорости мчался ослепительный свет фар. Я выбросила руки вперед, как будто обладала сверхспособностями, чтобы остановить машину. «Вот и все», — подумала я.

Только когда бампер машины врезался в мою икру, я осознала, что успела повернуть свое тело боком. Удар оказался достаточно сильным, чтобы повалить меня на землю, но не настолько серьезным, чтобы отправить кувыркаться по дороге.

Лежа на боку на прохладном асфальте, я мысленно оценила ущерб. Нога пульсировала. Я согнула колено, похлопала себя по ноге от бедра до лодыжки, чтобы определить, не сломаны ли кости. Все в порядке, кроме болезненности в задней части икры.

Я перекатилась на спину, мысленно поблагодарив звезды, Бога и тех, кто еще там, наверху, присматривал за мной.

— Какого черта, леди? — прокричал мужской голос.

Я наблюдала за приближением пары белых кроссовок, но из-за яркого света фар не могла видеть выше лодыжек мужчины.

— Хочешь умереть? Я мог тебя убить, — негодовал мужчина.

Что-то в его голосе показалось мне знакомым. Я подняла руку, чтобы прикрыть глаза от

света фар, когда Мистер Белые Кроссовки присел на корточки рядом со мной. «О, черт», — подумала я, осознав, кто находится рядом со мной: Остин Вандерсон.

Остин был единственным сыном одной из самых богатых семей в Дейбрик-Фоллс. Я запала на него еще в шестом классе, когда он купил мне рожок мороженого взамен того, который Шелли Брайт выбила у меня из рук. Остин был кумиром моего детства, моим воображаемым парнем в подростковом возрасте и мужем из моей несбыточной мечты.

— Давина? — неуверенно произнес Остин, взяв меня за руку и опуская ее, чтобы разглядеть мое лицо. — Черт возьми, это ты. Ты в порядке? Тебе нужна скорая помощь?

Он продолжал держать мою руку, а другой поглаживал прядь волос у моего лица.

— Поговори со мной. Ты ранена? — спросил Остин.

Мой язык оставался скованным, поэтому я отрицательно покачала головой. Наклонилась вперед, принимая сидячее положение. Остин передвинул руку от края моего лица к центру спины, поддерживая меня.

Он был близко. Слишком близко. Я почувствовала запах его лосьона после бритья и чуть не застонала. Он пах восхитительно. Я начала улыбаться, но потом скривилась, вспомнив свой собственный вид. В грязной одежде, с нечесаными волосами и каплями пота от страха, я, должно быть, выгляжу как потерпевшая кораблекрушение.

Я повернула свою руку в его, ладонь к ладони.

— Поможешь мне встать? — спросила я, отворачивая лицо.

Остин помог мне подняться. Когда я оказалась в вертикальном положении, лучи фар больше не слепили меня, но пришлось несколько раз моргнуть, пока глаза не привыкли.

Отпустив его руку, я принялась приводить себя в порядок, сбивая грязь и камни с одежды, осматривая тело на предмет повреждений. Кроме раны на верхней части икры, я не обнаружила никаких других ранений или будущих синяков.

— Я отвезу тебя в больницу, — заявил Остин. — У тебя была сумочка? — Остин осмотрел землю. — Я ее не вижу.

Я указала в сторону церкви, заметив, что моя рука дрожит. Мужчина. Перебои с электричеством. Угрожающий смех. Кто-то гнался за мной.

— Она внутри? — уточнил Остин, поворачиваясь к зданию. — Ладно, давай лучше прислоним тебя к моей машине, а я пойду за ней.

— Нет! — воскликнула я слишком громко. — Ты не можешь. Там кто-то есть. Именно поэтому я оказалась здесь.

— Кто там? — спросил Остин. — Тебя кто-то напугал? Кто-то причинил тебе боль?

— Кто-то отключил электричество. Мужчина. Он что-то делал в темноте. Когда я побежала, он погнался за мной.

Остин посмотрел на меня с неуверенностью, как будто я пьяна.

Мне очень хотелось, чтобы так и было.

Не замечая, что я сдвинулась с места, он легонько толкнул меня назад, и моя попа ударилась о водительскую дверь его «БМВ».

— Оставайся здесь, — велел Остин, открывая заднюю дверь машины. Он держал в руках фонарик, когда закрывал дверь. — Я пойду осмотрюсь внутри.

— Нет, не оставляй меня, — взмолилась я, вцепившись в его руку и прижавшись к боку. — Давай просто уедем. Ты можешь отвезти меня домой.

— А как же твоя сумочка? А твоя машина? Тем более, мы не можем оставить церковь незапертой. — Остин попытался отцепить мои руки от своей руки, но я держалась крепко.

— Давина, ты можешь запереться в моей машине. Я вернусь через несколько минут.

Я покачала головой.

— Я не останусь здесь одна. — Я продолжала упрямо трясти головой. — Ни за что. В кино убийцы с топорами именно так и разделяются с женщинами вроде меня. Мужчина уходит один, а потом, бабах, голова женщины разлетается пополам.

Уголок рта Остина приподнялся в ухмылке.

— Ах, да, печально известный убийца с топором из Дейбрик-Фоллс. — Когда он попытался сдержать улыбку, появилась ямочка. — Тогда нам определенно стоит держаться вместе.

Случайная мысль заставила меня повернуть голову в направлении аварийного выхода.

— Сигнал тревоги.

Остин проследил за моим взглядом.

— Какой сигнал?

— Аварийный выход. Там же должна была сработать сигнализация. Она и сейчас должна звучать.

— Откуда ты знаешь, что дверь оборудована сигнализацией?

— Потому что однажды я случайно ее включила. У меня закружилась голова, и мне срочно понадобилось подышать свежим воздухом. Эта чертова штука оказалась настолько громкой, что ее слышали во всем городе. — Я не стала говорить Остину, что головокружение у меня началось после того, как случайно столкнулась с Чаком Рейстеном и увидела, как он бьет свою жену по лицу.

Мне не требовалось рассказывать Остину о своих видениях. Он вырос в этом городе, учился на три класса старше меня в школе. Он слышал сплетни. И что порой я знаю то, что мне не следует знать, например, о том, как в выпускном классе он чуть не утонул в школьном бассейне. Тогда он ударился головой и упал без сознания в воду.

Остин находился там один, но когда я с криками бросилась с урока математики по коридорам в сторону бассейна, за мной последовала толпа детей и взрослых. Слава богу, с ним все обошлось после того, как мистер Доусон сделал искусственное дыхание. И хотя я радовалась, что Остин выжил, сплетни в последующие несколько лет оказались просто невыносимыми.

— Ладно, значит, сигнализация связана с электричеством, — попытался объяснить Остин, все еще глядя на церковь. — В этом есть смысл, верно? Нет электричества — нет сигнала тревоги?

— Возможно, — ответила я, изучая темное здание. — Но аварийный знак над дверью тоже не работал. Разве он не на батарейках?

Остин поглаживал пальцами мою спину. Странно, но я не заметила, что он все еще прикасается ко мне, учитывая, что обычно супер внимательна. Но мне вроде как приходится быть такой, поскольку именно прикосновения вызывают более сильные видения.

— Ты права, — согласился Остин. — Я не могу придумать хорошую причину почему знак выхода не горит. Кейси Дэвидсон занимается обслуживанием здания. Он следит за такими вещами. Замена батареек и все такое.

— Отлично. Тогда все серьезно. Мы садимся в твою машину и уезжаем отсюда.

Остин снова усмехнулся и покачал головой.

— Мы не можем просто уехать. Либо мы зайдем внутрь и осмотримся, — он поднял фонарик, — либо вызовем копов.

Потратить еще один час на детектива Стоуна? Я застонала, прислонившись лбом к плечу Остина.

— Сегодня я провела слишком много времени с полицией. Разве нет третьего варианта?

Остин пожал плечами.

— Можем позвонить проповеднику Эвансу, но тогда мы останемся в безопасности здесь, пока девяностолетний божий человек будет обыскивать церковь — в одиночку. — Остин покачал головой. — Извини, красавица, но мне это не подходит.

Я надулась, отпустив рукав рубашки Остина и повернувшись лицом к церкви.

— Ладно, договоримся так. Мы подходим к зданию — вместе — и если у меня появятся мурашки на коже, сразу уходим. Если нет, мы зайдем внутрь. — Я посмотрела на Остина. — Согласен?

— Я доверяю твоему радару, так что договорились. — Остин предложил мне свою руку. — Ты готова?

Я вложила свою ладонь в его, переплетая наши пальцы. Моя хватка получилась крепче, чем нужно, но с другой стороны, я ужасно боялась возвращаться в церковь. Я кивнула, что готова, хотя это не так, и мы отправились на другую сторону улицы.

Пройдя через лужайку перед церковью, мы перепрыгнули через клумбу на бетонную дорожку. Перед нами возвышались стеклянные двери, темные с обеих сторон. По крайней мере, снаружи дорогу подсвечивали фонари и луна. Внутри, над дверями, висела табличка «Выход», освещавшая вестибюль мизерным количеством света.

— Ну, это хорошо, да? — спросил Остин, направив фонарик на внутренний знак выхода.

— Может быть. Но если знак в вестибюле горит, то почему не работает тот, что в святилище?

Остин вздохнул.

— Не помню, чтобы ты раньше была такой пессимисткой.

— Ты долго пропадал.

Остин покачал головой.

— Я вернулся в город два года назад. Вы с Оливией напились на вечеринке по случаю моего возвращения домой, помнишь?

— Хм, — только и ответила я. О той ночи, я мало что помнила. Я струсилась, когда пришло время войти в банкетный зал, но Оливия оказалась готова, достав бутылку с жидкой храбростью. После нескольких часов выпивки на парковке появился Брейдон и вытащил нас с заднего сиденья кабриолета Оливии, а затем отвез к ним домой. Я совсем не помню, видела ли той ночью Остина. Зато помню, как на следующее утро мальчишки Оливии набросились на меня, спящую на диване.

Все еще глядя на двери, я протянула свободную руку к ручке.

Коснувшись ее пальцами, я инстинктивно вздрогнула. Ожидала, что в мой мозг хлынут ужасные или жестокие образы. Вместо этого промелькнула целая россыпь смутных, в основном счастливых, но иногда и грустных образов. Ничего зловещего или ужасающего.

Держась тремя пальцами за ручку, подождала, считая до пяти, прежде чем открыть дверь. И снова замерла, пытаюсь почувствовать что-нибудь внутри.

— Думаю, пока мы в безопасности, но я точно знаю, что раньше эта дверь была закрыта.

Остин вытянул вторую руку над нашими головами, чтобы придержать дверь.

— Насколько точна эта штука, которую ты делаешь?

— Совсем не точна, поскольку я понятия не имею, как она работает.

— Я думал, это генетическая черта. Что-то, чем занимается ваша семья.

— И? — я не совсем поняла к чему он ведет.

— Разве никто в твоей семье не объяснил, как это работает?

Я покачала головой, следя глазами за лучом фонарика, которым Остин водил туда-сюда по холлу.

— Моя мама умерла, когда мне было двенадцать. Я впервые начала видеть только в четырнадцать лет. Миссис Полсон единственная, кто объяснил, что мои способности передались по наследству. Но она тоже не знала, как они работают.

— А как же Бернадетт? — Остин запоздало скривился, вспомнив городские сплетни. Большинство людей знали, что нельзя упоминать Бернадетт, мою бабушку по материнской линии, при мне.

— Я не видела Бернадетт с похорон мамы. — Я указала в сторону самого дальнего

коридора. — Комната отдыха там. Моя сумка на кухне, но гораздо важнее что панель выключателя находится в кухонной кладовке.

— Веди нас, — отпустив мою руку, сказал Остин. — Я прослежу, чтобы никто не подкрался сзади.

Я не любила ходить первой, но должна признать, что с Остином за спиной чувствовала себя в некоторой безопасности. Заглянула за угол в коридор, когда Остин осветил фонарем впереди нас. Там никого не оказалось.

Я снова остановилась на входе в комнату отдыха. Столы и стулья по-прежнему стояли аккуратными рядами. За столами находились распашные двери кухни. Мы двинулись к ним, Остин направлял фонарик в разные стороны, пока мы пересекали комнату.

Положив руку на мое предплечье, он остановил меня у входа. Теперь он вышел вперед, взяв на себя инициативу. Плечом он толкнул дверь и осветил фонариком внутрь кухни.

— Пусто, — отметил Остин, кивнув. — Где выключатель?

Я прошла через комнату, взяла свою сумочку со стойки и указала на закрытую дверь кладовки. Остин подошел и открыл дверь, осветив фонариком внутрь в то время, как я осматривала выход из кухни. Замок оставался по-прежнему запертым.

Не имея собственного фонарика, я несколько минут оставалась в темноте, пока не услышала, как он щелкает выключателями. В кухне зажегся свет. В то же время звук аварийной сигнализации оглушительно разнесся по всему зданию.

Остин вышел, закрыв уши руками.

— Ты не шутила! Эта штука очень громкая!

Я перекинула через голову ремешок сумочки, засунула ее под мышку, схватила с прилавка свою матерчатую сумку и побежала к святилищу. С включенным светом я больше не боялась.

Миновав главные двери святилища, я бросилась к следующей двери, которая, как знала, вела прямо по проходу к запасному выходу. Я чувствовала, что Остин следует прямо за мной, поэтому продолжала бежать, пока не достигла двери и не закрыла ее. Сигнал тревоги прекратился, но в ушах все еще звенело.

Я хихикнула, зажав уши руками.

— Мои уши будут гудеть, пока... — Я почувствовала, что мои колени ослабли, готовые вот-вот подкоситься, когда заметила, что кто-то сидит, наклонившись вперед, в центре святилища.

Остин повернулся, чтобы посмотреть на то, что привлекло мое внимание, а затем испуганно отпрыгнул назад.

— Что за черт?

Я схватила его за руку, снова переплетая наши пальцы. Увлекая Остина за собой, я прошла через переднюю часть святилища и повернула к центральному проходу.

— Это...

— Проповедник Эванс, — закончил за меня Остин, забегая вперед и наклоняясь над священнослужителем Эвансом. Двумя пальцами он потянулся к шее старика, нащупывая пульс.

Я последовала за Остином и остановилась рядом. Он посмотрел на меня и покачал головой.

Подойдя ближе, я увидела, в каком неестественном положении тело проповедника скорчилось на скамье. Недолго проработав уборщицей в морге, я насмотрелась на изрядную

долю трупов. Но, как ни странно, при виде тела Божьего человека, распростертого на церковной скамье, мне стало любопытно, как он умер.

Я сделала еще один шаг, позволяя себе увидеть остальную его часть, о чем тут же пожалела.

— Неужели его рука...

— Да, — ответил Остин, доставая свой телефон. — Его рука в штанах.

— Подожди! — схватила я Остина за запястье. — Мы не можем позволить людям увидеть его таким. Он был человеком Божьим. Они сфотографируют его в таком виде. Все узнают.

Остин оглядел помещение, потом посмотрел на проповедника, потом снова на меня.

— И?

Я пожала плечами, махнув рукой в сторону проповедника.

— Просто вытащи его руку.

Остин усмехнулся.

— Прости?

— Осталось совсем чуть-чуть. — Показала я, сведя большой и указательный пальцы. — Ты уже проверил пульс, так что прикосновение к нему не принесет вреда. Просто вытащи его руку из штанов.

Остин вздохнул, покачал головой, затем, балансируя на одной ноге, кончиком кроссовка ударил по внутренней стороне локтя проповедника Эвана.

Это сработало. Рука проповедника выскользнула из штанов, затем соскользнула со скамьи, свесившись набок. С кончиков его пальцев стекала жидкость.

— Фу. Вот дерьмо, — пробурчала я, перемещаясь, чтобы встать на скамью через один ряд от тела проповедника. Я направилась к тому месту, где оставила свои принадлежности для уборки.

— Что? — воскликнул Остин. — Что случилось?

— Моча, — ответила я, отрывая лист бумажного полотенца. — Мертвые люди мочатся.

Остин начал смеяться.

— Какое облегчение. Я думал, может, с его руки капнуло что-то другое.

— Ты думаешь, это смешно? — Я усмехнулась Остину, когда шла обратно, используя на этот раз тот же проход, где находилось тело проповедника. — Если мы не уберем мочу, копы узнают, что ты возился с телом.

Остин поднял руки вверх.

— Я не буду убирать мочу мертвеца. Они могут увезти меня в наручниках. У меня хорошие адвокаты.

Я рассмеялась, но наклонилась, чтобы вытереть руку проповедника. Затем, встав на четвереньки, промокнула ковер, чтобы и его тоже высушить. Уже поднимаясь наверх, я заметила, что у нас возникла еще одна проблема.

— Его э-э-э, штуковина, э-э-э...

Остин метался взад-вперед по проходу, но потом подошел ближе.

— Что за штуковина.., — начал спрашивать он, но остановился, увидев проблему. — О. Эта штуковина. — Остин ухмыльнулся, а затем отвернулся. — Это всего лишь кончик.

— Ты, должно быть, сместил его вверх, когда освобождал руку. Кажется, ты должен заправить его эммм...

— Пенис?

— Да. — Я посмотрела на Остина, сморщив нос. — Мне это будет сниться в кошмарах. Я имею в виду, какой длины эта штука, если она может вот так выскочить? Этому человеку около девяноста лет. Разве они не уменьшаются с возрастом? Так же, как старики теряют в росте? — Я содрогнулась, подумав о самом религиозном представителе города и его обнаженном пенисе.

— Я не знаю, но спасибо за образное изложение, — усмехнулся Остин, глядя в потолок. — И эй, он, наверное, не такой уж и длинный. Старик Эванс сгорбился, так что его штаны, вероятно, просто сбились в кучу.

— Хорошо, тогда тебе нужно просто подтянуть его штаны вверх, верно? Тогда он будет как следует прикрыт.

— Я больше не буду его трогать.

— Ты позволишь Божьему человеку выставить себя напоказ? — устыдила его я.

У Остина на лице появилась ямочка, когда он покачал головой. И не сдвинулся с места.

— Я звоню в полицию. Если ты собираешься играть со штанами проповедника, делай это быстро. Я услышу сирены. Наверняка, кто-то уже сообщил о сработавшей сигнализации.

Я бросила Остину пропитанное мочой бумажное полотенце. Отпрыгнув назад, он нажал кнопку на своем телефоне, поднеся его к уху. Затем, нагнувшись, подхватил бумажное полотенце двумя пальцами и понес его к мусорным бакам возле двери.

Я оглянулась на проповедника Эванса. «Ладно, пора заканчивать с этим», — сказала я себе, хватаясь за обе стороны его ремня над бедрами. Мне пришлось наклониться вперед, ближе, чем хотелось бы, чтобы занять правильное положение и потянуть вверх. Первый рывок не дал никакого эффекта. Я дернула еще раз, на этот раз сильнее.

Его брюки сдвинулись вверх, но когда я отпустила его ремень, чтобы отойти, тело начало скользить по скамье коленями вперед.

Я пискнула от удивления, пытаясь остановить тело от падения на пол, упершись руками в его колени. Он продолжал скользить, и я быстро оказалась зажатой между телом и скамьей позади меня.

Места для маневра не осталось, поэтому я сильнее прижалась к телу проповедника, пытаясь высвободиться, сдвигаясь вбок. Как только я надавила на его колени, толкая по скамье обратно, его верхняя часть подалась вперед, натолкнувшись на меня. Я уперлась в колени, чтобы удержать их на месте, и толкнула его плечи, чтобы откинуть тело назад. В этот момент глаза проповедника Эванса открылись.

Я закричала.

Проповедник Эванс закричал.

И когда мы оба издавали высокочастотные вопли, проповедник протянул ко мне руку.

Иррационально или нет, но мой мозг твердил, что проповедник Эванс вернулся из мертвых, чтобы навредить мне. Я отпрянула назад, перемахнув через скамью позади себя. Он резко встал и вытянул обе руки в мою сторону.

Все еще крича, я отскочила назад еще дальше, опрокинувшись на другую скамью. Мое плечо врезалось в деревянную поверхность скамьи, затем моя голова, после чего я кувыркнулась и приземлилась с сильным стуком на пол.

Все еще в состоянии паники, я ползком протиснулась под следующей скамьей, затем еще под одной, стараясь оказаться подальше от того зла, что находилось позади меня. Когда я добралась до входа в святилище и выкатилась из-под скамьи, надо мной убирая пистолет в кобуру, возвышался детектив Стоун.

Я наконец перестала вопить, сомкнув губы.

— Давина? Ты в порядке? — обеспокоенно прокричал Остин.

— Думаю, да! — Я похлопала себя по телу, чтобы убедиться. — Что это, черт возьми, было?

— Проповедник Эванс не умер, — ответил Остин.

— Но ты сказал, что он мертв!

— Похоже, я ошибся, — со смехом признался Остин. — Упс.

— Но... Но... Ты померил его пульс! Ты сказал мне, что он мертв!

Детектив Стоун молча ухватил меня под мышки и поднял на ноги.

— Наверное, это из-за воротничка, — прокричал Остин. — Та картонная белая часть. Должно быть, он заглушил его пульс.

Когда Стоун провел меня по центральному проходу, я увидела, что Айзек прижимает Остину к полу, держа обе его руки за спиной. Парамедики уже прибыли на место происшествия и выводили из святилища растерянного проповедника Эванса.

Я остановилась и ткнула пальцем в Остину.

— Ты сказал, что он мертв. Я видела его... Я прикрыла его... Я не могу в это поверить! — Я скривилась при воспоминаниях об увиденном. — Теперь это навсегда останется в моей голове!

Остин, все еще прижатый к полу, не мог перестать смеяться.

— Прости?

Детектив Стоун махнул рукой Айзеку, чтобы тот отпустил Остину.

— Хочу ли я вообще знать, что здесь произошло сегодня вечером?

Я уставилась в пол, не желая отвечать, но зная, что он меня заставит.

Остин перекатился на спину, затем сел прямо.

— Кто-то проник в церковь и отключил электричество. Полагаю, кто-то также испортил лампочку на выходе. — Он указал на запасной выход в углу церкви. — Кто бы это ни был, он напугал Давину. Она выбежала на улицу. Я едва успел нажать на тормоза.

— Остин, ты снова превысил скорость? — проворчал Айзек, помогая ему подняться с пола.

Остин ухмыльнулся, используя предложенную Айзеком руку, чтобы подтянуться.

— После того, как Давина достаточно успокоилась, чтобы объяснить, что произошло, мы вернулись в здание, чтобы осмотреться. И тогда...

— Подождите..., — перебил Остину детектив Стоун. — Вы подозревали, что в здании находится злоумышленник, который по какой-то причине хотел напугать мисс Рейвен, но вместо того, чтобы вызвать полицию, решили сами проверить здание?

Остин ответил Стоуну широко улыбаясь:

— Примерно так, да.

Детектив Стоун взглянул на меня.

Я выразительно развела руки в знак того, что мне нечего добавить.

— Я и так провела слишком много времени с полицией сегодня. В тот момент это показалось лучшим вариантом.

Стоун покачал головой, схватил меня за руку и потянул за собой по проходу.

— Нравится вам это или нет, но теперь вы проведете гораздо больше времени в полицейском участке, пока оба будете давать официальные показания. Офицер Хупер, захватите и этого парня.

— Вы хотите, чтобы я арестовал Остина Вандерсона? — переспросил Айзек.

— Нет. Просто сопроводите его в полицейский участок для допроса.

— Я поведу, — услышала я голос Остина. — Так будет быстрее.

Двадцать минут спустя меня подвели к стулу, чтобы я села рядом с Остином. Мы оба закончили давать показания.

Я бросила на него хмурый взгляд.

— Ты сказал, что проповедник Эванс мертв, — понизив голос, начала я. — Образ его пиписьки прочно засел в моем сознании.

Остин придвинулся ко мне со своей фирменной ухмылкой и ямочкой на щеке.

— Во-первых, у любого мужчины старше пяти лет — пенис, а не пиписька. Во-вторых, могло быть и хуже. У него мог болтаться весь пакет, но, к счастью, для тебя, это оказался только кончик.

Как бы я ни старалась не улыбаться, не смогла удержаться. Остин обладал уникальным взглядом на вещи. Но все же я не собиралась спускать его с крючка за ошибочный диагноз.

— Я верну тебе должок. Не знаю, как, но придумаю.

— Давай я угощу тебя ужином? — предложил Остин, протягивая руку через спинку моего стула. — Считай это извинительным ужином. Как насчет субботнего вечера? Это даст нам шанс наверстать упущенное без страшных бугименов, полицейских или гениталий проповедника.

Я опешила от его предложения. Остин приглашал меня на свидание? Или мы просто пообщаемся во время еды? Я попыталась ответить, но мысленно металась между «да», «нет» и «может быть». В результате мой рот открывался и закрывался, как у рыбы, а слова не выходили.

Прежде чем я смогла сформулировать ответ, к нам подошел детектив Стоун.

— Хорошая новость в том, что проповедник Эванс все это время был жив. Плохая — кто-то вырубил его, когда он пересекал заднюю парковку. Затем кто-то, скорее всего тот же самый, затащил проповедника обратно в церковь.

— Вырубил его? — с удивлением переспросила я. — Кто мог захотеть причинить вред проповеднику Эвансу? Он не только проповедник, но и старик.

Детектив Стоун помрачнел.

— Не уверен, но кто бы это ни был, он ударил сильно. Мистер Эванс все еще в больнице, ждет, когда ему наложат швы. Его оставят на ночь для наблюдения.

— Он видел, кто это сделал? — спросил Остин.

— Нет. Это значит, что мы не можем исключить ни одного из вас. Если мы не найдем в церкви чьих-то еще отпечатков, вы двое — мои главные подозреваемые.

С меня довольно. Я встала, посмотрела на детектива Стоуна, беззвучно потрясла кулаками в воздухе, как сумасшедшая, не в силах выпустить на волю вереницу бранных слов, крутившихся у меня в голове, и потопала к входной двери.

— Куда это вы собрались? — воскликнул детектив Стоун.

— Домой! Если вы меня не арестовываете, я уйду. — Я толкнула дверь и вышла. Пылая яростью, я направилась по тротуару к дому.

Остин подбежал ко мне.

— Красиво ушла. Но позволь мне отвезти тебя домой.

Я остановилась, чтобы ответить ему, но не успела ничего сказать, как к обочине подъехал голубой кабриолет. Я быстро перешагнула через низкую, почти вровень с землей пассажирскую дверь и села. Оливия на большой скорости отъехала от обочины, и я махнула рукой через плечо, прощаясь.

— Остин Вандерсон, да? Мило, — промурлыкала Оливия, переводя взгляд то на меня, то на улицу перед нами. — Ну и как?

— Остин сказал мне, что проповедник мертв! Я видела его пи-пи!

Оливия хлопнула по тормозам, остановив машину посреди улицы. Я вцепилась в приборную панель, радуясь, что позади нас нет машин.

— Ты видела пенис Остина Вандерсона!? Вот дерьмо! — заорала Оливия настолько громко, чтобы ее могли слышать за несколько кварталов.

— Нет! Тише! — В доме справа от меня зажегся свет. Я понизила голос, махнув рукой в сторону улицы перед нами, давая понять, что Оливии следует ехать. — Я видела пенис проповедника Эванса.

— О, — протянула Оливия, опустив плечи. Затем ее тело напряглось, и она откинула голову назад, чтобы посмотреть на меня, когда поняла, что я сказала. Что я реально сказала. — Фу! Мерзость! Ему же сто лет!

— Вот именно! Так что теперь, когда этот образ впечатался и в твой мозг, мы можем уже ехать?

В жизни Оливии не существовало никакой размеренности. Либо она замирала на месте, чтобы впитать момент, либо проносила мимо всех вокруг на огромной скорости. То же самое касалось и ее вождения. Оливия надавила на газ, и мы рванули вперед, так что моя голова ударилась о подголовник.

На следующий день Ноа совершил ошибку, навестив свою мать рано утром, после чего был вынужден подвезти меня до церкви, чтобы я могла забрать свою машину. Поскольку утро среды обычно заполнено уборкой, я радовалась возможности начать свой день вовремя.

Сначала я отправилась в питейные заведения — «Лодж Элкс», «Муз Лодж», затем в гриль-бар «Дейбрик». Наконец, последним утренним заданием стал маникюрный салон Дины, работу в котором я закончила в рекордно короткие сроки. На вторую половину дня у меня планировалась только одна уборка — дом Джеки Джонс, но после многочисленных вчерашних провалов я хотела вернуться, навести полную чистоту в доме Оливии, а затем закончить пылесосить церковь.

Несмотря на опережение графика, я решила съесть свой ланч, добираясь через весь город до дома Джеки. К сожалению, моя машина в очередной раз решила, что кондиционер — это ненужная роскошь. Сколько бы раз я ни стучала по приборной панели, вентиляционные отверстия только выплевывали еще больше горячего воздуха.

При всех четырех опущенных окнах тридцатиградусная жара, клубящаяся внутри машины, никак не помогала мне охладиться.

Стараясь не обращать внимания на свои страдания, я включила радио достаточно громко, чтобы не слышать шум ветра. Свернув с шоссе на жилую улицу, я бросила свой сухой бутерброд с арахисовым маслом обратно в контейнер. Для еды сейчас слишком жарко. Вместо этого я подпевала радио, делая следующий поворот и пробираясь через квартал. Я представляла, как будет хорошо, когда смогу носить короткие рукава и шорты, нужно лишь дождаться заживления синяков.

К сожалению, события прошедшей ночи отсрочили мой переход на летнюю одежду. Половина моей икры уже приобрела фиолетовый оттенок в том месте, где в меня врезался «БМВ» Остина. На плече красовался еще один темнеющий синяк, полученный в результате моих акробатических упражнений со скамьей. А третий синяк образовал линию у основания шеи после инцидента с Джейкобом Гилмором.

Как будто этого мало, чтобы начать день в плохом настроении, Брейдон сообщил мне утром, что доктор Гилмор в очередной раз вытащил своего малолетнего преступника-сына из неприятностей. Все обвинения с Джейкоба полностью сняты.

Я снова стукнула по приборной панели, надеясь, что грубая сила устранит проблему с кондиционером. Не помогло. Вздохнув, я пожалела, что у меня нет такой хорошей машины, как у моих друзей.

Большинство людей ошибочно считают мои странные способности гаданием. Но если бы они потратили две минуты на размышления, то до них бы дошло. Вряд ли бы я ездила на двадцатилетней «Хонда Цивик» Фрэнсиса, если бы предсказывала будущее. Поверьте, если бы я умела это делать, то стояла бы первой в очереди за лотерейным билетом.

Понимая, что мысленно жалею, я постаралась сосредоточиться на хорошем. Оливия. Брейдон. Мои «дьявольские отродья» крестники. То, как Остин улыбался мне накануне вечером — даже назвал меня красавицей. Я в обмороке.

— Видишь? — сказала я вслух, поворачивая на улицу Джеки. — У меня не все так плохо. А могло бы быть намного хуже.

Разглядев сцену в полуквартале впереди, я покачала головой.

— Давина, ну ты же должна быть умнее! — отругала я себя.

На правой стороне улицы Джеки стояла рядом со своим почтовым ящиком. На обычно безупречном агенте по продаже недвижимости была та же одежда, что и накануне. И не только одежда оказалась помятой, но и она сама выглядела бледной, без макияжа и с темными кругами под глазами. Она отчаянно замахала мне руками с тротуара, когда я подъехала к обочине.

Мириам Роллинс, стоя рядом с Джеки, что-то бубнила ей на ухо, хотя Джеки, казалось, не замечала ее присутствия. На другой стороне улицы у дома Далтонов на подъездной дорожке снова красовались полицейские машины.

В Дейбрик-Фоллс появление полиции в вашем доме два дня подряд не очень хороший знак. Я бы сказала совсем плохой знак.

Я вышла из машины, но прежде чем успела взять свои принадлежности, Джеки вцепилась в мою руку и потащила меня через улицу.

— Прости. Я знаю, что ты замкнутый человек, — твердила Джеки, подталкивая меня вперед. — Но она не вернулась домой. Они сказали, что она вернется, но она не вернулась.

В словах Джеки не было никакого смысла. Я уперлась ногами, заставляя ее остановиться. Поскольку мы стояли посреди улицы, я огляделась, но, кроме дюжины или около того соседей, наблюдавших за нами с тротуаров, ни одна машина не направлялась в нашу сторону, так что мы в относительной безопасности.

— Кто? Кто не вернулся домой? Что происходит?

— Тауни Далтон. Дочь Санни и Тома Далтонов.

Джеки снова принялась тянуть меня через дорогу, и я позволила ей, но только потому, что пыталась понять смысл ее слов.

— Полицейские ничего не знают, — продолжала Джеки. — Они думают, что Тауни сбежала, но мы обзвонили всех. Никто ее не видел.

Дойдя до тротуара, я снова уперлась ногами.

Джеки вздохнула, расстроенная.

— Джеки, я не могу помочь. Я не знаю как помочь. Уверена, детектив Стоун и Айзек найдут Тауни. Ты просто должна дать им время сделать свою работу.

— Пожалуйста, Давина. Я знаю, у тебя не получается контролировать то, что ты делаешь, но ведь можно попытаться, правда? Это единственное, о чем я прошу. Просто попробуй.

— Все не так просто. Я не могу управлять возникающими у меня видениями. Я не знаю, как это происходит, и не хочу знать.

Не обращая внимания на слезы, текущие по ее щекам, Джеки покачала головой и продолжила меня убеждать.

— Она моя крестница. Это я отвезла Санни в больницу в тот день, когда родилась Тауни. Тауни милая, но застенчивая девочка. Нежная, даже в подростковом возрасте. — Джеки наклонила голову, вытирая слезы и глубоко вдыхая. Собравшись с силами, она снова подняла на меня глаза. — Мы близки. Тауни и я. Если ее что-то беспокоило, и она не могла рассказать родителям, Тауни делилась со мной. Она мне доверяет. Я знаю, что она не убегала. Я знала это еще вчера, но полицейские настаивали. Мне следовало потребовать от них немедленно начать поиски. Пожалуйста. Я прошу — нет, умоляю тебя — пожалуйста, просто попробуй. Санни — моя Оливия.

Я провела рукой по лицу, стараясь придумать хороший предлог, чтобы выбраться из

этой передраги, пока все не превратилось в шоу уродов, где я выступаю в главной роли.

Джеки схватила меня за плечи, притягивая ближе к себе.

— Тауни всего четырнадцать. У нее вся жизнь впереди.

Известие, что Тауни столько же лет, сколько было моей сестре Райне, когда она исчезла, выбило меня из колеи. Я знала, что это не может быть связано, но все равно мне стало не по себе. Полиция тоже не слушала, когда пропала Райна.

— Если это не сработает, — упорствовала Джеки, — тогда я оставлю тебя в покое. И я понимаю, что ты не знаешь семью Далтон, но представь, если бы это был один из мальчиков Оливии или сама Оливия. Уверена, если бы речь шла о них, ты бы попыталась. Пожалуйста, Давина. Я знаю, что ты хороший человек. Пожалуйста, помоги нам.

Я взглянул на дом Далтонов, когда Санни Далтон вышла на крыльцо. Часть моего сердца отозвалась, стоило мне увидеть, как расстроена миссис Далтон. Она смотрела на нас слезящимися, опухшими красными глазами.

— Что ты ей обещала? — тихо спросила я Джеки, кивнув в сторону Санни.

Джеки посмотрела на свою лучшую подругу.

— Я ничего не обещала, кроме как убедить тебя прийти. Мы обе знаем, что ты не способна контролировать... — она споткнулась в поисках нужного слова, — то, что ты можешь делать.

— Но она надеется. И если я потерплю неудачу, то винить будут меня.

— Нет, — схватив меня за руки, заявила Джеки. — Все не так. Мы просто в отчаянии. У полиции нет никаких зацепок. Мы обзвонили всех, кого только можно. Это просто еще одна попытка. Мы будем пробовать все и вся, пока Тауни не вернется домой целой и невредимой.

— А если это не сработает? — Я отдернула руки. — Хотела этого или нет, но ты дала Санни надежду, когда сказала, что я помогу. Если это не сработает, что тогда? У нее будет разбито сердце.

— Она мать, — сквозь слезы проговорила Джеки. — Если с Тауни что-то случится — если мы ее не найдем — тогда Санни будет сломлена, несмотря ни на что. Но, по крайней мере, она будет знать, что мы сделали все, что могли.

Я посмотрела на второй этаж дома, откуда-то зная, что окно справа с белыми занавесками — это спальня Тауни. Шепотом я спросила:

— Но что, если невысказанное уже произошло? Что, если Тауни мертва? Что тогда, Джеки?

Свежие слезы потекли по ее щеке на рубашку.

— Тогда скажи мне. — Ее подбородок дрожал. Она явно на грани срыва. — Я сама сообщу новости Санни. Я не позволю тебе нести это бремя. Я не сделаю этого с тобой.

Том Далтон вышел на крыльцо и положил руки на плечи жены. Он тоже пристально смотрел на нас с Джеки.

Выйдя следом за Томом, детектив Стоун задержался, чтобы посмотреть на Далтонов, а затем проследил за их взглядом, и его глаза остановились на мне. Его правая бровь приподнялась, а челюсть сжалась.

Я глубоко вздохнула и, вопреки здравому смыслу, сказала:

— Я попробую. Ничего не обещаю, но попробую.

Как только я произнесла эти слова, то сразу о них пожалела. Джеки снова схватила меня за руку и потянула за собой в сторону дома Далтонов.

Джеки тащила меня за руку через лужайку, вверх по ступенькам крыльца, затем через площадку не останавливаясь. Сонни и Том Далтон отошли в сторону, пропуская нас. Стоун продолжал хмуриться, но, по крайней мере, не стал останавливать, когда Джеки завела меня в дом.

От входа открывался вид на совмещенную столовую с гостиной, а рядом с обеденным столом находилась лестница с ковровым покрытием. Когда Джеки начала подниматься по лестнице, я запнулась и вырвалась из ее крепкого захвата. Только тогда я поняла, что что-то не так, совсем не так.

Я прижала руку к груди, когда воздух в моих легких словно стали высасывали пылесосом. Другой рукой схватилась за горло, пытаюсь вдохнуть, но не смогла. Я не подавилась, но что-то мешало мне дышать. Я била себя в грудь, все сильнее и сильнее, но все равно не могла вдохнуть. Казалось, что в доме не осталось кислорода.

Мое тело налилось тяжестью, словно к каждой конечности привязали мешки с песком, а еще один мешок уместился на груди. Не выдержав веса собственного тела, я опустилась на ковер, продолжая бороться за дыхание.

Джеки заметила мою борьбу и вернулась, чтобы опуститься рядом со мной на колени. Я видела, как шевелится ее рот, но ничего не слышала. Стук пульса в моих ушах звучал слишком оглушительно. В голове мелькали абсурдные мысли, я пыталась понять, почему не могу дышать. Почему я не могу отыскать воздух.

«Отыскать воздух? Конечно, в доме есть воздух, — подумала я. — Так почему же я не могу дышать?»

Комната начала вращаться, предупреждая о скором обмороке.

Когда верхняя часть моего тела начала заваливаться в сторону, я почувствовала, что меня подхватывают.

Помутневшим взглядом я наблюдала, как мимо проплывают стены, потом дверь, потом крыльцо, пока не оказалась на траве. Как будто щелкнул выключатель, мои легкие наполнились, и я зашлась в кашле.

Детектив Стоун ударил рукой по моей спине, когда я с хрипом втянула воздух в легкие. Айзек присел передо мной, надавливая на затылок, чтобы держать мою голову между коленями. Я чувствовала, как мое колотящееся сердце замедляется, удар за ударом, по мере того как кашель уменьшался и дыхание выравнивалось. Через добрых пять минут мое зрение прояснилось, а кашель прекратился. Джеки стояла рядом с нами, держа в руках стакан с водой. Я потянулась за стаканом и стала пить маленькими глотками, чтобы избавиться от сухости в горле.

— Лучше? — спросил Айзек, забирая стакан из моей дрожащей руки.

Я кивнула, сев прямо.

Стоун перестал колотить меня по спине, опустившись на колени рядом с Айзеком.

— Мы вызвали скорую помощь.

— Отмените, — прохрипела я. — Все в порядке. — И снова закашлялась. — У меня просто немного пересохло в горле.

Айзек передал мне стакан, чтобы я выпила еще.

— Я свяжусь по рации.

Я посмотрела через двор. В нескольких футах от нас Далтоны стояли рядом с Джеки, все трое — на грани эмоционального срыва.

— Я в порядке, — сообщила им, прежде чем посмотреть на Стоуна. — Спасибо, что вытащили меня оттуда.

— Что случилось? Вас что-то напугало? — спросил Стоун.

— Я не уверена, что произошло, — призналась, сделав еще один глоток.

Джеки сжала руки, наблюдая за мной.

— Мне так жаль, Давина. Я не знала, что ты склонна к паническим атакам. Мне не следовало давить на тебя, заставляя идти внутрь.

Я не уверена, что произошло в доме, но понимала, это не паническая атака. Дело в другом. Как будто кто-то напал на меня изнутри. За моей спиной на улице раздался визг шин, и резко затормозила машина. Я оглянулась через плечо, и у меня отвисла челюсть.

Бернадетт Куэйд — моя бабушка.

Бернадетт выскочила из своего «Шевроле Нова» 64-го года, захлопнула водительскую дверь и устремилась ко мне. Зеваки на тротуаре отпрыгнули с ее пути. Я вздохнула и медленно встала. Затем повернулась, чтобы встретить ее гнев.

Я не разговаривала с Бернадетт с похорон мамы, когда мне было двенадцать лет, и я еще не вступила в полноценный подростковый возраст. Поэтому, впервые встретившись с ней лицом к лицу уже взрослой, я немного растерялась, осознав, что эта свирепая женщина едва достаёт мне до плеч.

Я отмахнулась от этого несоответствия в мыслях, задаваясь вопросом, что вывело это мистическое существо из отшельнического состояния.

Не говоря ни слова, Бернадетт подняла руку и вlepила мне пощечину.

От силы удара и неожиданности я потеряла равновесие, упав коленом в траву и хватаясь за горящую щеку. Я бы свалилась совсем, если бы детектив Стоун не схватил меня за руку. С его помощью я поднялась на ноги.

Как только я смогла встать ровно, Стоун шагнул между нами, отгораживая бабушку от меня. Я не сомневалась, если бы кто-нибудь, кроме Бернадетт, совершил нападение на глазах у Стоуна, детектив уже бы надел на него наручники и прижал его лицом к траве.

Но Бернадетт не походила ни на кого другого. На вид ей можно дать от шестидесяти до восьмидесяти лет, при этом она пользовалась густой подводкой, блестящими тенями для век, красной помадой, и носила черную кружевную тунику и кожаные штаны. Всем, включая городского детектива, становилось ясно, что Бернадетт — это сила, с которой нужно считаться.

Я обошла Стоуна и приблизилась к Бернадетт на несколько сантиметров.

— Как ты смеешь! — воскликнула я с таким гневом, какого не испытывала никогда прежде. — Я не видела тебя пятнадцать лет, и первое, что ты делаешь, это нападаешь на меня?! — Я подошла ближе. — Что с тобой не так?

Я услышала, как еще одна машина с визгом остановилась, но не стала смотреть, кто приехал. Стоун дернул меня за руку, но я отмахнулась от него.

Посмотрела вниз на женщину, которой следовало бы играть роль в моем воспитании.

— У тебя нет права находиться здесь.

— Ты глупая, девчонка! — прошипела Бернадетт. — Думаешь, я хотела приходить сюда? Думаешь, я хочу иметь к этому хоть какое-то отношение? — Бернадетт махнула рукой на дом Далтонов, потом на меня. — Я говорила твоей матери, что ты слабая. И трусиха. И

она не отрицала этого. — Бернадетт с отвращением оглядела меня с ног до головы. — Но даже если ты не достойна рода Куэйдов, я все равно пришла. Я пришла, чтобы остановить тебя, потому что — ради твоей матери — не хочу, чтобы тебя убили. А именно так и будет, если ты не покинешь это место.

Я почувствовала, как тянусь руками к ее шее, гнев подстегивал мои движения, но прежде чем мои пальцы встретились с ее кожей, Стоун подхватил меня и унес прочь. Он развернул меня в сторону дома Далтонов, держа мои ноги в футе от земли, а руки прижатыми к бокам его собственными руками.

Я закричала от разочарования, сжимая руки в кулаки от гнева. Я не могла припомнить случая, чтобы в своей жизни чувствовала себя такой злой, такой неуправляемой, такой непохожей на себя.

— Успокойся, — услышала я голос Оливии. — Давина, посмотри на меня.

Я слышала ее, но не хотела успокаиваться. У меня было полное право злиться. Впервые в жизни я почувствовала желание дать отпор. В конце концов, Бернадетт — моя бабушка. Она должна меня любить. Но вместо этого она назвала меня слабой — трусихой.

«Ну, я ей покажу», — подумала я, глядя на Бернадетт через плечо Стоуна.

— Давина! — завопила Оливия, схватив меня за челюсть, заставляя посмотреть на нее. — Приди в себя или я позвоню Ноа, чтобы он вколлот тебе успокоительное!

Я сосредоточилась на Оливии, наблюдая, как меняется выражение ее лица от озабоченности к веселью, пока она изучала меня.

— Вау, ты выглядишь такой взбешенной, что это просто безумие, — восхитилась Оливия, прежде чем хихикнуть. — Ты как будто совсем другой человек.

Ее смех сгладил часть моего гнева.

Оливия права; мне нужно успокоиться. Из нас двоих я должна быть самой здравомыслящей. Я сделала глубокий вдох, затем еще один.

И снова взглянула на Бернадетт. Она продолжала стоять там, глядя на меня с явным отвращением. Как будто я недостойна ее времени — или ее драгоценной родословной. Желание ударить ее все еще бурлило в глубине души, но когда я почувствовала что-то на своем лице, то снова повернулась к Оливии.

Оливия приложила руку к моей щеке, чтобы привлечь к себе внимание.

— Ты лучше, чем это, лучше, чем она. — Оливия ущипнула меня за щеку, слегка встряхнув ее. — Кроме того, единственный человек, чье мнение имеет значение, это ведь я? — Она похлопала ресницами, ухмыляясь мне.

— Ты невозможна, — выдохнула я, сбрасывая последние остатки раздражения.

Оливия продолжала ухмыляться. Стоун, должно быть, почувствовал, что напряжение рассеялось, поэтому осторожно поставил меня на землю. Он не выпускал мои руки, вероятно, чтобы проверить, не брошусь ли я снова на Бернадетт. После еще одного долгого мгновения детектив освободил мои руки.

Оливия крепко меня обняла.

— Теперь я твоя семья. Я, Брейдон, мальчики. Ты не должна этой женщине ни унции своего времени или любви.

Я кивнула ей в плечо, затем отступила назад. Оливия права. Ее семья стала моей семьей, а не Бернадетт. Моя бабушка давно потеряла место в моей жизни.

Оливия посмотрела на Джеки.

— Что я пропустила? Что случилось?

— Моя крестница Тауни, дочь Санни и Тома, пропала. Я привела Давину в дом, но она не смогла дышать. Мы вышли на улицу, и тут появилась Бернадетт и дала ей пощечину. Потом Бернадетт наговорила столько ужасных вещей.

— Понятно. Я слышала большую часть болтовни Бернадетт, так что в курсе. — Оливия подошла и склонила голову набок, изучая Бернадетт. — Ладно, старая вы сумасшедшая летучая мышь, объяснитесь. Как ваше присутствие связано со спасением жизни Давины?

Бернадетт недовольно фыркнула, сцепив руки перед собой.

— С чего ты взяла, что я тебе скажу? Ты ведь та самая девочка Холт, верно? Избалованная богачка?

Оливия оглянулась на меня и откровенно рассмеялась.

— Твоя бабка — та еще затейница. Мы должны как-нибудь пригласить ее в бар. Надо бы хорошенько ее напоить, а потом выпустить на свободу, чтобы услышать, как вся эта гадость просачивается наружу.

Я пожала плечами.

— Мама всегда говорила, что Бернадетт — резкая на язык стерва с укусом кобры. Я не уверена, что верю в укус кобры, но стерва? — Я ухмыльнулась Оливии. — Бернадетт определенно такая.

Улыбка Оливии стала шире.

— Bravo, подруга. Я не уверена, что вообще слышала раньше, как ты кого-то оскорбляешь. Очень неплохо для новичка.

Бернадетт фыркнула.

— Это не оскорбление, а факт. Я стервозная. И злая... и порочная... и еще куча всяких гадостей, как ты это называешь. — Бернадетт сузила на меня глаза. — И еще я права. Тебе нечего здесь делать. Тебя убьют.

— Как? — Оливия, переводя взгляд между нами. — Как Давина может пострадать, помогая Далтонам?

Бернадетт колебалась, разглядывая Оливию и меня, а затем кивнула в сторону дома.

— Давина не может его остановить. Он убьет ее, если она попытается.

— Кто? — спросил детектив Стоун. — Мистер Далтон?

— Нет, идиот. — Бернадетт сердито сжала губы.

«Он, — подумала я, мысленно воспроизводя ее слова. — Я не могу остановить его. Бернадетт о чем-то говорила мне. Она намекала что сила, которую я почувствовала в доме, — это он. Но кого она имела в виду?»

Кроме того, она в очередной раз давала понять, что считает меня слабой. И после того, что произошло внутри, после того, как меня лишили возможности дышать, Бернадетт права. Что бы ни напало на меня, оно представлялось сильным, тяжелым и несокрушимым. Я оказалась бессильна защитить себя от этого.

— Видишь? — огрызнулась Бернадетт. — Она все понимает. Давина знает, что у нее нет шансов.

— Пожалуйста, — взмолилась Санни Далтон, сцепив руки вместе, как в молитве. — Моя дочь.

Она обращалась к Бернадетт, а не ко мне. Даже в своем горе Санни знала, что моя бабушка сильнее любого из нас.

— Я не могу вам помочь, — покачав головой, ответила Бернадетт. — В последний раз, когда я выступила против него, потеряла собственную дочь. — Бернадетт отвернулась и

пошла обратно к своей машине.

— Стой! — крикнула я.

К моему удивлению Бернадетт остановилась.

— Помоги мне. Помоги мне им помочь.

— Ты умрешь, девочка! — Бернадетт повернулась, чтобы устремить свой взгляд на меня. — Ты этого хочешь? Быть убитой во сне?

В памяти всплыло воспоминание о маме, но прежде чем я успела его изучить, оно исчезло. Я несколько раз моргнула, переключаясь на настоящее.

Гнев, который я копила годами на Бернадетт, нужно похоронить или, по крайней мере, отложить на время. Сегодня важно то, что пропала четырнадцатилетняя девочка. И Бернадетт, нравится мне это или нет, единственная из тех, кого я знала, способна помочь найти Тауни.

— Скажи, как это сделать, — умоляла я Бернадетт. — Я прошла не больше десяти футов от двери, прежде чем почувствовала, что сейчас задохнусь.

— Физическая иллюзия? — Бернадетт фыркнула. — Невозможно. Должно быть, все это происходило в твоей голове. И если ты не можешь контролировать свой мозг, с чего вдруг решила, что сможешь спасти девочку от насильственной смерти?

Санни разрыдалась, упав в объятия мужа.

Джеки поспешила завести обоих родителей в дом, подальше от жестокого языка Бернадетт.

— Значит, девочка жива? — поинтересовалась Оливия у Бернадетт. — Еще есть время ее спасти?

Бернадетт огляделась вокруг, на долю секунды остановив взгляд на детективе Стоуне, а затем посмотрела прямо на меня, чтобы ответить.

— У девочки есть еще несколько дней, если не неделя, прежде чем ее ждет смерть.

— Откуда вы знаете? — спросила Оливия.

Холодные глаза Бернадетт столкнулись с глазами Оливии, но Оливия даже не вздрогнула под взглядом Бернадетт.

Бернадетт ухмыльнулась, как будто ее впечатлила храбрость Оливии.

— Он откладывает убийство девочек. Ему нравится сначала с ними поиграть.

Мой желудок скрутило, но я сосредоточилась на обуви Оливии, стараясь сохранить ровное дыхание. Розовые шлепанцы. Так похоже на Оливию. Я сделала еще один вдох, прежде чем спросить слабым голосом:

— Как? Как мне найти девочку? Как мне ее спасти?

Бернадетт продолжала ухмыляться.

— Ты даже не можешь войти в дом, деточка. Почему ты думаешь, что сможешь помочь? Ты не слушаешь? Ты слаба. Ты ничтожество. Кровь твоего отца погубила тебя еще до твоего рождения.

— Прекратите! — закричала Оливия на Бернадетт, тыча пальцем ей в лицо. — Я не позволю вам говорить такие вещи Давине. Она самый сильный человек, которого я знаю. Она верная и отзывчивая. Умная и веселая. И жертвы, которые она несет... — Оливия покачала головой, эмоции взяли верх. — Она делала все для тех, кто в ней нуждался. Она заботится о своем отце, даже если он причиняет ей боль. Она терпит сплетни в городе, но все же находит в себе силы помогать обществу. — Оливия ткнула пальцем в грудь Бернадетт. — Давина Рейвен не слабая. И в отличие от вас, она не трусиха.

Когда я увидела, как Бернадетт сгибает пальцы в когти, во мне включился какой-то инстинкт. Я прыгнула к ним, дернув Оливию за руку, потянув ее за себя, а затем столкнулась с бабушкой, готовая к битве. Я не верила ни в проклятия, ни в колдовство, ни во что-либо близкое к этому, но если Бернадетт намеревалась напустить на мою лучшую подругу порчу, я точно ее остановлю.

Бернадетт не двигалась. Она просто наблюдала за мной. Ее глаза оставались сердитыми, но в них мелькнуло что-то еще. Любопытство? Гордость? Я не могла прочесть. Я не знал ее достаточно хорошо, чтобы понимать.

— Уходи, — сквозь стиснутые зубы проговорила я. — Если не собираешься помогать, просто уходи.

Бернадетт опустила руки, но продолжала пристально смотреть на меня.

Я повернулся к ней спиной, лицом к Оливии.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

Оливию посмотрела на Бернадетт, затем снова на меня.

— Хочешь, чтобы я ее отлупила? Избила ведьму ее же метлой? О, знаю, я могу лишиться ее штанов!

Я фыркнула, представив, как Оливию пытается стянуть кожаные штаны Бернадетт с ее пышного зада.

— Нет. Мне нужно, чтобы ты зашла в дом. — Я указала на угловое окно наверху. — Принеси мне что-нибудь из комнаты Тауни.

Оливию посмотрела через плечо на верхнее окно.

— Это все?

— Если сможешь, то да. Я не думаю, что то, что повлияло на меня внутри, может навредить тебе. Но если что-то пойдет не так, просто выходи из дома.

Оливию пожалала плечами и пошла через лужайку к двери.

Я посмотрела на Айзека.

— Можешь пойти с ней? Проследить, чтобы ничего не случилось?

Айзек кивнул и последовал за Оливией в дом.

Стоун подошел и встал рядом со мной.

— Вы знаете, что я не верю во всю эту ерунду с экстрасенсами.

— Это нормально, — с тяжелым вздохом ответила я. — Большую часть дня я тоже не верю ни во что из этого. — Я оглянулась через плечо и увидела, что Бернадетт все еще стоит на тротуаре. — Я же просила тебя уйти.

— Последний совет, девочка. Когда ты увидишь его в первый раз, тебя стошнит. Лучше приготовь ведро, если не хочешь испортить красивый двор этих людей.

И с этими напутственными словами Бернадетт поспешила к своей машине, забралась в нее и захлопнула водительскую дверь.

— Я должен ее арестовать, — заметил детектив Стоун, глядя через плечо на Бернадетт.

— Она того не стоит. Просто разрешите ей уползти обратно под свой камень. Если повезет, никто из нас ее больше никогда не увидит.

— Она действительно ваша бабушка?

— Так мне говорила мама, — ответила я, пожав плечами. — Если вы вдруг не заметили, мы не слишком близки.

На его лице появилась ухмылка.

— Я и правда почувствовал небольшое напряжение.

Я обернулась к дому, когда Айзек и Оливия вышли из него, неся охапку вещей. Они разложили все на траве.

Я оглянулась на толпу, собравшуюся позади нас. Экспериментировать с экстрасенсорными способностями, от которых я всегда убегала, довольно пугающе. А когда зрители смотрят, как я выставляю себя на посмешище — гораздо хуже.

Оливия почувствовала мое беспокойство и стала уговаривать толпу уйти, стыдя соседей, говоря им, что они ведут себя назойливо. Айзек и Стоун подхватили ее идею и добавили свои собственные фразы, чтобы разогнать народ. Втроем им удалось оттеснить зевак на другую сторону улицы.

Я села перед вещами Тауни спиной к улице. Внимательно рассмотрев каждый предмет, я закрыла глаза и представила их по отдельности.

Расческа. Фоторамка, повернутая вниз. Подушка. Мягкая игрушка. Старая кукла Барби с отсутствующей рукой.

Я открыла глаза, сосредоточившись на расческе. Я чувствовала ее. Пусть это всего лишь расческа, но я ощущала энергию, исходящую от нее.

Протянув руку, я коснулась пластмассовой ручки кончиком указательного пальца.

Ничего.

Отведя руку назад, я изучила расческу и поняла, что дело вовсе не в ней. Под расческой лежал небольшой блокнот в тканевой обложке. Именно этот предмет манил меня. Я отложила расческу в сторону и потянулась за блокнотом.

Электрический разряд ударил меня по указательному пальцу еще до того, как прикоснулась к его матерчатой обложке. Я отдернула пальцы, прижала руку к груди и уставилась на маленькую книжку. Удар не причинил мне боли, почти. Он походил на статический разряд, который человек получает, когда шаркает ногами по ковру. Но этот импульс стал своего рода предупреждением.

Я взглянула на дом, почувствовав странное напряжение. Что бы это ни было, оно тянулось наружу от дома, но как ни старалось, не могло набрать достаточно энергии, чтобы добраться до меня.

Я в безопасности, решила я. Это чувство напомнило мне о том, как я каждый день пересекала лужайку на участке миссис Полсон. Как и в случае с Фрэнсисом, какая бы угроза ни находилась внутри этого дома, существовала невидимая линия, перейти которую невозможно.

Недолго думая, я схватила блокнот. Он снова ударил меня разрядом, но я держала его крепко, позволяя своей коже поглотить статическую энергию.

Затем, сама не понимая как, я каким-то образом полностью заблокировала электрический заряд. Я уставилась на блокнот в своих руках, перекладывая его из одной руки в другую.

Нервно хихикнув, я взглянула на Оливию.

Она хихикнула в ответ, усаживаясь напротив меня в траву.

— Ну и? Что случилось?

Я пожалала плечами.

— Понятия не имею. Я не представляю, что делаю.

— Но ведь этот блокнот тебя ударил, а теперь нет?

— Откуда ты знаешь, что он меня ударил?

— Видели, — ответил Айзек, присев на корточки рядом с Оливией. — И, конечно, ты отпрыгнула назад, как будто он тебя укусил.

— Теперь он не может причинить мне вред, — сообщила я им. — Я не знаю точно, как, но отключила заряд. Теперь мне просто нужно понять, что с ним делать. — Я перевернула блокнот в своих руках. Подумала о том, чтобы прочитать его, но это казалось слишком очевидным.

— Закрой глаза, — посоветовала Оливия. — Вдруг, если ты закроешь глаза и сосредоточишься на нем, что-то произойдет.

— Попробую, — согласилась я, закрывая глаза и сосредотачиваясь сначала на пространстве вокруг блокнота, затем на его обложке и, наконец, на его непрочитанных страницах. Я сидела там долгое время, но ничего не происходило.

Я уже собиралась сдаться, когда увидела мерцание. С силой зажмурив глаза, я сосредоточила все свои мысли на блокноте. С закрытыми глазами открыла его, положив ладонь на случайную страницу. Еще одно мерцание, затем еще.

Затем все произошло так быстро, что я задержала дыхание, когда на меня обрушился калейдоскоп образов. Моя сестра Райна. Две другие девушки, которых я не узнала. Деревья. Вода. Клетка.

«О, нет», — подумала я, открывая глаза и бросая блокнот обратно на стопку.

Я попятилась по траве, пытаюсь увеличить расстояние. Пытаюсь выкинуть образ из головы.

Клетка. Я видела клетку. Нет, этого не может быть.

Оглянулась через плечо, когда Бернадетт вылезла из машины, оставив дверь открытой. Она подошла и остановилась в метре от меня.

— Это он? — спросила Бернадетт. — Он вернулся?

— Да, — ответила я, понимая, что она имеет в виду мужчину из прошлого пятнадцатилетней давности. Человека, который забрал мою сестру. Затем я наклонилась и меня вырвало на туфли Бернадетт.

Перед тем как унести на своей «Нова», Бернадетт обругала меня всеми возможными бранными словами. После ее отъезда Айзек и Оливия забрали меня с лужайки перед домом Далтонов и погрузили в машину Оливии.

Я не стала спорить. Я плохо соображала и была не в состоянии вести машину. Как только мы подъехали к дому Оливии, я напрямик направилась в гостиную и бросилась на диван. Взглянув на свой фитнес, вздохнула, обнаружив, что время уже перевалило за час. У меня еще миллион дел, но все, чего я хотела, — это передохнуть в тишине.

Вспомнив о детях Оливии, я спросила:

— А где твои «дьявольские отродья»?

— В детском саду. Мне требовался перерыв. Сегодня утром они только и делали, что приставали ко мне с играми. Сколько партий в «Змеи и лестницы» может вытерпеть женщина, прежде чем сойдет с ума?

— Ты ведь знаешь, что детский сад обходится дорого? Есть более дешевые способы их отвлечь.

— Мы обе знаем, что я не преуспеваю в материнстве. Конечно, я люблю своих мальчиков, но все равно иногда сомневаюсь, что они действительно мои.

— В той их части, которая слушается? Да, это ДНК Брейдона. А сумасшедшие, дикие неконтролируемые гены — это все от тебя.

— Дерзишь, — проворчала Оливия, швырнув в меня подушкой, прежде чем опуститься в кресло Брейдона. — Ну и? Чем мы займемся сегодня?

— Я подумала, что смогу вздремнуть на твоём удобном диване.

— Но мне скучно.

— Тебе всегда скучно.

Оливия преувеличенно вздохнула.

— Мне нужна работа.

Я рассмеялась, прикрыв рот рукой. Уже не в первый раз Оливия задумывалась о карьере. За прошедшие годы она даже устроилась на несколько работ, и все они закончились катастрофой. Большая часть из них длилась меньше недели, потому что она либо увольнялась, либо ее выгоняли. Огромный трастовый фонд позволял подруге вести себя капризно и относиться к жизни гораздо проще.

— Я серьезно, — заявила Оливия. — У меня нет цели. У Брейдона есть его юридическая практика, а ты — независимая женщина...

— Я едва держусь на плаву, — перебила я.

— Но у тебя есть цель! — возразила Оливия. — Ты встаешь утром и имеешь план. А я встаю утром и смотрю в холодильник, думая, будет ли день таким же скучным, как предыдущий.

— Оливия Бриджес-Холт, твоя жизнь далеко не скучная. Возможно, ты не знаешь, чем будешь заниматься изо дня в день, но ты обходишь большинство людей благодаря своему энтузиазму.

— Это не совсем пригодная для работы черта.

— Ты справишься. Я знаю тебя. Когда-нибудь ты найдешь профессию, которая тебя вдохновит. Что-то, чем ты сможешь увлечься. Как это сделала твоя мама, когда основала

свой фонд. Я уверена, что Эдит точно так же чувствовала себя потерянной, пока не начала заниматься благотворительностью.

Искра веселья зажгла глаза Оливии, когда она села прямее.

— Ну, у меня есть идея...

Я покачала головой, понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Почему у меня такое чувство, что мне это не понравится?

— Просто выслушай меня, — попросила Оливия, наклонившись вперед.

Я поджала губы, ожидая, когда она поделится своей задумкой, хотя прекрасно понимала, что это будет нечто безумное.

— Я тут подумала, может, мне стоит стать детективом. Как Стоун.

Я просто ошалела. Ожидая, что Оливия объяснит, я уставилась на нее, но когда подруга ничего не добавила, спросила:

— Ты шутишь, да?

— Почему нет? Думаю, у меня бы хорошо получилось. Мне нравится решать головоломки. Я умная. И смелая. Кто знает, может быть, я стану следующим Шерлоком Холмсом.

— Хм.

— И это все? Просто хм-м.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? Я бы поддержала тебя, но мысль, что ты носишь заряженный пистолет, пугает меня до чертиков. — Я пожалала плечами, пытаюсь принять виноватый вид. — Прости. Я просто не понимаю. Еще в колледже, когда ты посещала все эти курсы по уголовному праву, ты заявляла мне, что никогда не станешь копом?

Оливия хихикнула.

— Я посещала эти курсы, потому что была влюблена в одного парня — Зака Ааронса. Он такой милашка.

— Разве не он пригласил тебя на вечеринку в юридическую школу, где ты познакомилась с Брейдоном?

Оливия рассеянно оглядела комнату и улыбнулась вспоминая. Я знала эту историю. Как они познакомились. Оливия пошла с Заком на вечеринку, но встретила Брейдона и влюбилась. Они не расставались до конца выходных, а через месяц Оливия узнала, что беременна. Брейдон даже глазом не моргнул. Он сделал ей предложение, согласившись переехать в Дейбрик-Фоллс и вместе растить ребенка.

— Оливия! — позвала я, привлекая ее внимание.

Оливия вздрогнула, затем хихикнула.

— Прости.

— Уголовное право?

— О, точно, нет. Я не хочу быть полицейским. Эта форма такая уродливая. И с каким дерьмом копам приходится мириться... — Она покачала головой, сморщив нос от отвращения. — Я подумала, может, частный детектив. Как по телевизору, но в красивой одежде, конечно. Нет причин носить жалкие наряды.

Я подняла руку, останавливая ее бредни.

— Ты хочешь весь день следить за неверными супругами?

Оливия пожалала плечами.

— Я могла бы делать это иногда, но не каждый день. Это может надоесть. Но давай посмотрим правде в глаза, я богата. Я могу выбирать дела, за которые хочу взяться.

Например, исчезновение Тауни. Я могла бы раскрыть ее дело. Я знаю, что могу.

Я потерла рукой лоб, пытаясь ослабить головную боль, которую все сильнее ощущала.

— Ты мне не веришь! Ха! Тогда я докажу!

— Что бы ты ни задумала, просто не надо. Мне не нужно, чтобы ты что-то доказывала.

Слишком поздно. Оливия уже взяла телефон и кому-то звонила.

Она посмотрела на меня, высунув язык, прежде чем начать говорить в трубку.

— Привет, Джеки. Не могла бы ты принести вещи Тауни, которые мы оставили во дворе Далтонов, ко мне домой? Я сижу с Давиной, но хотела бы еще раз на них взглянуть.

Я представила себе по меньшей мере пятнадцать вещей, которые могут пойти ужасно плохо, если Оливия сунет свой нос в расследование Стоуна — большинство из них, скорее всего, приведут к ее аресту.

Тогда я потянула на себя плед с дивана, и накинула его на голову. Закрывает глаза, пообещав себе, что отдохну всего пять минут.

— Давина! — закричала Оливия в нескольких дюймах от моего лица.

От неожиданности я резко проснулась и села, ударив Оливию головой.

Оливия отлетела назад на журнальный столик, одновременно выронив из рук кофейную чашку. Чтобы уберечь лицо, я подставила руку. Горячий кофе ошпарил мою кисть, а остатки попали на грудь и обожгли через тонкую футболку.

Почувствовав на себе горячую жидкость, я вскочила с дивана и заплясала по гостиной, сдирая с себя футболку. Затем схватила плед с дивана, чтобы вытереть кофе, который стекал по моему животу.

И только когда убрала с себя почти все, я посмотрела на Оливию, чьи ноги лежали на кофейном столике, а остальная часть тела распростерлась по другую сторону от него.

— О чем ты вообще думала?

— М-м, — отозвалась Оливия, посмотрев на мой лифчик, затем через плечо.

Я устала в том же направлении. Детектив Стоун стоял между входной дверью и входом в гостиную. Он пытался — и не смог — скрыть свой смех, медленно поворачиваясь к нам спиной. Позади Стоуна стояли Джеки и Айзек и ухмылялись, глядя на меня.

Смутившись, я обернула плед вокруг себя. Мы со Стоуном едва миновали стадию «когда он не арестовывает меня» в наших отношениях. До этапа, когда я раздеваюсь перед ним, мы еще не дошли. Что касается Джеки и Айзека, то они видели меня в ситуациях и похуже.

Я обошла кофейный столик.

— Оливия...

— Я принесу тебе одежду, — быстро сказала Оливия, вставая с пола и выбегая из комнаты мимо всех.

— Ваша подруга... м-м-м... уникальна, — прокомментировал Стоун, все еще повернувшись ко мне спиной.

— Точнее и не скажешь, — пробурчала я, поднимая свою промокшую футболку, чтобы вытереть пролитый на стол, диван и пол кофе. — Почему вы все здесь?

— Я пригнал твою машину, — сообщил Айзек, все еще ухмыляясь.

— Я привезла коробку с вещами Тауни, — объяснила Джеки и поджала губы, пытаясь не рассмеяться.

— У меня возникло несколько вопросов, — поделился Стоун. — И я собирался обсудить несколько дел, которые нашел в участке.

— Что за дела? — удивилась я, поднимая с пола разбитую кофейную кружку.

— Для начала, дело вашей сестры, — ответил Стоун. — И если это не будет слишком болезненно, я бы хотел поговорить о смерти вашей матери.

Не уверена, что смогу обсудить оба дела со Стоуном, особенно если Айзек и Джеки будут слушать. Единственными людьми, с которыми я обсуждала маму и сестру, были Оливия, Брейдон, Ноа и миссис Полсон. И ни с кем из них я уже давно не говорила с прошлом.

— Зачем вам эти дела? Это же древняя история, — обратилась я к Стоуну, когда Оливия вернулась и протянула мне чистую одежду.

Это оказалась блузка с короткими рукавами из тонкого материала. Моему мокрому лифчику не потребуется много времени, чтобы просочиться сквозь нее. Я надела блузку, но

затем схватила свою толстовку на молнии, надев ее поверх блузки и застегнула молнию до самого верха.

— Ваша бабушка... — начал объяснять Стоун.

— Бернадетт..., — перебила я. — Называйте ее Бернадетт. Она уже давно мне не настоящая бабушка.

Стоун кивнул в стену, продолжая стоять спиной.

— Бернадетт намекнула, что вы обе знаете, кто стоит за исчезновением Тауни. Я поднял файлы вашей семьи, пытаюсь понять, кого она имела в виду, но решил получить более четкую картину событий.

Мои плечи опустились, когда я мысленно согласилась поговорить с ним. Бросив Оливии пропитанные кофе плед и футболку, я указала ей на кухню. Она скорчила гримасу, но пошла туда. И поскольку я не доверяла подруге запустить стиральную машину, то последовала за ней мимо остальных, махнув рукой, чтобы они присоединились к нам.

Я поставила кофейную чашку Оливии на стойку, затем посмотрела на кофеварку. Рядом с ней на столешнице стояла кастрюля. Коснувшись кончиками пальцев края кастрюли, я убедилась, что она горячая. Тогда я переставила кастрюлю на плиту и открыла крышку кофеварки. Кофейная гуща разлетелась повсюду, в том числе и в резервуар с водой.

— Оливия!

— Что? — прокричала Оливия из прачечной. — Эй, так две порции стирального порошка или три? Я не могу вспомнить.

— Ты только вчера стирала. Как ты могла забыть? — спросила я, заходя в прачечную, чтобы забрать у нее стиральный порошок. Увидев, что она уже насыпала слишком много, я установила стиральную машину на цикл дополнительного полоскания. Нажала старт, затем вернулась на кухню и указала на кофеварку.

Оливия усмехнулась.

— Умно, да? Я не могла заставить эту дурацкую штуку работать, поэтому вскипятила воду и залила ею кофейную гущу. Я как раз принесла тебе чашку, когда ты проснулась как сумасшедшая.

Подойдя к прибору, о котором шла речь, я потянула за шнур.

— А тебе не приходило в голову включить его в розетку?

Айзек и Стоун посмеивались, усаживаясь на барные стулья по другую сторону острова.

Джеки поставила коробку, что держала в руках, на дальний край столешницы, затем оттолкнула меня от кофеварки.

— Я все сделаю. Иди. Садись.

Я обошла остров, вытащила последний барный стул, чтобы сесть рядом со Стоуном. Наклонившись вперед, я уперлась лбом в стойку. Все мои душевные и физические силы иссякли.

— Детектив Стоун, — проворковала Оливия, — что вы можете рассказать мне об исчезновении Тауни?

— Что это текущее расследование, а вы — гражданское лицо, — ответил Стоун.

Прижавшись лбом к стойке, я улыбнулась. Это будет весело.

— Ну, раз уж мы с Давиной взяли за это дело, нам стоит быть в курсе, как считаете? — поинтересовалась Оливия.

— Что значит «вы двое взяли за дело»? — воскликнул Стоун, в его голосе послышалось возмущение. — Вмешательство в полицейское расследование — это

преступление.

— Хорошо, что мой муж — адвокат, правда? — заметила Оливия.

Я подняла голову и увидела, как подруга подмигивает Стоуну. О, боже. Я посмотрела на Стоуна. Он хмуро уставился на Оливию, но потом его настроение изменилось, и он усмехнулся.

— Да, — согласился Стоун, обводя взглядом кухню, а затем оглянулся на главный вход. — Судя по всему, Брейдон может позволить себе внести за вас залог. Но внесет ли он залог за Давину?

Оливия и Джеки рассмеялись.

Я не удержалась и то же начала хихикать.

— Что смешного? — спросил Стоун.

— Я, пожалуй, буду называть вас Новичок, — объявила ему. — Вы настолько не разбираетесь в людях в этом городе, что слушать вас почти больно.

— Что? — переспросил Стоун.

— Брейдон — адвокат из маленького городка, — объяснила Джеки. — Я уверена, что в финансовом плане у него все в порядке, но Оливия из денежной семьи. Дом, машины, дизайнерская одежда, тот факт, что она никогда не задерживалась на работе дольше двух недель...

— Эй! — запротестовала Оливия, положив руку на бедро.

Джеки усмехнулась, продолжая:

— Семейные деньги. Девочка с трастовым фондом.

— Понятно, — пробормотал Стоун.

Джеки снова засмеялась.

— И да, они бы внесли залог за Давину, но так поступили бы многие.

— Раз уж Мистер Все по Правилам не делится подробностями, — проговорила Оливия глядя на Джеки. — Что ты можешь рассказать нам об исчезновении Тауни?

Джеки закончила промывать внутреннюю поверхность кофеварки и отодвинула ее в сторону, чтобы просушить. Она пожала плечами, посмотрев на Оливию.

— Тауни ушла в парк. Она оставила записку на кухонном столе, что вернется домой к полудню. Санни работала полдня, потому что собиралась отвезти Тауни на прием к стоматологу.

— Но Тауни не оказалось дома, когда Санни пришла? — уточнила Оливия.

— Нет, ее не было. Санни позвонила мне, но я не видела Тауни с самого утра, около девяти, я думаю. Она шла в направлении парка, с рюкзаком за спиной. Вскоре после этого я уехала, чтобы показать дом покупателю. И вернулась домой только ближе к полудню. Тогда-то Санни и позвонил мне. — Джеки покачала головой, глядя на стену. — Мы не волновались. — В ее глазах стояли слезы. — В тот момент — нет. Мы с Санни даже смеялись, когда разговаривали по телефону. Решили, что Тауни погрузилась с головой в книгу и потеряла счет времени. Когда мы закончили разговор, Санни собиралась поехать в парк и поискать ее. Я даже не подозревала о исчезновении Тауни, пока не появились полицейские машины.

Джеки уронила голову, поддавшись потоку слез. Оливия придвинулась к ней и заключила в объятия, предлагая ей плечо, чтобы поплакать.

Я никогда не понимала, откуда в Оливии столько заботы. Ее мать Эдит обладала многими качествами, в том числе и любящим сердцем, но ее нельзя отнести к числу

заботливых людей. Эдит скорее купила бы кому-нибудь машину, чем обняла. Отец Оливии относился к тем мужчинам, которых можно назвать «хорошим парнем», с ними легко и весело, но я никогда не видела, чтобы он вел себя серьезно или проявлял чувства за все те годы, что его знала.

Джеки отступила на шаг, вытирая лицо и поворачиваясь к нам спиной, чтобы собраться с духом.

Оливия развернулась и посмотрела на Айзека.

— У Тауни есть мобильный телефон?

— Да, — ответил Айзек. — Но мы связались с телефонной компанией. Телефон отключен.

— Айзек... — предупреждая проговорил Стоун.

— Увольте меня, если хотите, — заявил Айзек. — Но если Давина и Оливия помогут нам найти Тауни, мне все равно.

Я смотрела на столешницу, размышляя над тем, что сказала Джеки.

— Почему у Тауни был рюкзак? Сейчас лето. Зачем ей брать его с собой в парк?

— Шеф Адамс считает, что Тауни сбежала, — прокомментировал Айзек. — Что в рюкзаке, скорее всего, лежала одежда и тому подобное. Но Санни проверила спальню Тауни и сказала, что все на месте. Даже ее ноутбук.

— Шеф Адамс — дурак, — заявила я, качая головой и глядя на Джеки. — Тауни встречалась с кем-то в парке? С подружкой?

— У нее только одна подруга. Стелла Николс. Санни позвонила Стелле, но Стелла сказала, что когда разговаривала с Тауни тем утром, та сказала что не сможет погулять с ней, потому что у нее прием у стоматолога. Но девочки договорились пойти поплавать в субботу.

— Значит... — рассуждала я вслух. — Если у нее были планы на субботу, то она не собиралась убежать. Но это все равно не объясняет ее поход в парк. Подростки больше не ходят в парк, особенно, чтобы погулять в одиночестве.

— Большинство подростков, — кивнула Джеки в знак согласия. — Но Тауни — одиночка. Интроверт. Ей нравилось делать что-то одной. Она любила читать и долгие прогулки.

— Санни заметила пропажу книг из дома? — спросила Оливия.

— Нет, — ответила Джеки. — Насколько мы можем судить, нет. Тауни читала «Повесть о двух городах», но книга лежала на ее кровати, а закладка все еще отмечала страницу, на которой она остановилась.

— В какой парк пошла Тауни? — уточнила я, подойдя к шкафу для хлама Оливии, куда, как мне известно, подруга запихивала все подряд.

— Брайсон-Парк, — ответил Стоун. — Это в четырех кварталах отсюда, но мы опросили жителей близлежащих домов, и никто не видел Тауни после того, как она скрылась за углом своей улицы.

Я шарила в шкафу, пока не нашла карту, которую искала. На самом деле это не обычная карта. Одна из карт благоустройства Эдит, показывающая проекты, которые поддерживал ее фонд. На карте отображались все зоны отдыха в Дейбрик-Фоллс и его окрестностях и отмечались места, которые планировалось благоустроить в предстоящем году.

Вернувшись к острову, я разложила карту на виду у всех. Айзек поставил солонку и перечницу по углам карты, чтобы держать ее ровно.

— Что мы ищем? — спросила Оливия, облокотившись на стойку.

— Рюкзак.

— Ты ищешь рюкзак на карте? — удивилась Оливия.

— Нет, — ответил Стоун, вставая, чтобы заглянуть мне через плечо. — Давина имеет в виду, что рюкзак по какой-то причине ее беспокоит. Он застрял у нее в голове, и она пытается представить себе причину, по которой он мог оказаться у Тауни.

Я не понимала, откуда он знает, о чем я думаю, но Стоун попал точно в цель. Я провела пальцем по дому Тауни, затем по парку, уставившись на пространство между ними.

— Лес. Она пошла через лес. — Холодный озноб пробежал по моему позвоночнику. — Нет... Этого не может быть.

— Что? — спросила Джеки.

Я посмотрела на Джеки, не в силах рассказать ей о своем видении о девочке, бегущей по лесу. Это ее раздавит. Я перевела взгляд на Айзека.

Айзек прочитал выражение моего лица. Он побледнел и уставился на Джеки.

— Нет, нет, нет, — пролепетала Джеки, делая шаг назад. — Пожалуйста, не говорите мне, что она мертва.

Я с трудом смогла ей ответить.

— Мне нужно увидеть фотографию Тауни. Мне нужно знать, как она выглядит.

Джеки подошла к коробке и достала фотографию в рамке. Она вернулась к острову и перевернула ее передо мной.

Это была она. Девочка в лесу. Девочка, убегающая от кого-то.

— Она жива? — спросила Джеки.

Я глубоко вздохнула, затем честно ответила.

— Я не знаю. Кто-то преследовал ее. В лесу. Вчера у меня случилось видение, но деталей в нем почти не было... — Я покачала головой, испытывая отвращение от того, что намеренно вытеснила видение из своей головы. — Я не знала, кто эта девочка. Я не знала, где она находится. Мне так жаль, Джеки.

— Почему ты никому не рассказала? — закричала Джеки. — Почему не позвонила в полицию?

— Потому что мы бы ей не поверили, — отозвался Стоун, уставившись в столешницу.

Я заслужила ее гнев. Следовало что-то сделать. Я по крайней мере должна была попытаться.

Я посмотрела на карту, сосредоточившись на участке леса между районом Тауни и парком. Две беговые дорожки, одномильная и трехмильная, тянулись от парка к участку за районом Тауни, а затем, сделав широкую петлю, снова возвращались в парк. Обе дорожки находились примерно в полуквартале от дома Далтонов.

«Вероятно, Тауни срезала путь между домами и вышла на дорожку оттуда, но тогда в каком направлении она пошла?»

Я взяла ключи от машины с центра острова, куда их положил Айзек, и направилась к двери.

— Оливия, останься с Джеки.

— О, черт возьми, нет, — заявила Джеки, следуя за мной. — Я просидела без дела последние двадцать четыре часа. Я иду с тобой.

— Я тоже, — поддержала Оливия.

Я распахнула входную дверь и сбежала вниз по ступенькам.

Деревья стояли перед нами всего в пятнадцати футах. Я замерла, закрыв глаза, и пыталась сосредоточиться на Тауни.

— Я ее не чувствую.

— Что это значит? — спросила Джеки, дрожащим голосом.

— Не знаю. Я не умею управлять своими способностями. Не представляю, как их читать или направлять. Они просто случаются. Но иногда, как сейчас, я просто знаю какие-то вещи. — Я указала на дома слева от меня. — Например, я уверена, что Тауни срезала путь между этими двумя домами, затем вошла в лес. После этого она двинулась по внешней трехмильной дорожке, на юго-восток.

— Ты уверена? Внутренняя тропа короче, — заметила Оливия, глядя на карту, которую взяла с собой. — Если она пошла на юго-восток по внешней тропе, ей потребовалось бы больше времени, чтобы добраться до парка. На ее месте я бы выбрала более короткий путь.

— Я уверена. Она не собиралась идти в парк.

— Я сообщу об этом, — решил Айзек. — Мы организуем поисковую группу.

— На основании чего? — спросил Стоун. — Мы даже не знаем наверняка, приходила ли она сюда.

Мелькнул образ. Страх. Тауни. Тауни бросает свой рюкзак.

— Ее рюкзак, — указала я, на восток. — Он там. Она бросила его. Когда убегала от него, она бросила рюкзак. — Я потеряла виски, пытаюсь успокоить подступающую головную боль.

— Покажи нам, — попросил Айзек, идя к лесу, прижимая к уху телефон.

Я последовала за ним, пробираясь через сорняки по колению, чтобы выйти на тропу. Пока шла, старалась сосредоточиться на мелькающих образах. Они появлялись так же быстро, как и исчезали. Я не могла их удержать.

На тропе Айзек отошел в сторону, чтобы следовать за мной. Я знала, что Оливия тоже рядом, но она вела себя нехарактерно тихо.

Через пять минут пути по тропе боль пронзила мои виски, и я упала на колени. Я хотела прогнать видение, остановить боль, но ради Тауни позволила ему дойти до конца.

Хрустнула ветка. Тауни вздрогнула и повернулась лицом к шуму. Испуг на ее лице сменился облегчением, и она рассмеялась. Стащив рюкзак с плеч, она поставила его между ног, чтобы растянуть молнию. «Я принесла тебе немного еды».

Она снова подняла голову, но выражение ее лица снова изменилось. Счастье в ее глазах превратилось в страх. «Что ты делаешь? Пожалуйста, нет. Я пыталась помочь». Она подняла рюкзак за верхнюю лямку, повернулась и побежала в другую сторону. Пробежав несколько футов по тропинке, Тауни бросила рюкзак влево и побежала дальше. Я смотрела, как рюкзак скрылся из виду, пока Тауни не побежала быстрее.

Подойдя к тропинке, я указала пальцем.

— Там. Ее желтый рюкзак. Он под тем кустом.

— Я ничего не вижу, — отозвалась Оливия, глядя на крутой склон, уходящий вниз.

— Он там. — Я отвернулась, ступив обратно на тропу.

В сорняках кто-то зашелестел, но я постаралась сосредоточиться на Тауни.

— Он здесь, — воскликнул Айзек. — Нам нужно обыскать лес.

Джеки схватила меня за руку, впиваясь пальцами в мою кожу.

— Что это значит? — Она затрясла меня. — Что это значит?

— Кто-то ее забрал, — ответила я, глядя в землю, не в силах смотреть ей в лицо.

— Кто? Почему?

Я вырвалась из ее хватки. Не могла выдержать нахлынувшие на меня эмоции Джеки.

Оливия встала между нами, обняла Джеки и заговорила с ней тихим голосом, пытаясь успокоить.

Я пошла дальше по тропе, опустилась на колени и положила руки в грязь. Закрывает глаза, пытаюсь что-то почувствовать. Ничего. Никаких мерцаний. Никаких видений.

— Что ты об этом знаешь? — спросил Айзек, нависая надо мной с рюкзаком Тауни.

— Не очень много. — Я встала, стряхивая пыль со штанов. — Тауни с кем-то встречалась. С мужчиной, кажется. Она принесла ему еду. Вот что в рюкзаке.

Рукой в перчатке Айзек открыл рюкзак и заглянул внутрь. Он взглянул на Стоуна и кивнул.

— Где она? Куда он ее забрал? — сквозь рыдания спросила Джеки.

Я покачала головой.

— Не знаю. Но где бы она ни была, Тауни не здесь. Ее нет в этом лесу.

Я не участвовала в поисках. Если честно, знала, что кроме рюкзака больше ничего не найдут. И судя по тому, как все местные смотрели на меня, лучше всего поскорее убраться отсюда. Мое присутствие только отвлекало.

В общем, я отправилась в продуктовый магазин. Прежде чем войти, мысленно составила список необходимых покупок, планируя поход в магазин еще на парковке. Оливия всегда считала меня сумасшедшей из-за этой моей привычки, но я не только быстро справлялась с задачей, но и не набивала тележку всякой ерундой, как делала она.

Просчитав все в голове, я вошла внутрь. Через пятнадцать минут я уже стояла на парковке, загружая машину, и у меня с собой было достаточно продуктов, чтобы прокормить нас до понедельника. Я бы закончила раньше, если бы городские сплетницы не перекрыли почти все проходы, услышав о поисках Тауни.

Когда я укладывала последний пакет в багажник, то почувствовала, что кто-то приближается. Посмотрев через плечо, я увидела Остина, идущего ко мне через парковку. Он криво улыбался, демонстрируя ямочку на своей щеке.

— Вот так приятный сюрприз, — заявил Остин, сверкнув белозубой улыбкой. — А я собирался позвонить тебе сегодня вечером.

— Позвонить? — удивилась я, закрывая багажник. — Зачем?

— Напомнить о субботе. Я позвал тебя на свидание, помнишь? Только ты мне так и не ответила.

— О. — Я совсем забыла о его приглашении. — Прости. Я, эм...

— Знаю, предложение неожиданное. Если у тебя уже есть планы, я пойму, — пробормотал Остин, оглядывая стоянку и больше не встречаясь со мной взглядом. — Просто подумал, будет весело, вот и все. Ничего особенного.

Вот так сюрприз, сюрприз, ну вы поняли. Неужели Остин Вандерсон нервничал?

— Я бы с удовольствием пошла на ужин, но... Хотя и сказала Оливии «нет», я практически уверена, она потащит меня на благотворительный аукцион Бриджесов. Оливия заставляет меня ходить туда каждый год. А поскольку ее родители сыграли роль в моем воспитании, мне трудно не поддерживать фонд Эдит.

— Это в эти выходные? Черт. Я получил приглашение, но на работе такая суматоха, что упустил дату.

— Тебе стоит прийти. Может быть, я даже угощу тебя выпивкой.

Его ямочка вернулась.

— Мисс Рейвен, вы со мной флиртуете?

— Флиртую? Нет. Я не знаю, как флиртовать, даже если бы хотела. — Я прислонилась к задней части машины, стараясь не обращать внимания на всех, кто сгрудился у магазина, указывая на меня. — Отец Оливии всегда покупает мне одну из этих карточек «алкоголь бесплатно». Практически единственный день в году, когда я могу позволить себе купить кому-то выпивку.

Остин засмеялся, придвигаясь ближе.

— Ну, в таком случае, увидимся там. Может, ты купишь напитки в субботу вечером, — он поднял руку, одним пальцем заправив прядь моих волос за ухо, — а я угощу тебя в следующий раз, когда мы увидимся? — Он игриво взмахнул бровями.

— Осторожнее, мистер Вандерсон. Я могу принять ваше предложение. В последнее время я редко выхожу в свет. — Доставая ключи из сумочки, снова огляделась вокруг. — Любители вил уже собрались, — прошептала я, кивнув в сторону сплетников. — Я лучше пойду, пока они не сожгли меня на костре.

Остин посмотрел в сторону магазина, его глаза расширились от удивления, когда он заметил, что у нас есть зрители.

— В чем дело?

— Ты не слышал?

Он покачал головой.

— Я только вернулся в город. Весь день провел на совещаниях в Сити.

— Тауни Далтон пропала. Я навела полицию на ее рюкзак в лесу. Мельница слухов запущена.

— Пропала? С ней все в порядке? — спросил Остин, в его глазах читалась озабоченность, когда он изучал мое лицо.

Я покачала головой.

— Не знаю, где она, но точно не в порядке. Ее похитили.

— В Дейбрик-Фоллсе? О, черт. Могу я чем-нибудь помочь?

— Полиция обыскивает лес за парком Брайсона. Тауни там нет, но в любом случае они должны его осмотреть.

— Я пойду туда, — решил Остин. — Даже если она не там, чем быстрее они прочешут лес, тем быстрее смогут перейти к следующей зацепке. Я не очень хорошо знаю Далтонов. Сколько лет их девочке?

Я вздохнула, не желая отвечать.

— Четырнадцать.

Остин присвистнул.

— Черт. Ясно. — Он протянул ладонь, нежно поглаживая мою руку: — Тебе что-нибудь нужно?

— Нет. Я поеду домой, чтобы покормить Фрэнсиса и проведу миссис Полсон. А потом отправлюсь спать. Мне нужно выспаться. Я работаю на износ.

— Хорошо, веди осторожно. — Остин сдвинул руку, прижавшись к моей щеке. — Если тебе что-нибудь понадобится, позвони мне. — Он опустил руку и попятился назад. — Был рад тебя видеть, красавица. — Его ямочка снова появилась, прежде чем он повернулся, чтобы направиться к своей машине.

Я опустила голову и отвернулась покраснев. Внезапно снова почувствовала себя школьницей, но в свою защиту скажу, что Остин Вандерсон флиртовал со мной.

Я спрятала улыбку под рукой, когда усаживалась в машину. Оливия просто обалдеет, когда я ей расскажу. Она выросла вместе с Остином, и хотя их родители всегда надеялись, что когда-нибудь они поженятся, ни один из них никогда не проявлял интереса к другому.

Всю дорогу домой я ехала ухмыляясь. Когда остановилась на узкой подъездной дорожке перед отдельным гаражом, мое веселье улетучилось. Фрэнсис наблюдал за мной из окна гостиной.

Чтобы выгрузить все продукты, мне потребовалось два раза обойти дом сзади и войти через кухню. Во время второго похода я заметила, что один из пакетов на столе сдвинут с места.

Поставив вторую партию пакетов, я заглянула в гостиную. Фрэнсис сидел в своем

кресле и ел куриную ножку. Я вернулась и заглянула в пакет с продуктами. Фрэнсис открыл один из двух контейнеров с жареной курицей и оторвал ножку.

Вздыхнув, я достала разделочный нож и разрежала оставшуюся часть курицы, переложив часть на бумажную тарелку. Добавила картофельное пюре, кукурузу и бисквит, после чего отнесла тарелку в гостиную. Фрэнсис выхватил тарелку из моих рук, бросив обглоданную куриную кость на подставку.

Я забрала куриную ножку и выбросила ее в мусорное ведро на кухне. Пока убирала остальные продукты, съела свой ужин. Покончив с едой, разложила остатки по контейнерам для хранения. Два контейнера отправились в холодильник для обеда на следующий день. Два других поставила на стойку у двери в кухню.

Вернувшись в гостиную, взяла пустую тарелку и пластиковую вилку и выбросила их в ведро, после чего закрыла шкафчик для мусора. Не успела я поднять голову, как услышала дыхание Фрэнсиса. Он стоял в нескольких футах передо мной в центре кухни. Слишком близко. Я позволила ему подойти слишком близко.

Я отступила назад, прислонившись к шкафам, подняв руки, чтобы заблокировать атаку. Он стоял там, не двигаясь. Только спустя секунду я поняла, что он не нападает. Его мышцы были расслаблены. Кисти рук оставались прямыми, а не сжатыми в кулаки.

Я внимательно взгляделась в его лицо. Ожидая увидеть гнев, но вместо этого заметила то, чего не наблюдала уже много лет. Печаль.

В его глазах блестели непролитые слезы. Нижняя губа дрожала, когда он смотрел на меня.

— Папа? — спросила я, почти боясь ответа. В страхе, что увиденное нереально.

Его нижняя губа продолжала дрожать, когда он ответил:

— Мне так жаль, Давина. Мне правда жаль, что все так обернулось.

Я поднесла руку ко рту, затаив дыхание. Нет, этого не может быть. Его не было так долго. Мое сердце разрывалось на части, пока я смотрела на него. Это был он. Мой папа.

— О, папа, это на самом деле ты? — Руки тряслись, а в глазах стояли слезы, затуманивая зрение.

— Я не могу это остановить, — плача, признался папа. — Я все время пытаюсь, но у меня не хватает сил.

— Ты помнишь, кто я? — спросила, протягивая руку и кладя ее ему на плечо.

— Я не могу защитить тебя. Мне так жаль, милая. Я не могу защитить тебя.

Я обняла его.

— Все хорошо, папа. Все будет хорошо.

Он обнял меня в ответ, окутывая такой любовью, какой я не чувствовала уже много лет.

— Я люблю тебя, милая. Помни об этом. Помни, что я люблю тебя.

Я почувствовала, как он напрягся в моих руках, а его руки опустились по бокам.

— Я чувствую это, — предупредил папа, отталкивая меня. — Прости меня, Давина. — Он бросился бегом в гостиную.

Я последовала за ним, когда он внезапно остановился. Он замер на месте, спиной ко мне. Я ждала, пытаясь понять, что происходит.

Затем на моих глазах произошла трансформация. Его расслабленные мышцы напряглись. Руки сжались в кулаки. Он повернул голову, и взглянул на меня через плечо пустыми глазами.

Моего отца больше не существовало. Его во второй раз заменил монстр.

Он зарычал, щелкая зубами, как дикий зверь, прежде чем зашаркать в гостиную.

Я попятилась назад на кухню, когда раздался скрип его кресла, а затем металлический лязг защелкивающейся подставки для ног.

Когда я услышала, как увеличилась громкость телевизора, по моему лицу потекли слезы.

Я кивнула сама себе, пытаясь принять потерю отца во второй раз.

— Это я, — объявила о себе, входя в дом через заднюю дверь миссис Полсон. Я не поднимала головы, направляясь на кухню. — Вы ужинали?

— Еще нет, — ответил Ноа из-за кухонного стола. — Ты прихватила достаточно еды на двоих?

Я рассмеялась, увидев Ноа и миссис Полсон за столом, где они прервали свою игру в карты.

— Когда это я не приносила еду для сына-лентяя моей подруги?

— Лентяй? Ай, как обидно. — Легкая улыбка Ноа померкла, когда он посмотрел на меня. — Что такое? Что случилось? Ты плакала.

Я достала контейнеры с едой и придвинула каждому из них по одному.

— Я в порядке. Просто поговорила с папой. — Взяла столовое серебро и салфетки на кухне. — Ребята, вам нужно что-нибудь из напитков? Или соль и перец?

— Перец, пожалуйста, — ответила миссис Полсон, заглянув в свой контейнер. — Ты не называла Фрэнсиса папой уже несколько лет. Что случилось?

Я достала перец и поставила его рядом с миссис Полсон.

— Точно не знаю. — Потом прислонилась к буфету. — Когда я пришла домой, он вел себя как обычно. Но потом, на какую-то минуту, перестал быть сумасшедшим. Он понимал, кто я. Понимал, где находится. — Мой голос надломился, когда я добавила: — Это был он.

— А потом он снова исчез, — кивнув, закончила миссис Полсон. — Мне так жаль, Давина. Ты этого не заслуживаешь.

Я беззлобно рассмеялась.

— Не заслуживаю? Мы получаем те карты, что нам выпали, — возразила я, шагнув к столу и постучав по отброшенной стопке их колоды «Уно». — Счастливый случай, верно?

Ноа наблюдал за мной, нанизывая на вилку кусок курицы.

— Я бы сказал, что тебе выпало слишком много плохих карт.

— На этой неделе я готова с тобой согласиться. Устала жутко, — пробурчала я, пересекая кухню, чтобы разгрузить посудомоечную машину.

— И все же ты не можешь усидеть на месте, — хихикнула миссис Полсон. — Наша Давина Рейвен никогда не сидит без дела.

Я засмеялась, складывая чистые тарелки в шкаф.

— Если я перестану двигаться, то просто упаду. Кроме того, это не работа. Придя сюда, я как будто немного отключаюсь от реальности, понимаете?

— К сожалению, понимаю, — призналась миссис Полсон. — Тебе рады в любое время. Ты — член семьи.

— Да, — жуя, согласился Ноа. — До тех пор, пока ты продолжаешь нас кормить.

Я схватила губку и бросила в него. Он поймал ее и со смехом швырнул обратно. Ноа такой молодец. Всегда старался поднять настроение.

— Ноа, — строго проговорила миссис Полсон. — Не думай, что я не шлепну тебя по губам, если ты снова заговоришь с едой во рту.

Я показала язык Ноа. Он хихикнул, но держал рот закрытым.

После того как они закончили есть, я согласилась сыграть одну партию в «Уно». Одна игра превратилась в три, пока я, наконец, не объявила о своем желании пойти отдохнуть.

Когда я вошла в дом, то не удивилась, обнаружив, что свет выключен. Меня больше поразило, что телевизор не работает. Я взглянула на часы. Было только восемь.

Пожав плечами, я решила, что ранний отход ко сну — это как раз то, что нам обоим нужно. Заперев дом, я прошла в свою комнату, где тщательно заперлась на оба замка. В ванной включила воду, что наполнить ванну для купания.

Пока вода набиралась, я собрала волосы в беспорядочный пучок, затем закрепила выбившиеся волосы и челку тканевой повязкой. Услышав шум слева от себя, я повернулась к другой двери в ванной. Той, что вела в комнату Райны. У нас с сестрой была общая ванная. Дверь, ведущая в спальню Райны, имела засов, который закрывался изнутри ванной. На двери в мою комнату, стоял засов, запирающийся в обе стороны. Я специально спланировала замки таким образом, чтобы в случае необходимости суметь закрыться и в ванной, и в своей комнате.

Судя по шуму по ту сторону двери, Фрэнсис находился в комнате Райны. Я никогда не ставила замок на дверь ее спальни, поскольку никто из нас — насколько знала — не заходил в ее комнату после смерти мамы.

Я осторожно приблизилась и прислонила голову к двери, чтобы прислушаться. Что бы Фрэнсис ни делал, он остановился. Я продолжала слушать, наблюдая за наполнением ванны. В конце концов, мне пришлось наклониться и выключить воду, но потом я вернулась к двери и слушала еще добрых пять минут, прежде чем решила, что он, должно быть, ушел.

Я снова повернулась к зеркалу, раздумывая, стоит ли вообще принимать ванну. Конечно, замки выдержат. И дверь из цельного дерева. Я буду в безопасности. Он не сможет добраться до меня здесь.

Но все же... Не мешало принять дополнительные меры предосторожности. Я пошла в спальню и вернулась через несколько секунд с телефоном, который положила на стойку в ванной, и электрошокером. Его мне подарил Брейдон в прошлом году на день рождения. Безусловно, это лучший подарок, чем абонемент на два года эпиляции бикини, который преподнесла Оливия.

Я положила электрошокер на пол, примерно в футе от ванны, затем заперла на засов дверь между ванной и моей комнатой. Постояв еще минутку, глядя на обе двери, я убедила себя, что мыться безопасно.

Через несколько минут, лежа в ванне, я почувствовала, как с моих плеч спадает последнее напряжение. Пару секунд спустя я снова услышала Фрэнсиса в комнате Райны. Открылся ящик, затем закрылся. Потом еще один ящик.

Что он искал в комодке Райны? Там нет ничего, кроме одежды девочки-подростка. Я обыскала комнату Райны после ее исчезновения. Надеялась найти что-нибудь, что объяснило бы, почему она ушла той ночью, почему вылезла из окна своей спальни. Спустя несколько часов мама нашла меня плачущей на полу в спальне сестры, подо мной лежала куча ее вещей.

Мама ничего не сказала. Она просто подняла каждый предмет одежды по одному, складывая и убирая их обратно в комод. Закончив, она ушла, оставив меня там.

Очередной звук вырвал меня из воспоминаний. На этот раз я услышала, как окно в комнате Райны то ли открывают, то ли закрывают.

Что он теперь задумал? Фрэнсис мог выйти из дома в любое время, хотя существовали невидимые границы, которые он почему-то никогда не переступал. Самое большее, на что он решался, выходя через парадную дверь, — это несколько футов по крыльцу. Но от двери

кухни он мог не только спуститься по ступенькам крыльца, но и пересечь двор и половину подъездной дорожки. Никакой причины открывать или закрывать окно Райны у него просто нет.

Я ждала, но дальше последовала только тишина. Я оставалась в ванне до тех пор, пока мои пальцы не побелели, а кожа на руках не сморщилась. Не в силах больше терпеть прохладную воду, я схватила полотенце и обернула его вокруг себя. Пальцами ног вытащила пластиковую пробку из слива, а затем шагнула на прохладный кафельный пол.

Взглянув на обе двери, я пожалела, что не захватила с собой в ванную одежду. Почему-то, обнаженная, я чувствовала себя более уязвимой.

Усилием воли заставила себя сосредоточиться на привычных процедурах после ванны. Пока кожа была еще влажной, я втирала дорогой лосьон для тела — подарок Эдит, доставшийся мне после их весеннего отпуска в Европе. Наклоняясь, чтобы натереть лосьоном ноги, я почувствовала, как теплый воздух проникает из-под двери Райны. Кондиционер работал, так что в комнате должно быть так же прохладно, как и в остальном доме — если только Фрэнсис не оставил окно открытым.

Я взяла телефон со стойки и позвонила Ноа.

— Уже соскучилась? — веселясь ответил Ноа.

Вслушиваясь наполовину в его слова, наполовину в шум по ту сторону двери, я все пыталась убедить себя открыть дверь и проверить комнату.

— Давина? Ты здесь? Это же не набор задницей, правда? — со смехом спросил Ноа. — Конечно, если ты набрала задницей, то вряд ли услышишь...

— Я здесь, — прервав его, ответила я. — Это не набор задницей. Ты все еще у своей мамы?

— Фильм, который мы смотрели, только что закончился. Я как раз собирался уходить. Тебе что-нибудь нужно?

— Ты можешь выглянуть на улицу и проверить, открыто ли окно в спальне Райны? Посмотришь?

— Секунду. — Я услышала, как он зашевелился, потом: — Отсюда не видно. Я выйду наружу, подожди.

— Будь осторожен, Ноа, — предупредила я. — Возможно, ничего, но...

— Понял. — Через телефон я услышала, как открылась дверь, затем Ноа велел матери запереть за ним.

— Что происходит? — спросила миссис Полсон.

— Я сейчас вернусь, мам. Обещаю, — заверил ее Ноа, прежде чем раздался звук закрывающейся двери. — Хорошо, я снаружи. Свет в комнате Райны выключен, а окно закрыто. Что происходит?

— Оставайся во дворе своей мамы. Мне нужно проверить комнату Райны.

— Если ты думаешь, что там кто-то есть...

— У меня с собой электрошокер. Просто дай мне минутку. — Я положила телефон на стойку и включила громкую связь, затем подняла электрошокер с пола и провела большим пальцем по курку. Крепко сжимая свое оружие, я сдвинула засов, сделала глубокий вдох и распахнула дверь ванной.

Вытянув электрошокер перед собой, я опасалась, что уроню его, так как рука дрожала. Свободной рукой я нащупала стену внутри комнаты и шагнула внутрь. Найдя выключатель, щелкнула им вверх.

И отпрыгнула назад, пискнув от удивления, когда уронила электрошокер и прижала руку к груди. А потом рассмеялась, поняв, что меня напугало собственное отражение в зеркале Райны.

Комната выглядела пустой. Дверь в коридор закрыта. Шкаф и окно заперты. Повсюду лежал слой пыли, но в целом обстановка оставалась прежней.

Ничто из замеченного мной не объясняло, почему в комнате на несколько градусов теплее. Как будто летняя жара проникла внутрь. Может, Фрэнсис открыл окно в начале дня, а потом вернулся и закрыл его, пока я принимала ванну?

Подняв электрошокер с пола, я медленно двинулась по комнате.

— Симпатичное полотенце, — заметил Ноа через динамик телефона. — Не будь ты мне как сестра, все могло бы быть гораздо интереснее.

Я демонстративно отвернулась от окна. И услышала смех Ноа в трубке.

Пройдя через комнату, я заглянула в шкаф, затем подошла к двери и открыла ее, чтобы проверить коридор. Свет в остальной части дома все еще не горел, и Фрэнсиса нигде не было видно. Закрыв дверь, я нажала на кнопку замка.

Желая надежнее защитить дверь, я подошла к столу Райны, положила электрошокер и подтащила ее стул к порогу спальни. Подперла стулом ручку двери.

Чувствуя себя в большей безопасности, я направилась к окну, сначала проверив замок. Он оказался незапертым, но мог оставаться таким годами. Я открыла окно и помахала Ноа, чтобы он подошел.

— Я не помню, чтобы здесь было так темно, — пробурчал Ноа, появляясь в окне. — Мне казалось, в этом месте есть фонарь.

— Есть. Он разве не горит? Светильник установлен под козырьком крыши, ближе к кухне.

Ноа включил фонарик своего телефона, посветив им вверх, в сторону улицы.

— Я вижу фонарь. Наверное, лампочка перегорела.

— У меня есть лампочки в гараже. Поменяю завтра. — Я подошла к комоду Райны и открыла верхний ящик.

— Ну и.., — просунув голову в не зашторенное окно, поинтересовался Ноа. — Что заставило тебя испугаться? Твой отец?

— Он приходил сюда. Я принимала ванну и слышала, как он рылся в комод, потом что-то делал с окном. — В ящиках комода ничего не пропало, но стопки одежды валялись как попало, словно кто-то рылся в одежде сестры.

— Зачем Фрэнсису заходить в комнату Райны? — спросил Ноа. — Что он может искать?

— Кто знает. Ничто из того, что он делает, не имеет для меня никакого смысла. — Закрыв последний ящик, я вернулась к окну и присела на корточки, чтобы оказаться на уровне глаз Ноа. — Мне нужно тебе кое-что сказать, — прошептала я, пытаюсь сохранить серьезное выражение лица. — Но я не хочу, чтобы ты воспринял это неправильно.

— О, да? Что именно? — усмехнулся Ноа, скрестив руки на подоконнике.

Я наклонилась ближе, между нами остались считанные сантиметры.

— Ты выглядишь смешно с этим персиковым пухом на лице. — Я откинулась назад, хихикая, наблюдая, как его серьезное выражение лица меняется на более игривое. — Когда ты собираешься отказаться от отращивания козлиной бородки? Уже сколько лет прошло?

— Ты ужасный друг, — заявил Ноа с ухмылкой, пятясь к дому своей матери. Он показал

вверх на дом. — Я поменяю лампочку утром. Даже если ты не заслуживаешь моей помощи. — Он повернулся и пошел прочь, но через плечо бросил: — И сегодня я ночую у мамы. Если что-то понадобится — звони.

— Спасибо, Ноа, — поблагодарила я.

— В любое время, Давина. Спокойной ночи.

Я подождала, пока не услышала, как открылась дверь на заднем крыльце миссис Полсон, прежде чем захлопнуть и запереть окно. Замок защелкнулся, но держался неплотно. Я пошевелила его и вздохнула, когда он задвигался взад-вперед по оконной раме. Вероятно, винты ослабли. Конечно, придется добавить замок в бесконечный список необходимых ремонтных работ, но для сегодняшнего вечера сойдет.

Я вернулась к себе в комнату, по пути заперев все замки. Быстро надела хлопковые шорты и футболку, выключила свет в спальне и забралась в кровать.

И почти сразу уснула.

Я резко проснулась и села в постели. Дверь. Замок. Кто-то стоял за дверью моей комнаты в коридоре.

Фрэнсис.

Подтянув ноги под себя, я прислонилась спиной к изголовью кровати. Машинально потянулась к тумбочке за электрошокером, но его там не было.

Стол Райны. Я забыла его на столе Райны.

Царапающий звук, разбудивший меня так резко, продолжался.

Я включила прикроватную лампу.

Царапанье на мгновение прекратилось, затем возобновилось с большей силой.

Я наблюдала, как дергается засов. Он пытался вскрыть замок. Хотел проникнуть в мою комнату.

— Фрэнсис! — закричала я.

Царапанье прекратилось.

— Фрэнсис, уже поздно. Иди спать.

Тишина.

— Я серьезно. Иди в постель. — Я говорила медленно, спокойно, пытаюсь казаться властной. — Ты же не хочешь, чтобы я позвонил Ноа? Помнишь прошлый раз? Лекарство? Ноа совсем рядом, не заставляй его звать.

Наступила долгая молчаливая пауза, прежде чем я услышала, как Фрэнсис шаркает по коридору обратно в свою комнату. Его дверь захлопнулась с сильным стуком.

Это может быть уловкой. Он просто ждет, когда я снова засну.

Я слезла с кровати и побежала через всю комнату, чтобы схватить свой телефон с комода. Быстро вернулась назад, и снова забралась в постель, натянув простыню на колени.

Прижимаясь спиной к изголовью и держа свет включенным, я сидела, уставившись на дверь. Смотрела. Ждала. Прислушивалась.

Глава 18

Рано утром следующего дня, когда я готовила омлет на кухне, кто-то постучал в дверь. Я подошла и отодвинула занавеску в сторону.

На крыльце стояла Оливия и махала мне рукой, подпрыгивая от нетерпения на месте.

Я отперла и открыла дверь.

— Тихо, — прошептала подруге. — Фрэнсис все еще спит. Он не ложился почти всю ночь.

— Поняла, — так же шепотом ответила Оливия, входя внутрь. И ногой закрыла дверь, позволив ей с грохотом врезаться в дверную коробку.

Я закрыла глаза, качая головой.

— Упс, — тихо пискнула Оливия.

Скрипнула дверь спальни Фрэнсиса.

Я поднесла палец к губам.

— Оставайся здесь. Прямо у двери.

— Но мне нужно поговорить с тобой, — захныкала Оливия.

— Стой на месте, — указала ей на пол. — Я серьезно, Оливия.

Вернулась к омлету на сковороде, переложила его на бумажную тарелку, уже стоявшую на столе. Добавила пластиковую ложку, затем взяла тарелку и стакан с апельсиновым соком и пошла с ними к арке между гостиной и столовой.

Фрэнсис стоял в середине коридора, сжимая руки в кулаки и напрягая мышцы. Боевая стойка. Готов к драке.

— Я приготовила завтрак. Ты должен поесть, пока еда не остыла, — опустил глаза в пол, попросила я.

Он сделал два резких шага вперед, следя за тем, как я отреагирую.

Я медленно отступила на два шага назад, давая ему возможность пройти в гостиную.

Его дыхание было тяжелым, Фрэнсис то задыхался, то выдыхал. С рычанием он прошел в гостиную и плюхнулся в кресло.

Я подождала, пока он возьмет в руки пульт и включит телевизор, а затем подошла и поставила тарелку и стакан на подставку рядом с его креслом. Фрэнсис не обратил на меня внимания, поднимая тарелку. Он уже сосредоточился на телевизоре.

Я вернулась на кухню, снова подав знак Оливии молчать. Бумажным полотенцем протерла сотейник и нож, не тратя время на мытье. Затем убрала оба в запирающиеся шкафы, положив их на свои места. Я заперла шкаф со сковородками, но когда принялась закрывать шкаф с ножами, поняла, что один нож пропал.

Разделочный нож. Накануне вечером я использовала его, чтобы нарезать жареную курицу.

Повернулась назад, обыскав сначала столешницу. Не обнаружив его, я заглянула в посудомоечную машину, хотя она не работала уже больше года. Проверила ящики. Внутри холодильника. Я даже обыскала мусорное ведро. И не смогла его найти. Разделочный нож исчез.

Подойдя к арке, я посмотрела через всю комнату на Фрэнсиса. Неужели нож у него? Именно им он пытался взломать мой замок прошлой ночью?

— Что случилось? — прошептала Оливия рядом со мной.

Услышав Оливию, Фрэнсис повернул голову в нашу сторону. Вскочил со своего кресла и швырнул свой завтрак через всю комнату.

— Оливия, уходи! — велела я, подталкивая ее к кухне. Мой взгляд оставался прикованным к Фрэнсису. — Уходи отсюда!

— Но...

Я сцепила руки перед собой, готовясь защищаться, если он нападет.

— Живо!

— А ты? — спросила Оливия, направляясь на кухню.

Я не сводила глаз с Фрэнсиса.

— Иди, Оливия!

Фрэнсис стоял в гостиной, пристально глядя на меня. Его дыхание снова стало тяжелым. Он сжимал руки в кулаки.

— Она уходит, — сообщила я ему. — Ты должен позавтракать.

Он шагнул вперед.

Я осталась на месте.

Я услышала, как открылась дверь кухни, а затем Оливия сбежала по ступенькам крыльца.

— Видишь? Она ушла. Ее нет. — Я сохраняла спокойный голос, несмотря на страх, пронизывающий меня насквозь.

На крыльце раздались новые шаги — на этот раз более тяжелые.

Фрэнсис перевел взгляд на кухню, ожидая увидеть, кто еще появился.

— Это просто Ноа, — напомнила я ему. — Помнишь Ноа? Соседский мальчик?

Фрэнсис оскалился, но не сдвинулся с места.

— Доброе утро, Фрэнсис, — услышала я голос Ноа за своей спиной. — Давай не будем этого делать, хорошо?

Глаза Фрэнсиса снова обратились ко мне.

— Мы собираемся уходить, — предупредила я его, оттесняя Ноа. Шаг за шагом, мы отступили на кухню. — Ты завтракаешь и смотришь телевизор.

Фрэнсис двинулся следом за нами, но скорость его шагов совпадала с нашей. Мы отступили назад, он шагнул вперед. Мы продолжали идти в ногу, пока проходили через кухню. Я остановилась возле кухонной двери.

— Ноа, закрой шкаф за тобой.

Я услышала, как хлопнулась дверца шкафа и защелкнулся замок.

Фрэнсис перевел взгляд с меня на шкаф. Когда он снова посмотрел в мою сторону, на его лице появилась ехидная ухмылка. Нож. Он был у него. И он хотел, чтобы я это знала. Он хотел, чтобы я боялась.

— Я ухожу. Мы оба уходим. Иди смотри свой телевизор, — повторила я, забирая сумку с торца столешницы и передавая ее Ноа.

Схватила свой телефон, засунув его в карман джинсов. Перекинула сумочку через плечо и забрала ключи.

— Пойдем, Ноа, — позвала я, пятясь на крыльцо.

Не успела я закрыть дверь, как Фрэнсис метнулся к порогу и хлопнул ее.

— Давай, давай, давай, — шептала я, увлекая Ноа за собой вниз по лестнице.

— Я чувствую себя немного обманутым, ведь ты не предложила мне чашку кофе, — пошутил Ноа за моей спиной, пытаясь разрядить обстановку.

Я потащила его за руку к задней двери дома его матери, втолкнула внутрь и закрыла за нами дверь. У меня вырвался длинный вздох, и я сдавленно всхлипнула, прикрыв рот рукой, чтобы скрыть, насколько сильно расстроена. Я не знала, сколько еще смогу выдержать.

Стоило мне повернуться, как Оливия кинулась мне на шею.

— Я так волновалась. Он выглядел таким злым.

Я оттолкнула Оливию, устремив на нее тяжелый взгляд.

— О чем ты вообще думала? Я прошу вести себя тихо — ты хлопаешь дверью. Я говорю тебе оставаться у двери — ты идешь в столовую. Я велела уходить — ты остановилась, чтобы задать мне вопросы? — Я схватила ее за бицепс, прижав к себе сильнее, чем следовало. — Оливия Бриджес-Холт, о чем ты думала?!

Ее глаза округлились. Выражение лица застыло где-то между шоком и страхом.

— Ох, ты в бешенстве. Совсем обезумела. — Оливия сделала шаг назад.

Ноа протиснулся мимо меня, фыркая.

— Ты приготовила завтрак? Я умираю с голоду. — Он поставил сумку на прилавок, доставая контейнеры.

Я сверкнула глазами на Ноа.

Ноа пренебрежительно отмахнулся от меня.

— Я что, должен бояться? — Он откинул крышку с одного из контейнеров. — Омлеты. Неплохо.

Я топталась по кухне, доставая тарелки и столовое серебро.

— Оливия, принеси острый соус. Ноа, в другом контейнере — картофельные хашбрауны. Несите все к столу.

— Да, мэм, — отозвался Ноа, подхватывая контейнеры.

Я взяла лопаточку и разложила всем еду, после чего вернулась на кухню и начала варить кофе. Время еще раннее. Ноа был без футболки, в одних серых спортивных штанах. Миссис Полсон накинула халат поверх ночной рубашки, она еще не успела одеться. Моя семейная драма, очевидно, заставила их начать день раньше, чем они планировали.

— Перестань волноваться, милая, — посоветовала миссис Полсон. — Тебе нужно поесть. Не думай, что я не заметила, что ты снова похудела.

Я налила ей стакан сока и захватила таблетки. Прежде чем сесть на стул рядом с Ноа, положила их рядом с ней. Уставилась в свою тарелку, заставляя себя не плакать. Слезы не помогут. Они только разозлят меня еще больше.

— Сыра мало, — заявил Ноа, указывая вилкой на омлет, прежде чем запихнуть его в рот.

— И зеленого перца, — добавила Оливия. — Не хватает зеленого перца.

— Пока вы двое не научитесь готовить сами, — сузив глаза, осадил их миссис Полсон. — Я бы посоветовала вам закрыть рты и наслаждаться бесплатной едой.

Оливия хихикнула. Ноа ухмыльнулся. Ни у одного из них не хватило смелости спорить с миссис Полсон.

Их игривое подшучивание погасило мой гнев. Я не могла винить Оливию за ситуацию с Фрэнсисом. Это несправедливо.

— Где мальчики? — спросила я подругу, разрезая вилкой свой омлет.

— Все еще спят, — ответила Оливия, вставая и подходя к холодильнику. — Я попросила Брейдона отвезти их в детский сад, если не вернусь к тому времени, как ему будет пора на работу.

Я наблюдала за ней, пока она шла обратно к столу, неся кетчуп. Оливия не поднимала головы, избегая зрительного контакта, когда лгала.

Я усмехнулась, проглотив кусочек еды, прежде чем спросить:

— Брейдон уже проснулся, когда ты просила его отвести мальчиков в детский сад?

— Мм, — промямлила Оливия, пытаюсь придумать умный ответ. — Ну, понимаешь... — Она резко вздохнула. — Ладно, хорошо. Нет, Брейдон не знает, что я уехала и поручила ему разобраться с мальчиками. Но он справится с этим. А я найду способ загладить свою вину перед ним.

Я рассмеялась.

— Но, я оставила ему записку, — ухмыльнулась Оливия.

Миссис Полсон рассмеялась.

— Ты единственная в своем роде, Оливия Бриджес. Единственная в своем роде.

— Слава богу, — проворчал Ноа. — Не уверен, что мы смогли бы справиться с двумя.

Оливия зацепила хашбраун вилкой, направив ее в сторону Ноа.

Я уставилась на нее, сузив глаза.

— Даже не думай!

Она посмотрела на меня, в ее взгляде плясали смешинки, после чего развернула вилку и принялась за картофель.

Миссис Полсон хихикнула и переключила свое внимание на меня.

— Давина, дорогая, ты выглядишь уставшей. У тебя проблемы со сном?

— Можно и так сказать. В последнее время Фрэнсис совсем не дает расслабиться.

— После завтрака я пойду его проверю, — решил Ноа. — Посмотрю, успокоился ли он.

— Нет. Я не могу тебе этого позволить.

— Ты думаешь, я не справлюсь с твоим стариком? — спросил Ноа, разминая мышцы голых рук.

Я ухмыльнулась.

— У Фрэнсиса где-то спрятан разделочный нож.

Ноа посмотрел мимо меня на стену, обращенную к моему дому.

— Что ж, это меняет дело. — Он почесал клочок волос на подбородке. — Каков план?

— После завтрака напишу Лансу. Он сможет отвлечь Фрэнсиса, пока я буду обыскивать дом.

Ланс Додд был лучшим другом Фрэнсиса в старших классах. И когда Ланс приходил, Фрэнсис видел только своего школьного приятеля. Он не замечал, что они оба постарели. Не помнил, что у обоих умерли жены. Фрэнсис знал только, что Ланс — его друг. Поэтому при необходимости я звонила Лансу, чтобы отвлечь Фрэнсиса, но старалась не прибегать к его помощи слишком часто.

— А как же работа? — спросила миссис Полсон. — Разве у тебя нет уборки сегодня утром?

Я кивнула, проглотив кусок, чтобы ответить.

— Напишу Трейси. Она убирала банкетный зал за меня пару раз. Если еще не занята, думаю, она сможет меня подменить. Так у меня будет несколько часов сегодня утром.

Кофейник подал сигнал, что кофе готов. Я собиралась встать, но Ноа положил руку мне на плечо, останавливая.

— Я сам. Ешь. — Он подошел и начал наполнять кофейные чашки, которые я уже поставила на стойку. — Половина ложки сахара, мам?

— Да, пожалуйста, — ответила ему миссис Полсон, прежде чем снова повернуться ко мне. — После завтрака ты должна вздремнуть в комнате Ноа. Я разбужу тебя, когда придет Ланс.

Я посмотрела на Ноа, когда он ставил чашки с кофе на стол.

— Простыни чистые?

Мы обменялись ухмылками.

— Да, но я работаю только во вторую смену. А поскольку не спал с трех утра, — он поднял бровь, одарив меня выразительным взглядом, — когда в твоей спальне зажегся свет, я и сам планировал вздремнуть.

Я нахмурилась.

— Прости. Я...

— Не продолжай, — прервал меня Ноа, садясь. — Но время пришло, Давина. Твоему отцу становится хуже, а не лучше. И если ты боишься заснуть... — Ноа покачал головой, глядя на меня печальными глазами. — Пришло время, Ди. Пришло время его отпустить.

Свежие слезы потекли по моим щекам. Оливия вышла из-за стола, вернувшись с салфеткой для меня.

— Я не уверена, что смогу это сделать. — Я вытерла лицо салфеткой, затем высморкалась. — Помнишь, что случилось в прошлый раз? Что если Фрэнсис снова попытается покончить с собой? По крайней мере, дома он не причиняет себе вреда.

— Ты сделала все, что могла. — Миссис Полсон, протянула руку через стол, и положила ее мне на предплечье. — Будь я на его месте, то, как и твой отец, хотела бы, уберечь тебя. Я бы хотела, чтобы ты отправила меня подальше. Ты рассказала нам вчера вечером, что на мгновение он стал самим собой. Он был расстроен, понимая, что причиняет тебе боль. Он все еще любит тебя, Давина. Поэтому хотел бы, чтобы ты в первую очередь защищала себя.

Я кивнула, но ничего не ответила. Мы все молчали, пока заканчивали есть.

Спустя добрых пять минут Оливия прочистила горло.

— Неужели никто не спросит, почему я встала так рано этим утром? То есть, я знаю, что вы, ребята, встаете вместе с коровами, но сама отнюдь не фермерша.

Мы все трое посмотрели друг на друга, ухмыляясь.

Ноа уставился на меня.

— С коровами?

— Это Оливия, — пожалала я плечами. — Чего ты ожидал?

— Никогда не понимал вас двоих, — заявил Ноа, используя свою вилку, чтобы показать на меня и Оливию. — Дружить, ну ладно, вроде как имеет смысл. Но лучшие подруги? Вы совсем не похожи.

— Противоположности, — проговорила миссис Полсон. — По-моему, это логично. Оливия выбирает свой собственный путь в жизни, ныряя в нее с головой.

Я фыркнула.

— Похоже на правду. Но что насчет меня?

— Ты, моя дорогая, не только находишь утешение в грандиозной личности Оливии, но и наслаждаешься тем, что она не склонна осуждать людей. И она так же предана тебе, как и ты ей. — Миссис Полсон отвела взгляд, быстро моргая, чтобы прогнать непролитые слезы.

Я знала, что она думает о моей маме. Помнила, как они были близки, практически неразлучны.

Ноа уловил сильные эмоции матери и перевел разговор на Оливию.

— Ладно, так почему ты встала с петухами сегодня утром?

— Петухи? — переспросила Оливия, сморщив нос, а затем хихикнув. — Ох, да, не коровы. Теперь понятно.

— Для человека, который провел пять лет в колледже... — отметил Ноа, со смехом покачав головой.

— Будь вежлив, — в надежде, что он отстанет, попросила я. Оливия провела пять лет в колледже только затем, чтобы вернуться домой беременной и быстро сыграть свадьбу — это была городская шутка, которую я слышала слишком много раз. И как человек, ставший объектом многих насмешек, я знала, что ее это беспокоит.

— Несмотря на твою грубость, — проворчала Оливия, указывая на Ноа, — я все же расскажу почему встала так рано. Я раскрыла дело!

— Какое дело? — спросила миссис Полсон.

— Тауни Далтон, — ухмыльнулась Оливия, откинувшись на стуле.

— Ты ее нашла? — потрясенно спросила я.

— Ну, нет, не совсем, — призналась Оливия.

— Но ты знаешь, где она? — наклонился вперед Ноа, положив вилку на свою пустую тарелку.

— Э-э, нет, — вздохнула Оливия. — Возможно, «раскрыла» — слишком громко сказано.

— И что же именно ты выяснила? — спросила я, вставая, чтобы переложить вторую половину омлета на тарелку Ноа, прежде чем отнести на кухню свою тарелку и столовое серебро.

— Я узнала, что скрывала Тауни, — ответила Оливия. — О человеке в лесу.

— О человеке, которому она отнесла еду? — уточнила я. — О бездомном?

— Откуда ты знаешь, что он бездомный? — с досадой спросила Оливия.

Я придержала язык, подавляя смех, пока шла обратно к столу, чтобы забрать тарелки Оливии и миссис Полсон.

— Дорогая, — похлопав Оливию по плечу, спросила миссис Полсон. — Зачем еще девочка понесла ему еду в лес?

Оливия выглядела смущенной, ломая голову над этим. Несмотря на ее высокий IQ, воспитание в богатой среде не позволяло ей знать некоторые вещи, которые другие люди понимали естественным образом.

— Расскажи нам, что ты выяснила, — подбодрила я ее.

Оливия подпрыгнула на своем стуле.

— Я не спала всю ночь, читая дневник Тауни. И я нашла кое-что очень интересное.

— Дай угадаю, — подмигнул мне Ноа. — Девочка встречает мальчика. Девочка влюбляется. Мальчик разбивает ей сердце. Потом девочка плачет.

— Ну, да, но нет, — ответила Оливия, доставая дневник. — Она влюбилась, да. Но это мужчина, а не мальчик. Именно ему она относала еду в лесу.

— Ух ты, — воскликнула я, ставя тарелку, которую мыла, обратно в раковину. Затем повернулась, чтобы уделить Оливии все свое внимание. — Что за мужчина?

— Она не говорит. По крайней мере, не на тех страницах, которые есть в дневнике. — Оливия открыла блокнот на странице с пометками, затем указала на внутренний шов. — Но некоторые страницы отсутствуют.

Я вернулась к столу и внимательно посмотрела на дневник. Не обращая внимания на

ощущение статического электричества в пальцах, подняла его, чтобы осмотреть внутренний шов. Энергия, окружавшая дневник, уже не обладала достаточной силой, чтобы обжечь меня.

Я уткнулась носом практически в шов, осматривая страницы. Оливия не ошиблась. Как минимум три, а может и больше, страниц не хватало. И их не просто вырвали, но, как я подозревала, использовали лезвие бритвы, чтобы сделать идеальный срез рядом со швом.

— Нам нужно отнести его детективу Стоуну. — Я положила блокнот, перебирая различные клочки бумаги, используемые в качестве закладок. — Почему эти страницы помечены?

Оливия взяла дневник обратно, перелистнув на первую помеченную страницу.

— «Я видела его снова, — прочитала она из дневника. — На игре. Он сидел на трибунах, недалеко от моих родителей. Неужели он скаут? Может быть, это мой шанс вырваться из маленького городка? После игры я искала его, но он уже ушел».

— И что? — спросил Ноа. — Она играла в баскетбольной команде, верно?

— Я позвонила папе, — объяснила Оливия. — Он ходит на все спортивные мероприятия старшей школы, если только не в отпуске. Он сказал, что в прошлом году баскетбольная команда девочек выступала ужасно. Большинство родителей к концу года даже не ходили на игры. А еще, по его словам, Тауни занимает место где-то в самом низу по уровню мастерства. Она едва ли привлечет внимание скаутов.

Когда Ноа собрался задать очередной вопрос, Оливия подняла палец, призывая подождать. Она перелистнула на следующий отмеченный раздел дневника и продолжила чтение.

— «Я все неправильно поняла. Он оказался там из-за меня. Так он мне сказал. В первый день, когда он пришел в школу посмотреть нашу игру, шел дождь. Он зашел на матч только спасаясь от дождя. Но он говорит, что я его заворожила. Я. Конечно, он слишком стар для меня, но я чувствую такую душевную близость с ним».

— Ладно, я начинаю понимать, к чему все идет, — проворчал Ноа.

Оливия перелистнула на следующий отмеченный отрывок.

— «Его не было там, на месте нашей встречи. Я оставила для него пакет с продуктами. Интересно, он получил работу в хозяйственном магазине. Пусть неполный рабочий день, но если кто и заслуживал этой возможности, так это он. Может быть, он будет на нашем месте завтра».

Оливия подняла голову, убедившись, что привлекла всеобщее внимание, и пролистала еще несколько страниц вперед.

— «Он не получил работу, но, кажется, обрадовался, увидев меня. Он поблагодарил меня за еду. Мы поболтали почти два часа и договорились встретиться завтра. Я сгораю от нетерпения. Он сказал, что покажет мне, где живет. По его словам, новая жиле не очень большое, но чистое, и он смог заплатить залог на деньги, вырученные за ремонт крыльца мистера Каннера».

— Черт, — воскликнула я, доставая свой телефон. — Полиция должна знать об этом.

— Подожди, — отмахнулась Оливия. — Я уже позвонила Айзеку. Рассказала ему все по телефону. Он проверяет все зацепки.

Я положила телефон и уставилась на Оливию, пораженная тем, как она собрала кусочки головоломки.

— В следующем отрывке, — пояснила Оливия, взяв в руки дневник. — Тауни немного сумбурно выражает свои мысли, потом добавляет, что напишет позже, потому что мама

хочет, чтобы она помогла приготовить ужин, только вот остальные страницы уже вырваны.

— Как вы думаете, что она написала на недостающих страницах? — спросила миссис Полсон.

— Сентиментальную чепуху, — ответила Оливия, откладывая дневник.

— Чепуху? — переспросил Ноа.

— Ну всякие девичьи переживания, — уточнила Оливия. — Ну, может, она писала о том, где он живет, или другие детали, но если бы тот, кто ее похитил, вломился в дом, то забрал бы весь дневник, а не вырезал несколько страниц.

— Ты права, — согласилась я. — Он бы просто взял дневник. Но если Тауни переживала, что кто-то прочтет о ее чувствах к этому загадочному мужчине, то могла удалить только отдельные страницы.

— Именно. Но когда я позвонила Джеки, чтобы она обыскала мусор...

— Мусор на этой улице вывозят по утрам в среду, — закончила я за нее. — Если Тауни выбросила страницы, они давно исчезли.

— Откуда ты это знаешь? — со смехом спросил Ноа.

— Я убираюсь у Мириам Роллинз по вторникам. Выношу мусорный бак на улицу прямо перед уходом. Потом возвращаю его обратно для нее каждую среду, когда убираю дом Джеки.

— Мириам Роллинз — чокнутая, — качая головой, проговорила миссис Полсон.

Я не могла не согласиться, поэтому ничего не сказала.

— Ну, будь я проклят, — ухмыляясь, заявил Ноа, глядя на Оливию. — Хорошая работа. Если повезет, Айзек узнает имя этого парня, когда будет говорить с мистером Каннером.

Я приветствовала Оливию кулаком, как будто мы вернулись в школу.

— Я горжусь тобой. Ты молодец.

Оливия улыбнулась и стряхнула воображаемую «пыль» сначала с одного плеча, потом с другого.

Миссис Полсон засмеялась и обняла Оливию за плечи.

— Айзек сказал, что позвонит мне, когда что-нибудь узнает, — сообщила Оливия. — Это даже волнительно. Конечно, гораздо веселее было бы, не стой на кону жизнь этой бедной девочки.

— Согласна, — поддержала подругу. — Но пока ждем, — я встала и взяла тарелку Ноа, — ты можешь помочь мне помыть посуду. Тогда, возможно, мы все успеем вздремнуть.

Когда я несла тарелку Ноа к раковине, то услышала шум машины. Я подошла и выглянула в боковое окно, выходящее на мой дом. Детектив Стоун выходил из полицейского внедорожника, припаркованного на нашей подъездной дорожке.

— Черт, Новичок, — выругалась я, поспешно выходя через заднюю дверь, чтобы его прогнать.

Все, даже курьеры Амазона, знали, что нельзя парковаться на нашей подъездной дорожке. Все знали, нельзя подходить к нашей входной двери, если меня нет дома. И большинство людей все равно стучались в боковую дверь, даже когда я находилась дома. Они знали правила. Они знали, что знаки, запрещающие проникновение, — это не шутка.

Все, кроме детектива Стоуна.

Я пересекла двор миссис Полсон, направляясь к своему крыльцу. Стоящий на нижней ступеньке Стоун заметил меня и повернулся в мою сторону.

— Вам нужно припарковаться на улице, — указала я на его машину, потянув за локоть, чтобы он развернулся.

Входная дверь распахнулась, и прежде чем я успела осознать увиденное, сработали мои инстинкты. Я повалила Стоуна на землю. Выстрел из дробовика разнес перила над нами, обрушив куски дерева.

Я рывком притянула Стоуна к себе, прижав нас к решетчатому настилу перед крыльцом.

Стоун придвинулся ко мне, прикрывая меня своим телом, и потянулся за пистолетом.

— Даже не вздумайте! — заявила я, положив руку поверх его, изо всех сил стараясь удержать пистолет в кобуре.

— Кто, черт возьми, в нас стреляет? — спросил Стоун, менее чем в дюйме от моего лица.

— Фрэнсис. — Срочно требовалось взять ситуацию под контроль, пока Стоун не перехватил его у меня. Я откинула голову назад, вытянув шею, чтобы увидеть передний двор миссис Полсон.

Ноа вышагивал, прижимая телефон к уху. Я не могла расслышать, о чем речь, но знала, он звонит Лансу.

— Давина? — позвала Оливия, выглядывая из-за входной двери миссис Полсон. — Что мне делать?

— Оставайся на территории миссис Полсон! Не смей переступать эту черту, Оливия Бриджес-Холт, или я надеру тебе задницу!

Стоун оттолкнул мою руку, вытащил пистолет, но направил его в сторону от нас.

— Клянусь, Стоун, — прошипела я сквозь стиснутые зубы. — Если вы застрелите Фрэнсиса, то за это придется заплатить. Он болен. Он не понимает, что делает.

— Он опасен, и это факт, — пробурчал Стоун. — Почему его не держат взаперти? Он мог нас застрелить.

— Это не его вина. Мы бы не попали в эту переделку, не будь вы таким новичком!

— Почему это я виноват?

— Как вы могли не заметить знаки, запрещающие проникновение? Думали, они стоят для украшения?

— Конечно, я заметил знаки. Ну и что? Я полицейский. Если мне нужно кого-то допросить, я это сделаю. — Стоун покачал головой, приподняв верхнюю часть тела, чтобы взглянуть на крыльцо.

Я схватила его за переднюю часть рубашки и рывком повалила вниз, когда куски крыльца разлетелись в разные стороны от того места, где раньше находилась его голова. В итоге я глубоко вдохнула носом запах его одеколona, отвлекаясь от своих мыслей. Детектив

пах хорошо. Слишком хорошо.

— Нам нужно двигаться, — заявил Стоун, его лицо было совсем близко от моего. — Здесь мы не в безопасности. Все, что ему нужно сделать, это дойти до края крыльца, наклониться и выстрелить в нас.

— Новичок, слушайте внимательно, пока вы не убили нас обоих. — Я подергала его за воротник, привлекая внимание. — Фрэнсис не перейдет крыльцо. Если он вернется в дом, то сможет выйти через боковую дверь, тогда, и только тогда, мы сдвинемся с места.

— Мы не можем оставаться так вечно.

— Нам нужно просто дождаться приезда Ланса Додда. Фрэнсис доверяет ему. Ланс заберет ружье так, чтобы никто не пострадал.

— Я полицейский. Вы серьезно думаете, что я буду ждать и надеяться, что ваш отец не снесет кому-нибудь голову? Тем более, я не могу позволить этому Лансу, гражданскому лицу, рисковать своей жизнью.

— Стоун, — позвал Айзек, вылезая из патрульной машины. — Делай, как говорит Давина. — Айзек подошел к краю тротуара, не пересекая линию собственности. — Не высовывайся и жди. — Айзек наставил палец на Стоуна. — И если я увижу, что ты нацелил пистолет на Фрэнсиса, то сам тебя пристрелю. Запрячь эту чертову штуку в кобуру.

— Ты хоть понимаешь, настолько безумно это звучит? — крикнул Стоун. — Мы копы!

— А Фрэнсис — старик с психическими проблемами, — ответил Айзек. — Кроме того он не стал бы стрелять в тебя, не переступи ты границу участка.

Решив, что нужно как-то отвлечь, я снова дернула Стоуна за рубашку. Старалась не обращать внимание на жар его тела, прижатого к моему.

— Почему вы здесь? Что привело вас на мой порог?

— Я остановился, чтобы задать вам вопрос, но никак не могу вспомнить, какой. — Стоун огляделся, увидев, что несколько моих соседей вышли на улицу посмотреть на шоу. — Это как раз один из тех случаев в маленьком городке, да?

Я вздохнула.

— Похоже и правда нужно, чтобы Айзек или офицер Гейбл ездили с вами, пока вы не узнаете причуды нашего городка. Фрэнсис — одна из таких причуд.

Стоун посмотрел в сторону улицы и увидел, что мои соседи собираются на тротуарах.

— И сколько времени пройдет, прежде чем все перестанут говорить о том, каким дураком я себя сегодня выставил?

Я попыталась пожать плечами, но смогла лишь приподнять одно.

— Трудно сказать. Зависит от того, сколько времени потребуется, чтобы появилась сплетня получше. Но я не рекомендую заходить в продуктовый магазин, пока все не уляжется. Уж поверьте мне.

Стоун уставился на меня.

— Я все еще живу в большом городе, так что это не проблема.

Я пыталась сосредоточиться на словах, но его губы, всего лишь на расстоянии вдоха от моих, заставляли давно умершие гормоны бурлить.

— Вы ездите туда-обратно? — уточнила я, пытаюсь отвлечь нас обоих. — Это тридцать минут в пути. — Я поерзала под ним, чувствуя себя неловко от нашей близости. — А что, если возникнет непредвиденная ситуация?

— Тогда патрульный займется этим, пока я не приеду. — Стоун снова огляделся, решив убрать пистолет обратно в кобуру. Он тоже переместил свое тело, осознавая нашу близость.

— Единственная проблема возникает в такие дни, как вчера, когда я работал допоздна. Я слишком устал, чтобы ехать домой, и на собственном опыте убедился, что диван в моем кабинете — просто отстой.

— Давина? — прокричала миссис Полсон из окна гостиной. — Откуда у Фрэнсиса оружие?

— Понятия не имею! Если бы я знала, что у него есть ружье, то спала бы вчера на вашем диване.

Стоун поднял бровь.

— Что с ним не так?

Я тряхнула головой.

— Никто не знает. Могу только сказать, что он хочет меня убить.

Стоун удивленно вскинул голову.

— Он хочет вас убить? Почему?

Я потянула его за рубашку, оттягивая назад.

— Без понятия. Теперь не высовывайтесь!

— Вы когда-нибудь думали о том, чтобы посадить его под замок?

— Я пыталась однажды. Получилось не очень хорошо.

— Почему? Что случилось?

— Медсестра поймала его, когда он пытался покончить с собой. Когда она попробовала отобрать у него нож, Фрэнсис ее ударил.

— К счастью, медсестра не стала выдвигать обвинения, — добавил Ноа с газона перед домом своей матери. — Его предлагали перевести в лечебницу строгого режима, но Давина решила, что будет безопаснее, если она отвезет его обратно домой.

— Безопаснее для всех, кроме вас, — заметил Стоун, наблюдая за мной.

Я чувствовала жар его дыхания на своем лице. Остальные части его тела понемногу расслаблялись, и он опирался на меня всем своим весом, прижимаясь бедрами. Я не могла вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как мне доводилось быть так близко к мужчине. Все тело покалывало, чего не случалось с тех пор, как, ну, я не могла вспомнить, когда это происходило в последний раз.

— Эй, Ноа? — нетерпеливо позвала я. — Ланс уже в пути?

Ноа усмехнулся, заметив румянец на моем лице.

— Да. Он должен появиться с минуты на минуту.

Хорошая новость. Очень хорошая, учитывая, что не только я осознавала, что наши тела тесно прижаты друг к другу. Лицо Стоуна покраснело, когда он попытался сдвинуться на несколько дюймов в сторону.

— Что нужно сделать, чтобы уговорить вас передумать? — спросил Стоун. — Убедить в необходимости предать вашего отца в специальное учреждение?

— Это не так просто. Они пристегнут его ремнями и накачают наркотиками. У него никогда не будет шанса исцелиться таким образом.

Стоун поднял бровь.

— Но вы оба останетесь живы.

— Я обещала маме, — призналась я. — Перед ее смертью. — Поворот в разговоре показался мне ведром льда, выплеснутым на мои гормоны. Мое тело сдулось под напором детектива.

— Что вы ей обещали? — спросил Стоун, теперь обе его брови взлетели вверх, пока он

изучал мое лицо.

— Что я буду присматривать за Фрэнсисом. Буду его защищать.

— Он был болен тогда? До того как умерла ваша мать?

— Нет. Он сошел с ума только через две недели после ее похорон.

— Тогда вам было сколько? Двенадцать? — Стоун огляделся, а затем снова посмотрел на меня. — Вы заботились о нем с тех пор, как были подростком? Все эти годы?

— Довольно много. Однажды я уехала. Прожила в комнате общежития колледжа Оливии около месяца. Потом позвонили из больницы. — Я отвернулась, не желая видеть жалость в его глазах. — Они нашли Фрэнсиса без сознания во дворе. Им показалось, что он ничего не ел с тех пор, как я уехала.

Стоун снова переместился, снимая с меня большую часть своего веса.

— Я все еще голосую за учреждение строгого режима.

— У тебя нет права голоса, новенький! — воскликнула Оливия с крыльца миссис Полсон, спускаясь по лестнице к Ноа. — У тебя даже не хватило ума прислушаться к знакам, запрещающим проникновение!

— Мне кажется, — отозвалась я, наклонив голову, чтобы лучше видеть Оливию, — что ты проигнорировала те же знаки сегодня утром!

— Да, но я знаю правила, — хихикнула Оливия. — Я поставила одну ногу на газон, потом подождала. Когда он не вышел, я подбежала к боковой двери.

Я не могла не ухмыльнуться своей подруге.

Стоун поднял голову, пытаясь снова заглянуть через крыльцо.

Я еще раз дернула его вниз.

— Фрэнсис может быть безумцем, но он быстрый. Придержите лошадей. Ноа наблюдает. Он даст нам знать, если Фрэнсис вернется внутрь.

Подъехал грузовик и припарковался за патрульной машиной Айзека. Распахнув дверь, Ланс Додд опустил обе обутые ноги на асфальт. Обойдя грузовик, он направился к дому, не поднимая головы и тихо посмеиваясь над ситуацией. Дойдя до другой стороны тротуара, он сделал один шаг во двор, ожидая реакции Фрэнсиса.

Я откинула голову назад, наблюдая за Ноа, который внимательно следил за Фрэнсисом. Ноа показал мне большой палец вверх, когда Ланс двинулся через лужайку к входной двери.

— Привет, Ланс, — услышала я дружелюбный голос Фрэнсиса. — Как, черт возьми, поживаешь? Как Линетт? — Жена Ланса Линетт умерла около десяти лет назад, но разум Фрэнсиса уже успел перескочить в прошлое.

— Все здоровы. Пойдем в дом, — отозвался Ланс.

— Эмбер недавно вышла в магазин за продуктами. Она расстроится, узнав, что пропустила твой визит, — заявил Фрэнсис, после чего послышался звук закрывающейся двери.

— Чисто, — объявил Ноа.

Я толкнула Стоуна в бок, а затем выкатилась из-под него.

— Лучше поспешить, — пробурчала я, отталкиваясь от земли. — Бежим к границе участка!

Я бросила взгляд на крыльцо и увидела, что ружье прислонено к сайдингу рядом с входной дверью. Не теряя времени, я подбежала, схватила ружье и помчалась обратно вниз по ступенькам через двор.

Когда я повернулась, Стоун стоял рядом со мной, смущенно оттирая траву и грязь с

одежды.

Ноа направился к дому.

— Давайте зайдём внутрь. Посидим несколько минут, пока Ланс успокоит Фрэнсиса.

Предложение Ноа имело смысл. Я последовала за ним на крыльцо, махнув рукой Стоуну и Айзеку.

Нас собралось слишком много, чтобы втиснуться за кухонный стол миссис Полсон, поэтому прислонив ружье к стене в углу, я направилась в гостиную.

Пройдя к дальней стене, я посмотрела через окно на свой дом. Хотя Фрэнсис никогда не нападал на Ланса, мне хотелось держать ситуацию под контролем.

Оливия встала рядом со мной.

Миссис Полсон сидела в своем любимом кресле у окна. Пока мы возились на улице, она переделалась в свою дневную одежду.

— Ноа, — сказала миссис Полсон, когда он уже собирался сесть, — будь добр, принеси всем по чашке кофе.

— Конечно, мама. — Ноа исчез за углом кухни.

Айзек стоял между гостиной и входом, качая головой на Стоуна.

— Я тебя предупреждал. Но разве ты послушал? — Ухмыляясь от уха до уха, Айзек продолжал: — Нет, только не крутой детектив из города.

— В точку, — согласился покрасневший Стоун, садясь на край дивана. — Этот Ланс в безопасности с отцом Давины?

— Вполне, — ответил Айзек. — Ланс не останется надолго. Просто убедится, что Фрэнсис успокоился, а потом уедет.

— Сегодня это может занять больше времени, — заметила я, взглянув на Айзека. — Фрэнсис раздобыл разделочный нож. — Я подняла руку, чтобы остановить Айзека, пока он не разразился целым рядом ругательств. — Это моя вина. Я забыла запереть нож прошлой ночью. Мне нужно, чтобы Ланс остался, пока я не найду нож.

Айзек осмотрел меня, ища повреждения.

— Он загнал тебя в угол с этим ножом?

— Нет. Но думаю, нож был у него прошлой ночью, когда он пытался взломать замок в моей спальне.

Стоун снова осуждающе поднял бровь. Мне порядком надоела эта его бровь.

— Замки все еще целы? — спросил меня Айзек.

— Да. Я проверила их сегодня утром. На верхнем замке есть несколько царапин, но никаких реальных повреждений нет.

— Ладно, — почесал затылок Айзек. — Думаю, это хорошо. Я не рад, что у Фрэнсиса есть нож, но, по крайней мере, он не напал на тебя с ним.

Вернулся Ноа с чашками и кофейником, поставил их на журнальный столик.

— Я выпил свою порцию кофе, так что пойду поищу нож. — Ноа направился к выходу.

— Может, сначала найдешь себе какую-нибудь футболку, — заметила миссис Полсон, с усмешкой глядя на сына.

Ноа посмотрел вниз на свою голую грудь, затем улыбнулся.

— Забыл.

Я закатила глаза.

— Ага, конечно.

Сев на диван, начала наполнять чашки кофе. Стоун поднялся и разнес их по комнате. Передав Айзеку последнюю чашку, он вернулся на свой край дивана, указав на оружие в углу.

— Это одно из наших ружей? — спросил Стоун Айзека.

Айзек подошел и, убедившись, что ружье не заряжено, осмотрел его сбоку.

— Да, наше. Метка — «собственность полиции Дейбрик-Фоллс».

Стоун повернулся лицом ко мне.

— Как, черт возьми, ваш отец смог заполучить одно из наших ружей?

Ноа только что вернулся в комнату, но замер на месте, наполовину натянув на себя футболку. Через секунду или две он расслабился, опуская ее вниз, прежде чем ухмыльнуться мне.

Мы оба оглядели комнату. На лице Оливии застыло озадаченное выражение. Она еще не догадалась. Я посмотрела на миссис Полсон, затем на Айзека, оба улыбались. Они уже сложили все кусочки вместе.

Я встала и прошла вдоль дивана, скорее расстроенная, чем рассерженная.

— Новичок, — обратилась я, скрестив руки на груди, — на этой неделе вы парковались на моей подъездной дорожке?

Стоун выглядел озадаченным, затем на его лице появилось виноватое выражение.

— Я заезжал во вторник вечером. Хотел сообщить, что мы вынуждены отпустить Джейкоба Гилмора. Вас не было дома. — Он обвел взглядом комнату. — Почему у меня такое чувство, что во всем этом виноват я?

Мне стало немного не по себе от мысли, что я спала не одну, а две ночи под одной крышей с Фрэнсисом, в то время как у него было заряженное ружье.

— Новичок, вы допустили ошибку.

Стоун показал в сторону моего дома.

— Как? Вы сказали, что ваш отец не переступает крыльцо, так как же он смог достать ружье?

— С передней стороны дома Фрэнсис либо не может, либо не хочет отходить от входной двери больше чем на несколько футов, — объяснила миссис Полсон, поставив чашку с кофе на приставной столик и сложив руки на коленях. — Но по непонятным нам причинам он способен выйти через боковую дверь кухни, обойти дом и пройти примерно половину подъездной дорожки с другой стороны. Вот почему мы повесили знаки, запрещающие парковку на подъездной дорожке. Давина, конечно, паркуется там, но она старается держать машину запертой. И кроме чистящих средств, она не хранит в ней ничего, что Фрэнсис мог бы использовать в качестве оружия. Ни скребка для льда, ни монтировки, ничего.

— И гараж тоже всегда заперт, — добавил Ноа. — Хотя там мало что есть. Большинство инструментов и острых предметов находятся в мамином гараже.

Стоун покосился на окно. Его внедорожник стоял за моей машиной на подъездной дорожке.

— Во вторник вечером я оставил внедорожник незапертым. Конечно, это поступок новичка, но я планировал дойти только до передней двери, а потом сразу вернуться. — Он провел рукой по лицу. — Черт... Я услышал шум. И обошел дом с другой стороны, потом проверил задний двор. Я отсутствовал три-четыре минуты, не больше.

Миссис Полсон ткнула пальцем в Стоуна.

— Из-за вас Давина могла погибнуть.

Я посмотрела на Ноа.

— Можешь переставить его внедорожник на улицу?

— Конечно. — Ухмылка Ноа сменилась широкой улыбкой, когда он посмотрел на Стоуна. — Ключи в замке зажигания? Или вы оставляете только заряженные стволы, чтобы люди могли их украсть?

— Я отгоню машину, — вздохнул Стоун, вставая.

— Не сегодня, приятель, — заявил Ноа, подняв руку, чтобы остановить Стоуна. — Сейчас Фрэнсис пребывает в прошлом. Хотя он не может понять, кто я такой, но узнает меня, ведь я вырос по соседству. Но тогда, в его мире, вас не существовало. Если вы ступите на его территорию, то можете испугать Фрэнсиса.

Стоун посмотрел на Айзека.

— Дай ему ключи, — посоветовал Айзек. — Фрэнсис не знал и меня тогда, так что нам лучше держаться подальше, если у нас нет другого выбора.

Стоун вздохнул, передавая Ноа ключи, а затем снова сел. Он что-то пробормотал себе под нос, но его слова прозвучали неразборчиво.

— После того, как Ноа уберет внедорожник, я закреплю дробовик, — сообщил Айзек Стоуну, неся ружье к двери. — Может, мне сначала стоит его зарядить? Или ты предполагаешь, что его снова украдут?

Стоун уткнулся головой в одну из своих ладоней, потирая лицо.

Айзек засмеялся уходя.

Я отвернулась к окну, только наполовину слушая, как Оливия и миссис Полсон ругают Стоуна, пока наблюдала, как Ноа трусцой бежит к подъездной дорожке. Через несколько секунд он без происшествий припарковал внедорожник на улице.

Когда Айзек открыл багажник, я отвернулась от окна и села на диван, ближе к миссис Полсон. Взглянула на Стоуна.

— Какой вопрос вы хотели задать?

Стоун посмотрел на Оливию, затем на миссис Полсон, а потом снова на меня.

— Я могу подождать.

— Спрашивайте уже. У меня нет от них секретов.

Стоун не выглядел счастливым от присутствия зрителей, но после короткого пристального взгляда уступил.

— Я хотел, чтобы вы рассказали мне о своем видении.

Я наклонила голову, ухмыляясь.

— Только не говорите, что теперь вы верите в экстрасенсов.

— Я не уверен, во что верю на данный момент, — признался Стоун, доставая ручку и блокнот из внутреннего кармана пиджака. — Но может быть, вы все-таки объясните?

— О каком именно видении? — уточнила я. — Первое, когда Тауни бежала по лесу? Или когда я находилась во дворе дома Далтонов? Или то, когда Тауни бросила свой рюкзак?

Стоун постучал ручкой по блокноту.

— Я бы хотел подробно остановиться на всех трех, если вы не возражаете.

— Если шеф Адамс услышит об этом, наступит ад, — предупредила миссис Полсон, кивнув на блокнот Стоуна. — И не только для вас. Он обязательно отчитает Давину. И обвинит ее во вмешательстве в расследование. Он уже делал это раньше. — Миссис Полсон посмотрела на меня с обеспокоенным выражением лица. — И если с девочкой Далтонов случится что-то ужасное, шеф Адамс публично объявит Давину виновной.

Стоун бросил взгляд на нас, затем спрятал блокнот обратно в карман пиджака.

— Я не скажу, если вы не скажете. Шеф Адамс на рыбалке на севере. Ему не нужн

знать, что мы говорили.

Миссис Полсон кивнула, и полезла в карман фартука. Она вытащила небольшой блокнот. Оторвав верхнюю страницу, вероятно, список покупок, протянула блокнот на спирали Стоуну.

— Спасибо, — отозвался Стоун, открывая блокнот и беря ручку. Он поднял на меня глаза и кивнул, приглашая начать.

Я не колебалась. Хотелось поскорее покончить с этим.

— Во вторник утром я мыла пол в ванной Гилморов, когда у меня случилось первое видение о Тауни, — пояснила я, когда Айзек вошел в дом через парадную дверь. — Первое видение пришло внезапно. Никаких предупреждений, никакого контроля над ним у меня не было. Но когда оно попыталось утянуть меня за собой во второй раз, я его заблокировала. — Волна вины ударила меня в грудь. Я опустила голову, глядя на ковер. — Мне очень стыдно признавать, что я держала его заблокированным. Я не хотела этого видеть. Не хотела знать. Но теперь жалею, что не посмотрела больше.

— Ты человек, — откинувшись на спинку дивана, проговорила Оливия, положив руку мне на плечо. — Вполне естественно, что ты хочешь отгородиться от подобных образов.

— Тауни могла бы быть сейчас дома, если бы я этого не сделала, — мрачно ответила я ей.

Стоун покачал головой.

— И, возможно, она вернулась бы домой, отнесись я к заявлению серьезно с самого начала, — заметил он. — Никто из нас не может изменить свои прошлые решения. Но, возможно, вы видели что-то, способное облегчить ее поиски.

— Именно, — поддержала Оливия. — Например, в какое время это случилось? Когда у тебя возникло видение?

Я вспомнила то утро.

— Я уже убралась наверху. Как раз чистила последнюю ванную на первом этаже. Может быть, в полдень?

— Ты приехала ко мне домой только в час дня. Ты не ошиблась во времени? Могло быть позже? — спросила Оливия.

— Нет. Джейкоб Гилмор — причина, по которой я так долго не могла закончить. Он разбросал моющее средство по всей кухне. Я осталась позже обычного, чтобы убрать беспорядок.

Оливия вздохнула.

— Я отругаю тебя позже за работу на доктора Гилмора. А пока расскажи нам, что ты успела разглядеть?

— Немного. Лес. Грунтовая дорожка. Я только мельком увидела лицо Тауни. Она бежала по тропинке, оглядываясь назад. Кто-то гнался за ней. Видение не происходило в реальном времени, но оно все-таки выглядело свежим. Может быть, час назад? Максимум два, я думаю.

— Откуда вы знаете? — спросил Стоун. — Как вы можете определить, что произошло в видении десять лет назад или сегодня?

— Чем медленнее воспроизводится, тем оно старше. Кроме того, старые видения обычно менее четкие. Как будто я смотрю на них через мутное окно или что-то подобное.

Стоун на мгновение задумался, скептицизм явно читался на его лице.

— Хорошо, давайте продолжим. — Стоун нацарапал что-то в блокноте. — Вы не знаете,

Тауни все еще оставалась в лесу рядом с парком?

— Да, думаю, да, но дальше по тропе, чем место, где нашли ее рюкзак.

Айзек прочистил горло, чтобы заговорить.

— Мы обыскали рюкзак. В нем лежали только консервы и коробки с едой. Санни подтвердила, что это рюкзак Тауни, а еда из их кладовой.

— Кстати, о рюкзаке, — проговорил Стоун. — Как вы узнали, где он находится?

— У меня возникло видение, когда мы вышли на тропу. Я увидела Тауни, которая кого-то ждала. И когда этот человек, появился, она выглядела счастливой. Затем ее выражение лица изменилось на испуганное. Она побежала. Тауни бросила рюкзак, чтобы ускориться.

— Есть еще что-нибудь в обоих видениях, о чем стоит упомянуть? — спросил Стоун.

Я покачала головой.

— Оба видения были короткими, может секунд десять от силы.

— И третье видение? — спросил Стоун.

— То, что произошло у Далтонов, на самом деле не настоящее видение. По крайней мере, не то, что я бы назвала видением, — объяснила я. — И хотя оно связано с Тауни, я ее не видела.

— В каком смысле? — спросила Оливия, садясь на подлокотник дивана.

— Когда я взяла дневник Тауни, то увидела вспышки образов. Объекты, которые касались ситуации с Тауни, но не связаны с ней напрямую. Я видела лес, клетку, и чувствовала... не знаю... не страх, но что-то сильное. Безднадежность? — Я покачала головой. Это тоже звучало неправильно.

— Но ты не видела Тауни? — уточнила Оливия.

— Нет.

— В таком случае это могло быть видение о ком-то другом? — предположил Стоун.

— Нет, — покачала я головой. — Я знаю, что дневник Тауни вызвал это видение. Дневник связан с Тауни. В этом я уверена. — Я колебалась, размышляя, стоит ли объяснять остальное. Перевела взгляд на миссис Полсон.

— Не тебе его убеждать, — наклонившись вперед, похлопала меня по колену миссис Полсон. — Ты можешь только рассказать, что видела, а дальше пускай все идет своим чередом.

Не уверена, что все так просто, но я кивнула, прежде чем повернуться к Стоуну.

— Большинство видений начинаются и заканчиваются, как видео. Но это оказалось серией различных образов, промелькнувших передо мной на высокой скорости. Но почему-то, несмотря на быстротечность, я все равно знала, что все изображения старые. Я не могу это объяснить.

— Что ты видела? Какие именно картинки? — нетерпеливо спросила Оливия.

— Я видела больше деревьев, но ничего узнаваемого. Видела лицо Райны, потом двух других девушек. И тропу, окруженную еще большим количеством деревьев. Я не уверена. Все пронеслось так быстро. Но последней я разглядела клетку.

Стоун прервал свои записи, чтобы постучать ручкой по блокноту.

— Что имела в виду ваша бабушка, когда спросила, это он? Кто он?

— Она не моя бабушка. Не заблуждайтесь, Новичок. Ее зовут Бернадетт.

— Извините, — усмехнулся Стоун. — Что имела в виду Бернадетт, когда спросила, был ли это он?

Еще до того, как ответить, я знала, что он мне не поверит, хотя втайне надеялась, что

ошибаюсь.

— Человек, который забрал Райну.

Стоун выглядел озадаченным.

— Прошло пятнадцать лет.

— Я в курсе.

— Вероятность того, что это один и тот же человек... — Стоун покачал головой.

— Не знаю, что вам сказать, но когда я коснулась дневника Тауни, то увидела клетку.

— Вы постоянно упоминаете клетку, но я не могу понять, какую клетку вы имеете в виду.

Я глубоко вздохнула, глядя на ковер, прежде чем ответить.

— Райну держали в плену в клетке. Я не знаю точно, как долго, но определенно несколько месяцев.

Даже миссис Полсон резко вдохнула. Оливия крепко сжала мое плечо.

Я никогда не рассказывал им, что Райна прожила так долго, и что ее держали в клетке как животное. Я не хотела взваливать на них груз переживаний о том, насколько плохими были видения. Как сильно они меня пугали.

Почувствовав, как одинокая слеза скатилась с моей щеки, я не стала ее вытирать.

Айзек присел передо мной на корточки, положив руки мне на колени.

— У тебя нет причин винить себя. Это нам должно быть стыдно. Это чертовски тяжелый груз — нести его в одиночку все эти годы.

Еще одна слеза скатилась по моей щеке. Я кивнула, но поднялась, и обогнув Айзека, пошла в другую комнату. Мне нужно время. Черт, мне нужно гораздо больше времени, чем просто мгновение. Во мне словно открылось то, что я давным-давно похоронила.

Понимая, что мне нужно отвлечься, я решила вымыть посуду в раковине и убрать остатки завтрака. Когда на кухне снова стало чисто, я глубоко вздохнула и вернулась в гостиную.

Не успела я войти в комнату, как появился Ноа, держа в руке разделочный нож.

— Нашел! — Он положил нож на стол в прихожей. — Фрэнсис спрятал его между матрасом и изголовьем кровати. Там же, где я обычно держал свои журналы с девочками. — Он подмигнул мне, смеясь, а затем вспомнил, что в комнате полно людей. Посмотрев через плечо, он смутился, встретившись взглядом со своей матерью. — Упс.

— Я знала о журналах, — сдержанно покачала головой миссис Полсон. — Но старалась не думать об этом. — Она изучала меня, в ее глазах отразилось беспокойство. — Ты в порядке, Давина?

Я кивнула, еще не доверяя своему голосу.

Ноа перевел взгляд с матери на меня.

— Что случилось? — Он положил руку мне на плечи.

Я подняла на него глаза, пытаюсь заблокировать эмоции, бурлящие на поверхности.

— Помнишь, когда мы были детьми, я рассказала тебе о Райне? О том, как ее держали в плену?

Ноа шумно выдохнул.

— Вряд ли я такое забуду.

— Подожди, — воскликнула Оливия, уперев руки в бедра. — Ты рассказала ему, но не мне?!

Я посмотрела на Оливию, потрясенная ее вспышкой.

Оливия нахмурилась, указывая на себя.

— Думала, это я твоя лучшая подруга. Считала, что мы, — она ткнула пальцем туда-сюда между нами, — все друг другу рассказываем?

— Оливия, — предупреждая произнес Ноа, сузив на нее глаза. — Замолчи. Ты делаешь только хуже.

Находя забавной ее реакцию, я улыбнулась.

— Ничего подобного. — Я пересекла комнату, и остановилась перед Оливией. — Я не рассказала тебе, потому что мы еще не были подругами. Не тогда. А когда подружались, я не хотела обсуждать то, что случилось с Райной. И это не связано с доверием к тебе.

— О... — Оливия склонила голову набок, размышляя. — Ну, в таком случае, думаю, все в порядке. В смысле, до тех пор, пока ты не выбрала его, а не меня, после того, как мы стали лучшими подругами.

Все засмеялись. Только Оливия могла ревновать по такому поводу.

— Дорогая, — продолжая хихикать, проговорила миссис Полсон, обращаясь к Оливии, — ты просто сокровище.

— Так и есть, — согласилась я, усаживая Оливию обратно на диван. — Хорошо, я готова ответить на еще несколько вопросов, но только не о времени, проведенном Райной в клетке. По крайней мере, не сегодня. И мне нужно отправляться на работу, так что давайте закругляться.

— О-о-о, — произнесла Оливия, подсакивая на диванной подушке рядом со мной. Она

подняла руку, как будто мы сидели в классе.

— Мне немного страшно, — усмехнулась я.

— Это хороший вопрос, обещаю, — заявила Оливия, ухмыляясь в ответ. — Две другие девушки, из видения у Далтонов, ты знаешь, кто они такие?

— Нет. Но образы старые. Годы назад. Ближе к тому времени, когда похитили Райну.

— Вы можете описать девушек? — спросил Стоун.

— Не особенно. — ответила я, пытаюсь вспомнить, как они выглядели. — Но... — Я закрыла глаза, вызывая их образы на поверхность. Их лица появились, но нечетко. Вспышки. Расстроенная, я открыла глаза. — Одна из них похожа на Райну и Тауни.

— Как это? — уточнил Стоун.

— Завитками. У нее волосы немного длиннее и завиваются на концах в колечки. И лицо девушки в форме сердца, как у Райны и Тауни.

— Как у тебя, — добавила Оливия.

Я посмотрела на Оливию, увидев беспокойство в ее глазах.

И кивнула.

— Как у меня, — согласилась я. — Мы с Райной очень похожи.

— Простите, но я должен спросить, — извинился Стоун, постукивая ручкой по блокноту и нахмутив брови. — Вы хотите сказать, что в этом районе есть серийный убийца? Это та история, которую вы пытаетесь мне продать?

Я стиснула руки в кулаки, но молчала, пока во мне кипел гнев. Оливия почувствовала перемену моего настроения. Она встала и прошмыгнула между журнальным столиком и мной, чтобы занять место за диваном.

— Детектив Стоун, — по-матерински грозно проговорила миссис Полсон. — Я хотела бы напомнить, что Давина не обязана отвечать на ваши вопросы. Вы сами ее искали, помните? Кроме того, пока вы находитесь в моем доме, не оскорбляйте моих гостей. Это невежливо.

— Прошу прощения, — быстро пошел на попятную Стоун, склонив голову в знак уважения. — Вы правы. Извините. — Он посмотрел на меня. — Что вы помните об исчезновении Райны? О дне, когда ее похитили.

— Не очень много. Мне было всего двенадцать. — Я задумалась, пытаюсь вспомнить. — В тот день Райна и мама сильно поссорились. Моя сестра хотела куда-то пойти, но мама решительно настаивала, чтобы она осталась дома. Мама твердила, что это слишком опасно.

— Что значит «слишком опасно»? — спросил Ноа.

— Понятия не имею. За все эти годы я так и не поняла, куда Райна могла отправиться в Дейбрик-Фоллсе, чтобы вызвать такое беспокойство.

— Что-нибудь еще помните? — настаивал Стоун.

— Да. Позже той ночью я слышала, как Райна пробирается через окно своей спальни. Это случилось не в первый раз, поэтому я не волновалась. Ей было четырнадцать. Бунтарка. — Я посмотрела на миссис Полсон, потом снова на Стоуна. — Но именно тогда она впервые не вернулась до утра. Когда на следующий день я обнаружила, что сестры нет в постели, то сразу поняла у нее проблемы.

— И вы больше никогда ее не видели? В реальном мире, я имею в виду — не в видении.

— Я никогда больше не видела ее лично, верно. Но, уточню, у меня и видений в то время не возникало. Меня мучили кошмары.

— В чем разница?

— В то время я думала, что это просто сны. Считала, что мой мозг придумывает ужасные образы того, что могло случиться с Райной. Видения у меня начались только в четырнадцать лет.

— В том же возрасте, когда исчезли Тауни и Райна, — вслух сказала Оливия, но казалось, что она говорит сама с собой.

— Это что-то значит? — спросил Айзек.

— Не уверена, — призналась я, посмотрев на Оливию.

— Не смотри на меня. Я понятия не имею, — пожала плечами Оливия. — Просто подумала, что это любопытно.

Стоун подался вперед, опираясь локтями на колени.

— Я не хочу вас расстраивать, но не могли бы вы описать саму клетку? Что это за клетка? Любые подробности могут помочь.

— Она выглядела массивной. Как клетка для крупных животных с толстыми прутьями. Вертикальные сплошные прутья. Возможно, железные или стальные — не проволока с пластиковым покрытием, как в собачьих клетках. Кроме того, она была большой. Я бы предположила, четыре или пять футов с каждой стороны.

Стоун делал заметки, кивая, чтобы я не останавливалась.

Я не знала, чем еще могу поделиться. Или, точнее, чем готова с ним поделиться. Я мысленно прокрутила видения и факты, как их знала, не придумав ничего нового.

— Это все, я думаю.

— Вы можете рассказать о смерти вашей матери? О ее самоубийстве?

Миссис Полсон поморщилась, отворачивая голову.

— Нет, — отрезала я, бросив на Стоуна предупреждающий взгляд.

Он успел уловить реакцию миссис Полсон.

— Я понимаю. Может быть, в другой раз?

— Возможно. Не обещаю. — Я посмотрела на Оливию, затем снова на Стоуна. — Не мне интересно взглянуть на дело Райны. Думаю, это справедливо, раз уж я поделилась тем, что знаю.

Айзек и Стоун обменялись взглядами, которые я не смогла расшифровать.

Стоун прочистил горло, затем снова посмотрел на меня.

— В досье не так много, но я не вижу особого вреда в том, чтобы показать вам то, что у нас есть. — Стоун достал визитную карточку, написал на обратной стороне номер своего мобильного телефона и протянул ее мне. — Позвоните мне завтра. Договоримся о времени для встречи.

Когда я потянулась, чтобы взять визитку, Оливия перегнулась через спинку дивана и выхватила ее первой. Она хихикнула и спрятала карточку в задний карман.

Стоун покачал головой из-за странного поведения, но достал другую визитку. Написав свой номер, он зажал вторую карточку между пальцами, пока я не взяла ее.

Я подмигнула Оливии. Еще подростками мы начали соревнование, кому удастся заполучить больше всего телефонных номеров. В настоящее время Оливия выигрывала у меня: в ее телефоне хранилось девятьсот семь номеров, но я отставала от нее всего на двадцать два номера.

— Хорошо, — сказал Стоун, вставая. — Я покопаюсь в имеющейся информации. Если кто-то из вас вспомнит что-то новое, у вас есть мой номер.

— Не так быстро, детектив, — усмехнулся Айзек, глядя на Оливию. — Похоже, Оливия

заялась расследованием. Она позвонила мне около трех ночи с зацепкой. — Айзек взглянул на Оливию, сузив глаза. — Супруга просила передать, чтобы в следующий раз ты звонила в приличное время, но, насколько я понимаю, тебе можно звонить, когда захочется. — Обменявшись ухмылкой с Оливией, Айзек снова посмотрел на Стоуна. — Будет проще, если смогу сообщить всем сразу.

Стоун вздохнул, откинувшись на спинку дивана. Он повернулся ко мне, сузив глаза.

— Я не имею к этому никакого отношения, — заявила я, невинно подняв руки.

— Почему-то я вам не верю, — проворчал Стоун и снова посмотрел на Айзека. —

Ладно, что вам известно?

Айзек предложил Оливии начать. Взяв дневник на кухне, Оливия зачитала отмеченные страницы, одновременно подпрыгивая на месте. Чем больше подруга читала, тем больше я понимала, что, даже если детектив никогда не признается в этом, он впечатлен.

Когда Оливия закончила, она объяснила свою теорию о недостающих страницах, а затем передала слово Айзеку.

Айзек разбудил владельца хозяйственного магазина Джеффа Тимбера около четырех утра, попросив его поднять заявления о приеме на работу за последние три месяца. Затем Айзек отправился к Сэму Каннеру, подняв того с постели, чтобы он ответил на несколько вопросов.

К сожалению, у Сэма оказалось не так много информации о человеке, который починил его крыльцо. Мужчина представился Томасом, но фамилию не назвал. К тому же работа оплачивалась наличными, так что проследить денежный след не вышло. Общее описание мужчины: средний рост, темные волосы, никаких заметных татуировок или шрамов.

К тому времени, как Айзек вернулся в город, Джефф Тимбер доставил заявления о приеме на работу в участок. Айзек и офицер Гейбл просмотрели почти всю кипу, проверяя анкетные данные, когда Айзеку пришлось отправиться ко мне домой, чтобы разобраться с ситуацией с оружием. Айзек полагал, что Гейбл уже почти закончил с проверкой анкет, но, насколько он знал, они еще не нашли подходящего подозреваемого.

— Вы знакомы с кем-нибудь из претендентов? — спросила Оливия.

— С большинством из них, — ответил Айзек. — Было двое, которых я не знал. И в первую очередь проверил их данные. Они не соответствовали описанию Сэма. Оба моложе, около двадцати лет, со светлыми волосами.

— Волосы можно покрасить, — рассуждала я вслух. — Но этому парню сколько? Где-то немного за тридцать?

— Сэм не уверен насчет возраста, но он предположил, что ему от тридцати до сорока, — ответил Айзек, меняя положение тела. — Странно, правда. До разговора с Сэмом я думал, что наш парень будет моложе. Не в возрасте тридцати или сорока лет.

— Но не забывайте, — Оливия взяла в руки дневник, — Тауни была влюблена в него. Он не может быть слишком старым, верно? Я имею в виду, если он слишком взрослый, это просто отвратительно. Тауни всего четырнадцать.

— Ну, не знаю, — отозвалась я, вспоминая нас самих в ее возрасте. — Помнишь, как мы влюбились в нашего учителя физкультуры, мистера Насера? Сколько ему было? Ближе к сорока?

— Он не в счет, — хихикнула Оливия. — Этот мужчина все еще горяч. Держу пари, девушки до сих пор падают в обморок, когда он делает эти подтягивания. — Оливия помахала рукой. — Ух какой аппетитный.

Стоун закатил глаза, прежде чем сосредоточиться на мне.

— Почему вы думаете, что ему в районе тридцати?

Я колебалась, не зная, стоит ли отвечать.

— Это безопасно, — с кривой улыбкой заявил Стоун. — Обещаю. Вопрос без подвоха. Я просто хочу понять вашу логику.

Не вполне доверяя его словам, все равно ответила.

— Райна. — Я задумалась на мгновение, затем объяснила. — Верите вы мне или нет, но один и тот же человек забрал и Тауни, и Райну. Но Райна умела читать людей. Она не такая, как Тауни. Ее не так легко обмануть. Тот, кто забрал Райну, не мог быть старше ее более чем на несколько лет.

— Значит, он сам был подростком, когда Райна исчезла, — отметил Стоун.

— Подросток или совсем юнец, да, — согласилась я. — Где-то от четырнадцати до двадцати, по моим прикидкам. Значит, сейчас ему от двадцати девяти до тридцати пяти.

Айзек почесал свою небритую щеку.

— Ты думаешь, этот парень — кто-то, с кем она ходила в школу? Одноклассник?

— Может быть. Но это мог быть и просто парень, который крутился в тех же местах, что и она тогда. Но я на два года младше, так что не уверена, где тусовалась ее компания.

— Я ближе к возрасту Райны, — вступил в разговор Ноа. — Но тоже не могу сказать, где она проводила время. Раньше я удивлялся, когда видел, как она тайком уходит, но даже после стольких лет я так и не понял куда.

— А как насчет друзей? Разве у нее не было друзей, с которыми мы могли бы поговорить? — спросил Стоун.

— Райна ни с кем не дружила, — фыркнула Оливия. — У нее всегда были партнеры по выпивке, сексу и враги.

— Ну-ка, ну-ка, — вмешалась миссис Полсон. — Давайте будем справедливы. Я уверена, что у Райны все-таки были подруги. — Миссис Полсон выжидающе посмотрела на меня.

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, хоть каких-нибудь друзей Райны до ее исчезновения.

— Райна была дерзкой и непокорной. Если существовало правило, она его нарушала, даже просто, чтобы посмотреть, каковы будут последствия. И, признаться, она могла быть эгоцентричной. Она была моей сестрой, поэтому я ее любила, но иногда Райна мне совсем не нравилась. Звучит ужасно, правда?

Стоун покачал головой.

— Звучит честно. Большинство людей приукрашивают свои воспоминания о людях, почти возводя их в ранг святых. Вы просто вспоминаете, какой она была на самом деле.

— Ну, я точно ее не любила, — ухмыляясь, заявила Оливия, поглядывая на Ноа.

Ноа рассмеялся.

— Райна была просто злокой. Без вариантов. В ней всегда чувствовалась темная сторона.

— Она была не просто злой, а очень... очень... плохой, — заявила Оливия. — Мы с Давиной еще не дружили, но, хотя Райна была старше, я знала, кто она такая. Все знали, что с ней лучше не связываться. — Оливия пристально посмотрела на меня. — Помнишь, как она подожгла твои волосы? Я все видела. Это было в кинотеатре.

Я засмеялась.

— Всего лишь небольшая прядь волос. Она же не облила меня сначала бензином.

— Но кто так делает? — воскликнула Оливия немного громче, чем нужно. — Кто подносит зажигалку к чьим-то волосам во время просмотра фильма?

— Наверное, Райна, — пожалала я плечами. — Она много чего такого делала. — Я посмотрела на миссис Полсон. — Что вы помните о ней?

— Боюсь, я не слишком могу помочь, — ответила миссис Полсон. — Чем старше становилась Райна, тем меньше мы с ней общались. Даже твоя мама редко говорила о Райне. Я думаю, она приходила сюда, чтобы отдохнуть от ее выходок.

— Как я отдыхаю от Фрэнсиса, — заметила я.

— Да, полагаю, ты права. — Миссис Полсон улыбнулась, затем повернулась к Стоуну. — Есть одно воспоминание о подростковом возрасте Райны, которое выделяется. За несколько месяцев до исчезновения Райна угнала мою машину. Я никогда не сообщала об этом в полицию, но помню, что Эмбер не спала всю ночь вместе со мной, пока мы ждали, когда Райна вернется домой.

— Я помню это, — кивнул Ноа. — Ты заставила меня отмывать машину на следующий день. Она вся провоняла пивом.

Стоун направил свою ручку на Ноа.

— Возможно, это и есть связь. Может, тот, кто купил выпивку для Райны, потом ее похитил? — Он снова повернулся ко мне. — Теперь нам правда нужно поговорить с хоть какими-то ее друзьями.

— Удачи, — ответила я. — Насколько знаю, у нее не было друзей.

— Я читал в ее личном деле... — Стоун сделал паузу, чтобы достать из кармана свой официальный блокнот. Он пролистал несколько страниц. — Да, вот здесь. В деле сказано, что она дружила с девушкой по имени Эрика. Фамилия не указана. Вы знаете, кто это?

Я надолго задумалась, потом покачала головой.

— Мы ходили в школу с девочкой по имени Эрика, — пробормотал Ноа. — Эрика Натчен, кажется, но она переехала. Точно не скажу, когда. Но я не припомню, чтобы они с Райной дружили.

— Она была одного возраста с Райной? — спросила Оливия.

Ноа кивнул.

— Они обе только перешли в старшую школу.

Я задумалась на несколько минут, потом кое-что всплыло в моей памяти.

— Не помню, чтобы хоть раз встречалась с этой Эрикой, но хорошо запомнила, как мама спорила с Райной по поводу новой подруги. Мама сказала странную вещь...

— Что? — одновременно спросили миссис Полсон и Оливия.

Я усмехнулась.

— Что Райна плохо влияла на другую девочку, как бы ее ни звали. Мама хотела, чтобы Райна оставила девочку в покое.

Миссис Полсон и Оливия посмотрели друг на друга, обе с озадаченным выражением лица.

— Да, понимаете, о чем я? — Я рассмеялась. — Родители обычно хотят, чтобы их дети общались с хорошими ребятами, но только не моя мама. Она беспокоилась, что Райна развратит девочку. Но я не помню никаких подробностей их спора.

— Знаете что, — вдруг проговорила миссис Полсон. — Теперь, когда об этом думаю, я припоминаю одну историю, что Райна и ее подруга попались на краже в магазине. Может

быть, это одна и та же девочка?

— Начало положено, — заявил Стоун, написав «Эрика Натчен» на чистой странице своего официального блокнота и положил его обратно в карман пиджака. Он оглядел комнату.

— Что-нибудь еще?

Мы все посмотрели друг на друга, качая головами.

Мой телефон пискнул. Я достала его из кармана. Трейси, женщина, которая иногда меня подменяла, написала, что не сможет убрать банкетный зал. Я взглянула на свой фитбит. Почти девять.

Я посмотрела на Стоуна, убирая телефон обратно в карман.

— Мне нужно на работу, но если у вас появятся еще вопросы, звоните. У Айзека есть мой номер. — Я встала и посмотрела на миссис Полсон. — Телефон при вас?

Миссис Полсон улыбнулась, доставая телефон из кармана фартука, чтобы доказать, что он всегда с собой.

— Бедняжка, ты так и не выспалась.

— Нет покоя нечестивцам, верно? — Я рассмеялась, направляясь к входной двери. Быстро помахав на прощание, вышла, прежде чем кто-нибудь успел меня остановить.

У подножия крыльца я наклонилась, чтобы подобрать «Вестник Дейбрик-Фоллс». Я повернулась обратно к дому, открывая дверь, чтобы передать газету миссис Полсон, когда увидела заголовок.

И застыла, не доходя одного шага до двери, пока читала статью.

— Что там? — спросил Ноа, подойдя, чтобы заглянуть мне через плечо.

— Сегодняшний заголовок: «Местный экстрасенс связана с пропавшим подростком».

— Круто, — одобрила Оливия.

— Дерьмо, — проворчал Стоун.

— Ох, нет, — воскликнула миссис Полсон.

— Надеюсь, шеф Адамс не узнает об этом, — пробормотал Айзек.

Ноа ничего не сказал, обнял меня за плечи и притянул к себе.

Я занесла свою сумку с принадлежностями для уборки и пылесос через парадную дверь банкетного зала, но сразу остановилась. В центре зала мать Оливии Эдит ссорилась со Сьюзен, владелицей зала. Сказать, кто из них побеждает, не получалось, так как они обе кричали все громче и громче, перебивая друг друга.

— Тебе лучше уйти, пока они тебя не заметили, — посоветовала Нейда Диллард, внезапно оказавшись рядом со мной. Нейда работала у Эдит организатором мероприятий по сбору средств для фонда.

— Я сегодня здесь убираюсь, — объяснила ей.

— Вот поэтому они ссорятся. Из-за тебя. Сьюзан сказала Эдит, что они нанимают новую уборщицу. Потому что, ну ты, понимаешь, та статья в «Вестнике».

Я почувствовала, как запылали мои щеки.

— Какое отношение статья имеет к уборке банкетного зала?

Нейда смущенно отвела взгляд.

— Это маленький город. Знаешь, как тут люди болтают. Они хотят как лучше, но их заносит.

— И что говорят? — спросила я, поморщившись, потому что сомневалась, что хочу услышать ответ.

— Думаю ты можешь себе это представить, ничего нового. Все в городе выбирают сторону. Либо они поддерживают тебя, либо обзывают самыми ужасными словами. Очень мерзко.

Эдит, в юбке-карандаше, хрустящей белой блузке и простых, но стильных туфлях на каблуках, направлялась к нам, крича через плечо:

— Тогда мы устроим нашу вечеринку в другом месте!

— О, черт, — воскликнула Нейда, сделав полшага назад. Понизив голос, она добавила. — Вечеринка уже через два дня! Что мне делать?

Пробегая мимо, Эдит одной рукой подхватила пылесос, а другой развернула меня и вывела за дверь. Оказавшись на улице, она поставила пылесос на землю и повернулась ко мне лицом.

— Мне очень жаль сообщать, что банкетный зал расторгает с тобой контракт. Но будь уверена, я не поддерживаю их решение.

— Я слышала. И благодарна, но... — Я показала на двери.

— Я думаю, Давина пытается сказать, — заговорила Нейда, пристраиваясь рядом, — что у нас нет времени переносить вечеринку. Уже слишком поздно.

— Моя дорогая, никогда не потворствуй проявлениям дискриминации, — отчитала Эдит Нейду. — Это непорядочно.

Нейда поджала губы, явно собираясь сказать что-то еще, но передумала.

— Эдит, — я заставила себя улыбнуться, — в этом нет необходимости. Ведь твой фонд важнее любого нанесенного мне оскорбления.

— Фонд — это важно, но ты для меня как дочь. Я не потерплю такого, — заявила Эдит и зацокала каблуками по парковке к своей машине.

— О, боже, — протяжно выдохнула я. — Это будет долгий день.

— И не говори, — проворчала Нейда и поспешила за Эдит.

Не успел я поднять пылесос, как зазвонил телефон. Я ответила, не задумываясь. Звонили из церкви, расторгая мой контракт. Когда я отключилась, то просмотрела сообщения. По крайней мере, администратор в церкви позвонил мне лично. Другие клиенты прекращали сотрудничество со мной через неприятные смс и электронные письма. И они не просто отказывались от моих услуг, они высказывали свое мнение в обличительной форме: Атеистка. Ведьма. Поклонница дьявола. Один даже назвал меня педофилкой, то есть он даже не прочитал статью в газете, прежде чем осудить меня и признать виновной в самом отвратительном обвинении.

Было противно. И обидно.

Уже не в первый раз город ополчился против меня, потому что люди не понимали моих способностей. Но сейчас все гораздо хуже, чем в тот раз, когда я спасла Остина от утопления. А все потому, что теперь мельница слухов могла разорить меня финансово.

Сидя на обочине перед банкетным залом, я провела пальцем по экрану своего телефона, затем перешла к календарю. Обновила свои планы по уборке, удалив отмененные задания. Даже в местных клубах мнения разделились. «Лодж Элкс» временно прекратил мою работу. А вот «Муз Лодж» предложили мне дополнительные часы и сообщили, что я могу заглянуть к ним за бесплатным пивом, когда захочу.

Что касается сегодняшнего расписания, то все мои встречи либо отменили, либо расторгли контракт. Я поднялась, собрала свои вещи и понесла их в машину. Пока грузила, мысленно планировала остаток дня.

На этой неделе я не успела убраться у Оливии и Джеки. Я могла бы начать с их домов, а потом, возможно, заскочить в «Муз Лодж». Посмотрим, как сложится день сегодня, и я либо приму их предложение о дополнительных часах уборки, либо о бесплатном пиве.

Забравшись в машину, я решила, что еще не совсем готова встретиться с Оливией, поэтому сначала поехала к Джеки. Когда Джеки открыла дверь, она выглядела так же плохо, как и я — красные глаза, подчеркнутые темными кругами, неухоженная прическа и одежда, а в руке — салфетка.

— Давина, входи. Я читала газету. Прости за статью.

— Это не твоя вина, — заверила я ее, пока несла свои принадлежности в дом. — У меня появилось свободное окно в расписании. И я решила прибраться у тебя дома, раз не успела вчера.

— Ты уверена? — спросила Джеки, глядя мимо меня на кухню. — Ты не обязана. Это ведь по моей вине ты не смогла вчера сделать уборку. Я планировала все равно тебе заплатить.

— Я ценю это, но у меня есть время.

— Ну, боюсь, что сейчас это место выглядит немного безумно. Я то прихожу, то ухожу и даже не помыла посуду с тех пор, как все это началось, — поделилась Джеки, ведя меня на кухню.

Посуда действительно скопилась, но выглядела так, будто ее хотя бы ополоснули.

— Не беспокойся. Я разберусь. Почему бы тебе не прилечь? Подремать?

Джеки кивнула, но лишь отошла к кухонному окну, выходящему на дом Далтонов. Стоя ко мне спиной, она спросила:

— Это когда-нибудь закончится? Мы сможем ее найти?

Я открыла посудомоечную машину.

— Надеюсь, что да. — Я не стала говорить ей, о чем думаю. Не напомнила, что Райну

забрали пятнадцать лет назад, и ее больше никто не видел. Я не сказала, что Тауни тоже может навсегда исчезнуть.

Джеки еще не готова услышать такую правду. Черт, да и я не готова произнести ее вслух. По крайней мере, пока. Время для Тауни истекало, но я все еще надеялась, что Стоун и Айзек ее найдут.

Уборка в доме Джеки заняла больше времени, чем обычно, но в основном потому, что мое лишенное сна тело двигалось в замедленном темпе. Пока я перегружала свои запасы в машину, то раздумывала, стоит ли еще ехать к Оливии или лучше на сегодня закончить.

Я проверила время на своем фитнес-трекере. Сейчас всего лишь несколько минут первого. Я села в машину и посмотрела на дом Далтонов на другой стороне улицы. Бедная семья. Не представляю, что они чувствуют, зная, что кто-то забрал их дочь. Я хотела бы хоть чем-то им помочь.

Потом поняла, что, возможно, могу. Вполне вероятно, у меня есть шанс сделать больше, но нужен кто-то, способный подсказать мне, как это осуществить.

Я повернула ключ в замке зажигания, решение принято, но сначала мне нужно посмотреть полицейское досье Райны. Я достала свой телефон и позвонила Стоуну. Он согласился встретиться и принести материалы дела.

Затем я набрала Оливию. Подруга спала, так что ей потребовалось несколько минут понять, что мы едем к ее дому, но в конце концов мозг Оливии заработал.

Я отъехала от обочины, полная решимости найти способ помочь Далтонам.

Стоило мне припарковать машину как из дома вышла Оливии в атласных пижамных штанах и таком же топе. Подруга прикрыла глаза рукой от солнца. Видимо, ее сонный мозг, при разговоре по телефону, уловил, что я уже еду, но не понял, что со мной будет Стоун.

Он поставил свой внедорожник позади меня, и Оливия, вытаращив глаза, потянулась и пощупала голову. Пока я выбиралась из машины, она бросилась обратно в дом, оставив дверь открытой.

Я услышала глубокий смех Стоуна за своей спиной.

— Она вообще знала, что мы придем?

— Оливия спала, когда я звонила.

— Может нам вернуться в участок? И дать ей выспаться?

— Нет. Даже если Оливия устала, она разозлится, оставь мы ее в стороне. Вы принесли досье?

Стоун показал три папки, затем жестом велел мне двигаться вперед. Я вошла в дом и повернула на кухню. Мы оба остановились, ошеломленные ужасающим зрелищем.

Миски для завтрака и игрушки мальчиков на острове не представляли собой ничего нового. Брейдону наверняка пришлось приложить немало усилий, чтобы собрать их сегодня утром в детский сад, прежде чем он отправился на работу. Но большую часть беспорядка я отнесла к тому, что называла ураганом «Оливия».

Стопки посуды — грязной и чистой — лежали на каждом столе. Дверь холодильника стояла открытой. Молоко, майонез и ломтики сыра валялись на поверхности острова.

Стоун рассмеялся и посмотрел на меня.

— Пожалуй я найду кофейник, пока вы тут разбираетесь?

— Договорились, — кивнула я, и начала убирать продукты обратно в холодильник.

— Вы с Оливией кажетесь... — начал Стоун, высыпая использованную гущу.

— Разными? — подсказала я, открыв посудомоечную машину и обнаружив, что она полна перемытой накануне посуды.

— Конечно, давайте остановимся на варианте «разные», — улыбаясь согласился Стоун.
— Как долго вы дружите?

— С восьмого класса. Шелли Брайт поставила мне подножку в столовой. Я упала грудью на свой поднос с обедом. Это был день картофельного пюре и коричневой подливки.
— Я протиснулась мимо него, чтобы убрать чистые стаканы в шкаф по другую сторону раковины.

Стоун посмеивался, наливая воду в кофейник.

— Что сделала Оливия?

— Что я сделала? — спросила Оливия, входя в кухню.

Уже не в первый раз я поразила способности подруги так быстро преобразаться. Она не только закрутила волосы, аккуратно закрепив их на голове, но сделала макияж и надела брючный костюм кремового цвета с белой блузкой.

Стоун удивленно посмотрел на Оливию.

— Что вы сделали, когда эта Шелли поставила подножку Давине?

Оливия выдвинула барный стул, чтобы сесть.

— О, ничего особенного.

Я фыркнула.

— Оливия подошла и впечатала свой поднос с едой в лицо Шелли, а потом протащила его по ее рубашке.

— Нет, не может быть, — со смехом отозвался Стоун.

— Шелли вполне заслужила, — заявила Оливия, разглядывая свой маникюр. — Она издевалась над Давиной годами. Я не могла больше на это смотреть.

Стоун усмехнулся, глядя на меня.

— А вам, девочки, потом влетело?

— Нет. Если кто-то из учителей и видел этот инцидент, они не стали о нас сообщать. Не думаю, что Шелли им тоже нравилась. — Я вытащила корзину со столовыми приборами из посудомоечной машины.

Нажав кнопку включения кофеварки, Стоун помог мне убрать остальную чистую посуду и наполнить посудомоечную машину, после чего пересел на другую сторону острова. Я наполнила раковину горячей водой, чтобы вымыть все остальное.

— Итак, вы хотите посмотреть материалы? Или желаете, чтобы я изложил вам основные моменты? — спросил Стоун.

— Я хочу посмотреть дело Райны, — ответила я, стоя к ним спиной. — Но пока не уверена насчет маминого файла.

На мгновение воцарилось молчание. Мне стало ясно, что не только я думаю о кровавом конце маминого дела. Я поставила грязную посуду в раковину, чтобы она отмокла, затем вытерла руки. Повернувшись, я протянула руку, желая взять дело.

Детектив Стоун выбрал среднюю папку, одну из трех, и передал ее мне.

Я посмотрела на белую этикетку на обложке папки: «Райна Рейвен». Бросила взгляд на две другие, лежащие перед Стоуном. Я подозревала, что одна из них мамина, но не совсем понимала, что за дело в третьей папке.

— А что в другой?

Стоуна позабавил мой вопрос, и он развернул папку, держа ее так, чтобы я могла прочитать надпись: «Давина Рейвен».

— У вас есть материалы на меня?

— У шефа Адамса. Возможно, вы не захотите их смотреть, но я все равно сделал копию. Вы правда вырубил ребенка, а потом столкнули его в бассейн?

— О-о-о, — протянула Оливия, забирая у Стоуна папку с моим именем. — Остин Вандерсон. Там реально написано, что Давина пыталась его убить?

— Значит, это правда? — удивился Стоун.

— Нет, — со смехом ответила Оливия. — Остин ударился головой и упал в бассейн. Давина не имеет к этому никакого отношения.

— Тогда почему... — Стоун запнулся, пытаясь самостоятельно придумать ответ.

— Потому что шеф Адамс — узколобый идиот, — гневно проговорила Оливия. — Был не менее четырех десятков свидетелей, которые подтвердили, что Давина прибежала после того, как Остин упал в бассейн, но шеф Адамс отказался кому-либо верить.

— У нас с шефом Адамсом за эти годы случилось несколько стычек, — призналась я детективу. — Скажем так, я не сильно удивлена, что у него есть на меня досье.

Стоун кивнул, но я заметила, что он хотел спросить что-то еще. Однако колебался.

— Что? — подтолкнула я детектива.

— Ну, просто досье заведено до этого. До инцидента в бассейне. У него даже есть

записи о вашей посещаемости из начальной школы. Я не могу понять, что у него на уме.

— Мама и шеф Адамс яростно враждовали — еще до исчезновения Райны. Насколько я знаю, все началось задолго до моего рождения. — Я постучала пальцами по папке Райны, еще не готовая ее открыть. — Но во время расследования исчезновения Райны их неприязнь обострилась. Я помню несколько разговоров на повышенных тонах между ними. Мама настаивала, что кто-то похитил Райну. Шеф Адамс утверждал, что Райна сбежала. Ничего не напоминает?

Мышцы на шее Стоуна напряглись. Челюсть сжалась. Я его разозлила. Мне хотелось разозлить его, но я не знала, почему. Не в моем характере быть жестокой.

— Прости. Это нечестно. Вы просто выполняли свою работу.

— Может быть, — отозвался Стоун. — Но если с Тауни что-то случилось — если ее кто-то похитил — я не уверен, что прощу себя. Айзек пытался провести расследование, но ни шеф Адамс, ни я его не слушали. В большом городе нужно следовать протоколам, потому что не хватает полицейских, чтобы разбирать каждый случай, когда подросток поздно возвращается домой или тайком сбегает. Но здесь? — Стоун сжал губы в жесткую линию. — Мне стоило это проверить.

— Да, — согласилась я без всякой враждебности в голосе. — Но что сделано, то сделано. И в отличие от шефа Адамса, вы пытаетесь исправить ситуацию, пока не стало слишком поздно. С делом Райны он поступил с точностью до наоборот. Адамс уперся и отказался помочь нам. А после смерти мамы... на похоронах... — Я покачала головой, не в силах заставить себя повторить эти слова. — Ну, скажем так, я вряд ли прощу шефа Адамса за те жестокие и злобные слова, которые он бросил мне о моей матери.

Кофейник подал сигнал, что кофе готов. Оливия подскочила к нему, наполняя чашки, которые я расставила.

Я еще раз взглянула на папку Райны и наконец открыла ее. Сдвинула страницы в сторону.

— Три листа? Это что, шутка?

— Боюсь, что нет, — проворчал Стоун, протягивая руку через остров, чтобы вытащить одну из трех страниц. — Этот единственный лист — все, что шеф Адамс написал об исчезновении Райны. Очевидно, здесь не хватает важных деталей. Позже я напишу то, чем вы поделились сегодня утром, но прослежу, чтобы это не попало в руки шефа Адамса. — Стоун указал на следующую страницу в папке. — Я также проверил архивы «Вестника Дейбрик-Фоллс» и скопировал статью, которую они опубликовали, когда Райна исчезла. Но эта заметка вышла только один раз.

Стоун держал в руках полицейский отчет. Я сжимала фотокопию газетной статьи. Третий лист оказался перевернутым. Я взяла его и увидела, что это фотография ожерелья. Ожерелье лежало на земле, цепочка частично покрыта грязью.

— Вот черт... — начала я, но не успела договорить, как мой разум попытался осмыслить увиденное.

— Что там? — спросила Оливия, ставя передо мной чашку с кофе.

Она уделяла больше внимания фотографии, чем тому, что делала, и чуть не опрокинула чашку. Я подхватила ее, пока кофе не пролился, и поставила на другую сторону, подальше от подруги.

Послышался смешок Стоуна, но я смотрела на Оливию, придвигая фотографию ближе к ней.

— Это мой кулон.

— Не может быть, — воскликнула Оливия, поднеся фотографию к носу и изучая детали.

— Что значит, ваш кулон? — поинтересовался Стоун. — Согласно отчету, эта фотография сделана в день, когда вашу сестру объявили пропавшей. Ожерелье нашли прямо перед тротуаром на переднем дворе.

Я растегнула толстовку настолько, чтобы просунуть большой палец под цепочку кулона, и развернула его, чтобы показать Стоуну.

— Мама подарила мне этот кулон с лунным камнем за два дня до того, как покончила с собой. В тот же день она попросила меня позаботиться о Фрэнсисе, если с ней что-нибудь случится.

— И это очень хреновая просьба, — пробормотала негромко Оливия, возвращаясь к кофейнику.

Айзек вошел в кухню.

— Я впустил себя сам. Надеюсь, никто не возражает. — Бросив толстую папку на остров, он выдвинул себе барный стул.

Стоун все еще рассматривал кулон, разложив перед собой фотографию и сравнивая ее с тем, что висел у меня на шее.

— Они выглядят одинаково, но я проверил шкафчик с уликами. Тот, что на фото, все еще упакован и помечен. Я сам его видел.

— Что это значит? — спросила Оливия, протягивая через остров чашку кофе, чтобы поставить ее перед детективом.

Стоун доказал, что у него хорошая реакция, поймав чашку до того, как она опрокинулась.

— Ну, по какой-то причине мать Давины, должно быть, купила одинаковые ожерелья.

— О-о-о, — протянула Оливия, покачиваясь на месте. — Может, это женские подарки! Моя мама так делала. Я получила бриллиантовые серьги, когда у меня начались месячные. — Оливия наклонила мочку одного уха в нашу сторону, повернувшись, чтобы показать всем свои бриллиантовые серьги-гвоздики. Каждая серьга тянула как минимум на два карата.

Стоун поднял руку в попытке остановить Оливию, не отрывая взгляда от столешницы.

Волнение на лице Оливии сменилось задумчивостью, когда она продолжила:

— Но это значит, ты получила ожерелье заранее, потому что я помню твои первые месячные. Они начались раньше моих, но всего на месяц. Нам обеим было по тринадцать лет и...

— Пожалуйста, прекрати! — прервала я ее. — Я не думаю, что Стоуну и Айзеку нужно знать о моих первых месячных. Но ты возможно права. Мама могла хранить ожерелье для того дня, но тогда...

Лицо Оливии сникло.

— Твоя мама отдала ожерелье раньше, зная, что ее не будет рядом, когда у тебя начнутся месячные. — Оливия протянула свою руку поверх моей. — Мне жаль, Давина.

— П-ф-ф. Как будто это самое большое событие, которое она пропустила, — заметила я, отдергивая руку. И снова взглянула на фотографию, думая о Райне и ожерелье. — Я не помню, чтобы моя сестра когда-нибудь носила цепочки. Но даже если и носила, она бы не стала надевать что-то подобное.

— Думаете, оно не ее? — спросил Стоун.

— Я не утверждаю этого. — Я вспомнила, как Райна одевалась, как красилась, какие

украшения предпочитала, если они вообще присутствовали. — Наверное, я не помню всего, но Райна одевалась скорее как гот, чем как милашка. Единственный вариант, при котором я могла бы увидеть на ней этот кулон, если бы он крепился к чокеру.

— Вполне представляю, — согласилась Оливия, аккуратно ставя перед Айзеком чашку с кофе.

Айзек, хорошо зная Оливию, приготовил руки, чтобы обхватить чашку, гарантируя, что кофе не окажется на нем.

— А что писали об исчезновении Райны в газете? — спросила Оливия.

— Я уже по горло сыта газетными статьями, — буркнула, передавая ей страницу. — Держи. — И протянула руку Стоуну, который дал мне полицейский отчет. Бегло его просмотрев, я не увидела ничего нового. Райна улизнула посреди ночи. Больше ее не видели. По мнению шефа Адамса, на этом все и заканчивалось.

Стоун достал блокнот и ручку.

— Что касается ожерелья? Есть идеи, где ваша мама его купила?

— Без понятия, — ответила я. — Это кулон из лунного камня. Он символизирует эмоциональное равновесие, интуицию и исцеление.

— Это тебе мама рассказала? — почти шепотом спросила Оливия, опираясь локтями на столешницу острова.

— Нет, — усмехнулась я. — Гугл.

Оливия хихикнула.

— А как насчет вашей бабушки... — Стоун покачал головой, останавливая себя. — А как насчет Бернадетт? Может она знает, где ваша мать купила это ожерелье?

— Не имею представления.

— Я должен ее спросить, — кивнул Стоун. — Не хотите пойти со мной?

— Лучше пересмотрите свое решение, — заметила я. — Бернадетт не... эээ... нормальная.

— У нее дар, — сообщила Оливия, взглянув на Стоуна. — У них в семье есть экстрасенсорные способности.

Я закатила глаза, но не стала комментировать.

— Бернадетт возможно больше знает о психическом состоянии вашей матери в то время, — перевел Стоун разговор в нужное русло. — Но я не смог найти ее адрес. Вы его знаете?

Я рассмеялась. Не смогла сдержаться. Айзек и Оливия тоже расхохотались.

Я покачала головой.

— Не следует вам встречаться с Бернадетт. Особенно в ее доме, Новичок.

— Почему? — изумился Стоун.

— Потому что она сумасшедшая старая летучая мышь со сверхъестественными способностями, — ответила Оливия. — Она либо пристрелит вас, либо проклянет, либо еще что-нибудь похуже. Я конечно смелая натура, но ни за что бы не появилась на пороге Бернадетт в глуши без веской причины.

— В глуши? — удивился Стоун.

— Она отшельница, — объяснил Айзек. — Приезжает в город только пару раз в год.

Стоун поднял ручку, протяжно вздохнув.

— Адрес?

— Как хотите, — пробурчала я. — Она живет на Цикад-лейн. Поверните направо с

Пайпер на Цикад. Это единственный дом на дороге, примерно полмили в сторону. И это частная дорога, а не окружная, поэтому сразу после поворота вы увидите знаки «Посторонним вход воспрещен».

Стоун записал названия дорог в блокнот.

— Понял. — Он снова замешкался, взглянул на Айзека, а затем на меня.

— Просто выкладывай, Новичок, — поддразнивая его, велела Оливия, толкнув меня локтем.

Стоун протянул мамино досье.

— Хочу ли я вообще знать? — задалась я вопросом, уставившись на папку.

— То небольшое, что здесь есть, вам, вероятно, уже известно, — заметил Стоун. — Там фотографии, так что если не хотите ворошить плохие воспоминания, я бы не советовал его открывать.

— Фотографии не причинят мне вреда, — пожалала я плечами. — Я ведь ее нашла. Эти образы впечатались в мою память.

— Я совершенно точно не собираюсь смотреть, — заявила Оливия, ставя свою чашку на место, чтобы взять кофейник. — Не хочу, чтобы это засело у меня в голове. — Она дрожала, обходя остров и доливая всем кофе.

Я быстро пролистала содержимое папки с ужасными фотографиями, затем захлопнула ее. Глубоко вздохнув, я закрыла глаза, чтобы очистить голову.

— Есть одна вещь, которую я не понимаю, — осторожно проговорил Стоун.

— Только одна? — беззлобно усмехнулась я, бросая ему папку обратно.

Стоун постучал ручкой по столешнице, изучая меня.

— Почему ваша мать покончила с собой днем? Я просто не могу взять в толк, неужели она не понимала, что именно вы найдете ее в таком состоянии?

— Я не могу объяснить, почему она сделала то, что сделала, или почему выбрала для этого полдень. Если догадаетесь, дайте знать.

Воспоминания о том дне пронеслись в моей голове. *Я вернулась домой из школы. В доме было тихо. Я сразу почувствовала — что-то не так. Воздух в доме наполнился металлическим запахом. Я бросила сумку у двери, заглянула сначала в гостиную, потом на кухню. Когда пошла по коридору, мои ноги одеревенели, как будто их внезапно заключили в бетонные блоки, слишком тяжелые, чтобы поднять.*

Я помню, что мне не хотелось идти дальше. Знала, что бы ни ждало меня в конце коридора, это плохо. Я понимала это, но в конце концов заставила себя пройти по нему и заглянуть в комнату родителей.

Мамино тело частично лежало на кровати. Белое покрывало пропиталось кровью. Ее остекленевшие глаза смотрели мимо меня, сквозь меня, уже ничего не видя. А пальцы все еще лежали на рукоятке ножа, лезвие которого погрузилось в ее шею.

Я открыла глаза, отвернувшись от остальных. Подойдя к кухонной раковине, я встала перед ней и уставилась в окно на задний двор.

Оливия почувствовала, что мне нужен перерыв, и сменила тему.

— Детектив Стоун, вы придете в субботу на благотворительный сбор средств?

— Эм... — Стоун замялся. — Меня пригласили, но, боюсь, не смогу быть. Я занят на работе тем вечером.

Айзек хихикнул.

— Он лжет. Стоун не любит мероприятия в костюмах и галстуках. Сам мне об этом говорил.

Я слушала, глядя на раковину. Посуде хватило времени, чтобы отмокнуть, поэтому я решила ее помыть, пока вода еще теплая.

— Мамин фонд собирает деньги на благоустройство города, — пояснила Оливия. — В этом году мы думаем отремонтировать общественный пляж. И если вы хотите завести связи в этом городе, то это хорошая возможность познакомиться с влиятельными людьми. Немного политики никогда не помешает.

— Я подумаю, — пробормотал Стоун. Он подошел и вылил остатки своего кофе в пустую раковину, а затем передал мне чашку. — Вы пойдете?

— Нет, — ответила я в то время, как Оливия сказала — Да.

Стоун посмотрел на нас.

— Мы делаем это каждый раз, — объяснила Оливия. — Давина говорит, что не пойдет, но я все равно тащу ее туда. Ей полезно проводить несколько вечеров в году веселясь, и она это знает. Но никогда не признается.

Я усмехнулась про себя, и сказала, не глядя на Оливию:

— Возможно, в этом году сбора средств не будет. Эдит отказалась от места проведения сегодня утром. Нейда в панике.

— Знаю, — призналась Оливия, взяв в руки свой телефон. — Я пыталась игнорировать их сообщения. Они хотят, чтобы я помогла им найти новое место для приема.

— В Дейбрик-Фоллс не так много достаточно больших площадок, чтобы вместить пару сотен человек, — заметил Айзек. — Может быть, у доктора Гилмора, но тогда никто не придет.

— Я бы точно не пошла, — пробормотала себе под нос.

— Мама знает, что там лучше не проводить сбор, — кивнула Оливия. — Может быть, она перенесет дату. Пожалуй, сейчас это лучший вариант.

Интересно, если даты сдвинутся, Остин мне позвонит?

— Забыла тебе сказать. Я столкнулась с Остином вчера вечером. Он пригласил меня выпить.

— Молчи! — воскликнула Оливия, подпрыгивая. — Не может быть. Скажи мне, что ты согласилась. Скажи, скажи, скажи.

— Я ничего не обещала. Но сказала, что если мы оба придем на сбор средств, я угощу его выпивкой.

— О! — обрадовалась Оливия, подбегая к своему шкафу с барахлом. — Папа оставил тебе карточку на выпивку. Она где-то здесь, — сообщила она, копаясь в вещах.

Шкаф для хлама сводил с ума и Брейдона, и меня, но это единственное место, где мы согласились оставить Оливию с ее беспорядком. Однажды я даже заметила в нем зубные

протезы, но быстро захлопнула дверцу, не желая знать, зачем они подружке.

Когда она нашла карточку, то исполнила свой взрывной танец, скача по кухне, чтобы засунуть ее в мой задний карман, пока я ополаскивала последнюю тарелку.

— Папа сказал, чтобы ты оторвалась по полной. А мама передала, что твое платье доставят к миссис Полсон завтра днем. Во сколько нам за тобой заехать?

Я улыбнулась ей, вытирая руки. И в обычный-то день Оливию легко отвлечь, но когда подружка утомлена — она становилась абсолютно рассеянной.

— Ты уже забыла? Нет места для проведения!

— Да, ты права. Подожди? У Остина большой дом. И задний двор у него огромный! — Оливия подпрыгнула, доставая свой телефон. Она начала писать смс, как сумасшедшая. После отправки сообщения, телефон пищал, и она отправляла еще одно сообщение, и он снова пиликал. После нескольких раундов отправки и получения, ее телефон зазвонил.

Оливия подпрыгивала от нетерпения, когда отвечала.

— Скажи «да», пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Она кивнула, закатила глаза, затем усмехнулась, слушая собеседника.

— Отлично. Я напишу маме. Будь готов к вторжению в твой дом. — Оливия отключилась и снова принялась подпрыгивать. — Пришлось немного попотеть, но Остин сказал, что можно использовать его дом. Вечеринка в силе.

— У него хватит места? — спросила я.

— Дом огромный. Больше, чем у Гилмора. Его архитектурное бюро отлично сработало.

Я не знала, как мне относиться к вечеринке, устраиваемой в доме Остина. Когда я подшучивала над ним, предлагая угостить выпивкой, то думала, что прием будет на нейтральной территории. Почему-то ситуация казалась более напряженной, раз я окажусь у него в гостях.

— Наверное, в этом году я сама доберусь до места сбора средств. Если выпью слишком много, то попрошу кого-нибудь подвезти меня домой. — Я положила полотенце, которое все еще держала в руках, на стойку. — Пожалуй, пройду по лестнице, чтобы навести порядок. — Прихватив корзину для белья из прачечной, я смахнула игрушки с конца острова в нее, а затем перешла в следующую комнату.

Я обошла весь первый этаж за рекордное время, с радостью обнаружив, что больше нет грязной посуды, разбросанной по другим комнатам. Я поднялась на второй этаж. Когда увидела, в каком состоянии находится комната мальчиков, то поставила корзину прямо перед дверью, и вышла в коридор. Чтобы привести спальню в порядок, понадобится не меньше часа, а у меня нет сил.

Я спустилась обратно на кухню.

Стоун и Айзек сидели за островом, беседуя. Оливия стояла на другой стороне острова, повернувшись к ним спиной, и что-то смешивала в миске. Я подошла и встала рядом с ней, заглядывая в миску.

Оливия помешивала муку — просто муку — в миске. Мы обменялись ухмылками. На самом деле она подслушивала их разговор.

— О чем они говорят? — прошептала я.

— Айзек рассказывал об Эрике Натчен, девушке, которая, как думал Ноа, могла быть подругой Райны.

— И? — спросила я.

— Ну, Эрика Натчен и Райна попались примерно за полгода до исчезновения твоей

сестры за кражу в магазине, так что они уверены, что это та самая Эрика, но...

— Мы вас слышим, — проворчал Стоун. — Понятно, Оливия все это время подслушивала наш разговор.

— Я могу слушать все, что захочу, — заявила Оливия, повернувшись и положив кулак на бедро. — Это мой дом.

— Наш дом, — отозвался Брейдон, проходя на кухню, но запнулся, когда близнецы забегали друг за другом вокруг его ног, чуть не поставив подножку.

Я приложила два пальца к губам и свистнула.

В комнате воцарилась тишина, даже среди взрослых.

Тейт первым из двоих отважился высунуть голову из-за угла острова, чтобы посмотреть на меня. В его больших глазах застыл вопрос, что я буду дальше делать.

Голова Тревора появилась рядом с головой брата.

— Когда ты приехала, тетя Давина?

— Около часа назад. И знаете что?

— Что? — спросил Тейт.

— Я не в восторге от вашей комнаты. Мы уже говорили об этом. Какая у вас работа?

— Содержать нашу комнату в чистоте, — пригнув голову, отозвался Тревор.

Тейт только усмехнулся, то ли не понимая, что я злюсь, то ли не беспокоясь о наказании.

Я взглянула на свой фитнес, проверяя время.

— Инспекция через десять минут. Я хочу, чтобы все игрушки вернулись на свои места. Бегом! Брысь, брысь!

Оба мальчугана выбежали из комнаты, визжа и толкая друг друга, чтобы успеть первым. Мы слышали, как они топают ногами по лестнице. Конечно, они знали, что лучше не бегать по лестнице, но у меня не хватило сил подняться по ступенькам, чтобы их отругать.

Оливия посмотрела на меня с недоумением.

— Я заглядывала в их комнату сегодня утром. Мне показалось, там все в порядке.

Брейдон фыркнул, подошел и поцеловал Оливию в щеку.

— Конечно, да. — Он подмигнул мне, ставя три пакета на дальнем столике. — Оливия написала мне, что у нас гости. Я взял обед на всех.

— Мне нужно приготовить еду для Фрэнсиса, — проверив время, проговорила я. Уже почти час. — Надо ехать домой.

— Оставайся. И поешь, — велел Брейдон, доставая тарелки. — Когда закончишь, заберешь домой обед.

Оливия прошла через кухню к ящику для столового серебра, толкнув Брейдона с дороги бедром. Он засмеялся, подтолкнув ее в ответ.

Наблюдая за ними, я всегда улыбалась. Они прекрасно смотрелись вместе. Лучшего мужа для своей любимой подруги я и желать не могла.

Я подошла и села рядом с Айзеком.

— Ладно, выкладывай. Что ты узнал об этой Эрике Натчен?

Айзек почесал голову, чуть выше висков.

— Ну, видишь ли, когда я ее искал, то не ожидал многого. Убедиться, что Эрика Натчен именно та девушка, которую поймали за кражу в магазине вместе с Райной, не составило труда, но когда я проверил биографию Эрики, то результат меня просто поразил.

— Что ты нашел? — нетерпеливо спросила я.

— Кто такая Эрика Натчен? — поинтересовался Брейдон, продолжая наполнять тарелки едой из различных контейнеров.

— Подруга Райны еще со школы, — пояснила Оливия. — Теперь, т-с-с. Остальное я объясню позже.

Я посмотрела на Айзека, ожидая, когда он продолжит.

— Ну что? Ты нашел Эрику? Поговорил с ней?

— Я узнал, где она жила, — поведал Айзек. — Но, к сожалению, она пропала.

— Пропала? — переспросила я. — Когда? Как?

— В этом и заключается главная странность. Она исчезла пятнадцать лет назад.

Примерно через шесть месяцев после того как пропала Райна.

Мы с Оливией резко вдохнули.

— Не может быть! — воскликнула Оливия, посмотрев на меня, а затем на Брейдона.

— Невозможно, — поддержала я подругу. — Мы бы слышали об этом.

Айзек кивнул.

— Конечно, если бы Эрика все еще жила в Дейбрик-Фоллс. Но она к тому времени уже переехала со своей семьей в Траверс-Сити. Именно там они поселились, перед ее исчезновением.

Оливия облокотилась на остров. Брейдон поставил тарелки перед всеми нами, после чего тоже склонился над стойкой.

— Уточню, правильно ли я вас понял, — проткнув вилкой стручковую фасоль, произнес Брейдон. — Девушка, которая, как мы думаем, была подругой Райны, переехала на север, а потом, как и Райна, пропала?

— Ага, — проглотив свою еду, отозвался Айзек. — Мясной рулет сегодня хорош, — отметил он, тыча в него вилкой. — Не такой противный, как на прошлой неделе.

— Мэри вернулась из отпуска, — сообщил Брейдон, имея в виду повара местной закусочной. — И как же ее не хватало. На той неделе я несколько дней пропускал обед, опасаясь, что временный повар меня отравит.

— Мог бы мне сказать, — недовольно проговорила Оливия. — Я бы приготовила тебе что-нибудь.

Мы все посмотрели на Оливию, ухмыляясь.

— Что? — возмутилась Оливия. — Я могу сделать чертовски хороший сэндвич с арахисовым маслом и желе.

Мы с Брейдоном обменялись понимающими взглядами. Оба прекрасно знали, что она способна испортить даже сэндвич с арахисовым маслом и желе.

Я бросила взгляд на Оливию.

— Кстати. Что случилось со стеклянной посудой из духовки, в которой ты готовила свой несъедобный мясной рулет во вторник? Я не видела ее в шкафу.

Оливия уставилась на свою тарелку, крутя зеленую фасоль в соусе.

— Она отмокает.

Я посмотрела на Брейдона. Он ухмылялся, но пожал плечами, признавая, что не знает, куда делась посуда. Я прошла в другой конец комнаты, зашла в прачечную и выглянула в окно. На заднем дворе находился детский бассейн. В его центре плавали стеклянные контейнеры, покрытые черными пятнами.

— Оливия! Seriously? — воскликнула я, поворачиваясь обратно к кухне.

— Что? — хлопая ресницами, ответила Оливия. — Бассейн все равно нужно мыть. Я

просто использую воду повторно, пока не придет время ее слить.

Я вернулась к острову и села, покачивая головой.

— Я принесу их после того, как мы поедим, — пообещала Оливия.

Я выразительно подняла бровь.

— Ладно, хорошо. Мы обе знаем, что я этого не сделаю. Но в конце концов я их заберу.

Брейдон вышел на улицу и спустя минуту вернулся с капающей посудой, и поставил ее в раковину.

Я снова повернулась к Айзеку.

— Ты смог узнать какие-нибудь подробности об исчезновении Эрики?

Айзек покачал головой.

— В отчете не так много. Очень похоже на дело Райны. Эрика легла спать, а на следующий день родители поняли, что ее нет. Скорее всего, она выбралась через окно в спальне. Никаких следов борьбы.

— Какие-нибудь изменения в поведении, произошедшие до исчезновения? — спросил Стоун. — Что-нибудь в ее жизни поменялось?

— В отчете ничего не сказано, но я оставил сообщение для детектива, который вел это дело. Думаю, он ответит мне еще сегодня, — добавил Айзек, взглянув на часы. — Но прошел всего час.

Я подошла к раковине и наполнила горячей водой все почерневшие посудины, а затем отставила их в сторону. Потом вымыла свою тарелку и задумалась об исчезновении Эрики.

— Траверс-Сити — это сколько? Три часа езды? Четыре?

— Где-то так, — ответил Брейдон. — А что?

— Если похититель живет в Дейбрик-Фоллс, то он мог съездить туда и обратно за одну ночь. И вернулся бы домой до рассвета.

— Или, к середине утра, — предположил Айзек. — Родители не знали точно, когда Эрика ушла. Возможно, сразу после того, как отправилась в свою комнату около девяти. Или ближе к утру. Они встали в семь, но заметили, что ее нет, только к восьми часам.

— Это не имеет смысла, — возразил Стоун. — Зачем нашему парню ехать в Траверс-Сити только для того, чтобы похитить Эрику? Что его привлекло?

— Понятия не имею, — отозвалась я, тяжело вздохнув. — Может быть, Эрика что-то знала, и он не хотел, чтобы она кому-то об этом рассказала. Может она изначально была его целью, но Райна помешала.

— К сожалению, мне кажется, я могу пролить свет на причину, — вздохнул Айзек, доставая страницу из своей толстой папки. Он перевернул лист и пододвинул ко мне фотографию девушки.

Я вытерла руки, глядя на снимок.

— Это она.

— Кто она? — спросил Брейдон, когда они с Оливией наклонились поближе, чтобы рассмотреть фото.

— Другая девушка в моем видении. Та, что похожа на Райну, — ответила я, изучая лицо в форме сердца.

— У нее даже волосы закручены на концах, — отметил Айзек. — Если бы я не знал наверняка, то подумал бы, что Райна и эта девушка — сестры. — Айзек достал из папки еще одну фотографию. — Есть еще одна деталь. Узнаешь ее? — Он пододвинул вторую фотографию.

— Да, — подтвердила я, чувствуя, как сводит живот. — Это третья девушка из моего видения. Того, что случилось у Далтонов, когда я увидела лица Райны и Эрики. Кто она?

— Эбби Фенн. Эбби и Эрика дружили. Обе девушки исчезли в одну ночь. Полиция, вероятно, подумала, что они вместе сбежали.

— Эбби Фенн ведь случайная жертва? — Оливия ни у кого конкретно не спрашивала. — У нее не такое лицо. И волосы короче.

— Может быть, — отозвался Айзек. — Я полагаю, что девочки сбежали, но тот, кто поехал в Траверс-Сити, чтобы похитить Эрику, не захотел ждать, пока она останется одна. Вместо этого он забрал обеих девочек.

— Теория вполне убедительная, — заявил Стоун, разложив перед собой папку и сканируя отчеты. — Что-нибудь выяснилось в результате изучения анкет кандидатов на работу?

— Они все здесь, — кивнул Айзек, указывая на папку. — Я сложил их в один файл, потому что не хватило времени разобраться со всеми. И пока я не вижу никого, кто бы соответствовал нашему описанию, и не имел надежного алиби.

— Это может быть пустой тратой времени, — заметил Стоун. — Он мог соврать Тауни, насколько мы знаем. Вполне возможно, он просто выдумал фальшивую историю для прикрытия.

— Тогда как насчет парня, которого наняли, чтобы починить крыльцо Каннера? Он хоть тот, кого мы ищем? — спросил Айзек.

— Трудно сказать, пока мы не найдем и не допросим его. Может, это он, или наш парень каким-то образом знал этого таинственного человека и воспользовался его биографией, чтобы обмануть Тауни. Если все, что он наболтал Тауни, — ложь, это может быть кто угодно.

— Не кто угодно, — возразила Оливия. — У нас маленький городок. И хотя я не думаю, что Тауни знает всех в Дейбрик-Фоллс, мы выяснили, что впервые она увидела этого парня на баскетбольном матче. Вы должны показать всех подозреваемых Санны и Тому. Они могут исключить тех, кого Тауни знала до этого.

— Справедливо, — согласился Айзек. — Я все равно планировал поехать к ним. Хочу заверить, что мы продолжаем расследование. Я могу взять с собой фотографии, сделанные при проверке анкет.

— Пока ты этим занимаешься, — заявил Стоун, вставая и убирая со стола свою и тарелку Айзека. — Я собираюсь съездить в дом Бернадетт. Посмотрим, может она прояснит некоторые моменты в истории с Райной.

Я взглянула на потолок. Комната мальчиков находилась прямо над нами. Я не слышала никакого движения, а значит, они либо тихо играют, либо занимаются тем, чем не следует.

— Пойду проведу мальчиков, а потом отвезу обед для Фрэнсиса. Но после я тоже планирую навестить Бернадетт. Возможно, мы пересечемся, в зависимости от времени, которое ей понадобится, чтобы выгнать вас со своей территории.

— Я могу подвезти вас, если хотите, — предложил Стоун, вытирая тарелку. — Мы могли бы поехать вместе.

— Спасибо за предложение, но некоторые вопросы с Бернадетт лучше обсудить наедине. Разговор может получиться неприятным.

— Хочешь, я поеду с тобой? — спросила Оливия, поднимая руки, чтобы размять мышцы.

Я рассмеялась.

— Она, конечно, злюка, но я могу с ней справиться. Спасибо за предложение.

— Подожди, — спохватилась Оливия, останавливая меня. — Если ты пойдешь наверх, можешь отнести обед мальчикам?

Мы с Брейдоном оба укоризненно на нее посмотрели.

— Что? — спросила Оливия.

— Никакой еды наверху! — отрезала я, тыча в подругу пальцем. — Помнишь фиаско со спагетти в ковре?

— Кроме того, — добавил Брейдон. — Мальчики пообедали в детском саду, прежде чем Нэнси позвонила мне, чтобы я их забрал.

— Почему Нэнси попросила тебя их забрать? — спросила Оливия.

Брейдон очистил свою тарелку и тарелку Оливии.

— Просто так, без причины. Они просто слегка разбушевались сегодня.

Брейдон лгал, что на него не похоже. Даже Оливия бросила на него насмешливый взгляд, но ничего не сказала.

Мне стало любопытно, и я знала, что смогу вытянуть из мальчиков всю правду. Вывернув из кухни, я прокралась вверх по лестнице.

Я стояла в коридоре, недалеко от детской комнаты, и слушала, как они играют, выглядывая из-за угла. Близнецы разобрали постельное белье, затем использовали простыни, чтобы сделать палатку, закрепив ее с обеих сторон кучей своих игрушек. Сейчас они возились под тентом, увлеченно катая свои грузовики.

Встав на четвереньки, я быстро забралась в палатку с криком

— РАРРРРР!!!

Оба брата закричали, хватаясь друг за друга.

Я засмеялась, падая на живот, чтобы оказаться под краем простыни.

— Тетя Давина! — воскликнул Тревор.

— Что? — спросила я, все еще смеясь.

— Ты нас напугала, — хихикая, заявил Тейт. — Классно подловила.

— Определенно, — я протянула руку и принялась щекотать обоих, пока не забеспокоилась, что они описаются.

В итоге я села, перетащив Тревора к себе на колени.

— Хорошо, мальчики. Выкладывайте. Что случилось в детском саду? Почему вашему папе пришлось вас забирать?

Тревор указал на Тейта.

— Это из-за него.

Тейт только усмехнулся.

Я попыталась спрятать свою улыбку. Тейт всегда оказывался зачинщиком.

— Тейт? Что ты сделал?

— Мисс Нэнси вела себя плохо, — проговорил Тейт, вернув внимание к своему игрушечному грузовику. — Даже папа сказал, что никаких проблем не будет. — Тейт задумался о чем-то, и его взгляд устремился к двери. Он наклонился ближе и прошептал:

— Я забыл. Папа сказал, что мы не должны тебе об этом рассказывать.

— О чем? — также тихо спросила я, как будто мы играли в игру.

— Что Тейт пнул мисс Нэнси, — шепотом признался Тревор. — Она сказала про тебя гадости, вот он ее и пнул.

«Ох, черт» — выругалась я про себя. Совсем забыла о статье в «Вестнике». И, что весь город в смятении и выбирает сторону. Я посмотрела на мальчиков.

— Все и правда было так плохо?

И Тревор, и Тейт кивнули.

Тейт, как самый смелый из них, прошептал, наблюдая за дверью:

— Мисс Нэнси сказала, что ты украла девочку у ее мамы и папы и обидела. Но это ведь не правда?

Я обняла Тейта и потянула его по ковру, чтобы он сел рядом со мной.

— Нет, не крада и не обижала. На самом деле, причина, по которой все так странно себя ведут, в том, что я пытаюсь помочь полиции найти эту девочку.

— Что с ней случилось, тетя Давина? — спросил Тревор, прислонившись головой к моему плечу.

— Я не знаю, малыш, — проговорила я, прижавшись лицом к его макушке. — Но постараюсь это выяснить.

— Но почему мисс Нэнси говорила такие гадости? — спросил Тейт.

— Потому что даже хорошие люди иногда невзначай говорят плохие вещи. Но что бы кто ни утверждал, — я пристально посмотрел на Тейта, — нельзя пинать людей, Тейт. Это нехорошо.

Я почувствовала, что в коридоре кто-то есть, скорее всего Оливия, но не стала оборачиваться, чтобы посмотреть.

— Мисс Нэнси заслужила это, — заявил Тейт, скрестив свои маленькие руки перед собой.

Голова Оливии внезапно высунулась из-под навеса, испугав мальчиков.

Я засмеялась, но легонько ткнула Тейта, чтобы привлечь его внимание.

— Никто не заслуживает, чтобы его пинали. В следующий раз, когда кто-то скажет какую-нибудь обидную вещь, либо уйди, либо скажи, что он тебя огорчил. Но пинать людей нельзя.

— Кроме очень, очень, очень плохих людей, — хихикнув, уточнила Оливия.

«О, боже», — подумала я, подняв бровь на Оливию.

— Что? — усмехнулась Оливия.

Тейт обхватил Оливию за шею.

— Как мне узнать, когда я смогу кого-то пнуть?

— Ну... — протянула Оливия, чуть качнувшись на бок, прежде чем сесть. — Пока что давай не будем никого пинать в детском саду. Мы выясним, кого можно пинать позже. — Она принялась щекотать Тейта. — Договорились?

— Ладно, — пискнул Тейт, хихикая. — Мама, прекрати!

Я шепнула Тревору на ухо, и он мигом вскочил, набросился на Оливию, и стал ее щекотать. Тейт вывернулся из-под нее и присоединился, чтобы помочь брату.

Пока они вдвоем возились с Оливией, я выползла из-под палатки в коридор. Увидев пару темных носков, я остановилась. Подняв голову, обнаружила Брейдона, который смотрел на меня с широкой задорной улыбкой.

— Они убралась в своей комнате? — спросил Брейдон, протягивая мне руку.

Я засмеялась, схватившись за его ладонь, чтобы подтянуться.

— Шутишь? — Я стояла, покачивая головой. — Эй, у меня к тебе претензии. Ты должен быть ответственным родителем. Почему ты сказал Тейту, что не злишься из-за того, что он пнул мисс Нэнси?

Брейдон пожал плечами.

— Когда я услышал, что она сказала, мне тоже захотелось ее пнуть.

Я рассмеялась, ударив его по руке, и направилась к лестнице.

Приехав домой, я сразу направилась к боковой двери. Бросила телефон и ключи, затем отнесла пакет с остатками еды на кухню и свернула за угол в гостиную.

Я не видела кулак Фрэнсиса, пока не получила удар в живот, напрочь выбивший из меня дух. Я попятилась назад, когда он повалил меня на пол, опрокинув при этом стул. Попыталась перевернуться на бок, но мы с ним сцепились руками и ногами. Фрэнсис переместился, прижав меня своим телом в районе талии, и прижал спинку стула к моей груди.

Я уперлась обеими руками в другой конец спинки, толкая ее вниз к животу, стараясь, чтобы она не оказалась у меня под шеей. Он удерживал стул, пытаясь плечом подтолкнуть

его вверх.

«Это конец. Вот так он меня и убьет», — подумала я, пытаюсь перебороть Фрэнсиса.

Давление стула не позволяло наполнить легкие для крика. Я снова попробовала повернуться в сторону, но из-за прижатой груди и бедер мои движения были сильно ограничены. А стоит мне пошевелить рукой, чтобы его ударить, Фрэнсис сразу получит контроль над стулом.

Вместо этого я отбивалась ногами. Снова и снова, размахивала ими во всех направлениях и даже пыталась пинать Фрэнсиса по спине. Во время очередного безумного удара я задела ножку стола, сдвинув ее на несколько дюймов в сторону угла.

Стулья под столом крепились к рым-болту — это предложил Айзек после того, как Фрэнсис бросил в меня стул несколько лет назад, но мы никогда не прикручивали стол. Если у меня получится его сдвинуть, и он ударится о стену или упадет, миссис Полсон возможно услышит.

Понимая, что вот-вот потеряю сознание, я снова пнула стол. Потом еще раз и еще. Я услышала треск дерева, и после еще нескольких ударов стол опрокинулся. Стекло разлетелось вдребезги, когда он врезался в угловой шкаф.

Я вывернула бедра, не обращая внимания на боль, и снова пихнула край стола. Стол громко стукнулся о что-то твердое.

— Помогите! — услышала я крик миссис Полсон снаружи. — Помогите!

Я боролась за очередной вдох, пытаюсь выиграть себе время.

— Давина? — Мужской голос позвал с крыльца. — Ты там?

— Помогите ей! Помогите ей! — причитала миссис Полсон.

Снова изо всех сил ударила ногой по столу. Посыпалось еще больше стекла.

Я услышала, как что-то несколько раз хлопнуло о входную дверь, когда миссис Полсон крикнула, чтобы кто-нибудь воспользовался боковой дверью. Затем послышались шаги по крыльцу.

Волна головокружения заставила меня ослабить хватку на стуле. Когда спинка стула переместилась вверх, я подняла глаза на Фрэнсиса.

— Пожалуйста. Пожалуйста, остановись, — прошептала я.

Монстр, смотревший на меня исподлобья, улыбался.

Глава 26

Находясь в безопасности на ступеньках крыльца миссис Полсон, я кашляла, пытаюсь снять кислородную маску. Ноа оттолкнул мою руку, удерживая маску на месте. На нем была униформа, но выражение лица отличалось от обычного легкого рабочего настроения. Он выглядел обеспокоенным, даже испуганным.

Если бы я могла говорить, то сказала бы, что со мной все в порядке. Но поскольку пока не имела возможности, то просто сжала его руку. Он крепко сдавил мою в ответ.

— Пульс хороший, — отчиталась другой парамедик. — Думаю, с твоей девочкой все будет в порядке. — Она подмигнула мне.

Я вскинула бровь на Ноа, но он поднял свою собственную, глядя на напарницу.

— Мы не пара, — поправил ее Ноа.

Она засмеялась.

— Уверен? Ты чуть не убил нас, пока мы добирались сюда, после звонка.

Я отмахнулась от руки Ноа, уронив маску на колени. Попыталась заговорить, но горло пересохло. В итоге я снова закашлялась.

— Давина пытается сказать, — объяснила миссис Полсон, сидя рядом со мной на ступеньках, — что они скорее как брат и сестра. Выросли вместе. Я мать Ноа, миссис Полсон.

— Приятно познакомиться, — ответила парамедик, пожимая ей руку. — Я Бритт. Настоящее имя — Бриттни, но все зовут меня Бритт.

— Рада знакомству, — улыбнулась миссис Полсон.

Я все еще не могла говорить, поэтому просто помахала в ответ.

— Это Давина Рейвен, — со смешком сообщила миссис Полсон от моего имени. — Она говорит «привет».

Бритт засмеялась, пожимая мне руку. На ее лице появилось изумление, когда она изучала меня.

— Да, дорогая, — отозвалась миссис Полсон. — Давина — та, о которой все говорят, но это все чушь.

Бритт посмотрела на Ноа, затем рассмеялась.

— Неудивительно, что ты так разозлился. — Бритт продолжала смеяться, но оглянулась на меня. — Твой «старший брат» чуть не оторвал кое-кому голову.

Я приподняла брови, глядя на Ноа, но он только пожал плечами.

— Что я могу сказать? Он вел себя как придурок.

Я прочистила горло, и попыталась снова.

— Тейт пнул свою воспитательницу. — Голос звучал странно даже для меня самой.

Миссис Полсон и Ноа рассмеялись.

— Кто такой Тейт? — спросила Бритт.

— Один из близнецов Оливии, — ответил Ноа.

— А кто такая Оливия? — все еще в недоумении спросила Бритт.

— Я, — отозвалась Оливия, сбегая с тротуара. — Ноа, она в порядке?

— Жить будет. Сходи в дом и принеси ей стакан воды, ладно?

Оливия остановилась, чтобы обнять меня сбоку, а затем прошмыгнула в дом. Тейт и Тревор бежали по тротуару, а Брейдон следовал за ними.

— Тетя Давина! Тетя Давина! — голосил Тревор.

— Что случилось? — спросил Тейт.

Они оба прижались ко мне нуждаясь в тесном контакте.

— Со мной произошел небольшой несчастный случай, и теперь у меня бо-бо.

— Где? — уточнил Тейт, изучая мою руку.

— Здесь, — ответила я, показывая на место под воротничком, где, по моим предположениям, образовался хороший синяк. — И здесь, — подняв футболку, я показала на красный рубец на животе.

— Вот дерьмо, — выругалась Бритт, наклоняясь ко мне.

Мальчики захихикали, поглядывая на Бритт.

— В смысле какая «бьяка», — поправила Бритт, надавливая руками в перчатках на мой живот.

Я поморщилась, отпрянув от нее.

Бритт посмотрела на Ноа.

— Мы должны отвезти Давину в больницу. У нее может быть разрыв.

Я отрицательно покачала головой, глядя на Ноа.

Ноа подхватил Тревора, перекинув его через плечо, при этом зад Тревора устремился в небо. Тейт поднял руки, чтобы его тоже подбросили вверх. Ноа согласился, но затем перекинул его в объятия Брейдона.

Вернулась Оливия и протянула стакан воды, садясь рядом со мной.

Я продолжала смотреть на Ноа. Хотя он вел себя так, будто играет с мальчиками, я знала, что он думает о моем животе. Он взвешивал риски. Оценивал повреждения.

Когда он снова перевел взгляд на меня, то кивнул.

— Позвони мне, если что-то будет не так. Что угодно.

Я кивнула, сделав глоток воды.

— Давина! Я не шучу.

Я снова кивнула.

— И, — велела Бритт, вставая, — отправляй ему фото живота каждые десять-пятнадцать минут.

— Да, отличная идея, — согласился Ноа, сверля меня взглядом.

— Договорились, но серьезно, я в порядке. То есть, у меня все болит, но мы оба знаем, что с Фрэнсисом бывало и хуже.

— Да, насчет этого, — пробурчал Ноа, снимая Тревора со своего плеча и ставя его на ноги. — Ты знаешь, что мы должны сообщить о нападении. Без этого никак.

— Знаю, — я посмотрела в сторону своего дома. — Как он?

— Спит. Фрэнсис будет в отключке некоторое время. Мы можем забрать его с собой, если ты готова.

Я вспомнила угрожающую улыбку Фрэнсиса прямо перед тем, как потеряла сознание. Я хотела сказать Ноа «да», но просто не смогла.

— Оставь его пока. Социальный работник получит отчет. Она мне позвонит.

— Дави... — начал спорить Ноа.

— Знаю, — перебила я его. — Время пришло. Только не сегодня. Я договорюсь с социальным работником.

Оливия прислонилась ко мне, положив голову на плечо. Миссис Полсон положила руку на другое плечо, слегка сжимая его.

Я услышала, как пиликнул мой телефон, но не знала, где он. Посмотрела по сторонам.

Миссис Полсон достала телефон из кармана фартука и протянула его мне.

— Сосед из дома напротив захватил твои ключи и телефон, когда уходил.

— Ник Хурон? — Кроме его имени, я мало что знала о своем соседе с другой стороны.

— Это он оттащил Фрэнсиса от меня? Я практически потеряла сознание к тому времени как меня спасли.

— Да, — ответил Ноа. — Ник и ребята Дональдсона с другой стороны улицы. Они тоже помогли.

Я огляделась вокруг, не наблюдая полицейских машин.

— Никто не позвонил в полицию?

— Я думаю, что все в квартале уже достаточно хорошо выучены, — хихикнула миссис Полсон. — Это не первое наше родео. Я позвонила Ноа на мобильный, как только привлекла внимание соседей.

— Мы можем что-нибудь сделать, пока здесь? — спросил Брейдон. — Тебе что-нибудь нужно?

— Если вы с Ноа поможете мне вытащить стол, буду благодарна, — ответила я, вставая. Мышцы живота протестовали, но с помощью Оливии я справилась. — Может быть, и стулья тоже.

— Я на дежурстве, — почесал свою козлиную бородку Ноа, взглянув на Бритт.

— Иди. Разомни свои мускулы, — разрешила Бритт. — Я соберу вещи и позвоню диспетчеру, чтобы нас снова поставили в очередь.

— Хорошо, — согласился Ноа, забирая ключи у своей мамы.

Я уже направилась через двор, но миссис Полсон окликнула меня. Я оглянулась, но она смотрела на мою футболку. Я посмотрела вниз, но ничего не увидела.

— Твой кулон, — подсказала миссис Полсон.

Я подняла обе руки, ощупала шею, потом футболку, даже заглянула в брюки. Кулон пропал.

— Не паникуй, — начал успокаивать меня Ноа. — Мы вместе его поищем.

По пути через двор мы обыскали траву, но ничего не нашли. Внутри мы все искали вокруг сломанной мебели, пока Ноа и Брейдон вытаскивали стол и стулья. Мне даже удалось заставить свое тело опуститься на пол, чтобы заглянуть под приборы и под шкафы, но мы так и не смогли найти пропажу.

Я так расстроилась из-за потери кулона, что у меня дрожали руки. Но больше я ничего не могла сделать. Вместо этого, убрав обед, который принесла Фрэнсису, я взяла веник, чтобы смести разбитое стекло. Затем приготовила сэндвич и оставила его на тумбочке.

Закончив с этим, я заперла дверь, и вышла из дома.

Оливия, Брейдон и мальчики все еще находились у миссис Полсон, но мне не хотелось их видеть. Мне хотелось сбежать. Именно так я и поступила.

Обойдя дом сзади, вышла на подъездную дорожку и села в машину, готовая отправиться к Бернадетт.

По пути через город я остановилась у аптеки. Выйдя из своей «Хонды», я не стала обращать внимание на двух женщин, которые шептались и показывали на меня. Я узнала одну из них. Она работала в церковной администрации, но я не помнила ее имени. Проходя мимо, я пригнула голову.

Колокольчики звякнули, когда я толкнула дверь аптеки. Три покупателя стояли и разговаривали с фармацевтом Эдом Филлипсом. Поскольку он был единственным аптекарем в Дейбрейке за почти сорок лет, многие горожане заглядывали к нему просто поболтать, как, похоже, и сегодня.

Когда я вошла, все обернулись на меня. Эд единственный улыбнулся, когда я подошла к прилавку.

— Привет, Давина. Удивлен, что вижу тебя на улице. В городе царит какое-то безумие, — поделился Эд, засовывая «Вестник Дейбрик-Фоллс» под прилавок.

— Поверьте, я бы предпочла спрятаться где-нибудь, — ответила ему, облокотившись на прилавок, в попытке переговорить с глазу на глаз, хотя знала, что остальные слышат каждое слово.

— Чем могу помочь? — спросил Эд.

— На имя Фрэнсиса имелся рецепт, который я так и не получила. Седативные препараты. Он все еще действует?

— Сейчас проверю. — Эд придвинул клавиатуру ближе, повернулся, чтобы посмотреть на монитор, пока печатал. — Я вижу три рецепта в нашей системе. Все успокоительные, но выписаны разными врачами. Похоже, ты так и не воспользовалась ни одним из них.

— Три. Хм. Какой из них я могу получить? — спросила я.

Эд посмотрел мимо меня на своих посетителей, которые все еще сгрудились неподалеку.

— Нельзя ли нам уединиться? — спросил он их.

Я услышала, как они зашевелились, но не повернулась посмотреть. Эд смущенно покраснел.

— Прости за все это, — негромко сказал он, наклонившись ближе. — Лекарства все похожи, но дозировки разные. Что ты хочешь, милая? Вырубить его на несколько часов или притормозить?

— Мне просто нужно несколько дней, чтобы подлечиться перед его следующей вспышкой. — Я опустила глаза и несколько раз сильно моргнула, пытаясь удержаться от слез. Мне не нравилась идея накачивать Фрэнсиса лекарствами, но похоже не осталось выбора. — Ноа пришлось дать ему успокоительное сегодня. Я согласилась перевести Фрэнсиса в лечебницу, но, зная систему, это может занять неделю или две.

— Понятно. — Эд потянулся и взял свой мобильный телефон. — С твоего позволения я позвоню Ноа и спрошу, что он вколол Фрэнсису?

— Конечно. Говорите с кем нужно.

Пока Эд звонил Ноа, я отошла от прилавка и посмотрела на зевак. Двое направляли в мою сторону гневные взгляды. Третий изучал меня почти с любопытством. Колокольчики на входной двери звякнули, и мы все повернулись посмотреть, кто вошел.

В дверях появился Айзек. Заметив, он направился ко мне.

— Слышал, у твоего отца выдался плохой день, — проговорил Айзек, кивнув в сторону Эда, который все еще разговаривал по телефону. — Поэтому ты здесь?

Я кивнула, но не стала вдаваться в подробности.

— Умно, — заметил Айзек. — Лекарства помогут сохранить вас обоих в безопасности. — Он положил руку мне на плечо.

Я вздохнула.

— Как ты узнал? Ноа тебе позвонил?

— Со мной связалась Диана из социальной службы. Она попросила оформить заявление о случившемся. Ты уже говорила с ней?

— Нет, но я ожидаю, что она позвонит мне сегодня. Ноа дежурил, когда усыплял Фрэнсиса, поэтому ему пришлось заполнять формы и тому подобное. Если ты снова будешь разговаривать с Дианой до того, как я свяжусь с ней, дай знать, что на этот раз я согласна. Ну, на психиатрическую клинику.

— Рад это слышать. Что касается инцидента? — спросил Айзек, доставая свой блокнот. — Можешь рассказать мне основные моменты?

Я объяснила Айзеку, что произошло, показала ему свои синяки и назвала имена свидетелей. Зеваки подались вперед, прислушиваясь к каждому слову.

Когда мы закончили, Эд протянул мне через прилавок маленький белый бумажный мешочек, покрытый предупреждающими этикетками.

— На бутылочке написано, что по одной таблетке до шести раз в день, но безопасно давать ему две за раз, особенно перед сном. Одна таблетка замедлит его. Две — вырубят.

— Есть предложения, как заставить его их принять? — спросила я, беря пакетик.

— Ну, по закону я не могу советовать тебе раздавить их и смешать в стакане молока, — улыбнувшись мне краешком губ, ответил Эд. — Поскольку ты его опекун, тебе решать, как давать ему таблетки.

Я засунула пакет в сумочку, запихнув его на самое дно.

— Сколько я должна?

— Нисколько, — ответил Эд, придвигая к себе электронный планшет. — У Фрэнсиса хорошая страховка. Просто нужно, чтобы ты подписала, что получила таблетки.

Я расписалась, поблагодарила Эда и вышла. Айзек последовал за мной.

— Есть новости от Стоуна? — спросил Айзек.

— Нет, с того момента, как мы побывали в доме Оливии.

Айзек рассмеялся.

— Городской парень немного ошарашен. Кажется, Бернадетт не слишком приветливо приняла его, когда он явился с визитом. Она предупреждающе пальнула в Стоуна, когда он попытался выйти из своего внедорожника.

Я рассмеялась, представив, как Бернадетт отпугивает Стоуна своим ружьем.

— Она просто сумасшедшая, — покачала я головой. — Я собираюсь к ней заехать. Надеюсь, она пропустит меня через главные ворота.

— Думаю, что пропустит — ты же родная кровь и все такое. Но мы оба знаем, что это не мешает ей говорить гадости. Уверена, что готова к этому? У тебя сегодня довольно дерьмовый день.

— Бернадетт меня не пугает. Если я узнаю от нее что-нибудь полезное, дам тебе знать. — Я открыла дверь своей машины, засунула сумочку внутрь, но повернулась обратно, чтобы встретиться взглядом с Айзеком. — Как думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем

люди перестанут смотреть на меня как на монстра?

Айзек посмотрел вниз на дорожку, где пара шепталась друг с другом, наблюдая за мной. Он снова взглянул на меня.

— Давай найдем Тауни. Все немного успокоится, когда девочка будет в безопасности.

Другими словами, они не угомонятся, пока мы не отыщем Тауни. Не желая, чтобы Айзек видел, как наворачиваются слезы, я отвернулась и скользнула на водительское сиденье.

— Да, нам нужно ее найти, — согласилась я, поворачивая ключ в замке зажигания.

И единственный человек, который может помочь, — это злая ведьма, живущая по ту сторону озер. Я помахала рукой на прощание, затем задним ходом выехала со своего парковочного места.

Если бы я взяла карту и провела прямую линию от центра Дейбрик-Фоллс до участка Бернадетт, получилось бы не более трех-четырёх миль. Но поскольку Бернадетт жила на дальней стороне Найтшейдских озер, поездка на машине занимала двадцать минут.

Липкие от пота волосы спутались от езды с опущенными окнами, и я почувствовала нешуточное облегчение, когда свернула на Цикад-лейн. Сбавив скорость, я объехала глубокие колеи на частной грунтовой дороге. Меня совсем не удивило, что Бернадетт позволила состоянию дороги так ухудшиться. Для нее это служило еще одним препятствием на пути визитеров — как будто ее приветствия из дробовика недостаточно отпугивали.

Остановившись перед деревянными воротами, я подождала несколько секунд, прежде чем выйти из машины. Дом Бернадетт исчез из виду за следующим поворотом, но я знала, что у нее есть камеры, установленные на деревьях вдоль дороги. Если бы она не хотела, чтобы я въезжала, то сделала бы предупредительный выстрел.

Когда выстрелов не последовало, я открыла ворота и, обогнув поворот, припарковалась перед домом. Немного посидела осматриваясь.

Все в Бернадетт поражало эксцентричностью. И одежда, и машины, на которых она ездила, и отношение к людям. Она не боялась выделяться, привлекая к себе внимание, куда бы ни пошла.

С другой стороны, я делала все возможное, чтобы слиться с толпой, стараясь, чтобы меня не замечали, не видели, чтобы на меня не смотрели и не шептались. Но бывали дни, когда мне хотелось больше походить на Бернадетт. Хотелось, так же наплевательски относиться к тому, что люди шепчутся у меня за спиной. Но даже если бы я обладала хоть толикой ее эксцентричности, мне бы и в голову не пришло жить в таком доме, как у нее.

Фасад дома с облупившейся и выцветшей краской выглядел таким же мертвым, как и окружавшая его бурая трава. Крыша крыльца провисла. Одна ставня держалась нарочито криво, так что казалось, будто она сорвется в ближайшую бурю. Занавески — все задернутые — выглядели пожелтевшими даже с того расстояния, на котором я находилась.

Любой, кто отважится подъехать так близко к дому Бернадетт, скорее всего, продолжит двигаться прямо по кругу и выедет на дорогу — именно то, чего хотела бы Бернадетт.

Самое смешное, что фасад дома играл роль декорации. То же самое можно сказать и о деревянном сарае, стоявшем во дворе. Снаружи сарай украшали обветренные доски и полусгнившая вальмовая крыша, которая, казалось, упала с первоначального второго этажа до уровня первого. Внутри сарая, однако, имелась стальная каркасная вторичная крыша, защищающая гараж и мастерскую больших размеров.

Я улыбнулась, выходя из машины, вспоминая свои детские визиты. Хотя мне никогда не нравилось проводить время с Бернадетт, я любила уникальность этого дома и думала, каково это — вырасти здесь. Мама всегда говорила мне, что он просто другой.

— Ну что, дитя? — проворчала Бернадетт, выходя на шаткое крыльцо. — Так и собираешься стоять здесь и глазеть весь день? Или у твоего непрошеного визита есть цель?

— И тебе привет, — ответила я, подходя к крыльцу.

Бернадетт держала ружье в одной руке, но приклад упирался ей в подмышку, поскольку она наклонила ствол к земле. Сегодня она была одета в красные шорты, сексуальную розовую майку, которая задралась выше талии, и неоновозеленые кроссовки. Общая яркость

ее наряда ослепляла, но все же я предпочла его вчерашнему образу байкерши.

— Что-то я не припомню, чтобы приглашала тебя на чай, — раздраженно отозвалась Бернадетт. — Чего ты хочешь?

— Я надеялась, что мы сможем поговорить, — ответила я, поднимаясь на последнюю ступеньку. Перейдя через крыльцо, я встала перед ней, а затем махнула рукой в сторону двери. — Может, зайдем внутрь?

Бернадетт изучила мое лицо, затем осмотрела меня с ног до головы.

— Что случилось?

Я оглядела себя, но не заметила ничего необычного.

— Тебе лучше уточнить.

— Что-то изменилось. Не могу понять, что именно.

— Послушай, Бернадетт, сегодня был тяжелый день. Мне жарко, я устала и у меня все болит. Может, оставим эти игры?

— Ладно. — Бернадетт вошла в дом, оставив дверь открытой для меня. — Вытри ноги.

Я прошла в дом с притворной стороны и улыбнулась, увидев старинную белую эмалированную печь на ножках в виде пьедестала. Мама ругала меня за то, что я играю в этой части дома. Она говорила, что это негигиенично. Повсюду виднелись слои пыли и паутины, но когда я стала чуть выше ростом, чтобы маневрировать метлой, то играла здесь. Убирала комнаты, чтобы антикварная мебель блестела. Чистила старинную плиту и ножки, пока они не становились как новые.

Когда мы уходили после каждого визита, Бернадетт отитывала меня за это, объясняя, что передняя часть дома должна отпугивать людей, а не приглашать их войти. Мне было все равно. Мне нравилось проводить время на этой стороне дома. Так я держалась подальше от нее. И от Райны, которая предпочитала тусоваться в задней части дома.

— Не задерживайся, — велела Бернадетт, проходя через мнимую гостиную и открывая панельную дверь на другую сторону дома.

Еще раз оглядевшись, я последовал за ней через вход, задвинув за собой панель.

С этой стороны находился настоящий дом. Помещение, в которое мы вошли, служило чем-то вроде гостиной. Слева располагалась узкая кухня, длинный обеденный стол и лестница, ведущая на второй этаж, где размещались спальни. Передняя часть дома, декоративная сторона, располагалась на вершине крутого холма. Задняя часть дома имела сплошные стеклянные стены, из которых открывался вид на деревья и болота позади дома. Очень красиво, но почему-то я чувствовала себя здесь одиноко, в какой-то изоляции.

— Ты прервала мою тренировку. В следующий раз звони перед приходом, — проворчала Бернадетт, подойдя и выключив видеоэкран на своем велотренажере.

— Кто построил этот дом? — спросила я, проходя через комнату и становясь перед стеклянной стеной, разглядывая окрестности. — Не помню, чтобы я спрашивала об этом в детстве.

Бернадетт фыркнула.

— Ты все еще ребенок. И ты правда пришла сюда за уроком истории? У меня есть дела поважнее.

Я повернулась, прислонившись спиной к окну и скрестив руки на груди.

— Если не хочешь рассказывать, так и скажи.

Бернадетт сощурилась, но я не смогла прочитать выражение ее лица, когда она пересекла комнату и направилась на кухню.

— Полагаю, раз уж ты моя единственная наследница, то должна знать. — Она открыла холодильник и достала две бутылки воды. — Фермерский дом построен около ста лет назад, после того как предыдущий дом сгорел.

— А кто добавил заднюю сторону? Стекло? — поинтересовалась я.

— Это сделали мои родители, — ответила Бернадетт, обводя рукой комнату. — А когда мы с твоим дедушкой поженились, то добавили некоторые новшества.

Бернадетт протянула мне бутылку воды, затем посмотрела в окно.

— Площадь участка составляет около девяноста акров и простирается от северной оконечности Среднего озера Найтшейд до западного конца Верхнего озера Найтшейд, включая канал, соединяющий их.

— Он тянется так далеко? — удивилась я, повернувшись, чтобы посмотреть еще раз. Я не могла разглядеть ни озера, ни канала. Вокруг слишком много деревьев. — Ты когда-нибудь ходишь на озеро?

— Нет, — отозвалась Бернадетт, казалось, сердито. — Никогда. — Она подошла к дивану. Сев, она наконец заметила, что ее майка задралась. Подергала подол, расправляя и стягивая его вниз, чтобы прикрыть живот. — Выкладывай свои дела, — рявкнула она на меня. — Что тебе нужно? Зачем пришла?

Я села в кресле, наклонившись вперед, поставив локти на колени и сцепив руки.

— У меня есть вопросы. Об исчезновении Райны. О человеке, который забрал и ее, и Тауни. Вопросы о маме.

— Не дразни дьявола, дитя, — прошипела Бернадетт. — Дьявол всегда норовит ответить тем же.

— Какое, черт возьми, отношение имеет дьявол к чему бы то ни было? — Я провела рукой по волосам, и мое разочарование усилилось, как только рука наткнулась на спутанные ветром волосы. Я рывком освободила руку. — Почему ты не можешь говорить как нормальный человек? Просто пять минут нормальности, вот и все, о чем я прошу.

Бернадетт наставила на меня палец.

— Вот в чем твоя проблема. Твоя бредовая вера в то, что ты нормальная. Или, скорее, в твоём желании быть нормальной. — Она опустила руку, но с досадой посмотрела на меня, покачав головой. — В нашей семье нет ничего нормального. Ты учишься выживать или умираешь. Единственное, что стоит между этим, — твой выбор, как провести свои дни.

— И ты думаешь, я должна уподобиться тебе? Отгородиться от всех?

Бернадетт наклонилась вперед, перевернув «Вестник Дейбрик-Фоллс» на кофейном столике.

— А твой план работает лучше? — Она развернула газету заголовком ко мне. — Ты из кожи вон лезешь, чтобы помочь этим людям, и что они сделали? Они отвернулись от тебя. — Она бросила мне газету.

Я поймала ее ладонями, опустила на колени и спокойно развернула страницы. Выровняв листы, я положила газету на пол рядом со своим креслом.

— Думаешь, твоя жизнь лучше моей? — спросила Бернадетт. — Нравится смотреть, как люди, которых ты считала друзьями, отворачиваются от тебя? Предают твоё доверие? — Бернадетт поднялась с дивана и стала расхаживать между ним и журнальным столиком. — Ты наивна. Просто ребенок. Но со временем поймешь. Когда все уйдут, когда они все покинут тебя, ты усвоишь урок.

— Не все предали меня. Некоторые, да, но не все. И люди, которые остаются рядом со

мною, стоят этого, Бернадетт. Они заботятся обо мне.

Бернадетт смотрела мимо меня, в окно.

— Пока не предали, — тихо проговорила она. — Поверь мне, дитя, они отвернутся. В конце концов, они все отворачиваются.

Я подумала об Оливии, Брейдоне, Ноа. Вспомнила миссис Полсон.

— Я отказываюсь в это верить. Я отказываюсь быть такой циничной. Близкие мне люди любят меня. Я знаю, что любят.

— Ты ошибаешься. И в конце концов, ты задохнешься под тяжестью их предательства, — пообещала Бернадетт, взяв с крайнего столика мамину фотографию. — Прямо как Эмбер.

— Так вот почему она покончила с собой? — прошептала я.

Бернадетт хлопнула фотографией в рамке по подставке. Звук треснувшего стекла сопровождал ее слова.

— Не смей говорить такие гадости, дитя. Не при мне. Не в моем доме.

— Прости, — сказала я, склонив голову. — Я не хотела тебя расстраивать.

— Ты меня не расстроила, — резко ответила Бернадетт, хотя мы обе знали, что она лжет. — Чего именно ты хочешь?

— Мне нужна твоя помощь. Девочка. Тауни. Я не знаю, как ее найти. Не понимаю, как использовать все эти экстрасенсорные штучки. Как заставить их работать.

— Ну, тогда ты зря потратила время. У меня нет никакого интереса совать свой нос в этот бардак. Я уже это проходила. Уже пробовала. В результате потеряла свою единственную дочь. — Бернадетт отвернулась, но на мгновение показалось, что она не определилась, в каком направлении двигаться, а затем направилась на кухню. — Если это все, что ты хотела, то, думаю, тебе пора. — Она повернулась ко мне спиной, поднимая кастрюлю с полки.

— Я не прошу тебя разыскивать девочку самостоятельно, — проговорила я, проходя через комнату. — Прошу только меня научить. Объясни, как работает эта способность.

— Нет.

— Почему? Почему ты не хочешь мне помочь? Ты так сильно меня ненавидишь?

— Я не испытываю к тебе ненависти. — Бернадетт глубоко вздохнула, поставив кастрюлю в раковину и включив воду, чтобы ее наполнить. — И никогда не ненавидела тебя, но и научить не могу. Я дала обещание твоей матери. Я обещала ей, что не буду вмешиваться.

— Почему она просила тебя об этом? Почему не хотела, чтобы я училась?

Бернадетт судорожно сжимала руки, не сводя с меня глаз.

— Эмбер не хотела, чтобы ты взваливала на себя бремя мира экстрасенсов. Ты или твоя сестра.

Я вернулась к креслу и взяла газету.

— Этот поезд уже ушел, — ответила я, держа газету, прежде чем бросить ее на деревянный пол. — Я уже страдаю от видений. Я уже изгой. Единственное, о чем прошу, это научить меня их контролировать. — Я в расстройстве провела обеими руками по волосам. — Ты знаешь, что когда мне было семнадцать, я врезался на машине мамы Оливии в дерево? — Я направилась на кухню, не сводя с нее взгляда. — У меня случилось видение, когда я была за рулем. Я могла умереть. Я могла убить свою лучшую подругу.

Бернадетт все больше ерзала, глядя в сторону.

— Или что когда мне было двадцать лет, я провела три дня в психиатрической клинике?

— Я остановилась в нескольких футах от нее. — У меня случился срыв после видения маленького ребенка, которого избивали до смерти. По сей день я понятия не имею, кто был этот мальчик и арестовали ли его отца.

Бернадетт посмотрела на меня. В ее глазах отражалась хорошо знакомая мне эмоция — чувство вины.

— Бернадетт, пожалуйста, помоги мне. Я уже живу жизнью, которой мама не хотела для меня. Вопрос в том, можешь ли ты помочь мне ее контролировать?

— Я обещала ей, — прошептала Бернадетт.

— Я тоже давала обещания, — призналась я, делая шаг вперед и сжимая одну из ее рук. — Но эти обещания чуть не убили меня сегодня. Пришло время их отпустить. Освободиться от них, пока они не утянули нас обоих под воду.

Бернадетт прошла мимо меня, оставив кастрюлю, которую наполняла водой, и снова встала перед стеклянной стеной.

Я вздохнула и подошла к раковине, чтобы выключить воду. Подняв кастрюлю, я вылила несколько дюймов воды и поставила ее на плиту. Включив конфорку, подождала, пока Бернадетт соберется с мыслями. Мне захотелось приготовить то, что она собиралась, но я понятия не имела, что именно. Поэтому я просто наблюдала за водой, ожидая, пока она закипит.

Когда я смотрела в кастрюлю, образ пасты и соуса просочился в мои мысли, а затем завладел моими чувствами. Я почувствовала запах соуса. Ощутила запах чесночного хлеба. Затем образ и запахи исчезли.

Я взглянула на Бернадетт. Она по-прежнему стояла у стеклянной стены, но повернулась ко мне лицом. Уголок ее рта приподнялся вверх.

— Это ты? — спросила я.

Бернадетт наклонила голову, приподняв плечо.

— Хотела посмотреть, работает ли это еще.

— Что значит «еще»? — удивилась я, открывая шкафы и находя пасту.

— Внушение образа, — пояснила Бернадетт. — Это работает только с такими людьми, как мы, и, как я слышала, человек должен быть кровным родственником. — Бернадетт тихо захихикала, глядя в окно. — Твоя мама так злилась на меня, когда я посылала тебе картинки с другой стороны дома. Ты могла потратить весь день на уборку и полировку.

— Ты так делала? — Я не могла удержаться от смеха, пока искала овощи и разделочную доску. — Ты заставляла меня убираться в твоём доме?

— Нет, — ответила Бернадетт, подойдя к столу в столовой и отодвинув одну из длинных скамеек. — Я могу только показать тебе образ. Будешь ли ты действовать в соответствии с ним — решать тебе. Твоя сестра, например, никогда бы не стала убираться. Не то чтобы это имело значение. Она всегда слишком увлекалась блужданием по болотам, когда вы втроем приезжали в гости.

Я начала мыть овощи.

— Я помню это. Мама использовала сигнальный рожок, чтобы дать Райне знать, когда пора уходить.

— Так и было, — отозвалась Бернадетт, снова выглянув в окно. — Я научу тебя, дитя, но не обещаю, что все получится. Твоя кровь испорчена кровью твоего отца еще до твоего рождения. Я ничего не могу с этим поделать. Но те способности, которые у тебя есть, я научу тебя ими управлять.

— Что значит «испорчена»? Типа генетически разбавлена? Так получается? Способности становятся слабее с каждым поколением?

— Зависит от партнера, — ответила Бернадетт. — Твоя мать выбрала пару, намеренно стремясь ослабить способности. Это всегда выбор.

— Пару? — Я рассмеялась. — Ты говоришь о Фрэнсисе, как о каком-то персонаже из романа про оборотней. Одна из тех паранормальных романтических книг.

Бернадетт подняла бровь, выглядя смущенной.

— Я не знаю, какие книги ты имеешь в виду, но подразумевала разницу между мужем и донором спермы. Исторически сложилось так, что женщины Куэйд выбирали разных мужчин для разных целей. Конечно, они делали это в тайне, но некоторые из них иногда попадали в скандалы. Все это есть в «Леджере». Разве ты его не читала?

— В каком «Леджере»? — спросила я, нарезаю помидоры кубиками.

— «Леджер Куэйдов». История способностей семьи.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Невозможно, — заявила Бернадетт, пересекая комнату и становясь в нескольких футах от меня. — Я отдала его твоей матери, когда родилась Райна. Книга должна передаваться из поколения в поколение. Каждое поколение воспитывается, читая свое наследие.

— Я помню, как мама читала мне, но никогда ничего необычного. Все стандартные сказки, даже не самые добрые сказки братьев Гримм.

— Ничуть не сомневаюсь, что твоя мать никогда не показывала тебе эту книгу, но она есть в доме, — ответила Бернадетт. — Как ты до сих пор ее не нашла?

— Не знаю, — отозвалась я, бросая нарезанные кубиками помидоры в сотейник. — Должно быть, книга в комнате Фрэнсиса. Я захожу туда только пару раз в год, чтобы сделать уборку, но никогда не видела книгу, подобную той, что ты описываешь.

— Что ж, дитя, тебе нужно ее найти. В ней содержится большинство ответов, которые ты ищешь. Не говоря уже, что в чужих руках... — Бернадетт покачала головой, расстроенная мыслью, что книга может оказаться в неподходящем месте. — Тебе нужно обязательно отыскать «Леджер».

— Хорошо, — я высыпала больше овощей в сотейник. — Но пока я этого не сделала, не подскажешь как включить и выключить видения?

— Ты, конечно, шутишь, но на самом деле все очень просто.

— В каком смысле?

Бернадетт отвлеклась на сковороду на плите. Она закатила глаза, проходя мимо меня и открывая шкаф. Затем протянула банку с покупным соусом.

— Когда ты считаешь, что задача сложная или трудоемкая, то она будет именно такой — сложной и трудоемкой. Но когда понимаешь, что это не обязательно должно быть трудно, ты избавляешь себя от многих проблем. — Она открыла банку и вылила содержимое в сотейник. Включила конфорку и перемешала соус с овощами, которые я уже нарезала кубиками. — Хорошо, что ты не знаешь, где находится машинка для приготовления пасты, а то я бы умерла с голоду, ожидая ужина.

Я открыла коробку с макаронами и положила половину в кипящую воду.

— Своим загадочным языком ты говоришь, что я слишком задумываюсь над процессом. Но это не объясняет, как сделать все правильно.

— Каждый делает это по-своему, но я использую рычаг... — Бернадетт постучала себя

по виску — внутри головы. — Она открыла морозильник и протянула мне замороженную буханку чесночного хлеба. — Твоя мать выбрала себе выключатель. Большинство экстрасенсов представляют себе дверь, мысленно открывая и закрывая ее. Выбор объекта за тобой, но пусть это будет что-то связанное с реальным миром. Что-то, что можно либо включить-выключить, либо открыть-закрыть. Быстрое и простое.

Я читала инструкцию на обратной стороне пакета с чесночным хлебом, размышляя над тем, что использовать для управления своими способностями.

— Что выбрала Райна?

— Райна? Что ты имеешь в виду?

— Ну, она была достаточно взрослой, верно? Чтобы начались видения?

— Да, она достигла этого возраста, но твоя мать не хотела, чтобы кто-то из вас знал о способностях семьи. Это не значит, что у Райны не случилось видений, но если и так, то мне не говорили.

— Но я правильно понимаю, что четырнадцать лет — это возраст, когда способности проявляются?

— В нашей семье — да, если у одаренного достаточно сильная линия. В противном случае на формирование может уйти еще несколько лет. — Бернадетт посмотрела на меня, сузив глаза. — Как ты поняла это без «Леджера»?

— Райне было четырнадцать, когда она исчезла. У меня случилось первое настоящее видение, когда мне было четырнадцать.

— Невозможно. — Бернадетт протянула мне противень для чесночного хлеба. — Ни у кого из вас не могло быть видений так рано. Я бы почувствовала ваши способности, как чувствовала способности вашей матери, тогда, когда вы были младше. Но хотя я иногда улавливала проблески от Райны, ты всегда оставалась чистым листом.

— А что насчет снов? — спросила я. — Мне начали сниться сны, с двенадцати лет. После того как Райна пропала.

— Какие сны?

— Райна. В клетке.

Руки Бернадетт дрожали, когда она помешивала соус.

— Они были четкими? Эти сны?

— Да, очень.

— Мне нужно подумать. — Бернадетт отложила ложку, затем посмотрела на противень, который я все еще держала в руках. — Дитя, сосредоточься. Я голодна.

Я распаковала чесночный хлеб, положила буханку в форму для выпечки и включила духовку.

— Хочу переодеться перед ужином. Я надеюсь, ты не сожжешь дом, пока меня не будет?

— Несмотря на то, что ты постоянно называешь меня ребенком, я вполне в состоянии закончить ужин.

— Хмф. — Бернадетт проследовала через комнату к угловой лестнице, ведущей в спальню второго этажа.

Оставшись в тишине на несколько минут, я включила кран и установила пробку на дно, заполняя раковину горячей мыльной водой для посуды. Пока вода наливалась, я размышляла, чем включать и выключать свои видения. Я могла бы использовать простую кнопку или рычаг, как Бернадетт. Мамин простенький выключатель тоже годился.

Когда раковина почти наполнилась, я потянулась к единственной ручке крана, задержав руку на хроме. «Да, это имело смысл: ручка крана. Почему бы и нет?»

— Нет, — проворчала Бернадетт, спускаясь обратно по лестнице. — Включай и выключай, дитя. Не оставляй шанса, что вода будет продолжать капать. — Теперь Бернадетт надела темно-синие леггинсы, сандалии и длинную белую блузку.

Я выключила кран. Поставив чесночный хлеб в духовку, перемешала макароны.

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

— Твое сознание полностью открыто. Я никогда не замечала этого до сегодняшнего дня, что странно. Но ты каким-то образом открыла ворота, и теперь нам необходимо научить тебя их закрывать.

«Открыла ворота», — подумала я.

— Эй, а как насчет...

— Нет. — Бернадетт нахмурилась и указала на меня. — У ворот есть планки или доски, между ними есть пространство. Включение-выключение. Открыто-закрыто. Не оставляй места для нечисти, чтобы она могла проскользнуть мимо установленного тобой контроля.

— Хорошо. Я что-нибудь придумаю.

— Тебе лучше определиться побыстрее, дитя, — фыркнула Бернадетт. — Пока кто-нибудь, кроме меня, не решил покопаться в твоей голове. — Она достала тарелки из одного из шкафов и отнесла их к огромному столу.

Я порядком устала от ее придилок, не говоря уже о том, что она постоянно называла меня ребенком. «Вот уж поистине злая ведьма с озера Найтшейд», — подумала я, собирая столовое серебро.

Бернадетт засмеялась, все еще находясь спиной ко мне, пока накрывала на стол.

Я очистила свои мысли, пока сливала воду с пасты. Не пытаясь думать о предмете, я вспомнила о стеклянных дверях патио. Французские двери в деревянной раме, выкрашенные в белый цвет, с цельными стеклами и изогнутыми серебряными ручками.

— Странный выбор, — прочитав мои мысли, прокомментировала Бернадетт.

Я закрыла глаза, сосредоточившись на дверях, и представила, как мои пальцы обхватывают ручки. Я потянула двери на себя. Над одной ручкой появился засов, и я закрыла ее на замок.

Открыв глаза, я мельком взглянула на Бернадетт.

На ее лице застыло озадаченное выражение.

— Интересно, — только и сказала она.

— Неужели у меня получилось? — спросила я. — Я вытеснила тебя из своей головы?

— Да, но... — Бернадетт посмотрела за стеклянную стену на деревья внизу. — Скажи мне, почему стеклянные двери?

— Не знаю. Наверное, мне нравится мысль видеть, что ждет меня по ту сторону.

— Я больше не в твоей голове, так что же ты можешь увидеть? Что по ту сторону стекла?

Я закончила сливать воду с макарон, прежде чем отнести их на стол. Затем остановилась, закрыв глаза, чтобы представить себе двери.

— Деревья. Солнечный свет. Как странно.

— Что? — спросила Бернадетт, хватая меня за руку.

Испугавшись ее прикосновения, я отпрыгнула назад. Интересно, почему она схватила меня? Лицо Бернадетт было напряжено.

Я показала на стеклянную стену позади нее.

— Я видела это. Твою территорию. Задний двор. Деревья, уходящие в болото.

— Но почему? — Ее напряжение снова сменилось на любопытство.

— Может, потому что это то, что снаружи? — Я вернулась на кухню и взяла сотейник.

— Может быть, — пробормотала про себя Бернадетт, передавая мне пасту. — Сегодня вечером тебе нужно потренироваться открывать и закрывать двери. Чем больше ты будешь практиковаться, тем легче будет контролировать видения.

— Ура, — язвительно заметила я. — Домашнее задание.

— И найди книгу Куэйдов. Это важно, дитя. Ты должна отыскать «Леджер».

— Конечно. Так и сделаю.

Оставалось только найти способ как отвлечь Фрэнсиса, чтобы я могла обыскать его комнату. Ничего особенного, верно? Я мысленно закатила глаза.

После ужина Бернадетт меня выставила. На жалобы, что она так ничему и не научила, в ответ услышала заявление, что мне следует вернуться, когда найду «Леджер Куэйдов». Я не стала дальше спорить, в конце концов, мне все равно нужно проверить Фрэнсиса.

По дороге домой я думала о том, где мама могла спрятать книгу. Она должна находиться где-то в их комнате. С другой стороны, «Леджер» мог оказаться в коробке в гараже или храниться в одном из многочисленных пластиковых ящичков на чердаке.

Подъезжая к дому, я заметил, что Фрэнсис подглядывает в окно. «Не очень хороший знак», — подумала я, выходя из машины. Следуя к задней части дома, я не сводила глаз с окон.

— Не стоит, — закричал Ноа, когда я уже поднималась на крыльцо. — Он не спит уже около часа. Я пытался позвонить тебе, но твой телефон, должно быть, разрядился.

Я вытасила телефон и увидела три пропущенных звонка. Один от Ноа. Один от Оливии. И один от Стоуна.

— Я поставила телефон на вибрацию, — ответила ему, засовывая трубку обратно во внешний карман сумочки. — Может, он голоден. Присмотришь пока я его кормлю?

— Конечно, — отозвался Ноа, прислонившись к перилам крыльца. — Но оставь дверь открытой.

Я кивнула, затем, поднявшись по ступенькам, осторожно открыла дверь. Фрэнсис ждал на другой стороне кухни, где когда-то стоял стол.

— Я принесла ужин. Иди смотри телевизор, а я пока положу тебе еду.

Фрэнсис долго наблюдал за мной, взволнованно переминаясь с ноги на ногу, но в конце концов зашаркал в другую комнату. Я достала пластиковую вилку и бумажную тарелку и переложила порцию спагетти из контейнера на нее. Затем отломил кусочек чесночного хлеба и добавила его сбоку, прежде чем отнести ему ужин. Фрэнсис схватил тарелку и начал запихивать кучу еды в рот как животное.

Я вернулась на кухню, достала пластиковый стаканчик. Раздав две таблетки на дне, я наполнила его молоком. Мне не нравилось накачивать Фрэнсиса лекарствами, но позволить ему убить меня тоже не лучший вариант. Когда убирала молоко, то заметила, что Фрэнсис поставил сэндвич, который я ему приготовила, в холодильник. А поскольку он так набросился на еду, вполне вероятно, что сегодня он вообще не ел.

Я достала несколько яблок и апельсинов и понесла их в гостиную вместе с молоком. Может быть, если у него на столе будут фрукты, он вспомнит, что нужно поесть.

Его тарелка стояла уже пустая, но пластиковая вилка исчезла. Я вышла из комнаты, решив, что поищу вилку позже. Схватив остатки еды, я выскочила через боковую дверь и пересекла лужайку.

— Он в порядке? — спросил Ноа.

— Будет, — проговорила я, передавая Ноа контейнер с едой. — Я дала ему две таблетки. Как долго он будет спать?

— Трудно сказать. Возможно, пять или шесть часов. Если он все еще будет в сонном состоянии, когда придет в себя, то может снова заснуть. Все-таки стоило подождать до позднего вечера, чтобы дать ему таблетки. Тогда он проспал бы всю ночь.

— Я сегодня лягу пораньше. Кроме того, он спрятал свою пластиковую вилку. А это

никогда не предвещает ничего хорошего.

Ноа покачал головой, бросив взгляд на мой дом.

— Тебе уже звонила его социальный работник? — спросил Ноа, открывая и придерживая для меня дверь.

— Нет, но она позвонила Айзеку и попросила его составить полицейский протокол. Я знаю, что она занимается делом Фрэнсиса. Возможно, пытается найти для него место, прежде чем связаться со мной.

— Диана позвонила мне, — сообщила миссис Полсон, переворачивая игральную карту на столе. — Ты права. Она пытается найти для него место в «Морнинг Спрингс Виллидж». Говорит, что это одно из учреждений в твоём коротком списке, когда ты в последний раз рассматривала возможность его переезда.

— Хорошо, — кивнула я. — Там не так плохо. Правда, пахло мочой, но если собрать под одной крышей кучу людей, которые не могут себя контролировать, чего можно ожидать?

— Итак... — сказал Ноа, доставая тарелки. — Значит, ты все-таки решилась?

— Да, — согласилась я, забирая у него третью тарелку и ставя ее обратно в шкаф. Я никак не могла съесть еще кусочек. Наелась досыта у Бернадетт. — Я не могу продолжать так жить.

И Ноа, и миссис Полсон вздохнули с облегчением.

— Напишу Диане, — сообщила миссис Полсон, доставая свой телефон. — Я уже говорила, что ты, кажется, твердо решила, но мы видели, как ты меняла свое мнение раньше.

Я вытащила стаканы.

— Ноа, ты не мог бы помочь мне после ужина? Или у тебя сегодня в планах жаркое свидание?

— У меня свидание с тем наружным фонарем, которому нужна новая лампочка, — отозвался Ноа, неся тарелки и столовое серебро к столу. — В чем дело? Что тебе нужно?

— Чтобы кто-нибудь присмотрел за Фрэнсисом, пока я обыскиваю дом. — Я наполнила стаканы чаем со льдом, затем отнесла их на стол, и вернулась, чтобы взять свой.

— Только не говори, что у твоего отца есть другое оружие, — проворчала миссис Полсон, отложив телефон.

— Нет, то есть да, если считать пластиковую вилку, но меня она не очень волнует. — Я села напротив нее за стол. — Мне нужно кое-что поискать в его спальне. Старую книгу, которую Бернадетт попросила меня найти. Очевидно, книга передавалась из поколения в поколение, но Бернадетт не знает, что с ней случилось после смерти мамы.

Миссис Полсон сосредоточенно ковырялась в спагетти, ничего не говоря.

— Мам? — спросил Ноа, подмигнув мне. — Ты ведь что-то знаешь?

— Это было так давно, — ответила миссис Полсон, пожимая плечом. — Я не уверена, что он все еще там.

— Где? — спросила я. — О чем вы говорите?

Миссис Полсон посмотрела в сторону моего дома.

— В их спальне. Эмбер как-то сказала, что у нее есть тайник в шкафу в их спальне, о котором Фрэнсис не знает.

— Почему? — удивилась я.

— Я не знаю, правда. Я спрашивала, но Эмбер просто улыбнулась, как делала иногда, как будто у нее есть забавная история, которой она не готова ни с кем поделиться. — Миссис Полсон снова помешала спагетти на своей тарелке и отодвинула ее в сторону. Мне

показалось, что я её расстроила, но когда она подняла глаза, то улыбнулась. — Знаешь, иногда Оливия напоминает мне Эмбер.

— Правда? — улыбнулась я в ответ. — Хотела бы я знать маму в таком образе. Я помню ее только как мать, ту, которой она была до исчезновения Райны, и ту, что после.

— Она бы тебе понравилась, — заявила миссис Полсон, взяв в руки колоду карт. — Яростная, верная, веселая, умная и... — Миссис Полсон снова посмотрела в сторону моего дома. — И загадочная.

Ноа поглощал свою еду, пока слушал. Намотав на вилку последнюю макаронину, он кивнул на тарелку матери.

— Не хочешь есть?

— Еще нет и пяти, а я уже дважды поела сегодня. Я разогрею позже, если ты не против.

Ноа посмотрел на меня, надув нижнюю губу.

— Да, — со смехом ответила я, пододвигая к нему тарелку его мамы. — Я оставлю остальное здесь, — не отводя пальцев от края, — если только ты сможешь мне, когда закончишь обедаться.

— Договорились, — согласился Ноа, забирая у меня тарелку.

Миссис Полсон хихикнула, переворачивая очередную карту.

Я вернулась на кухню, убрала остатки еды и вымыла скопившуюся в раковине посуду. К тому времени, как я закончила, Ноа уже доел. Я заставила его вымыть обе тарелки, прежде чем мы ушли.

Начали с наружного освещения. Вдвоем мы быстро дотащили лестницу, заменили лампочку, а затем вернули лестницу на стропила гаража.

Я вошла в дом первой, не спуская глаз с Фрэнсиса, пока двигалась по кухне. Фрэнсис сидел в кресле и, казалось, спал, но я не могла поверить в это. Его кулаки все еще оставались сжатыми, а глаза двигались под веками взад-вперед.

— Ого, — пробормотал Ноа, заглядывая мне через плечо. — Он даже во сне злится.

— Это странно, — заметила я, глядя на Ноа. — Обычно он расслаблен.

Ноа о чем-то задумался, затем обошел меня и приблизился к Фрэнсису на расстояние нескольких футов. Он приподнял руку Фрэнсиса, а затем ее отпустил. Фрэнсис дернулся, что-то пробормотал во сне, затем развернулся всем телом в сторону. Его глаза под веками продолжали метаться взад-вперед.

Ноа сделал шаг назад.

— Я присмотрю за ним и позвоню Эду в аптеку. Возможно это какой-то побочный эффект от лекарства.

Я кивнула, направляясь в коридор.

— Заодно поищи поблизости эту дурацкую вилку, ладно?

Не дожидаясь ответа, я свернула в комнату Фрэнсиса, а точнее, в комнату моих родителей, поскольку все мамины вещи все еще оставались на месте. Даже ее тапочки стояли на полу рядом с кроватью. Много лет я хотела собрать мамины вещи, но меня беспокоило, как на это отреагирует Фрэнсис. Может быть, когда он освоится в новом жилище, я соберу все вещи мамы и Райны.

Сначала я проверила мамин комод, чтобы убедиться, что ничего там не пропустила. Затем осмотрела кровать Фрэнсиса на предмет оружия, с учетом, что доступ в его комнату был редкостью. Не найдя ничего ни там, ни там, я подошла к шкафу и открыла обе дверцы. Одежда и обувь занимали большую часть пространства. На верхней полке стояло несколько

коробок, но после беглого осмотра я убедилась, что в них хранится тот же хлам десятилетней давности. Кроме стопки фотографий, которую я отложила в сторону, ничего интересного там больше не нашлось.

Опустившись на дно шкафа, я сначала ощупала заднюю стенку, но не нашла никакого тайника. Затем переместилась к торцевой стене, самой дальней от двери спальни, но и там ничего не обнаружила. Ползая на коленях, я двинулась к другой стороне шкафа. Тут под моим правым коленом дно просело. Я поползла назад, прочь из этого пространства. Вытащила обувь и сложила ее в стороне, затем потянула за ковер в дальнем углу шкафа. Ковер легко подался, не прикрепленный к полу.

«Вот оно», — подумала я, откидывая ковер и прижимая угол под коленями, чтобы удержать его на месте. Я усмехнулась, увидев дощатый настил. В углу ближайшей ко мне доски имелось отверстие в один дюйм. Я просунула указательный палец в отверстие и потянула доску вверх.

Бинго. Я вытащила все предметы из потайного шкафчика и положила их на пол рядом с собой. Памятная шкатулка. Две старые книги. И обесцвеченная и потрепанная папка с документами.

Поместила доску на место, затем ковер и обувь. Когда все стало как прежде, я поднялась и перенесла все свои находки в спальню, включая фотографии, которые обнаружила на верхней полке.

Проверив Ноа, я вернулась в спальню Фрэнсиса и закончила обыскивать остальную часть комнаты, прежде чем сменить постельное белье и сделать быструю уборку. Когда я убирала пылесос обратно в шкаф в прихожей, Ноа тяжело вздохнул.

Я подтолкнула его в бок.

— Я перестану мучить тебя скукой после того, как ты поможешь мне уложить Фрэнсиса в постель.

— Я нашел пластиковую вилку. А ты нашла книгу, которая тебе нужна? — спросил Ноа, переместившись на дальнюю сторону кресла.

— Я обнаружила кучу всего. Просмотрю все сегодня вечером. — Я схватила Фрэнсиса за запястье, закинув его руку себе на плечи.

Ноа сделал то же самое с другой стороны. Наклонив Фрэнсиса вперед в его кресле, мы оба переместили руки за его спину, затем подняли, балансируя вес между нами, и двинулись в сторону коридора, огибая кресло.

Фрэнсис что-то пробормотал, но не проснулся.

— Надо было захватить мамино старое инвалидное кресло, — простонал Ноа, когда мы развернулись в спальне, чтобы уложить Фрэнсиса на кровать.

— Почти готово, — пробурчала я, пока мы его опускали.

Когда Фрэнсис плюхнулся на постель, мы оба облегченно вздохнули. Ноа потянулся, подняв руки над головой. Я наклонилась и сняла с Фрэнсиса тапочки, а затем переложила его голову и ноги в более удобное положение.

Выходя из комнаты, я вспомнила, что окно Райны было не заперто. Я вернулась к окну Фрэнсиса, которое выходило на подъездную дорожку.

Открыто.

Я оглянулась на Фрэнсиса. Я никогда не запирала его в доме. Не только из-за пожара, но и просто не было причин. И раз он мог уйти через кухонную дверь, зачем ему выходить через окно? Или он открыл его, чтобы подышать свежим воздухом?

— О чем ты так напряженно думаешь? — спросил подошедший Ноа.

— Просто пытаюсь понять, почему окно не заперто. — Я защелкнула задвижку и закрыла его.

Выйдя из комнаты Фрэнсиса, обошла вокруг дома, проверяя каждое окно. Все остальные оставались запертыми, кроме окна в спальне Райны.

Я вернулась к себе и открыла обе двери ванной, чтобы войти в комнату Райны. Зайдя внутрь, я посмотрела на дверь ее спальни. Стул все еще стоял под ручкой. Фрэнсис не мог попасть в комнату, если только у него не было ключа от моей спальни.

— Как думаешь, возможно ли, что Фрэнсис каким-то образом отпирает окно Райны снаружи, а потом заходит сюда?

Ноа приподнял бровь.

— Зачем ему это делать?

— Без понятия. — Я снова осмотрела комнату. Казалось все, находилось на своих местах, как и вчера вечером.

Ноа возился с окном, поворачивая замок туда-сюда.

— Я могу съездить в город и купить новый замок, если ты переживаешь.

Я пересекла комнату и подошла к столу Райны, схватив свой электрошокер.

— Нет, не сегодня. Что бы он ни замышлял, здесь больше ничего нет.

— Ты уверена? — Ноа подошел и открыл верхний ящик стола. — В этой комнате не осталось никаких острых предметов?

— Нет, — отозвалась я, оглядываясь по сторонам. — После первой вспышки Фрэнсиса твоя мама попросила помощи у соседей, чтобы они осмотрели дом. Именно тогда шкафы на кухне закрыли на ключ.

— Я этого не помню, — заметил Ноа, заглядывая в шкаф.

— Я думаю ты бы у отца тем летом.

— А-а-а, — протянул Ноа, оглядываясь на меня с широкой улыбкой. — Старые добрые времена. Когда я проводил половину лета, играя в видеоигры, пока папа работал.

Я засмеялась, проходя через ванную обратно в свою комнату. Я услышала, как Ноа закрывает двери ванной, когда снова выглянула в соседнюю комнату. Фрэнсис все еще спал, но его глаза продолжали вращаться под веками.

— Итак? Что мы нашли? — спросил Ноа, усаживаясь на мою кровать.

— Пока не уверена, — ответила я, закрывая нас в спальне.

Благодаря запертой двери я почувствовала, как с моих плеч спало напряжение. Я заползла на плед и перетащила стопку фотографий к Ноа. Затем взглянула на книги. Одна из них оказалась старой книгой рецептов, и я бросила ее на тумбочку. Перелистывая другую, я обнаружила, что это — «Леджер Куэйдов». Книга была старой, и между несколькими страницами виднелись обрывки бумаги. Заметив мамин почерк на обороте, я закрыла «Леджер». Не хотела поддаваться эмоциям в присутствии Ноа. Я наклонилась и положила книгу в ящик тумбочки, чтобы прочитать позже. Вернулась к остальным предметам, разбросанным на кровати.

— Это та самая книга, которую Бернадетт хотела, чтобы тышла? — спросил Ноа.

— Да, но сначала я думаю просмотреть остальные вещи, — ответила я, открывая папку с файлами. Страницы и листы были заполнены именами, датами, временем и записями, написанными почерком моей матери. Я пролистала папку дальше, нашла несколько медицинских документов и несколько других юридических бумаг, которые не смогла

распознать. Я быстро пролистала папку, ничего не читая, но пытаясь выяснить, что в ней содержится. Поняв, что мне понадобится несколько дней, чтобы все это изучить, я вздохнула.

— Посмотри сюда, — протянул мне фотографию Ноа.

Я взяла снимок, сразу его узнав. Мне было лет десять или одиннадцать. Мы с Ноа играли у разбрызгивателя. Райна сидела в кресле на газоне в стороне и смотрела на нас. Мой отец подкрадывался к ней сзади с водяным шлангом. Старая знакомая улыбка расплылась по его лицу. Улыбка, в которой не было ни капли гнева или злобы.

Я уже собиралась отложить фотографию, когда заметила кое-что. Я не могла определить, была ли это просто пометка на изображении, поэтому подошла к своему столу и стала рыться в нижнем ящике, пока не нашла увеличительное стекло. Вернувшись к кровати, я поднесла лупу к снимку, и оказалось, что на Райне был кулон с лунным камнем, такой же как тот, что подарила мне мама.

Я машинально потянулась за своим кулоном, но тут вспомнила, что потеряла его.

— Что ты увидела? — спросил Ноа, наклонившись, чтобы снова посмотреть на фотографию.

— Детектив Стоун спрашивал о кулоне, — пояснила я, передавая фотографию и лупу Ноа. — Я не помнила, чтобы Райна носила такой.

— Я тоже, — согласился Ноа, поднося фотографию ближе. — Но он выглядит как твой.

Я вздохнула.

— Живот болит каждый раз, когда я думаю, что его потеряла.

— Он обязательно найдется. — Ноа бросил стопку фотографий на кровать, все, кроме одной. — Эту я оставлю себе.

Он показал снимок, на которой мы сняты вдвоем. Мне было, наверное, пять или шесть лет. Мы оба лежали в траве, лицом к небу, и кто-то наклонился над нами, чтобы сфотографировать. Мы оба смеялись. Я с отсутствующими передними зубами и Ноа со слишком большими для его маленькой детской головы.

— Хороший снимок. Если я найду еще какие-нибудь фотографии, дам тебе знать. Мы всегда можем сделать копии.

Ноа повернулся к двери.

— Я пойду. Закрой за мной.

Я проводила Ноа и пожелав ему спокойной ночи, заперла дом на ночь. Благополучно вернувшись в свою комнату, я решила принять душ и переодеться в пижаму, прежде чем разбираться с остальными спрятанными мамиными сокровищами.

Двадцать минут спустя, чистая и одетая для сна, я устала на папку с файлами, фотографии и памятную шкатулку, которые лежали на моей кровати. «Не хочу», — подумала я, прикидывая, сколько часов уйдет на сортировку и чтение, чтобы все просмотреть.

Я вспомнила, как Бернадетт велела мне практиковаться в открывании и закрывании ментальных дверей. Это звучало куда как проще. Я переложила все с кровати на пол, затем выключила свет и села в темноте, скрестив ноги и закрыв глаза, сосредоточившись на дверях.

Не знаю, как долго тренировалась, прежде чем хихикнула.

— Как же глупо, — призналась я себе.

Я даже не знала, правильно ли выполняю упражнение. Я взглянула на часы и увидела, что уже немного за семь. Вздохнув, я закрыла глаза, пообещав себе, что буду заниматься еще

Запах выхлопных газов заполнил мои ноздри. Что-то твердое ударилось о мою щеку, оставив после себя ощущение жжения.

— Давина! — прокричал кто-то в нескольких сантиметрах от меня.

Я отпрянула назад, закрывая голову руками, чтобы защититься.

— Давина! Ты меня слышишь? Давина, пожалуйста. — Меня схватили за бицепсы и затрясли сильными руками.

Я огляделась, пытаюсь прояснить сознание и понять, что меня окружает. Я на улице. Я чувствовала под ногами теплый асфальт, а прохладный ветерок обдувал мои голые лодыжки. Дорога. В нескольких футах от меня стояла машина с неработающим двигателем. Я опустила одну руку, посмотрела на мужчину, стоящего передо мной, и потрясенно поняла, что это Остин.

— Давина, ты меня слышишь? — воскликнул Остин, коснувшись рукой моего лица.

Я кивнула, но отодвинулась от него, обхватив себя руками спереди. Включенные фары машины освещали длинный участок дороги, но я не понимала, где нахожусь.

Я оглянулась на Остина, поднеся руку к щеке. Она все еще горела от пощечины.

— Давина, прости, — проговорил Остин, сцепив руки вместе, словно умоляя. — Пожалуйста, прости. Я никогда в жизни не бил женщин. Но я не знал, что еще можно сделать.

Я задрожала, когда прохладный ветерок прошелся по моей коже. Взглянув на руку, я увидела, что она покрылась мурашками. Посмотрела вниз, на остальную часть себя. На мне были пижамные шорты и футболка. Ноги грязные, и когда я подняла сначала одну, потом другую, то увидела на них небольшие порезы.

Снова огляделась.

— Где я?

Остин шумно выдохнул, проведя руками по волосам.

— Я уже добрых десять минут пытаюсь привести тебя в чувство.

— Десять минут? — переспросила я, заметив кое-что на дороге в нескольких футах от себя. Маленькими шажками, жаящими ноги, я приблизилась к предмету, поняв, что это «Леджер Куэйдов». Я подняла его и открыла обложку, чтобы убедиться, что книга не повреждена. — Как она сюда попала?

— Книга? Ты ее несла, — ответил Остин, придерживая меня рукой. — Пойдем. Давай отвезем тебя в больницу.

— В больницу? Зачем? Ты снова сбил меня своей машиной? — Я опять посмотрела вниз на свое тело, но не увидела никаких открытых ран или сломанных костей. Кроме боли в ступнях, я не чувствовала ничего, кроме холода.

— Почти, но нет. Я слишком быстро выскочил из-за поворота, и вот ты уже идешь посреди дороги.

— А где именно?

— Догвуд-роуд. Мой дом прямо за углом, — указал Остин.

— Догвуд? — Я повернулась кругом, пытаюсь понять что со мной случилось. — Какого черта я здесь делаю?

Остин снова обнял меня за плечи, мягко направляя к своей машине.

Я ему позволила. В голове шумело. Все происходящее не имело никакого смысла.

Он усадил меня на пассажирское сиденье, пристегнул ремень безопасности и побежал вокруг машины к водительской стороне.

Мы уже почти подъехали к городу, когда я снова заговорила:

— Я не хочу ехать в больницу. Я вроде не ранена. Можешь подбросить меня до дома?

— Это хорошая идея? — взволнованно спросил Остин.

— Не знаю точно, что произошло сегодня ночью, но что бы это ни было, есть вероятность, что я оставила свою комнату незапертой. Мне нужно попасть домой, пока Фрэнсис не проснулся.

— А что, если он уже не спит?

Я не ответила. Не представляла, сколько грязного белья моей семьи уже известно Остину.

— Давина, заходить сейчас в дом безопасно? — продолжил расспросы Остин.

Ладно, похоже, он слышал, по крайней мере, несколько слухов о Фрэнсисе.

— Я буду осторожна. Если ты хочешь помочь, оставайся в машине и держи телефон наготове, чтобы вызвать помощь.

— Звучит как ужасный план. Давай ты останешься в машине, а я проверю дом.

— Поворачивай, — подсказала я, когда Остин подъехал к перекрестку, ведущему в мой район.

Когда он поворачивал, я посмотрела на часы на приборной панели. Было чуть больше пяти утра. Если Фрэнсис встал с постели после того, как его лекарство перестало действовать, мне конец. Если он снова заснул, у меня есть еще час, не меньше.

— Давина?

— Да?

— Ты меня до смерти напугала. — Остин повернул направо на мою улицу.

Мне показалось любопытным, что он знал, на какой улице я живу, но в конце концов, это ведь маленький городок.

— Хочешь правду? — спросила я.

— Порази меня.

— Я и сама себя напугала.

Остин потянулся и сжал мою руку.

— Припаркуйся на улице между моим и синим домом.

— В синем доме живет мама Ноа?

— Да, — ответила я, наклонившись вперед, чтобы посмотреть на подъездную дорожку миссис Полсон. Конечно, машина Ноа стояла на дороге. Я не удивилась, что он остался ночевать в своей старой спальне. Ноа отличный друг.

Когда Остин поставил машину на стоянку, я открыла пассажирскую дверь, но замешкалась, прежде чем выйти. Я взглянула на Остина.

— Что бы ты ни делал, не вздумай вступать на мою территорию. Ни одной ногой на траву. Фрэнсис чувствует, когда появляется незнакомец. Это дико странно, но если ты пересечешь границу участка, он вспылит.

— Если я посчитаю, что у тебя проблемы, то зайду в дом.

— Если услышишь, что я кричу, звони в полицию и сигналь. Ноа и несколько соседей уже знают, как справиться с Фрэнсисом.

Остин посмотрел в сторону дома миссис Полсон. Уголки его рта тронула легкая

ухмылка

— Ноа вернулся домой к своей матери?

— Нет. Но на этой неделе у меня случилось несколько неприятных столкновений с Фрэнсисом. Ноа держится поблизости, пока социальные службы не организуют переезд Фрэнсиса.

Ухмылка Остина сменилась хмурым выражением. Мне захотелось узнать, о чем он думал, когда я вылезала из машины, но сейчас для вопросов не время. Я должна убедиться, что моя спальня в безопасности. Это единственная комната в доме, где я хранила предметы, которые можно использовать как оружие: ручки, туфли на высоком каблуке, ремни, бейсбольная бита, электрошокер...

Когда пробежала мимо дома миссис Полсон, то поняла, что все еще держу в руках «Леджер». Я уже собиралась положить его в траву, когда услышала, что окно спальни Ноа открылось.

— Какого черта ты делаешь? — прошипел Ноа через лужайку.

— Долгая история, — прошептала я в ответ, протягивая ему книгу. — Подержи. Я сейчас вернусь.

Я прокралась через двор, поднялась по ступенькам крыльца и проверила дверь на кухню. Она была заперта. Я подумала о том, чтобы проверить входную дверь, но даже будь она открыта, мне опасно входить в нее, не зная, где находится Фрэнсис. У него слишком много укромных мест рядом с дверью, поэтому я всегда пользовалась входом на кухню.

Спустившись по ступенькам, я направилась к боковой части дома, остановилась у окна Райны и убедилась, что оно закрыто. Я двинулся дальше к своему окну. Оно оказалось открытым.

Неужели я выбралась через окно? Даже если я ходила во сне, зачем мне это делать? В отличие от Райны, я никогда не убегала из дома через окно. Да что там, я вообще никогда не сбегала. Конечно, мне это и не требовалось. К тому времени, когда я достигла подросткового возраста, то могла приходить и уходить из дома, когда хотела. Никто не мог мне запретить.

Я снова посмотрела на окно. Я могла бы пролезть через него, но стоит ли? Фрэнсис может скрываться в темноте.

Я побежала обратно к окну Ноа.

— У тебя есть запасные ключи? Я заперла свои дома.

Ноа потер сонные глаза, встал, включил свет в спальне, затем вернулся к окну со связкой ключей.

— Классные боксеры, — заметила я, забирая у него ключи и бегом возвращаясь к двери на кухню.

— Ты же понимаешь, что у меня куча вопросов? — крикнул Ноа.

— Ш-ш-ш. — Я приложила палец к губам, чтобы он замолчал, прежде чем отпереть дверь.

Я проверила вход, убедилась, что Фрэнсис не прячется за дверью, прежде чем сделать шаг внутрь. Включила свет, затем прошла через кухню в другой конец и заглянула в соседнюю комнату.

Пусто.

Я сделал еще один шаг вперед, чтобы видеть коридор. Тоже пусто.

Шаг за шагом, я пошла по коридору. Проходя мимо комнаты Райны, проверила ручку. Дверь по-прежнему заперта.

Пройдя еще полдюжины шагов, я смогла заглянуть в комнату Фрэнсиса. Он лежал на боку, но, похоже, крепко спал. Я приблизилась к двери своей спальни и убедилась, что она до сих пор закрыта.

Как можно тише, не сводя глаз со спальни Фрэнсиса, я отперла оба замка, прежде чем войти в свою комнату. Закрыв за собой дверь, я снова закрыла верхний замок, а затем включила потолочный светильник.

Комната казалась пустой, но я настолько переволновалась, что не доверяла своим инстинктам. Проверив дверь в ванную и поняв, что она заперта, я обыскала шкаф, перекладывая одежду в сторону. Когда на меня никто не выскочил, я почувствовала огромное облегчение. Тогда я подошла к окну и закрыла его. Повернула замок, но вздрогнула, когда засов закрипел по раме. Он оказался расшатан, как и у Райны.

Могла ли я повредить его, когда ходила во сне? Я не знала. Может быть, замки просто изнасились?

Помня, что Остин и Ноа ждут меня, я подошла к комоду, чтобы взять одежду для переодевания. Найдя все необходимое, я прихватила ключи, телефон и сумочку с верхней части комода. Повернувшись к двери, подняла свои любимые сандалии с пола и сунула их под мышку. Я оглядела комнату, проверяя, все ли у меня есть. На тумбочке заметила электрошокер. Я всегда держала его в своей комнате, но, учитывая, как складывалась эта неделя, возможно, неплохо хранить его под рукой. Я положила электрошокер в сумочку. Еще раз оглядевшись, заметила толстую папку с документами на полу рядом с кроватью. «Почему бы и нет», — подумала я и бросила папку поверх всего остального.

Жонглируя всем этим в одной руке, я открыла дверь своей спальни, чтобы выглянуть через холл в комнату Фрэнсиса. Увидев, что он все еще в постели, вышла в коридор и заперла дверь.

Выбравшись из дома, я побежала через двор к окну Ноа. Совсем не удивилась, увидев Остина, стоящего рядом с домом миссис Полсон и беседующего с Ноа.

Я прислонилась спиной к дому, чтобы перевести дух.

— Ты окончательно потеряла голову, да? — спросил Ноа.

Я проигнорировала его, посмотрев на Остина.

— Я сказал тебе оставаться в машине. Боже. Ты не лучше Оливии.

— Неправда. Оливия последовала бы за тобой внутрь, — возразил Остин. — И ты сказала не ступать на твою территорию, я и не пошел. Но решил, что на участке миссис Полсон буду в безопасности.

Прежде чем я успела что-то сказать, окно спальни миссис Полсон открылось.

— Если не возражаете, я бы предпочла, чтобы вы трое продолжили разговор внутри, как нормальные взрослые люди.

— Да, миссис Полсон, — произнесли мы с Остином одновременно с тем, как Ноа сказал: — Да, мама.

Остин последовал за мной на заднее крыльцо, где я воспользовалась своим ключом, чтобы отпереть дверь миссис Полсон.

— У меня такое чувство, что я снова в школе, — признался Остин, следуя за мной в темную кухню.

— Ха, — ответила я, включая свет. — Это не про меня. Я обычный ночной гость. — Я уронила сандалии, которые несла, на пол, а все остальное сложила на ближайшей к двери стойке.

Вошел Ноа, положил на стол книгу Куэйдов, а затем направился к кофейнику.

— Рождественские боксеры со Снупи? — усмехнувшись, спросил Остин у Ноа.

Ноа посмотрел вниз на свои трусы, затем указал на меня.

— Это она виновата.

Я взяла кофейник и наполнила его водой, пока Ноа засыпал зерна. Я оглянулась на Остина, ухмыляясь.

— В прошлом году в «Уолмарте» проходила распродажа праздничных боксеров. Я купила все модели нужного Ноа размера и приберегла их для его дня рождения.

На лице Остина появилось озадаченное выражение.

— Зачем?

— Потому что она такая странная, — отозвался Ноа, толкнув меня бедром, чтобы я подвинулась, и он смог добраться до чашек. — Куплено на распродаже, плюс забавно, плюс практично, — загибал Ноа пальцы. — Три составляющие хорошего подарка для Давины. А я? Хожу по магазинам в последний день и хватаю первое, что вижу.

Миссис Полсон вошла в кухню, бросила Ноа футболку, а затем коснулась моего лица ладонями.

— Дорогая, ты в порядке?

— Все хорошо. Клянусь. Извините, что разбудила вас так рано.

— Пфф. — Она пренебрежительно махнула рукой, а затем обратила свое внимание на Остина. — Остин Вандерсон, пожалуйста, объясни, почему ты приводишь мою крестницу домой в пижаме в пять утра?

— Э-э-э, — замялся Остин. — Ну, видите ли, я собирался на работу, когда...

Мы все дружно захохотали.

— Расслабься. Она просто издевается над тобой, — проговорила я, хватая свою сменную одежду. Потом оглянулась на миссис Полсон. — Мне нужно помыться и одеться. У меня грязные ноги. Могу я воспользоваться вашей ванной?

Мы все посмотрели вниз на мои ноги.

— Что за... — всплеснула руками миссис Полсон. — Да, да, конечно. — Она сделала шаг назад, чтобы я могла пройти мимо нее в узкой кухне.

Я поспешила скрыться ванной комнате. Включила кран, взяла мочалку и села на край, пока оттирала ноги. Затем переделалась и, пройдя через весь дом, бросила пижаму в комнату Ноа. В его спальне царил такой беспорядок, что я сомневалась, что он вообще заметит мою одежду. Когда я снова вошла на кухню, Остин заканчивал рассказ о том, как нашел меня на дороге.

— Ты никогда раньше не ходила во сне, — недоумевала миссис Полсон. — Зачем

начинать сейчас?

— Не уверена, что ходила во сне, — призналась я, когда подошла наполнить чашки кофе.

— В каком смысле? — спросил Ноа.

Я оглянулась на них, мой взгляд остановился на Остине, а затем снова вернулся к чашкам.

— Я никому не скажу, — заявил Остин, прочитав мои мысли. — Единственная причина, по которой я рассказал о сегодняшней ночи, это уверенность в том, что они тебе как семья.

Я поставила две чашки кофе на стол.

Глаза Ноа сузились — выражение лица стало серьезным.

— Что случилось?

Я взяла две другие чашки, прежде чем сесть рядом с миссис Полсон.

— Не уверена, что могу объяснить.

— Попробуй, — предложил Ноа.

Я задумалась на мгновение, пытаясь выразить случившееся нужными словами.

— Вы знаете, что я не могу пройти мимо раковины, не остановившись, чтобы помыть грязную посуду?

Миссис Полсон хихикнула.

— Да, думаю, мы это поняли.

— Вот примерно так и было. Как импульс, который я не могла контролировать.

— Но ты спала... — заметил Остин.

— Когда ты... — Я остановила себя, прежде чем признаться, что Остин дал мне пощечину. Не думала, что эта информация будет воспринята хорошо. — Когда ты меня разбудил, я слышала в своей голове что-то вроде мантры, как иногда бывает, когда вижу грязную посуду. Только вместо мысли, что мытье этих чашек займет всего минуту, пришло другое: «Мне нужно доставить «Леджер»».

Ноа взял в руки книгу Куэйдов.

— Эту штуку? Зачем? Что это вообще?

Я взяла у него «Леджер».

— По словам Бернадетт, это что-то вроде семейной библии экстрасенсов. Но я еще даже не заглядывала в нее. И сейчас совсем не уверена, что хочу.

— Бернадетт, — тяжело вздохнула миссис Полсон. — Ох, уж эта женщина, честное слово. — Она посмотрела на Остина. — А Давина, случайно, не оказалась рядом с домом Бернадетт? Близко к озеру Найтшейд?

— Да, — ответил Остин. — Но владения Бернадетт находятся на другой стороне канала, за моим домом. Если Давина направлялась туда, ей пришлось бы переплыть канал, а потом идти через болота, чтобы добраться до дома Бернадетт.

Ноа встал и подошел к буфету. Покопавшись в ящике, он достал карту. Мы помогли ему разложить ее на столе.

Остин показал пальцем.

— Вот тут я ее нашел. Давина шла к моему дому, который находится здесь внизу. А этот канал отделяет мою собственность от собственности Бернадетт.

— Где находится дом Бернадетт на участке? — спросил Ноа.

— Я не уверен, — отозвался Остин, сверкнув своей улыбкой с ямочкой на щеке. — Я

никогда не решался зайти и сказать «привет».

— Умный человек, — одобрительно проговорила миссис Полсон.

Я рассмеялась, наклонившись над картой, чтобы найти дорогу. Следуя по ней пальцем, я остановилась в конце частной дорожки.

— Здесь.

Ноа присвистнул.

— Она владеет всем путем оттуда до канала?

— Нет, — покачал головой Остин. — Бернадетт владеет всей территорией от угла улиц Цикад и Пайпер до канала — и ее участок почти идеальный квадрат, то есть ей принадлежит еще столько же земли по обе стороны от дома.

— Она сказала сегодня, что это около девяноста акров, — уточнила я, ориентируясь на карту, чтобы получить представление о размерах участка. — Но откуда ты знаешь?

— Карты участков. Я архитектор, помнишь? — Остин взмахнул бровями. — Я хотел посмотреть, кто будут моими соседями, прежде чем купить землю. И бонус, Бернадетт — лучший сосед, потому что она никогда не появляется на канале, насколько я могу судить.

— Хм. Это меня не удивляет, но зная Бернадетт... — Я хихикнула, посмотрев на Остина.

— Что? — не понял Остин.

— Бернадетт любит прятать камеры на деревьях. И не те, которые используют охотники для получения снимков, а настоящие камеры наружного наблюдения, подключенные к ее компьютеру. Возможно, у нее есть камера, направленная через канал на твой дом. — Я наклонила голову, продолжая ухмыляться. — Как часто ты переодеваешься, не закрывая жалюзи?

Миссис Полсон и Ноа засмеялись.

Щеки Остина покраснели, он не находил мысль, что Бернадетт увидит его голым, такой же забавной, как и все остальные.

Я встала и переместилась между Остином и Ноа, наклонившись над картой, чтобы большим пальцем измерить расстояние до моего дома. Почти пять миль.

— Неудивительно, что у меня болят ноги.

— Насчет этого. — Ноа потянулся и взял свою аптечку. — Садись. И давай этих негодников, — велел он, постукивая себя по бедру.

Я вернулась на свой стул, выдвинув его так, чтобы мои короткие ноги доставали до колен Ноа. Осмотрев небольшие порезы, он достал антисептик.

— Я удивилась, увидев тебя в шортах и майке, — кивнула миссис Полсон, указывая на синяки на моих руках.

— Какое теперь это имеет значение? — передернула я плечами. — Все мои пятничные клиенты либо отменили, либо перенесли встречу, и все уже и так обо мне сплетничают. Что им еще один повод для слухов? К тому же, если у меня выдался свободный день, я могу понежиться на солнышке.

— Откуда взялся этот синяк? — спросил Ноа, повернув мою ногу, чтобы осмотреть икру.

— Это моя вина, — смущенно признался Остин. — Я вроде как сбил Давину своей машиной.

— Сегодня вечером? — недоуменно спросил Ноа. — Синяк не мог потемнеть так быстро. А он уже черно-фиолетовый.

— Во вторник вечером, — объяснила я, опуская ноги. — Он не виноват. Я выбежала на

дорогу.

Миссис Полсон покачала головой с закрытыми глазами.

— Клянусь, дети, вы доконаете меня.

Мы с Ноа ухмыльнулись.

— Я все еще не понимаю, — нахмурился Остин. — Зачем тебе идти во сне к дому Бернадетт, чтобы вернуть книгу?

— Я не уверена, что у меня был выбор. — Я встала и пошла на кухню, открыв холодильник. — Вчера, когда я гостила у Бернадетт, она проделала со мной экстрасенсорный трюк.

Я достала яйца, масло и сыр, потом передумала и положила сыр обратно. Сегодня день гренков. Я взяла молоко, хлеб и корицу.

Ноа, прочитав мои мысли, достал из кладовки большую сковороду.

— Что за трюк? — спросил он, включая плиту.

— Она смогла послать образ в мою голову. Что-то вроде ментального толчка. Вот так я в итоге приготовила для нее спагетти. Она показала мне, как я их делаю.

— Не может быть, — рассмеялся Остин. — Этого не может быть по определению.

Ноа косо на меня посмотрел.

— Я тоже не куплюсь. Звучит слишком неправдоподобно.

— По словам Бернадетт, это действует только на других экстрасенсов. Что-то о возможности посылать и получать образы благодаря нашим способностям.

— Ментальная телепатия? — спросила миссис Полсон.

— Думаю, да, но вчера это было лишь мерцание. Если Бернадетт сделала также, использовала ту же схему, то я удивлена, что образ застрял в моей голове так надолго.

— Я все еще не верю в это, — заявил Ноа, прислонившись к стойке. — Разве ученые не доказали, что ничего подобного не существует?

— Конечно. Согласно всем официальным исследованиям, которые я читала, ничего из этого нельзя доказать. Но тот факт, что они не смогли это подтвердить, тоже имеет смысл, если подумать.

— Как это? — спросил Остин.

— Ну, в Дейбрик-Фоллс есть два известных экстрасенса...

— Ты и Бернадетт, — уточнила миссис Полсон.

— Верно. Но как вы думаете, кто-нибудь из нас стал бы подвергать себя экстрасенсорному тестированию?

— Нет, — со смехом ответил Ноа. — Но посмотреть на это было бы очень весело.

— Может быть. Но теперь давайте представим, что мы согласились пройти тест. Сколько жителей Дейбрик-Фоллс подумают, что это афера или мошенничество, несмотря на результаты?

— Я понимаю тебя, дорогая, — кивнула миссис Полсон. — Даже если на каком-то уровне вы сможете доказать свои способности, большинство будет настаивать на том, что они не соответствуют действительности.

— Именно. Точно так же, как никто из вас не верит, что Бернадетт могла мысленно послать мне приказ. — Я подняла руки, останавливая возражения, — что я полностью понимаю. Я бы не поверила Бернадетт, если бы она просто мне сказала. Я правда понимаю. Мы запрограммированы не верить.

— Итак, за всем этим может стоять Бернадетт. Каков тогда план? — спросил Ноа.

— Завтрак, — ответила я, доставая вилку, чтобы взбить яйца и молоко. — Потом я собираюсь поехать к Бернадетт и высказать ей все, что думаю.

Раздался звонок в дверь. Мы все повернули головы в сторону входа.

— Кто вообще может пожаловать в такую рань? — воскликнула миссис Полсон.

Ноа направился к двери. Через минуту он вернулся, бросив на меня обеспокоенный взгляд.

За Ноа в комнату вошла Бернадетт. Верхнюю часть ее тела прикрывала ветровка, но ниже была только шелковистая розовая ночная рубашка и атласные тапочки. С хмурым выражением лица Бернадетт подошла и постучала костяшками пальцев по моему лбу.

— Глупое дитя. Ты оставила двери открытыми!

Резко вдохнув, я закрыла глаза и стала искать двери в своем сознании. Найдя, я их захлопнула.

— Запри на замок! — приказала Бернадетт.

Я накинула серебряный замок. Облако черноты прокатилось по другой стороне стекла. Стекло задрезбужало, когда чернота с грохотом ударилась о него.

Открыв глаза, я смотрела на Бернадетт, пока она не повернулась и не направилась к входной двери.

— Приходи ко мне позже. Тебе нужно почиститься.

— Ты здесь не из-за «Леджера»? — спросила я, подходя ближе к столу, чтобы видеть переднюю комнату.

Бернадетт остановилась, оглянувшись через плечо.

— Нет. А что?

— Остин нашел меня возле твоего дома, на другой стороне канала. Я шла во сне, неся с собой «Леджер». — Подняв книгу, показала ее Бернадетт. — Я должна была ее доставить.

— Что значит «доставить»? — спросила Бернадетт, сузив глаза.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Я спала.

— Когда ты открыла эту дверь? — спросила Бернадетт, указывая на свой висок.

— Я не уверена. Наверное, заснула, пока тренировалась.

Бернадетт зашагала взад-вперед в пределах двухфутового пространства, запустив руки в волосы. Она повернулась, тыча в меня пальцем с криком:

— Ты идиотка!

— Бернадетт Куэйд, — строго сказала миссис Полсон. — Ты будешь следить за своим языком в моем доме.

Бернадетт повернула свой кривой указательный палец в сторону миссис Полсон, готовясь бросить один из своих неприятных комментариев, но я встала между ними.

— Уходи, — сказала ей. — Я зайду к тебе позже.

Бернадетт бросила на меня злобный взгляд, но я ничего не сказала. Пробормотав «хмф», она повернулась обратно к входной двери. Оглянувшись через плечо, добавила:

— Не медли. Нам нужно работать. — И захлопнула за собой дверь.

Я вернулась на кухню, бормоча про себя:

— Злая ведьма с озера Найтшейд.

Следующие два часа прошли спокойно. После завтрака Остин отправился на работу, затем Ноа сделал то же самое. Миссис Полсон приняла душ и оделась, после чего вернулась за свой стол раскладывать пасьянсы. Где-то в семь я уже была готова уходить, но сначала пришлось сбегать к себе домой, чтобы занести завтрак Фрэнсису.

Войдя через дверь на кухню, я улыбнулась, услышав, как течет вода на другой стороне дома. Фрэнсис принимал душ.

Я налила апельсиновый сок и отнесла чашку вместе с тарелкой французских тостов в гостиную, поставив рядом с его креслом. Быстро написала записку, сообщив, что обед в холодильнике, и выскользнула из дома.

На крыльце подхватила свою сумочку, ключи, папку с документами из маминого секретного шкафчика и «Леджер», и пошла вокруг дома к подъездной дорожке.

Не успела я выехать на улицу, как Оливия объехала мою машину и припарковалась перед домом миссис Полсон. Я остановилась перед ней, чтобы переговорить, оставив машину заведенной.

Оливия выскочила из своего кабриолета, подпрыгивая от энергии. На ней были кремового цвета льняные брюки с подходящими туфлями и сливового цвета блузка без рукавов. Я опустила взгляд на свой собственный наряд — сандалии, джинсовые шорты и хлопковая майка. Мне давно пора обновить гардероб. Но не сегодня.

Я оглянулась на Оливию.

— Какого черта ты встала в такую рань? Сейчас только четверть восьмого.

— Я на ногах с шести. Представляешь? — Она махнула рукой на свою машину. — Привезла вещи Тауни. Не хочешь снова все осмотреть? Я подумала, что мы могли бы попытаться еще раз. Если только у тебя нет другой зацепки, которую мы должны проверить?

— Разве ты не должна помогать Эдит и Нейде готовиться к сбору средств?

Оливия нахмурилась.

— Мне нельзя. После прошлогоднего инцидента Нейда сказала, что будет проще, если я не буду помогать.

— Ну, ты не можешь ее винить. Ты затопила кухню.

— Да, но совсем немного.

— Три тысячи долларов ущерба, помнишь?

— Пфф, — закатила глаза Оливия. — Итак, куда мы направляемся? Что будем делать?

— Я собиралась съездить к Бернадетт.

— К Бернадетт? — Оливия начала подпрыгивать на носочках. — Можно мне с тобой?

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста?

— Ты хочешь провести время с Бернадетт?

— Нет, не совсем. Но я всегда хотела увидеть ее дом. Говорят, это идеальное место для съемок фильма ужасов.

Я бросила взгляд на кабриолет Оливии.

— Где мальчики?

— Сегодня за ними присматривает Брейдон. Повезет их на озеро.

— Но сегодня рабочий день.

Оливия быстро посмотрела на меня, но потом отвела глаза.

Я вздохнула.

— Только не говори, что он теряет клиентов из-за меня. Брейдон этого не заслуживает.

— Как и ты, — заявила Оливия, положив руки мне на плечи и ухмыляясь. — Кроме того, это его выбор. После того как он вчера выгнал мистера Ричардсона из своего кабинета за то, что тот говорил ужасные вещи о тебе, Брейдон повесил табличку на входную дверь. — Улыбка Оливии стала шире.

— Даже не знаю, хочу ли я знать, что на ней написано.

Оливия подпрыгнула еще немного.

— «Поддерживаю Давину Рейвен. Ненавистникам просьба не беспокоить». — Оливия хихикнула. — Я люблю своего мужа. Он самый лучший.

— Оливия, это может навредить его адвокатской конторе. Ему ведь нравится работать в маленьком городке.

— Но тебя он любит больше. Ну что, мы готовы? Я поведу или мы поедем отдельно?

Я развернулась и зашагала обратно к своей машине.

— Если хочешь поехать к Бернадетт, давай, я не против. Но нам обеим стоит сесть за руль на случай, если она не пустит тебя внутрь.

Я услышала за спиной радостный визг Оливии. Мне даже не пришлось лишний раз оборачиваться, чтобы понять, что моя подруга снова скачет.

Как только я объехала ее голубой кабриолет с опущенным верхом, Оливия вырулила прямо за мной.

День еще не вошел в полную силу, поэтому поездка к Бернадетт оказалась не такой уж плохой. Обычно так рано утром я мысленно планировала свой день, но поскольку в расписании не значилось ничего связанного с работой, чувствовала себя немного не в своей тарелке.

Я старалась посмотреть на это с другой стороны, тем более что сегодня выдался столь необходимый мне выходной. Но мой мозг продолжал беспокоиться о том, как я буду платить по счетам, если не верну клиентов. Возможно, даже придется искать работу в городе, но это не самый хороший вариант, пока Фрэнсис не переедет в больницу.

Свернув на Цикад-лейн, я посмотрела в зеркало, чтобы убедиться, что Оливия не отстала. Да, она держалась позади. На самом деле, прижалась прямо к моему бамперу, пока не прозвала первую большую выбоину. Я отчетливо слышала, как ее машина заскрежетала днищем, выскочив из ямы. Оливия отстала, после чего начала повторять мои маневры, объезжая колеи.

Ворота в конце дороги оказались открыты, поэтому я проехала последний поворот. «Нова» Бернадетт стояла перед домом. Я припарковалась рядом с ней. Оливия остановилась около моей «Хонды». Широко раскрытыми глазами она осматривала участок.

Когда я выбралась из машины, Бернадетт вышла с дробовиком на крыльцо, направив ствол на Оливию.

— Лучше бы это ружьё не было заряжено, — как ни в чем не бывало проговорила я Бернадетт, обходя машину Оливии с пассажирской стороны. Бросив «Леджер Куэйдов» в коробку с вещами Тауни, я понесла ее вверх по лестнице.

Бернадетт посмотрела на меня, но кивнула в сторону Оливии.

— Что она здесь делает?

— Я ее пригласила. Смирись. Она член семьи.

— Ничего подобного.

Балансируя с коробкой на бедре, свободной рукой я опустила ствол дробовика.

— Пожалуйста, Бернадетт. У меня нет сил спорить. Оливия и я — одно целое. Может, она и не твоя семья, но моя точно. Даже больше, чем ты.

Не глядя, я поняла, что Оливия стоит прямо за мной. Не из-за каких-то экстрасенсорных способностей, а по уникальному стуку ее туфель, когда она шла быстрыми короткими шагами, и по запаху лосьона с маслом какао, которым подруга пользовалась с тех пор, как мы были подростками.

Бернадетт нахмурилась, но отступила назад, чтобы пропустить нас. Я вошла в дом с фальшивой стороны, и направилась к потайной панели в комнате.

— Расскажешь хоть одной душе, девочка, и я съем твои легкие на ужин, — пригрозила Бернадетт Оливии.

— Что ж, весьма занятная мысль, — промурлыкала Оливия, следуя за мной в другую часть дома. — Святые угодники, — пробормотала Оливия у меня за спиной. — Просто потрясающе.

— Закрой свой рот, девочка, — бросила Бернадетт Оливии. Пройдя мимо нас, она направилась в главную комнату. — Не вежливо так глазеть.

— Разве не в этом суть? — весело спросила Оливия. — Я имею в виду, зачем прятать что-то такое невероятное, если не хочешь, чтобы люди удивленно таращились.

— В этом есть смысл, — согласилась я, переходя в дальний конец комнаты и ставя коробку на стол. Я достала «Леджер» и положила его с краю. — А насчет того, что я привела сюда Оливию, неужели думаешь, что после твоей смерти я буду держать это место в секрете от нее?

— Мальчикам здесь понравится, — восхищенно прошептала Оливия, глядя в окно на болота. — Черт, я могла бы даже сюда переехать. Классное место.

— В этом доме разрешено находиться только членам семьи, — огрызнулась Бернадетт.

— Оливия — семья. Она была рядом со мной, в отличие от тебя. Или ты забыла, что бросила меня после смерти мамы?

Бернадетт повернулась ко мне спиной, но я поняла, что она снова нервничает. Покручивая кольцо на руке, она прохаживалась по другой стороне комнаты.

— Не бери в голову, — посоветовала я ей, садясь за стол. — Миссис Полсон и мать Оливии помогли мне расти. Они сделали все возможное, чтобы помочь и с Фрэнсисом.

Бернадетт резко повернулась ко мне, сузив глаза.

— Вчера ты упомянула своего отца. Что ты имела в виду?

— Э-э, Фрэнсис, — приподняв бровь, пояснила я. — Ну, знаешь, парня, за которого мама вышла замуж и родила от него двоих детей?

— Да, да, — огрызнулась Бернадетт. — Я знаю, кто такой Фрэнсис. Но ты сказала, что они помогали с ним. А на днях твоя вредная подруга, — она указала на Оливию, — сказала, что ты заботишься о своем отце, даже если он причиняет тебе боль. О чем она говорила?

— О, боже, — засмеялась Оливия. — Она не знает?

— Сюрприз, сюрприз, — ответила я, глядя на Оливию. — Бернадетт никогда не переживала обо мне настолько, чтобы знать.

Я отвернулась от Бернадетт, перелистывая страницы «Леджера». На первых нескольких листах я нашла семейное древо. И хотя мне хотелось его изучить, я решила вернуться к нему

позже. Я перевернула еще одну страницу.

Внезапно передо мной появилась рука Бернадетт, захлопывающая книгу.

— Дитя, не игнорируй меня. Объясни ситуацию со своим отцом.

Я вздрогнула, не слыша, как она пересекла комнату. Я подняла голову и увидела гнев в ее глазах.

Туфли Оливии зацокали по деревянному полу, когда она направилась к нам.

— Фрэнсис потерял рассудок примерно через две недели после смерти мамы Давины. У него случился какой-то срыв. С тех пор он превратился в безумного шляпника.

— Что с ним не так? — спросила Бернадетт.

— Никто не знает, — ответила я, снова открывая книгу. — У врачей есть теории, но они только предполагают.

— Мне нужно его увидеть, — заявила Бернадетт, снова начиная вышагивать.

— Не получится. — Я встала и повернулась к ней, приподняв майку, чтобы показать синяк на животе. — Вот на что он способен. — Опустив край, я потянула горловину майки вниз, чтобы она увидела синяк под ключицей. — И это. — Затем вытянула одну руку в сторону, чтобы показать поблекшие синяки, затем другую. — И это тоже его рук дело. Он опасен.

— А это? — спросила Бернадетт, указывая на потемневший синяк на моей икре.

— Не-а, — усмехнулась я, глядя на синяк, — это не Фрэнсис. Меня сбила машина во вторник вечером.

— Как экстрасенс может попасть под машину? — фыркнула Бернадетт.

— Поскольку никто не учил меня быть экстрасенсом, это оказалось чертовски просто. Я выбежала на дорогу, машина затормозила, бампер встретился с ногой.

Бернадетт обошла стол и села на одну из длинных скамеек.

— С какой стати ты выбежала на дорогу?

— Я убиралась в церкви, когда кто-то отключил электричество. Кто бы это ни был, он играл со мной, пытаюсь и преуспевая в запугивании. Когда я оказалась на улице, то была в панике и ничего не соображала. Я бросилась на дорогу, не глядя.

— Кто был внутри церкви? — спросила Бернадетт, утратив свой гнев.

— Не знаю, но если бы мне пришлось гадать... — Я позволила словам повиснуть в воздухе.

— Это был он? В церкви?

— Думаю, да. Но я могу ошибаться.

— Ты что-то почувствовала? Поняла, что это он?

— Я слишком испугалась, чтобы что-то почувствовать. Но он посмеивался. По крайней мере, только так я могу описать его, точнее его смех. Злобный смех. Зловещий.

— Ты слышала этот смех раньше? — быстро спросила Бернадетт.

— Да. Когда видела Райну. В клетке.

Бернадетт снова встала, и задумалась.

— Мне не нравится, что он играл с тобой. Это плохой знак. Я держала дистанцию, чтобы он сосредоточился на мне. Но что-то изменилось.

— Он забрал Тауни, — сообщила Оливия. — И каким-то образом, еще до того, как Давина призналась в этом, знал, что у нее было видение о Тауни.

Бернадетт слышала Оливию, но делала вид, что ее не существует, так как говорила только со мной.

— Но ты не знала эту девочку? До того как ее похитили?

— Нет, — ответила я. — Я знала о семье, но, насколько мне известно, никогда не разговаривала с Тауни.

— Любопытно. Расскажи мне об этом видении.

Оливия уловила мое огорчение и села на скамейку напротив Бернадетт. Она рассказала о моих видениях, посвящая Бернадетт в то, что я видела. Когда она добралась до конца пересказа, то сделала паузу.

— Подожди... — Оливия повернулась ко мне лицом. На ее лбу появились морщины от беспокойства. — Ты ведь никогда его не видела? Ты видела Тауни, но не его.

Я вспомнила все видения и кивнула.

— Иногда я видела его руку, но он всегда был в перчатках. То же самое с видениями о Райне. Я могла видеть ее, но не его.

Оливия посмотрела на Бернадетт, которая перестала вышагивать.

— Я права? — спросила Оливия.

Впервые в жизни я увидела страх, написанный на лице Бернадетт.

— Думаю, да, — ответила Бернадетт, быстро пройдя к угловой лестнице. Не сказав больше ни слова, она исчезла наверху.

— Что я упускаю? — спросила Оливию.

Оливия протянула руку и взяла меня за плечо.

— У тебя не было видений Райны или Тауни. Ты видела то, что видел он, то, что он делал. Ты видела его глазами.

Я задохнулась, когда снова воспроизвела картинку в своей голове. Оливия права. Это его глазами я видела девушек. Я видела только то, что он хотел показать.

— Меня сейчас стошнит.

— Нет, нет, нет., — заявила Оливия, усаживая меня в крайнее кресло, и заставляя положить голову между коленями. — Вдыхай медленно. Расслабься. — Она поглаживала мою спину круговыми движениями. — Мы разберемся с этим. Все будет хорошо.

— Как ты можешь так говорить? — спросила я между тяжелыми вдохами. — Он играет со мной.

— Все гораздо хуже, — заявила Бернадетт, вновь появившись на первом этаже.

Я подняла голову, и увидела, что она несет банки на кухню. Оливия снова опустила мою голову. Я еще раз медленно вздохнула, пытаюсь успокоиться.

— У него с тобой связь, — буркнула Бернадетт, когда на кухне раздался грохот. — Когда произошло первое видение?

— Впервые я начала видеть Райну в клетке в своих снах. Вскоре после того, как она исчезла.

— Твоя мать знала? — уточнила Бернадетт.

— Наверняка. Я просыпалась с криком, но она никогда не спрашивала меня о снах.

— И тебе было всего двенадцать? Когда у тебя появились эти сны?

— Да, — ответила за меня Оливия, продолжая растирать мне спину. — Они прекратились на некоторое время. Потом возобновились как видения, когда ей было четырнадцать.

— Понятно, — только и сказала Бернадетт, продолжая грохотать на кухне. — Дитя, когда ты была в церкви, и слышала его смех, ты слышала его в реальной жизни или в своей голове?

Я сосредоточилась на инциденте в церкви.

— Сейчас я не уверена. Я думала, что это в реальности, но...

— Да, да, я понимаю. Иногда два мира сливаются.

Чайник засвистел, заставив меня резко выпрямиться. Я не единственная, кто вскочил. Оливия смотрела на меня, прижав руку к груди, и нервно хихикала.

Я наблюдала, как Бернадетт наливает горячую воду в чашку, добавляет какой-то домашний чай, а затем доликает доверху воду из-под крана.

Она поднесла чашку, заставив меня взять ее в руку.

— Тебе нужно это выпить, но я рекомендую не нюхать. Пожалуй, лучше и на вкус не пробовать. Поэтому я добавила прохладной воды, чтобы ты смогла быстро выпить. До дна. Каждую каплю.

— Что здесь? — спросила я, заглядывая в чашку. Там плавали маленькие кусочки листьев и какие-то коричневатые-черные частички.

— Выглядит не очень хорошо, — проворчала Оливия, все еще стоя рядом со мной, и заглядывая через мое плечо в чашку.

— Просто выпей, — велела Бернадетт.

— Какая же вы властная, — попеняла ей Оливия.

— И тебе лучше помнить об этом, прежде чем совать свой нос в чужие дела, — посоветовала моей подруге Бернадетт.

— Все, что связано с Давиной — мое дело, — заявила Оливия с ухмылкой. — И думаю, вам придется еще многое объяснить, прежде чем я закончу.

— У нас нет времени на игру в двадцать вопросов, — проворчала Бернадетт, подставляя руку под чашку и поднося ее к моему рту.

Оставалось только выбрать: оттолкнуть чашку или покончить с этим. Я предпочла второе. Задержав дыхание, я выпила чай. Лишь когда я опустошила чашку, мои вкусовые рецепторы взбунтовались.

Я запрыгала с высунутым языком, стараясь не захлебнуться, и схватила салфетку, чтобы протереть язык.

— Это худший чай на свете. — Схватив чашку, я стала выплевывать крошечные кусочки и частички, что оставались у меня во рту. — Просто ужас. Я никогда не пробовала ничего настолько мерзкого.

— Если повезет, то связь разорвется, — сообщила Бернадетт, возвращаясь на кухню. — Вам двоим лучше поспешить. Я позвоню доктору Бреннану.

— Зачем звонить доктору Бреннану? — спросила Оливия, поглаживая меня по спине, пока я кашляла.

— У него есть противоядие. От этого яда, — пояснила Бернадетт, тыча в меня пальцем, прежде чем ополоснуть чашку. — Стоит поторопиться. У тебя есть около двадцати минут, прежде чем пожалеешь, что не умерла, и около тридцати, прежде чем яд убьет тебя.

— Ты шутишь? — спросила я между приступами кашля.

Бернадетт указала на «Леджер».

— Множество твоих предков умерло от того же яда, который ты только что выпила.

Мы с Оливией уставились друг на друга, широко раскрыв глаза.

Я снова посмотрела на Бернадетт.

— Доктор Бреннан вышел на пенсию! Пять лет назад!

— Ох, — проронила Бернадетт, выглядя несколько обеспокоенной. — Но он все еще

жив, верно? — Она взяла свой телефон со стойки. — Неважно. Отправляйся в больницу. Я уверена, что у меня есть его домашний номер. Я его найду.

Я потрясенно смотрела на Бернадетт, ожидая слов, что она что пошутила.

Оливия схватила меня за руку и потащила к стене с панелью. Не успела я опомниться, как оказалась на улице, и меня запихнули на пассажирское сиденье кабриолета.

Боль пронзила мои кишки, заставив зашипеть. Острая, как желудочный спазм. Закружилась голова, зрение помутилось. Когда я снова смогла поднять голову, Оливия уже неслась по обочине частной дороги, петляя между выбоинами и большими камнями.

Снова боль, затем головокружение, только на этот раз оно сопровождалось тошнотой.

— Я умру, — объявила я Оливии. — Все эти годы я боялась, что меня убьет Фрэнсис. Никогда не думала, что меня прикончит собственная бабушка.

— Ты не умрешь. Я тебе не дам, — прорычала Оливия, сворачивая на главную дорогу. Задние шины скользнули на другую полосу, прежде чем Оливия нажала на газ, выправляя машину.

— Что, если Бернадетт не сможет найти доктора Бреннана? Он мог переехать во Флориду, Аризону или один из других штатов, куда мичиганцы переезжают после выхода на пенсию.

Оливия нажала кнопку на рулевом колесе, затем велела своему телефону позвонить Нейде.

— Оливия, я сейчас немного занята, — ответила Нейда.

— Моя мама с тобой? — прокричала Оливия, заглушая шум ветра. — Это срочно!

— Секунду, — отозвалась Нейда.

Мгновение спустя голос Эдит прозвучал через динамик машины.

— Оливия, дорогая, что случилось?

— Доктор Бреннан — ты его знаешь?

— Да, дорогая. Он много лет руководил медицинским центром.

— Прошу найди его, разыщи и доставь в больницу в ближайшие десять минут. Бернадетт отравила Давину. У доктора Бреннана есть противоядие.

— О боже, — ахнула Эдит. — Я найду его. Он будет там.

— Вот, — нажав на красную кнопку телефона на рулевом колесе, проговорила Оливия. — Ты знаешь мою маму. Если она не сможет доставить доктора Бреннана в больницу, то проследит, чтобы противоядие было там. Она не допустит, чтобы с тобой случилось что-то плохое. — Оливия затормозила, когда оказалась позади автомобиля, двигавшегося с нормальной скоростью. Свернув на центральную полосу, она вдавила педаль газа и обогнала машину. — Как ты себя чувствуешь?

Как только она спросила, я забилась в судорогах от самой ужасной боли, которую только испытывала в своей жизни. По сравнению с ней удар, полученный накануне, показался щекоткой. Я не могла ответить на ее вопрос, поскольку кричала от очередного сильного спазма.

К тому времени, когда кабриолет Оливии проскочил через въезд на парковку медицинского центра «Дейбрик-Фоллс», за нами с мигалками неслась полицейская машина. Впереди, возле главных дверей, стояли Ноа и Бритт, а в нескольких футах в стороне находилась их машина скорой помощи. Рядом с ними ждал доктор Бреннан с медсестрой, которая держала наготове инвалидное кресло.

— Оливия, я не смогу выбраться, — прошипела я, схватившись за живот. — Если я пошевелюсь, хоть немного, то точно обделаюсь.

Оливия затормозила, выкручивая руль, и направила заднюю часть машины к автомобилю скорой помощи, остановив ее в нескольких сантиметрах от него.

Я застонала. Каждый дюйм моего тела был готов разорваться. Пот капал со лба на глаза. Боли в кишечнике стали настолько сильными, что у меня пересохло в горле от крика. Я знала, что большая часть моих мучений — это газовые спазмы, но если попытаться выпустить газы, то из моего тела выйдет гораздо больше, чем воздух.

— Что тебе нужно? — спросила меня Оливия. — Что я могу сделать?

В зеркало заднего вида я увидела, как Стоун и Айзек выходят из своего полицейского внедорожника. Я не могла этого сделать. Мне придется уехать — сбежать из города. Оставить своих друзей. Нельзя позволить всем увидеть, как я обделалась.

— Достань лекарство и увези меня отсюда. Пожалуйста, Оливия. Я умоляю тебя. Не дай им видеть меня в таком состоянии.

Оливия выскочила из машины, не заглушая двигатель, и бросилась к доктору Бреннану.

— Противоядие у вас?

— Да! — подтвердил доктор Бреннан, держа в руках шприц, и направляясь к машине.

Оливия выхватила шприц и резиновый жгут из его рук и побежала обратно к водительской стороне кабриолета.

— В вену, да? — крикнула она, сдавая назад.

— Да, в вену, но... — воскликнул доктор Бреннан, подбегая к машине.

Слишком поздно. Оливия ударила по газам, врезавшись задним бампером своей машины в полицейский внедорожник. Она отбросила крузер назад достаточно, чтобы ее машина объехала всех. Мое тело ударилось о спинку сиденья, когда кабриолет полетел вперед.

Еще одна газовая колика ударила меня, заставив вскрикнуть от боли. Я посмотрела на Оливию, сквозь слезы.

— Я тебя поняла, — крикнула Оливия, резко свернув с парковки, затем еще один поворот направо на боковую дорогу.

Когда очередной приступ боли пронзил мое тело, Оливия снова свернула на другую дорогу.

— Оливия! — закричала я, понимая, что не могу больше сдерживаться. Я прислонилась грудью к двери, свесив голову навстречу ветру, как собака — одной рукой держась за дверь, а другой упираясь в приборную панель, — и меня вырвало на дорогу.

Я не подозревала, что полицейский автомобиль едет за нами, пока не услышала визг тормозов. Я посмотрела назад, и увидела, как моя рвота ударилась об их лобовое стекло, разлетаясь вверх по крыше машины и забрызгивая полосу мигающих огней.

— Пятнадцать секунд! Просто держись! У меня есть план!

Прежде чем я успела что-то сказать, еще один приступ боли пронзил мое тело. Меня снова вырвало, и я направила все свои слабеющие силы на то, чтобы стиснуть ягодицы. Одно я знала точно: если нагажу в машину Оливии, ее белые кожаные сиденья никогда не будут прежними.

— Пять секунд! Держись! — прокричала Оливия.

— Я умру, — успела сказать я себе, прежде чем еще больше рвоты пробило себе путь в горло и вырвалось наружу.

Оливия резко повернула, задние шины занесло. Я повалилась на бок, пытаюсь удержаться в ослабленном состоянии.

— Ну погнажи! — заорала Оливия. — Ты пристегнута? — вдруг решила проверить подруга, протягивая руку, чтобы потянуть за мой ремень безопасности. — Сядь! Приготовься!

«К чему готовиться?» — подумала я, оглядывая приборную панель.

Оливия резко дернула руль вправо, съезжая на обочину.

Я визжала, когда мы продирались сквозь кустарник, который был выше капота машины.

В двадцати футах от дороги Оливия резко дернула руль, нажала на тормоза, поворачивая машину в другую сторону. Прежде чем моя голова перестала кружиться, Оливия вытащила меня из машины и прислонила к дереву.

Она помогла мне спустить шорты как раз вовремя. И пока я сидела на корточках у дерева, Оливия затянула резиновый жгут над моим локтем. Я была слишком слаба, чтобы спорить, когда она схватила мое запястье и потянула его к себе, чтобы выпрямить руку. Проведя ногтем по моим венам, она зубами освободила иглу и ввела противоядие.

Жидкость обожгла мне руку, но мне было все равно. Я просто была благодарна за те два семестра обучения в школе медсестер, которые Оливия закончила, прежде чем решила, что сестринское дело ее не привлекает.

Прошло несколько минут, прежде чем я поняла, что мы скрыты от дороги за бурьяном высотой по пояс и рядом кустов. Оливия сделала это. Она спасла меня от публичного унижения.

— Ох, ничего себе, — пробормотала Оливия, выплюнув колпачок. — Это ужасно.

Я не ответила, так как наклонилась и меня вырвало на другую сторону дерева.

— Я просто пойду отсюда, — решила Оливия, отодвигаясь подальше от меня.

В какой-то момент я поплелась к новому дереву, чтобы улучшить качество воздуха около себя, но прошло добрых двадцать минут, прежде чем лекарство подействовало и мне стало лучше.

Оливия нашла в багажнике своей машины влажные салфетки, которые мне оченьгодились. Я привела себя в порядок и вернулась к кабриолету.

— Тебе лучше? — спросила Оливия с водительского сиденья.

— Я не хочу больше умереть, если ты об этом спрашиваешь. — Посмотрела на нее, поражаясь тому, насколько мне повезло иметь такую лучшую подругу, как Оливия. — Я не могу поверить, что ты это сделала. Ты не только спасла мне жизнь, но и избавила от позорного унижения.

— Ты бы сделала то же самое для меня.

— Я бы попыталась, но есть шанс, что могло случиться самое худшее. — Я осмотрелась. Где-то поблизости слышалось журчание воды, шум птиц на деревьях, вдалеке проезжали

машины. — Где мы, черт возьми, находимся?

— Озеро Эдгар, — ответила Оливия, показывая куда-то за меня. — Мост находится там. Здесь глубокий залив. Папа приводил меня сюда много лет назад, а в старших классах я однажды приезжала сюда с Майком Джаргоном. Помнишь его?

— Капитан футбольной команды Майк? Да, я его помню. — Я покосилась на Оливию, улыбаясь. — Хочешь сказать, я только что обгадила твое школьное место для перепихона?

Оливия хихикнула.

— Мы с Майком никогда не занимались чем-то большим, чем поцелуи. Кроме того, он не умел целоваться. — Оливия сморщила нос. — Хотя, должна сказать, здесь уже не так хорошо пахнет. Ты готова ехать?

— Думаю, да. Отвези меня домой, — ответила я, закрывая пассажирскую дверь.

Оливия завела машину и поставила ее на передачу, но когда нажала на газ, шины забуксовали. Она начала нажимать на газ, чтобы раскатать машину, но та только глубже погружалась. Оливия переключила передачу, поставив машину на задний ход, а затем снова попыталась ее раскатать. Медленно мы начали подниматься по колее, в которую погрузились.

На очередном раскачивании из ямы Оливия добавила газу. Машина зацепилась за твердую почву, и мы обе закричали, когда отлетели назад, на насыпь.

Мы схватились за руки, когда машина полетела вниз по покрытому грязью холму. Никто из нас не обернулся, чтобы посмотреть назад, вместо этого мы смотрели через лобовое стекло на облака, продолжая кричать.

Задняя часть машины врезалась во что-то твердое, отбросив нас вперед на наших сиденьях. Затем, как будто в замедленной съемке, машина опрокинулась, встав на задний бампер, в то время как передний бампер перевернулся.

Мы завопили еще громче, когда машина, теперь уже перевернутая, подлетела в воздухе и начала падать в сторону озера. Я выставила одну руку перед собой, чтобы защитить лицо, а другой схватилась за ремень безопасности возле бедра. Взглянула в сторону Оливии. Ее глаза увеличились от страха и удивления. И тут мы рухнули в озеро.

Я прижалась к центральной консоли, когда вода закрутилась вокруг меня. Держась одной рукой за ремень безопасности в районе застежки, я хорошо чувствовала окружающую обстановку, когда потянулась и первой отстегнула Оливию. Я перетянула ее тело к себе на колени, не зная, жива ли она вообще. Поскольку машина перевернулась, я толкнула ее вниз, под пассажирскую дверь, а затем в сторону от машины.

Пропихнув ее ноги, я отстегнула свой ремень. Затем протиснулась под дверь и направилась к поверхности озера, но моя нога зацепилась за что-то, и меня отбросило назад.

Я лягнула ногой, почувствовав острую боль, когда что-то по ней резануло. Моя босоножка... она за что-то зацепилась. Верхняя часть моего тела находилась снаружи салона, а ноги внутри, я дергалась, крутилась и пиналась, пытаюсь освободиться, пока машина погружалась. Вода попала мне в нос, обжигая пазухи.

Я почувствовала, как дальняя сторона машины ударилась о дно, и услышала металлический скрежет. Затем меня снова потянуло, так как моя сторона машины продолжала падать. Если кабриолет упадет на дно озера плашмя, вверх тормашками, меня зажмет под ним.

Я дернула сильнее, пытаюсь вырвать сандалию, не заботясь о порезах. Я не могла так умереть. Не могла поступить так с Оливией. Она никогда не простит себя.

Когда машина опустилась на меня, увлекая за собой, я увидела Эрику Натчен в воде в нескольких футах от себя. Рядом с ней появилась еще одна девушка. Эбби Фенн, подруга Эрики. Я огляделась вокруг, увидела тени других людей в воде вместе с нами, но не могла разглядеть их лиц.

Я оглянулась на Эрику и Эбби. Они кричали и тянули ко мне руки. Я отпрянула назад, напугав их.

В состоянии паники я вдыхала воду. Мои легкие горели, когда я боролась с машиной, водой, пыталась выжить. Я посмотрела на девушек, но они еще больше отделились. Их лица казалось уже не испуганными, а скорее грустными.

Я чувствовала, что мой разум уносится в другое место, пока руки и ноги мирно плавали в воде. Закрыв глаза, я почувствовала, как что-то ткнулось в мою лодыжку.

Я слышала, как Оливия зовет меня вдалеке, но не могла ответить. Кто-то висел рядом со мной и бил меня в грудь — по крайней мере, так мне казалось.

Я кашляла, пытаюсь вдохнуть, но захлебывалась водой. Кто-то повернул меня на бок и стал бить по спине. Я снова закашлялась, на этот раз выплевывая воду, пока силилась набрать воздух. Удары по спине стали сильнее, и вода все активнее выходила из моих легких.

Наконец, мои дыхательные пути освободились настолько, что я смогла вдохнуть. Я снова зашла в кашле, пытаюсь сосредоточиться.

Человек рядом со мной прислонился к моей спине, пока я продолжала лежать на боку. Мужской голос прошептал мне на ухо:

— Еще нет, Давина. Еще нет, но скоро.

Я почувствовала, как он отодвинулся, прежде чем услышала движение рядом с собой.

Я перевернулась на спину, запрокинув голову. Я находилась на склоне холма. Темные брюки — возможно, джинсы. Черные туфли. Это все, что я видела, пока он взбирался на вершину холма.

Я снова услышала Оливию, выкрикивающую мое имя.

— Давина! Пожалуйста, нет! Давина!

Я попыталась отозваться, но получилось больше похоже на стон, когда волна кашля накрыла меня. Мои легкие болели, ребра пульсировали, горло горело, пока я выплевывала остатки воды.

Оливия, должно быть, услышала мой кашель. Ее причитания прервались, сменившись плеском воды.

— Давина! Давина, я иду! — Когда шум воды прекратился, его сменили шаги, бегущей через кусты Оливии.

Я снова перекатилась на бок, продолжая кашлять.

— Я сейчас! — воскликнула Оливия, прежде чем броситься в грязь рядом со мной.

Она приподняла меня и крепко обняла, прижав к себе.

— Никогда больше так не делай! Ты слышишь меня? Я думала, ты утонула. Я думала, что ты... — Ее слова смешались со слезами, она плакала и качала меня.

Несмотря на болезненную пульсацию во всем теле и кашель, который никак не прекращался, я тихо засмеялась.

Оливия откинулась назад, глядя на меня сверху вниз.

— Я не понимаю, почему ты смеешься. Я думала, ты умерла.

— Оливия, — прошептала я, делая паузу, чтобы откашляться еще два раза. — За рулем сидела ты, помнишь? Ты не можешь винить меня за это.

Оливия хихикнула, откидывая волосы с моего лица.

Я улыбнулась, закрыв глаза, чтобы отдохнуть еще несколько минут.

— Ты была прямо за мной, а потом исчезла, — практически шепотом произнесла Оливия. — Я все ждала, что ты всплывешь, но ты не появлялась. — Она продолжала гладить мою голову. — Я ныряла дважды, но так и не смогла тебя найти.

Это не Оливия освободила меня. Кто же тогда?

Мужчина. Мужчина, который прошептал мне на ухо.

Даже когда моя кожа превратилась в ледяную корку, я почувствовала, как по позвоночнику пробежал новый холод. Я отстранилась от Оливии и повернулась, чтобы посмотреть на вершину холма. Над нами возвышался короткий двухполосный мост. Там никого не было, но это не означало, что он ушел.

Я оглянулась на Оливию.

— Помоги мне встать. Нам нужно выбираться отсюда.

— Тебе следует отдохнуть, — покачала головой Оливия. — Ты чуть не умерла.

— Оливия, — я схватила ее за руку. — Мы здесь не одни. Он здесь. Он где-то здесь.

— Кто? — растерянно спросила Оливия. Затем ее замешательство рассеялось, когда она прочитала страх на моем лице. — О, черт. — Она встала, потянув меня за собой. — Где?

— Я не знаю. Он пошел в ту сторону, — я показала на холм.

— Черт. Это единственный путь к дороге, если только мы не переплывем через озеро на другую сторону.

— Я не вернусь в эту воду.

— Я боялась, что ты так скажешь, — отозвалась Оливия, глядя на вершину холма. — Я пойду первой. Посмотрю, все ли там чисто, а потом вернусь за тобой.

— Ни за что. Мы пойдем вместе. — Я посмотрела на нее, пытаюсь скрыть свой страх за улыбкой. — Кроме того, он бы не стал меня спасать, если бы хотел моей смерти, верно?

Оливия не ответила, но после долгой паузы она двинулась вверх по холму, увлекая меня за собой.

Мы прошли не менее двух миль и оставалось пройти еще милью, прежде чем доберемся до города. Вдоль дороги стояли дома, но все они находились на значительном расстоянии от трассы. После двух длинных прогулок, когда стучались в двери, но никого не застали дома, мы свернули на главную дорогу, взяв курс на город.

Моя нога пульсировала. Между пальцами начиналась рана, которая дугой переходила на подушечку стопы с другой стороны. Рана была не глубокой, но идти с ней жутко неприятно. Не помогало и то, что я все еще оставалась в сандалиии на другой ноге, но, по крайней мере, когда все закончится у меня будет одна нога без травм.

— Сколько еще? — ныла Оливия позади меня.

Я усмехнулась, но не стала оборачиваться. Я не единственная, кто повредил свое тело во время аварии. Оливия ударила лицом обо что-то, заработав кровотечение из носа. Он не выглядел сломанным, но ее глаза и нос уже опухли, а на верхней губе и подбородке виднелись полоски засохшей крови. Я улыбалась не потому, что подруга пострадала. Я бы никогда не пожелал ей такого. Но после того, как Оливия миллион раз заверила, что ей не больно, я не могла сдержать улыбки при мысли, что Эдит будет в бешенстве от того, что у Оливии два синяка под глазами — как раз сейчас перед благотворительным приемом.

— Серьезно, сколько еще? — снова простонала Оливия.

По ее голосу я поняла, что она снова сбавила шаг. Я посмотрела направо. Мы проходили мимо очередного кукурузного поля. Я начала шепотом напевать слова из фильма «Джиперс Криперс».

Оливия пронеслась мимо меня и не останавливалась, пока не дошла до конца поля. Она недолюбливала фильмы ужасов, и хотя кукуруза не достигла высоты колена, иррациональный страх побуждал ее идти дальше. Это было уже третье кукурузное поле,

которое мы прошли.

— Поторопись! — позвала меня Оливия.

Не обращая внимания на боль в ноге, я пустилась вдогонку. Чем быстрее мы доберемся до города, тем скорее я смогу приложить к ноге лед.

Едва я ее догнала, как услышала позади шум машины. Я повернулась, когда машина замедлила ход. Пассажирское окно опустилось, когда водитель остановился рядом с нами. Мы наклонились, чтобы посмотреть, кто за рулем.

Щелкнула камера телефона. От удивления я не сразу узнала водителя. И резко вдохнула. Шелли Брайт. Мой заклятый враг детства.

— Шелли, — с наигранным радушием улыбнулась Оливия. — Я так рада тебя видеть. Не подкинешь нас до города?

Шелли подняла телефон и сделала еще один снимок, после чего рассмеялась.

— Это бесценно. Не могу дождаться, когда выложу эти фотки. — Шелли нажала на газ, оставив нас на обочине.

Оливия топала ногой по асфальту, неприлично жестикулируя в сторону бампера Шелли и выкрикивая ругательства. Я захромала по дороге, не желая тратить оставшиеся силы на такого отвратительного человека, как Шелли Брайт.

И хотя я не слишком радовалась тому, что Шелли сфотографировала меня, но все же улыбнулась. По крайней мере, благодаря Оливии, моя одежда покрыта лишь грязью и мутной озерной водой. Все могло быть гораздо хуже.

Когда Оливия нагнала меня, то зашагала рядом. Она потеряла обе туфли, поэтому шла босиком. Ее некогда стильный наряд перепачкался кровью, грязью и неизвестно чем еще. И все же, каким-то образом, даже с распухшим лицом, она держалась уверенно.

Мы прошли еще четыре поля, прежде чем я взглянула на нее и спросила:

— Как ты собираешься объяснять полицейским, что случилось с машиной?

— Никак. Я вызову эвакуатор, и пусть они вытащат машину. Если я заявлю в полицию, мне выпишут штраф. А если мне выпишут штраф, Брейдон опять начнет придирааться к страховым тарифам.

— Я думаю, страховка в любом случае подорожает. Ведь машина разбита.

— О, да, — проворчала Оливия, оглядываясь через плечо, как будто могла увидеть свой кабриолет. — Хм. Мне нужно подумать. Может быть, я смогу просто купить новую и не подавать заявление в страховую компанию.

— Это очень много денег. Даже для тебя и твоего огромного трастового фонда.

— Я что-нибудь придумаю, — заявила Оливия, когда мы обе остановились, чтобы оглянуться назад.

К нам приближался грузовик, постепенно сбавляя скорость. Я подняла руку, помахав, когда он остановился рядом с нами. Ланс Додд сидел за рулем и смотрел на нас, словно не веря, что это действительно мы.

— Привет, Ланс, — поздоровалась я, перенося вес на ногу, обутую в босоножку. — Есть шанс, что ты подбросишь нас до моего дома?

— Мы сядем сзади, — пообещала Оливия, оглядывая свой наряд. — Мы ужасно грязные.

— И от нас воняет, — добавила я.

Ланс ничего не сказал, вышел из своего грузовика и направился к кузову. Через минуту он подошел, неся коричневое одеяло. Открыв пассажирскую дверь, он положил одеяло на сиденье, а затем отошел, чтобы дать нам возможность забраться внутрь.

Я залезла первой, за мной последовала Оливия, и когда мы пристегнули ремни, Ланс закрыл дверь и вернулся на водительское место.

Устроившись за рулем, Ланс посмотрел на меня.

— Кому-нибудь из вас нужна медицинская помощь?

Я бросила взгляд на свою ногу, затем покачала головой.

— Любые полученные травмы могут подождать до душа. Я не хочу, чтобы широкая публика видела меня в таком виде.

— Я тоже, — согласилась Оливия.

— Слишком поздно, — сообщил Ланс, выезжая на дорогу. — Я узнал дом у поля по фотографиям, которые Шелли Брайт разместила на Фейсбуке, поэтому запрыгнул в свой грузовик и начал вас искать. Пока мы доберемся до города, их почти все уже увидят.

— Я ее задушю, — пробормотала Оливия.

Я держала рот на замке. Я ненавидела не так уж много людей, но Шелли была исключением. Она изводила меня с четвертого класса, используя любой шанс, чтобы унижить.

— Если тебе от этого станет легче, — снова скосив на меня глаза, сказал Ланс, — Шелли досталось за то, что она бросила вас двоих на обочине дороги.

— Ты не знаешь, Ноа видел фото? — спросила я.

— Не уверен. Я не стала задерживаться, чтобы прочитать все комментарии, так как знала, что вы, девочки, рядом.

— Спасибо, мы так признательны, что ты приехал за нами, — ответила Оливия. — Это очень мило с твоей стороны, Ланс.

— Рад помочь, — быстро кивнул Ланс, выглядя смущенным. Он снова взглянул на меня. — Слышал, у Фрэнсиса случился еще один приступ. Как ты справляешься со всем этим?

— Я решила его переселить. Социальный работник уже подыскивает место.

— Это хорошо. Никому из нас не нравится видеть, как он причиняет тебе боль. Он бы сам этого не хотел.

— Ты не сердишься на меня?

— Нет, дорогая. Ты сделала все, что могла. Сделала больше, чем другие. Намного больше. Пора тебе жить своей жизнью. — Ланс повернул направо, следуя по шоссе, которое огибало город. — Мне ехать к тебе домой или к Оливии?

— Мой муж не может увидеть меня в таком виде. Он сойдет с ума, — заявила Оливия.

— К миссис Полсон, пожалуйста, — ответила я. — Мы можем принять душ там.

— Отлично. Я посижу с Фрэнсисом, пока ты забежишь в дом и возьмешь одежду. — Ланс наклонился вперед, глядя мимо меня на Оливию. — Полагаю, ты разбила свою машину. Мне позвонить сыну, чтобы он ее отбуксировал?

— Было бы отлично.

— Где тебя угораздило разбиться? — спросил Лэнс.

— Юго-западный участок озера Эдгар. Примерно в двадцати футах перед мостом, — ответила Оливия.

— И около двадцати футов под водой, — добавила я.

Ланс посмотрел на меня, потом на Оливию, потом на меня, потом на дорогу. Он присвистнул, покачав головой.

— Вам, дамы, чертовски повезло. Через этот участок проходит сильное подводное течение. Вы могли утонуть.

— Я не переживала о подводном течении, — ответила я, пытаясь сдержать ухмылку. — Больше волновалась, что машина опрокинется на нас, когда мы свалились в воду.

— Это было так весело, — хихикнула Оливия.

Мы с Лансом оба посмотрели на нее.

— В каком-то смысле, оглядываясь назад на пережитое, — пояснила Оливия. Ланс усмехнулся, поворачивая на мою дорогу.

Я приняла душ и переоделась дома, пока Оливия мылась у миссис Полсон. Достав из шкафа аптечку, я перевязала правую ногу, как могла. Сделав это, я натянула пару чистых кроссовок, оставив шнурки на правой ноге свободными. Затем собрала одежду для Оливии и с еще влажными волосами пересекла лужайку, ведущую к дому миссис Полсон.

Оливия сидела за столом, свежeweымытая, в халате Ноа, который осматривал ее нос.

— Думаю, все в порядке, но не мешало бы проверить, — успокоил ее Ноа.

Оливия заметила меня и вскочила, чтобы схватить одежду, которую я ей прихватила.

— Спасибо, но не надо, — бросила она Ноа. — Пока мой нос прямой, я в порядке. — И Оливия, подпрыгивая, понеслась по коридору.

Ноа сузил глаза, указывая на стул перед собой.

— Ногу. Сейчас же.

Бритт сидела рядом с ним за столом и хихикала.

Я села в кресло, подняв обутую ногу на колени Ноа. Он осторожно снял кроссовок, затем покачал головой над марлей. Она уже свернулась и сбилась под пальцами ног.

Пока он занимался моей ногой, я откинула голову назад и посмотрела в сторону миссис Полсон.

— Мамина старая машина еще на ходу?

— Да, вообще-то, — ответила миссис Полсон, с усмешкой глядя в свою чашку с кофе. — Мой сосед с другой стороны, Тедди Бартс, приходит к нам каждые несколько месяцев и заводит ее. Кроме того, он меняет масло раз в год, а аккумулятор, я думаю, заменил в прошлом году.

— Отлично. Я вроде как оставила свою машину у Бернадетт.

— Может быть, тебе просто пора завязывать, — заметил Ноа, когда Бритт передала ему антисептический крем. — Я имею в виду, лунатизм, автомобильная авария, — он кивнул в сторону моей ступни, затем икры, — куча травм, одна за другой... — Ноа покачал головой. — Тебе определенно нужно восстановиться.

— И что делать? Смотреть телевизор с Фрэнсисом? — ехидно спросила я.

— О-о-о, — просияла Оливия, вбегая обратно в комнату. — Мы могли бы разбить палатку и смотреть фильмы ужасов! — заявила она. — У меня в голове застряла песня из «Джиперс Криперс». — Она толкнула меня в плечо.

Оливия надела мои серые спортивные капри и простую белую футболку, но почему-то этот наряд выглядел на ней стильно. Мне пришлось отвести взгляд, испытывая настоящую зависть.

В дверь позвонили, отвлекая Оливию, и она побежала открывать. Я смотрела через плечо, как она возвращается, а за ней следуют детектив Стоун, Айзек, Брейдон и Ланс. Моя улыбка исчезла. Оливия тоже не выглядела слишком обрадованной, встречей с ними.

— Это для вас, — заявил Стоун, протягивая Оливии небольшой листок бумаги.

— Штраф?! Почему? Что я сделала? — возмутилась Оливия.

— Превышение скорости. Повреждение городского имущества, когда вы протаранили наш внедорожник. Снова превышение скорости. Отказ остановиться. Мне продолжать? — спросил Стоун, положив руки на бедра. — Вам повезло, что я не конфискую машину.

Остальные ухмыльнулись. Очевидно, детектив Стоун не знал, что она разбила машину.

Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь скажет ему, что у города есть своя страничка на Фейсбуке. Какой он все-таки новичок.

— Олли, дорогая, — обратился Брейдон к Оливии. — Пару слов наедине? На улице?

— А мне обязательно? — спросила Оливия, улыбаясь.

Брейдон ухмыльнулся в ответ.

— Да, если только не хочешь, чтобы я позвонил твоей маме и рассказал, что за день до ее ежегодного сбора средств у тебя все лицо в синяках.

Оливия надулась, следуя за Брейдоном к входной двери. Он придержал для нее дверь, но подмигнул мне, прежде чем последовать за женой на улицу.

— И вы, — проговорил Стоун, глядя на меня сверху вниз. — Я даже не знаю, в чем вас обвинить.

— По-настоящему эпическая рвота, да, Давина? — рассмеялся Айзек, проходя мимо моего стула и прислоняясь к столешнице. — Тебе лучше?

— Ага, — усмехнулась я в ответ. — Я чувствую себя намного лучше.

— Ты заболела? — встревоженно спросила миссис Полсон

— Бернадетт меня отравила, — сообщила я ей.

— Что? — воскликнули все присутствующие одновременно.

Я подняла руку, чтобы предотвратить череду вопросов.

— Очевидно, она делала это и раньше. У доктора Бреннана было противоядие, слава богу. Но все это как-то связано с человеком, который забрал Тауни.

— Мне все еще нужно поговорить с Бернадетт, — заметил Стоун. — К сожалению, она не пускает меня на свою территорию.

— Она не расскажет ничего такого, чем бы я уже не поделилась, — заявила ему. — Будет лучше, если вы не станете лезть к Бернадетт и позволите мне с ней разобраться. Она немного сумасшедшая.

— Я полицейский.

— Ну, точно, — случайно ляпнула я вслух, прежде чем захлопнуть рот рукой.

Айзек рассмеялся, подняв руку, чтобы остановить надвигающуюся тираду Стоуна.

— Давина имеет в виду, что Бернадетт не волнует, что ты коп. Она старая, сумасшедшая и следует своим правилам.

Оливия вернулась в дом, надутая. Я посмотрела за ее спину, но не увидела Брейдона.

— Что случилось? — спросил я подругу.

— Брейдон злится на меня. Очень сильно злится. И он сказал, что я не могу купить новую машину.

— Он все еще снаружи? — спросила я, пока Ноа натягивал кроссовок на мою свежезабинтованную ногу.

Оливия покачала головой.

— Ему пришлось вернуться домой. Он оставил мальчиков с нашей соседкой.

— Раз так, не хочешь еще раз съездить со мной к Бернадетт? Нам с ней нужно кое-что обсудить. — Я поджала губы, думая о том, как сильно хочу наброситься на Бернадетт за то, что она меня отравила.

Оливия вернулась в свой счастливый режим, подпрыгнув от радости.

— Можно я поведу?

— Нет! — ответили все, кроме меня.

Я посмотрела на свою правую ногу, которая все еще пульсировала в кроссовке.

— Конечно. Пошли.

Потребовалось еще пять минут, чтобы убедить Стоуна и Айзека не ехать за нами, и в конце концов все решил звонок из диспетчерской с сообщением, что люди забрасывают яйцами дом Шелли Брайт. Когда они уехали в сторону города, мы направились к дому Бернадетт.

Оливия вела мамин «Форд Мустанг». Машина видала и лучшие времена, особенно после пятнадцатилетнего простоя в гараже, но еще до смерти мамы я помнила, как протекал люк, а пассажирскую дверь приходилось поднимать вверх, чтобы открыть и закрыть, потому что верхняя петля разболталась.

— Неплохая машина, — заметила Оливия, выкручивая руль. — Двигатель бодрый, сиденье удобное. Но я все равно не понимаю, зачем ты оставила ее себе, если не собиралась ездить.

— Документы. Машина записана на родителей, но поскольку Фрэнсис такой, какой он есть, мне нужно разрешение суда, чтобы продать любое его имущество. Это хлопотно.

— Но ты можешь водить эту машину? Юридически, я имею в виду.

— Вроде того. Может быть. Я не знаю. Никогда никого не спрашивала. Но кто меня остановит? Фрэнсис? Бернадетт? Но машина не застрахована, так что, как бы там ни было, не превышай скорость. Если получишь еще один штраф, Брейдон точно с тобой разведется.

Оливия сбавила газ, и машина замедлилась.

— Ну что, — сменила тему Оливия. — Какие планы на остаток дня? — Она потянулась к радио, чтобы покрутить ручку, но в ответ услышала только помехи.

— Как бы мне ни хотелось выбить дурь из Бернадетт, нам нужна ее помощь, чтобы найти Тауни. Бедная девочка, наверное, до смерти напугана. Я не уйду от Бернадетт, пока она нам не поможет. И я хочу знать больше о лунатизме. Бернадетт что-то скрывает, и, черт побери, я собираюсь выяснить, что именно.

— Вау, — воскликнула Оливия, глядя на меня с ухмылкой. — Я не видела тебя такой разъяренной с тех пор, как Шелли Брайт засунула дохлую рыбу в твой школьный шкафчик.

Я улыбнулась.

Если я обычно подставляла другую щеку, то Оливия — нет. Она отплатила Шелли за эту гадость в десятикратном размере. Шелли потребовалось несколько месяцев, чтобы отрастить волосы после того, как Оливия их сбрила. Конечно, Шелли так и не узнала, кто виноват, потому что в тот момент находилась в отключке.

— Я не хочу ссориться с Бернадетт, — объяснила я. — Просто хочу найти Тауни. После этого мы с Бернадетт сможем снова игнорировать друг друга.

— Согласна, — отозвалась Оливия. — Только не говори ей, но Бернадетт пугает меня сильнее, чем фильм «Джиперс Криперс».

Оливия свернула с Пайпер на Цикад-лейн, снова сбросила скорость, проехав по дороге до конца, и припарковалась перед домом Бернадетт.

Я осмотрелась, испытывая странное чувство.

— Что-то не так.

— О чем ты? — спросила Оливия, пока мы обе открывали двери и выбирались наружу.

Я не ответила, разглядывая лужайку перед домом. И не заметила «Новы» Бернадетт, хотя точно знала, что она сама здесь.

Повернулась к сараю, но мои неприятные ощущения не были связаны с ним. Я посмотрела в сторону дома. Там чувство усилилось, но тоже ощущалось не совсем правильно.

Мысленно, я сосредоточилась на Бернадетт. Резко открыв глаза, я проговорила:

— Где-то сзади. Что-то происходит за домом. — Обойдя здание слева, я нашла старую тропинку, которая вела вниз по склону к заднему двору.

Под многолетним слоем грязи и кустарника лежали каменные плиты. Моя мама каждый год приводила их в порядок, но теперь за ними никто не следил. На полпути вниз я бросила попытки следовать по скрытым ступенькам и отошла в сторону, чтобы дальше идти по склону. От ходьбы боком порез на ноге неприятно заныл.

— Давина! Смотри! — указала Оливия.

Во время спуска я постоянно смотрела под ноги, но остановилась, чтобы понять, куда показывает Оливия. Я проследила за ее пальцем, пока не заметила Бернадетт, сидящую на заднем дворе. Вещи Тауни валялись вокруг Бернадетт на траве, но голос Оливии звучал обеспокоенно не из-за этого.

Бернадетт была бледна и вся в поту. Она тяжело дышала, запрокинув голову назад, казалось, от боли. Ее руки тряслись, когда она держала их перед собой, словно защищаясь от чьего-то нападения.

Я поспешила вниз по склону, не обращая внимания на боль в ноге. Оливия от меня не отставала.

Когда мы добрались до Бернадетт, я решительно отодвинула Оливию. Что бы ни происходило с Бернадетт, это что-то внутри. Темная злая энергия окружала ее.

— Не подходи, — предупредила я Оливию, медленно обходя Бернадетт и вещи Тауни.

Я изучала позу Бернадетт, выражение ее лица, предметы, лежащие в траве вокруг нее. Стараясь лучше понять картину происходящего, я вытянула руку.

Завершив круг, остановилась перед Бернадетт. К ее колену прикасалась сломанная кукла Барби. Вот оно. Это и есть связь.

Я не совсем понимала, как пластмассовая кукла может причинять такую боль, но твердо знала, что должна отодвинуть ее от Бернадетт. Но если уберу куклу, пока Бернадетт еще находится в трансе, не принесу ли я больше вреда, чем пользы?

— Оливия, мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала, — попросила я, присаживаясь рядом с Бернадетт. — Я попробую помочь Бернадетт, но для этого мне сначала нужно ее найти.

— В смысле? — спросила Оливия.

— Неважно. — Я показала на Барби. — Если мне удастся проникнуть в видение к Бернадетт, я попытаюсь вывести ее из него. Но если не смогу, если мы будем отсутствовать слишком долго, то я хочу, чтобы ты схватила куклу и отбросила ее подальше от нас.

— Почему просто не убрать куклу сейчас?

— Я думаю, Бернадетт слишком далеко зашла.

— Ну, хорошо, — пообещала Оливия, усаживаясь в траве в нескольких футах передо мной. — Ты — босс. Как долго мне ждать, прежде чем избавляться от Барби?

— Пока не покажется, что другого выхода нет, — ответила я.

Когда я положила руку на колено Бернадетт, она дернулась, удивленная моим прикосновением. Хороший знак. Она все еще осознавала свое тело. Закрыв глаза, я вспомнила о дверях. Я сосредоточилась на них. Глянцевое белое дерево с прозрачными

стеклянными вставками. На каждой двери серебристая ручка-рычаг, а над одной ручкой — серебристый засов. Подойдя ближе к дверям, я потянулась к засову.

И тут же почувствовала яростную энергию по ту сторону стекла. Тьма надвигалась черными тучами, за которыми тянулись беловато-серые клубы дыма.

Я ощутила страх. Страх перед тем, что находится по ту сторону. Моя рука заколебалась, когда пальцы коснулись засова. Смогу ли я сделать это? Смогу ли спасти Бернадетт? Или я слишком слаба, как она и говорила?

Не имеет значения, насколько я слаба, решила после секундного раздумья. Все равно я должна попытаться.

Открыла засов, и распахнула дверь. Стоило сделать один шаг, как меня обдало одновременно горячим и холодным воздухом. Я сосредоточилась на окружающей меня энергии. Страх. Ненависть. Надежда.

Я двинулась вправо, закрыв за собой двери. Медленно, шаг за шагом, я шла за знакомым источником энергии. Я не могла подобрать название этому источнику, но, тем не менее, следовала за ним. Почувствовав угасание потока энергии, я ускорила шаг.

По мере приближения к источнику черный туман вокруг меня стал ослабевать. Стала видна земля под ногами. Появились деревья. Я находилась в лесу. Я слышала кого-то впереди себя. Нет, я слышала двоих. Шум борьбы.

Я побежала по грунтовой тропе.

— Бернадетт! Я иду! Держись!

Тропинка вильнула влево, и вдруг земля подо мной исчезла.

Я закричала, обнаружив, что проваливаюсь все дальше и дальше в черноту. Когда все вокруг потемнело, я почувствовала, что мои легкие сковало, горло сжалось, и я вдруг не смогла вдохнуть. Машинально потянула руки к горлу, пытаюсь освободиться от того, что меня душило, но там ничего не было.

Я стала бить себя по груди, заставляя легкие снова работать. Началось головокружение, и я поняла, что у меня мало времени. То же самое я чувствовала у Далтонов, когда вошла в дом. Та же тяжесть.

Затем я вспомнила. Иллюзия. Это была просто иллюзия.

Мысленно оттолкнула его, прогоняя прочь все, что меня окружало, воображая, что обладаю силой супергероя. Это делал он. Морочил мне голову. Все это не по-настоящему.

Тяжесть спала. Я снова резко толкнула, еще сильнее, достаточно сильно, чтобы представить, как злые вибрации уносятся далеко-далеко, и обнаружила, что снова стою на тропинке в лесу.

Окружающая меня темнота исчезла, сменившись солнечным светом, пробивающимся сквозь верхушки деревьев. Я снова могла дышать. В воздухе появился запах грязи и сырости леса.

Я побежала по тропинке и за поворотом обнаружила сидящую в траве и задыхающуюся Бернадетт.

Она недовольно нахмурилась.

— Долго же ты добиралась.

— Ну, не отрави ты меня раньше, я бы пришла быстрее. — Я покачала головой, помогая ей встать. — Пойдем, старая сумасшедшая летучая мышь. Выход в той стороне.

— Ты учишься, — засмеялась Бернадетт. — Но все равно забываешь, — щелкнула она пальцами. Посреди леса рядом с Бернадетт на деревянной стене появился металлический

рычаг. — Выход там, где ты захочешь.

Бернадетт схватилась за мою руку, затем надавила на рычаг.

Быстро моргая, я оглядывалась по сторонам. Мы снова находились во дворе Бернадетт, сидя в траве.

— Вот это да, — бросив взгляд через плечо на Бернадетт, промолвила я. — Неужели это только что произошло?

— Что случилось? — спросила Оливия, схватив куклу Барби и швырнув ее подальше от нас.

Я поднялась, морщась от боли в ноге.

— Не уверена. Я была здесь, потом там, потом снова здесь. С ума сойти.

Я протянула руку, чтобы помочь Бернадетт, но она отмахнулась. Перекатившись на бок, она встала на ноги. Бросила взгляд на Оливию, потом на меня, затем повернулась и пошла к дому.

— Есть хочу, — объявила она ворчливо, открывая дверь во внутренний дворик. Она не стала дожидаться нас, позволив двери закрыться за ней.

Оливия хихикнула рядом со мной.

— Ты должна признать, что для своего возраста она довольно... энергична. — Оливия перекинула руку через мое плечо и подтолкнула меня к заднему дворику.

— Энергичная — это не совсем то слово, о котором я подумала.

Пройдя через калитку во внутренний дворик, я направилась к лестнице. Ступив одной ногой на ступеньку, почувствовала, что Оливия больше не маячит за мной. Я оглянулась.

— Место просто потрясающее, — одобрила Оливия, заглянув в один из двух коротких коридоров, ведущих в спальни. — Сколько здесь комнат?

— Не помню. Может быть, четыре? Бернадетт не любила устраивать посиделки с внуками. Я бывала здесь всего несколько раз в детстве.

Я двинулась вверх по лестнице, зная, что подруга в конце концов последует за мной.

— Я могла бы зависать здесь все время, — заявила Оливия, поднимаясь бегом по лестнице, чтобы догнать меня.

— Не строй иллюзий, девочка, — хмыкнула Бернадетт из кухни. — Ты здесь не удержишься.

Мы прошли на кухню и, поскольку там не стояли барные стулья, прислонились к стойке. Кухня была небольшой, но удобной. По обеим сторонам от плиты располагались две столешницы с верхними и нижними шкафами. На этой же линии находился холодильник и двойная раковина из нержавеющей стали. Стойка с нашей стороны имела только нижние шкафы. А в торцевой стене кухни, посередине, располагалась хозяйственная кладовка.

Бернадетт не обращала на нас внимания, накладывая ветчину и сыр на два куска хлеба, смазанные майонезом. Сложив их вместе, она жадно откусила свой сэндвич.

— Я остаюсь здесь, — провозгласила Оливия, протягивая руку через стойку и доставая из упаковки ломтик ветчины. — Хотите вы меня видеть или нет. — Она ткнула пальцем в Бернадетт. — И не надо больше травить мою лучшую подругу. Это просто недопустимо.

Бернадетт попыталась сверкнуть глазами на Оливию, но ей не удалось добиться нужного эффекта из-за капли майонеза, красовавшейся у нее на подбородке. Я не помню, чтобы она вела себя так по-свински, когда ела. К тому же, похоже, ее не волновал этикет, согласно которому не следует есть в присутствии гостей, не предлагая им угощения. Правда, бутерброд с ветчиной выглядел не слишком привлекательно, особенно когда на столешницу капал майонез.

Я взяла салфетку из держателя в дальнем конце и передала ее Бернадетт.

— А что было в том чае?

— Несколько растений, ягод и кожа одной ядовитой жабы. Старый семейный рецепт.

— Рецепт... — задумавшись, проговорила вслух. — Я нашла книгу рецептов, которую мама спрятала в шкафу. Только не говори мне, что она заполнена еще более мерзкими вещами.

Бернадетт просто ухмыльнулась.

Я потерла пальцами висок. Не уверена, что смогу вынести новые знания об этой сумасшедшей семейке.

— Ладно, неважно. Я даже не хочу знать, что написано в книге рецептов. Просто объясни, почему ты заставила меня выпить этот чай.

— Вполне возможно, что человек, похитивший Тауни и Райну, был связан с тобой.

— Что значит «связан со мной»? Как? — не поняла я.

— И почему? — поддакнула Оливия.

— Я не знаю точно, почему, но ты должна понять, что он тоже экстрасенс. И сильный

экстрасенс. Поверь мне, дитя, ты не захочешь, чтобы он влез в твою голову.

— Так вот как я оказалась на Догвуд-роуд прошлой ночью? Потому что он забрался в мою голову, пока я спала, и говорил, что делать?

— Я не знаю, — ответила Бернадетт, вытирая подбородок. — Может быть, но не понимаю, как.

Бернадетт что-то недоговаривала, она знала больше, но по ее сжатым в тонкую линию губам, я поняла, она пока не готова объяснить.

Решив сменить тему, я спросила:

— Ты видела Тауни в своем видении? Или что-нибудь, что поможет нам ее найти?

Бернадетт дожевала и ответила.

— Боюсь, что нет. Эта дурацкая кукла Барби оказалась ловушкой. Как только я дотронулась до нее, сразу поняла, что попала в беду.

— Как это? — заинтересовалась Оливия, выхватывая из упаковки еще один ломтик ветчины.

Я достала еще одну салфетку и передала ее Оливии.

— Не думаю, что это твое дело, — огрызнулась Бернадетт. — Но хочу сказать, что эту куклу специально подбросили. Она не принадлежала Тауни. Полагаю, тот, кто положил куклу в комнату Тауни, намеревался заманить Давину в свою ловушку.

— Зачем ты вообще полезла в вещи Тауни? — недоуменно спросила я. — Мне казалось, ты против того, чтобы помогать нам.

Положив бутерброд с майонезом на столешницу, Бернадетт подошла к шкафу и взяла стакан, затем достала из холодильника кувшин с соком.

— После того как вы уехали...

— После того, как ты меня отравила, хочешь сказать? — уточнила я, пригвоздив ее взглядом. Я еще не готова простить. Возможно, даже никогда не прощу ее за эту выходку.

Бернадетт пожала плечами, потягивая сок. Когда стакан опустел, она наполнила его снова и заговорила.

— Любопытство взяло верх. Я подумала, что если мне удастся узнать о девчонке, найти ее, то убийца возможно снова покинет город.

— Ты уверена, что это был он? — нахмурилась я.

— Это был он, дитя. Перестань задавать вопросы, на которые ты уже знаешь ответ. Ты почувствовала его. Я точно знаю. К тому времени, как ты появилась, я уже почти умерла. Но, к счастью, он не мог одновременно удерживать меня и нападать на тебя. — Она поставила сок обратно в холодильник. — И это интересно. Теперь мы знаем его слабое место.

— Я не понимаю.

Бернадетт вытерла рот и снова взяла бутерброд, но так и держала его, не откусывая.

— Он единственный человек, который когда-либо превосходил меня. Единственный, кто смог одолеть твою мать, насколько я знаю. Но как бы мы ни старались найти Райну, нам и в голову не пришло отправиться в видение вместе. А зря. Может быть, сделай мы это, твоя мать осталась бы жива.

Никогда раньше не видела Бернадетт печальной, но мне показалось, что именно печаль отразилась на ее лице, прежде чем она запихнула в рот свой сэндвич. Мне пришлось отвести взгляд, пока она сосредоточенно жевала.

Оливия хихикнула, вероятно, прочитав мой язык тела, и спросила Бернадетт:

— Значит, если вы вместе попадете в видение, то сможете найти Тауни?

К моему отвращению, Бернадетт снова положила свой сэндвич на столешницу.

— Если бы я подумала об этом раньше, то да, теоретически двойная команда против него — это правильный подход. Но, к сожалению, для девочки уже слишком поздно. У нас недостаточно времени, чтобы восстановить силы, и чтобы я успела обучить Давину до того, как он убьет девочку.

— Я отказываюсь с этим мириться, — заявила ей, обходя стойку и проходя на кухню. Достала две маленькие тарелки, передала одну Оливии, затем взяла сэндвич Бернадетт и бросила его на другую. — Я отказываюсь просто так позволить Тауни умереть.

— Смерть в данный момент неизбежна, — проворчала Бернадетт, перекладывая свой бутерброд на другую сторону стойки, рядом с Оливией. — Он уже все подготовил. К тому времени, когда в эти выходные взойдет полная луна, девочка будет принесена в жертву.

— Принесена в жертву? — пискнула Оливия. — Как в средневековом храме? На алтаре?

— Принесена в жертву в смысле мертва, девочка. Смерть — значит смерть. Причины, по которым он ее убьет, не важны. Важно то, что у нас нет времени на ее спасение.

— Может быть, мы не сможем спасти ее сами, — рассуждала я, наполняя раковину горячей водой. — И может быть, ты права, что я не готова встретиться с ним лицом к лицу. Но если мы сможем раздобыть хотя бы несколько подсказок, хотя бы одну, то, возможно, полиция сможет ее спасти.

— Ты такая наивная, дитя. — Бернадетт покачала головой. — Полиция, горожане, они не верят тебе. И не станут помогать.

— Вы ошибаетесь, — запальчиво проговорила Оливия. — Они могут не поверить вам, но поверят Давине. — Оливия указала на меня, ухмыляясь. — Большинство людей, во всяком случае. Даже те, кто говорит гадости за ее спиной, все равно останавливаются, чтобы послушать, когда она бьет тревогу. Они могут не понимать, как Давина делает то, что делает, как знает то, чего не должна знать, но слушают. Они слишком боятся последствий, если не прислушаются к ней. Она оказывалась права слишком много раз.

Бернадетт снова покачала головой.

— Боюсь, неважно, кто из нас прав. Нужно время, чтобы восстановить силы. После того, что только что произошло, — Бернадетт кивнула в сторону стеклянной стены, выходящей на задний двор, — нам с Давиной нужно время, чтобы прийти в себя. Перезарядить наши батарейки.

— Я не устала, — пробурчала я, вытирая столешницу. — Я чувствую... — Я не могла подобрать слово, чтобы описать свои ощущения. Я посмотрела на свои руки. И с удивлением поняла, что могу чувствовать свою кожу. Ощущать ее. Она была заряжена, как будто по ее поверхности проходил электрический ток. Я присмотрелась и увидела, что волоски на моих руках встали дыбом. Взглянула на свои ноги, согнув колени, чтобы подпрыгнуть на месте. Я стала легче. Как будто сбросила двадцать килограммов. Я обернулась к Бернадетт. — Я чувствую себя хорошо. Правда, хорошо. Как будто готова пробежать марафон.

Бернадетт положила свой сэндвич на тарелку, изучая меня.

— Ты должна чувствовать слабость. Даже головокружение. А еще сильный голод.

— Я не устала, голова не кружится и не хочу есть. На самом деле, вот... — Я протянула к ней руку ладонью вверх, ожидая, что она сама примет решение.

После долгого раздумья Бернадетт положила свою руку в мою.

Каким-то образом, инстинктивно, я впустила ее в свою голову, показав, что чувствую. Я наблюдала, как выражение ее лица менялось от скептицизма к недоумению, а затем

медленно переходило к удивлению.

— Очень необычно. Кажется, ты совсем не пострадала. Но как?

— Точно не знаю. Но это то же самое воздействие, которое я использовала, чтобы оттолкнуть его, когда он пытался задушить меня иллюзией. Я просто мысленно представляю себе суперсилу, как в кино, и вуаля.

— Представляешь как ту дверь? — уточнила Оливия. — Которой ты управляешь своими видениями?

— Именно, но здесь это больше похоже на белое облако. Что-то, что я могу вытолкнуть из своего тела в любом направлении.

— Удивительно, — заметила Бернадетт, взяв меня за руку, чтобы увидеть, как зашевелились волоски. — Но ведь экстрасенсорные способности не могут проявляться в физическом мире. Это весьма странно.

— А самое интересное, — улыбаясь, сообщила я Оливии и Бернадетт. — Он недостаточно силен, чтобы пробиться через эту штуку, чем бы она ни была. Эта штука — его криптонит.

Бернадетт отпустила мою руку.

— Можно мне посмотреть? — Оливия протянула руку, подпрыгивая на месте.

Я взяла ее за ладонь, пытаюсь открыть свой разум, чтобы показать, но ментальные ворота не открывались.

— Нет, наверное, нет. Извини.

— Потому что она не экстрасенс, — проворчала Бернадетт, проходя через комнату. — Мне нужно провести небольшое исследование. Посмотрим, смогу ли я найти информацию об этом.

— Исследуй, сколько хочешь, но делай это побыстрее, — посоветовала я Бернадетт, выбрасывая брошенный ею бутерброд в мусорное ведро. — Я твердо решила найти Тауни. Мне нужна твоя помощь, но если понадобится, я пойду в следующее видение одна.

Бернадетт, сидевшая за своим столом в дальнем конце комнаты, махнула рукой через плечо, показывая, что услышала меня.

Когда я потянулась за ветчиной, собираясь ее убрать, Оливия схватила упаковку.

— Это очень вкусная ветчина.

Я покачала головой, убирая майонез в холодильник.

— Как думаете, почему Давина может так быстро перезаряжаться, а вы нет? — обратилась Оливия к Бернадетт через всю комнату.

— Возможно, потому, что она не отягощена наследием прошлых поколений экстрасенсов, — ответила Бернадетт. — В чатах в Интернете ходят теории, что экстрасенсорная энергия — это все на уровне сознания. Что мы проявляем чувство усталости, когда на самом деле энергия безгранична.

— Стоп, что? Вы запутали меня, — перебила я, посмотрев на них.

— Она имеет в виду, что ты не знаешь, что должна уставать, и поэтому не устаешь, — объяснила Оливия. — Я ходила на курсы мотивации, где рассказывалось об исследовании, согласно которому успешные люди часто не испытывают умственной и физической усталости в той же степени, что неуспешные. Они уверены в том, что могут работать невероятно долго и не чувствовать усталости. В то время как обычные люди видят, что их родители приходят домой в пять часов измученными и уставшими, и когда они вырастают, то подражают им в этом. Даже если они не устали, все равно думают, что совсем без сил.

— Хорошо сказано, девочка. А теперь помолчи, — фыркнула Бернадетт. — Я тут пытаюсь работать.

— Неужели существуют онлайн-чаты для экстрасенсов? — шепотом спросила я Оливию.

Подруга пожала плечами, затем усмехнулась и подошла к столу Бернадетт, встав позади нее.

— Ваш ник — Берни 2.0? — Оливия хихикнула за спиной Бернадетт. — Берни... Мне нравится. Думаю, с этого момента я буду называть вас так.

— Осторожно, девочка, — предупредила Бернадетт. — Ты переходишь границы, которых даже не видишь.

Оливия подмигнула мне, а затем продолжила наблюдать за Бернадетт через плечо.

Я закончила уборку на кухне, пока Бернадетт щелкала на своем ноутбуке в другом конце комнаты. Оливии в конце концов надоело шпионить, и она перебралась на диван, где принялась читать «Вестник», пока не задремала.

Меня все еще переполняла энергия, поэтому я отыскала веник и подмела полы. Затем взяла швабру и перемыла их. Прополоскав и убрав швабру, я осмотрелась в поисках другого занятия. Не сказать, что в доме Бернадетты грязно, но занятость всегда успокаивала мои нервы и приводила мысли в порядок. На фоне безумия отца, отравления бабушкой, чуть не утонувшей лучшей подруги и напряженной ситуации с пропавшим подростком, которого удерживает какой-то маньяк-экстрасенс, я постепенно сходила с ума.

Я решила заняться уборкой второго этажа. Обшарив все вокруг, я нашла пылесос и начала уборку в спальне Бернадетт. К тому времени, как я добралась до другого конца второго этажа, запас моей энергии начал иссякать.

Открыв последнюю спальню, я поразились тому, насколько прекрасна эта комната. Угловое помещение с двумя стеклянными стенами. Две другие стены украшал темно-зеленый орнамент из плюща с крошечными фиолетовыми цветочками. Покрывало на кровати и акцентные подушки были выдержаны в том же темно-фиолетовом цвете и выделялись на фоне глубокого красного дерева рамы кровати и подходящей мебели.

— Тебе нравится? — спросила Бернадетт у меня за спиной.

Я вздрогнула, не ожидая, что кто-то подкрадется незаметно.

— Очень нравится. Это мамина комната?

— Нет, дитя. Но она ее обставляла. — Бернадетт подошла ко мне, оглядываясь по сторонам. — Эмбер сделала ее для тебя.

Сбитая с толку, я повернулась лицом к Бернадетт.

— Почему? Когда?

— Примерно за месяц до смерти, — отозвалась Бернадетт, подойдя к одной из стеклянных стен. — Она ничего не объяснила. Вообще ничего. Только сказала, что когда-нибудь это место станет твоим, и она хотела, чтобы ты чувствовала себя как дома.

Обойдя комнату, я осознала, что невольно потянулась к кулону с лунным камнем, которого больше нет. С легким вздохом я опустила руку и заглянула в ванную комнату, а затем обошла спальню по кругу. Стеклянные двери в белом обрамлении выходили на террасу. Сразу за дверью стояли два огромных горшка с растениями, увитые плющом, который каскадом стелился по бетону.

Я снова посмотрела на двери и резко вдохнула, осознав, что серебряные ручки, рама дверей, прозрачное стекло — все это совпадает с моими воображаемыми дверями.

— Я здесь уже была?

— Нет, — ответила Бернадетт, наклонив голову и посмотрев на меня сбоку. — Как раз это мне и показалось интересным, когда ты выбрала французские двери в качестве механизма перехода к видениям и обратно.

— Но как? Откуда я знала?

Бернадетт пожала плечами.

— Разве это имеет значение?

Полагаю, что с точки зрения общего положения вещей, это и правда неважно. Но очень

любопытно.

Оливия вошла в комнату, оглядываясь по сторонам. Она заглянула в ванную, но затем перешла к дверям на террасу. Открыла их настежь, и в комнату ворвался свежий ветерок, подняв многолетнюю пыль.

Оливия чихнула, затем подпрыгнула, махая руками.

— Ой, ой, ой. Больно. Мой нос. Больно.

— Тебе нужно снова приложить лед, — посоветовала я, выходя из комнаты. — Уменьшить отек.

Они последовали за мной вниз. Завернув немного льда в полотенце для Оливии, я снова посмотрела на Бернадетт.

— Нашла что-нибудь полезное в Интернете?

— Пока нет. Но мои друзья попытаются поискать.

— Берни... — поддразнила Оливия, прижимая лед к носу. — У вас есть друзья? Я так горжусь вами.

Бернадетт посмотрела на меня.

— Объясни мне, зачем ты таскаешь с собой эту девчонку. Насколько я могу судить, она бесполезна.

— Она далеко не бесполезна. И она весьма изобретательна, когда к чему-то стремится. Она умная, веселая и общительная.

— О, а еще я верная, решительная и стойкая, — добавила Оливия. — На прошлой неделе я прошла тест на определение своих сильных сторон. К сожалению, результаты показали, что я должна быть юристом. Но я думаю, что одного юриста в семье вполне достаточно, правда? Кроме того, не уверена, что хочу возвращаться в университет еще на три года.

Бернадетт покачала головой, недоумевая по поводу Оливии. Затем она указала на обеденный стол.

— Ты посмотрела «Леджер»? Нашла что-нибудь об экстрасенсорной энергии?

Я бросила взгляд на стол, где оставила книгу.

— Экстрасенсорная энергия?

— А как еще ее можно назвать? Большой белый свет? — с сарказмом проговорила Бернадетт, пересекая комнату и пододвигая к себе книгу. — Каждое поколение записывает важные события и открытия, связанные с экстрасенсорным миром. Рождения. Смерти. Способности. Все это описывается для следующего поколения.

Бернадетт открыла книгу на одной из страниц, расположенных на передней стороне. На левом и правом листе тянулось нарисованное от руки семейное древо, которое я видела сегодня утром. На каждой волнистой линии были указаны имя и дата, образующие ветви.

— Круто, — восхитилась я, изучая страницу и перекладывая книгу в пространство между нами.

В левом нижнем углу страницы я обнаружила ветку с аккуратно напечатанным именем Бернадетт Куэйд. Под ее именем стояли еще три имени. Я с любопытством наклонилась ближе. Всегда считала, что моя мать была единственным ребенком.

Первое имя принадлежало мальчику, который, согласно записи, умер при родах. Рядом с его именем значилась Перл Куэйд, а рядом с ее именем — моя мать, Эмбер Куэйд.

Под именем Перл шла маленькая строчка с пометкой: умерла при родах. Мне стало грустно, но в то же время я растерялась. Перл тоже умерла при родах? Или когда рожала сама? Или и она, и ее ребенок умерли во время родов? Хотя Бернадетт стояла рядом со мной,

я не решалась спросить об этом в присутствии Оливии. Реакция Бернадетт меня беспокоила. Я попыталась поставить себя на ее место: родить троих детей и пережить их всех. Впервые я поняла, почему Бернадетт такая раздражительная и отстраненная. За эти годы она пережила много потерь.

Я перешла к строчкам под именем матери и нашла свое имя плюс имя Райны. Рядом с нашими именами в скобках стояли инициалы. У Райны — Ф. Р., а у меня — Л. Д. Под нашими именами значились даты наших рождений. После этого записей больше не было.

Я рассмотрела другие имена на дереве. Примерно у половины из них в скобках рядом с именами стояли инициалы, но я не понимала, что они означают. Не увидев больше ничего интересного, я пролистала еще несколько страниц книги.

— Я пойду осмотрюсь, — сообщила Оливия и направилась к террасе.

— Шнырять в чужом доме — это невежливо, девочка, — скривилась Бернадетт.

— Как и игнорировать гостей, — с легким хихиканьем ответила Оливия, спускаясь по лестнице во двор.

Когда Оливия ушла, я посмотрела на Бернадетт. Я ожидала разъяренного взгляда, но вместо этого она лишь слегка усмехнулась, глядя в ту сторону, где скрылась Оливия.

— Она тебе нравится, — улыбнулась я. — Тебе нравится Оливия.

— Ни капельки, — заявила Бернадетт, отодвигая длинную скамейку, чтобы сесть рядом со мной. — Но в ней есть что-то такое, что напоминает мне твою мать. Беззаботная. Бесстрашная. — Она посмотрела прямо на меня. — Но твоя мать не была такой несносно болтливой.

Я рассмеялась, перелистывая страницы семейного дерева.

— Перл Куэйд, твоя дочь. Она тоже умерла при родах или когда сама рожала? Я не могу понять, что это значит.

— Перл и ее безымянный сын умерли во время родов, — ответила Бернадетт, глядя в сторону. — Перл уехала на следующий день после окончания школы. Мы поссорились. Через полгода я получила известие о ее смерти. Я не знала, что она была беременна, когда уезжала из города.

— Ничего себе, — протянула я, положив свою руку на ее ладонь. — Мне очень жаль.

— Не стоит. Это случилось тридцать лет назад.

— Ты выяснила, кто был отцом ее ребенка?

— Нет, но я и не пыталась узнать. Твоя мать, наверное, знала, но я никогда не спрашивала. Эмбер и Перл не были близки, но Перл всего на год старше, так что они общались с одними и теми же людьми.

Я уставилась на семейное дерево, пораженная уровнем истории, изложенной на двух небольших страницах.

— Что означают эти буквы после имен? Они есть примерно в половине записей.

— Просто больше истории, дитя. Но если ты хочешь спасти Тауни, у нас есть более важные вещи, на которых стоит сосредоточиться. — Бернадетт перелистнула книгу на другой раздел и вытянула ее перед собой. — Думаю, мы должны попытаться связаться с Тауни еще раз сегодня вечером. После наступления темноты. Если тебе нужно что-то успеть сделать до этого, делай сейчас.

— Если я задержусь допоздна, мне нужно проведать Фрэнсиса. Принести ему ужин.

— Я думала о нем — о твоём отце. Ты можешь объяснить его поведение? Он застрял в своей голове? — спросила Бернадетт.

— Как в видении?

— Да.

Я покачала головой.

— Нет. Он настороже. Всегда наблюдает. Следит за мной, за соседями, за каждым, кто приближается к дому. Он достаточно осознает свое окружение, чтобы красть оружие и бродить по дому по ночам. — Я провела рукой по волосам, размышляя о поведении Фрэнсиса. — Самое странное, что он всегда знает, когда кто-то ступает на территорию дома. Как будто по периметру стоит невидимый забор.

Бернадетт положила ладони на стол привставая.

— Мне нужно его увидеть. Изучить поведение, чтобы понять.

— Это небезопасно. Особенно сейчас. Он возбужден как никогда.

— Мне не нужно подходить близко, дитя. Просто нужно понаблюдать за его действиями. Увидеть своими глазами, как он реагирует.

Я вздохнула, повернувшись лицом к Бернадетт.

— Ты правда не знала? Не знала, что он стал... монстром.

— Нет, я не знала. Я конечно всякая, но не оставила бы тебя с ним, если бы была в курсе.

Оливия поднималась по ступенькам, неся коробку с вещами Тауни.

— Я подумала, что мне, не экстрасенсу, будет безопаснее собрать все это. — Она перевесила коробку на бедро. — Вам еще нужны эти вещи? Если нет, я верну все Далтонам.

Бернадетт подошла к стенной панели, открывающей доступ к обманной части дома.

— Если ты избавишься от куклы Барби, а затем достанешь еще несколько вещей Тауни, то сможешь оказаться нам полезной. — Открыв панель, она прошла внутрь.

Оливия последовала за Бернадетт, а я — за Оливией.

Когда мы проходили через подставные комнаты к входной двери, я шепнула Оливии:

— Наверное, нам пора уходить?

— Она не из деликатных, это точно, — хихикнула Оливия.

— Почему ты едешь на машине своей матери? — спросила Бернадетт с крыльца.

— «Хонда» Фрэнсиса осталась здесь, — ответила я, когда мы с Оливией прошли мимо Бернадетт на крыльцо, чтобы спуститься по ступенькам. — А Оливия утопила свой кабриолет в озере. Нам нужен был транспорт.

Бернадетт недоуменно подняла бровь, но затем направилась к сараю.

— Ты должна взять грузовик, — бросила она через плечо.

— Какой грузовик? — спросила Оливия, ставя коробку рядом с «Хондой» и следуя за Бернадетт.

— Я купила Давине грузовик на ее шестнадцатилетие.

— Это было более десяти лет назад, — воскликнула я, следуя за ними.

— Я в курсе. Но так и не смогла заставить себя его отдать. — Бернадетт остановилась, когда дошла до боковой двери в сарай. Она оглянулась на меня. — Я не забывала о твоём существовании, но понимала, что причиняю тебе боль, вычеркивая себя из твоей жизни. Слишком тяжело было видеть тебя. Ты похожа на нее. На свою мать.

— Это не оправдание, — заявила ей Оливия.

— Нет, но это моя причина, — огрызнулась Бернадетт. — Но прошлое есть прошлое, я не могу его изменить. Давина сама решит, простить меня или возненавидеть навсегда. Независимо от выбора, сейчас она может забрать свой подарок на день рождения. —

Бернадетт вошла через боковую дверь, включив свет.

Мы последовали за ней внутрь. Сарай был таким, каким я его помнила, — аккуратным и опрятным, похожим на коммерческое здание. Стены и потолки обшиты белым металлическим листом, через каждые восемь-десять футов до задней стенки здания тянутся люминесцентные лампы. Внутри сарая стояли четыре машины, и оставалось еще много места.

Бернадетт указала на другой конец помещения.

— С запоздалым днем рождения. Ключи над козырьком.

— Ты шутишь, да? — спросила я, спотыкаясь. В дальнем конце гаража стоял темно-серебристый четырехдверный «Форд» F-150. Несмотря на то, что машине уже больше десяти лет, она все еще блестела как новенькая.

— Выводи грузовик, — велела Бернадетт, нажимая на кнопку верхней двери. — Я припаркую «Мустанг» твоей матери на его место.

Оливия достала из кармана ключи от «Мустанга» и передала их Бернадетт, после чего подбежала к грузовику.

— Вот это зверь. У него даже шины новые.

Я подошла к машине и открыла водительскую дверь, в то время как Оливия запрыгнула с пассажирской стороны. Переднее сиденье представляло собой длинный диван, на котором могли бы разместиться три человека. Но я откинула центральную часть, которая превратилась в подлокотник.

Заглянула на заднее сиденье. Там как раз хватало места для моих чистящих средств. Я улыбнулась Оливии, которая осматривала стереосистему и кондиционер. Техника устарела, но мне не нужно ничего сверхъестественного.

Я нашла ключи и завела двигатель. Он заурчал.

— Главное, не говори Бернадетт, как мне понравился этот грузовик.

Когда я выехала из гаража на солнечный свет, мы обе подняли глаза к потолку, заметив люк в крыше.

— Я немного завидую, — призналась Оливия, обыскивая бардачок и открывая отсек, встроенный в крышу между козырьками. — Раньше я никогда не задумывалась о покупке грузовика, но у этой штуки есть яйца.

— У моего грузовика есть яйца? — удивленно спросила я, ставя машину на стоянку позади «Хонды».

Оливия поджала губы.

— Ладно, может, и не яйца. Но эта штука крепкая. Такая мужская. Чувствуется, насколько она крута. — Она улыбнулась мне. — Мне нравится.

— Полагаю, что двигатель бензиновый, но меня это не волнует, — проговорила я. — Лучший подарок на день рождения. Даже лучше электрошокера, который мне подарил Брейдон.

— Я обязательно сообщу Брейдону, что он уступил первое место Бернадетт. — Оливия наклонилась, чтобы посмотреть на приборную панель. — Я не вижу. Какой у нее пробег?

Я посмотрела вниз.

— Чуть больше двух тысяч.

— Черт. Она, должно быть, купила его прямо с завода. Не могу поверить, что она так и не отдала тебе машину.

Я оглянулась, чтобы убедиться, что Бернадетт еще не вернулась.

— Я даже рад, что она подождала. Если бы у нас тогда был грузовик, мы бы его, наверное, разбили. Помнишь «Лексус» твоей мамы?

— О, да, я и забыла об этом, — хихикнула Оливия. — Она так и не смогла установить, что это были мы. То есть, она не дура, и знает, но доказать не может.

Оливия открыла свою дверь, спрыгнув на землю.

— Я отгоню «Хонду» к твоему дому.

— Подожди, — попросила я, заглушив грузовик, прежде чем выйти из него. — Помоги мне перенести мой уборочный инвентарь в грузовик, а потом можешь оставить «Хонду» себе, пока не решишь, что делать с кабриолетом. Но предупреждаю: кондиционер не работает.

— На самом деле мне это даже на руку, — заявила Оливия, открывая «Хонду» и передавая мне ведро с чистящими средствами. — Брейдон будет волноваться, что я оставила мальчиков в машине без кондиционера. Он быстрее согласится на покупку новой машины. Это если кабриолет не удастся починить.

— Мы обе знаем, что кабриолет уже не спасти.

Оливия рассмеялась, затаскивая пылесос на заднее сиденье грузовика.

Я пересела на переднее пассажирское сиденье «Хонды», взяла сумочку и солнцезащитные очки.

— Нечестно, — запротестовала Оливия, увидев мою сумочку. — Моя сумочка где-то на дне озера.

— Думаешь, это имеет значение? — спросила я. — Вряд ли у тебя еще долго сохранятся права. Сколько баллов ты уже набрала?

— Не так уж много. Брейдон оспаривает их в суде, а Айзек обычно не появляется для дачи показаний.

— Это жульничество.

Оливия хихикнула, забирая последние вещи из «Хонды».

— Знаю. Но у меня такое чувство, что детектив Стоун появится в суде. Нам нужно разработать какой-то план, чтобы он пропустил слушание.

— Ох, блин, — покачивая головой, протянула я.

— Эй, — обратилась Оливия, протягивая старую папку с документами. — Что это такое?

— Черт. Я и забыла, что там что-то есть. Это бумаги, которые я нашла спрятанными в мамином шкафу. У меня еще не было сил разбираться с ними.

— У тебя нет сил или ты не решила, хочешь ли вообще смотреть? — спросила Оливия.

— Может, и то, и другое? — ответила я, пожав плечами.

— Я понимаю. На этой неделе тебе пришлось столкнуться со множеством плохих воспоминаний. Хочешь, я просмотрю содержимое и хотя бы отсортирую его для тебя? Может быть, здесь есть что-то важное?

— Ты сделаешь это? — с надеждой спросила я.

— Конечно, без проблем, — ответила Оливия и бросила папку на пол со стороны пассажира, где она ее и нашла.

Мы с Оливией закончили перекладывать остальные вещи в грузовик, затем поменялись ключами. Рядом с нами остановилась Бернадетт на своей «Нове».

— Следуйте за мной. Я покажу короткую дорогу.

Я забралась в свой новый грузовик, а Оливия — в «Хонду». Двигаясь за Бернадетт, мы

объехали сарай и свернули на скрытую дорожку. Она оказалась съездом, который вел к Пайпер-роуд. Мало того, что дорога асфальтирована, так еще и без выбоин.

Я закатила глаза, но замерла, когда снова увидела люк в крыше. Довольно улыбнулась, включила кондиционер и стереосистему, а затем поспешила за Бернадетт к своему дому.

Одна за другой мы припарковались на обочине перед моим домом. Фрэнсис уже выбежал на крыльцо. Руки сжаты в кулаки. Мышцы напряжены.

— Не подходи, — крикнул Ноа, спустившись с крыльца дома миссис Полсон и подойдя ко мне на тротуар. — Пробовал проверить его раньше, но он набросился на меня, как только я переступил порог кухни.

— Мне следовало дать ему еще одну таблетку заранее, но ужасно тяжело видеть его в подавленном состоянии.

— Уныние и слюни — это гораздо лучше, чем нынешнее поведение, — заметила Оливия, наблюдая за шагами Фрэнсиса. — Я никогда не видела его таким страшным. Как думаешь, что его беспокоит?

— Я знаю об этом ровно столько, сколько и ты, — отозвалась я.

— В этом нет никакого смысла, — проворчала Бернадетт с расстояния в несколько футов. — Твой отец не экстрасенс. И никогда им не был. Но он ведет себя так, как будто реагирует на иллюзию.

— Иллюзия? Но разве это не просто внушение? — удивилась я. — В лучшем случае, мысленный образ?

Бернадетт долго размышляла, прежде чем ответить.

— Теоретически возможно управлять кем-то — по крайней мере, согласно «Леджеру Куэйдов». Но даже если бы это удалось, «Леджер» говорит, что человек, насылающий иллюзию, должен быть родственником-экстрасенсем.

— Теоретически? — Я подняла бровь. — Ты говоришь не слишком уверенно. Так можно это сделать или нет?

Бернадетт вздохнула.

— Я не знаю, как это сделать. Я пыталась много лет назад, как и твоя мать. Но мы не смогли овладеть этой способностью. Мы только научились посылать друг другу мысленные образы. Но, как ты сказала, это всего лишь внушение. Ничего такого мощного, как здесь.

— Может быть, ответ есть в «Леджере»? — спросила я.

— Я прочла книгу от корки до корки несколько раз, но кое-что в ней неразборчиво. — Бернадетт оглядела всех, кто слушал. — Поговорим позже. Мы не должны обсуждать книгу здесь. Это небезопасно. Многие люди могут заинтересоваться «Леджером». Лучше держать знание о нем при себе.

— Вы сказали, что это должен быть кровный родственник, — подчеркнула Оливия. — Значит, если за этим стоит человек, то он родственник Фрэнсиса?

— Да. Но опять же, это бессмысленно, — с досадой ответила Бернадетт.

— Однажды я встретила сестру Фрэнсиса, — призналась я. — Она зашла ко мне с неожиданным визитом. И сразу выскочила за дверь, как только поняла, что Фрэнсис сошел с ума. Она живет в Аризоне. Насколько знаю, она его единственная родственница, кроме меня.

— Тогда кто это мог сделать? — спросила Оливия.

Бернадетт сделала полшага вперед, но осталась на тротуаре. С крыльца на нее оскалил зубы Фрэнсис. Бернадетт наклонила голову в сторону, изучая его реакцию.

— Он когда-нибудь возвращается к нормальной жизни? Или хотя бы успокаивается?

— Он спокоен только тогда, когда к нему приезжает Ланс Додд, его лучший школьный друг, — ответила я.

— А он ведет себя нормально, если рядом этот Ланс Додд? Помнит о том, кто он такой? — уточнила Бернадетт.

— Он двигается и говорит нормально, но возвращается в то время, когда мама еще не умерла.

— Есть ли вероятность, что твой отец и этот Ланс — родственники? Кровное родство, — спросила Бернадетт.

— Нет, насколько я знаю, но я могу позвонить и спросить Ланса.

— Да, сделай это. Надо проверить, — велела Бернадетт, не отрывая взгляда от Фрэнсиса. Она пошла в сторону подъездной дорожки, но оставалась на тротуаре.

Я посмотрела на Ноа, сморщив нос.

— Что я скажу? Как правильно спросить человека, спала ли его мать с другими мужчинами?

Ноа усмехнулся, доставая телефон.

— Я позвоню. Ланс от души посмеется. Все в порядке. — Он нажал несколько кнопок, затем поднес телефон к уху. — Кроме того, я хочу попросить Ланса приехать, чтобы мы могли держать его под контролем. — Ноа кивнул в сторону Фрэнсиса.

Я оглянулась на Фрэнсиса. Он перешел на другой конец крыльца, ближе к подъездной дорожке. Взгляд застыл на Бернадетт, следя за каждым ее движением. Он сделал шаг вперед.

Мы с Ноа задохнулись. Фрэнсис только что пересек невидимую черту, которая сдерживала его все эти годы.

— Что-то не так, — предупредила я Бернадетт.

— В каком смысле? — спросила Бернадетт, наблюдая за Фрэнсисом.

— Он не может... — Я начала говорить, когда Фрэнсис спустился по ступенькам крыльца.

Мы с Ноа побежали к Фрэнсису, но не успели. Он бросился на Бернадетт, которая отступала подальше.

— Оливия, нет! — закричал Ноа, когда Оливия налетела на Фрэнсиса, ударив его в бок чуть выше бедра. Она обхватила его руками, пытаясь затормозить своим весом, пока он тащил ее за собой по тротуару.

Фрэнсис поднял сжатую в кулак руку, готовясь нанести удар Оливии, когда я врезалась в его спину. Через полсекунды Ноа навалился на нас, повалив всех четверых.

— Я держу его за ноги, — крикнула Оливия, перекатываясь по ногам Фрэнсиса.

Я лежала поперек нижней части спины Фрэнсиса, а Ноа — сверху. Я боролась с одной из рук Фрэнсиса, пытаясь прижать ее к себе.

— Держите его! — крикнула Бернадетт.

— Ага! Какого черта, по-вашему, мы делаем? — заорал в ответ Ноа, с трудом удерживая верхнюю часть тела Фрэнсиса. Ноа посмотрел на меня. — Чем ты его кормишь? Черт, какой он сильный.

Я не успела ответить. Фрэнсис резко дернул локтем назад, ударив меня по скуле. Прежде чем я смогла снова схватить его за руку, Бернадетт сцепила пальцы вокруг его запястья. Она сидела на асфальте, держа его за запястье и закрыв глаза.

Я не решилась войти с ней в видение. Фрэнсис корчился под нами. Если он освободится, то непременно кого-нибудь покалечит.

— Берни, дорогуша, — прохрипела Оливия. — Вам нужно поторопиться!

— Заткнись, девочка, — огрызнулась Бернадетт. — Я концентрируюсь!

Прибежали парни Дональдсона из дома напротив. Один опустился на ноги Фрэнсиса рядом с Оливией. Другой пристроил свой вес сверху.

Вдалеке послышался вой сирен, он становился все громче и громче, но, казалось, длился целую вечность. Я надеялась, что одна из сирен — это дежурная скорая помощь.

Я услышала, чьи-то шаги по асфальту, и оглянулась.

Над нами склонился Ланс Додд и смотрел на Фрэнсиса.

— Привет, приятель. Как ты сегодня?

Тело Фрэнсиса замерло. Я не видела лица, но почувствовала, как под нами расслабились его мышцы.

— Привет, Ланс, — спокойно ответил Фрэнсис. — Как Линетт?

Я кивнула Дональдсонам, и они слезли с Фрэнсиса первыми. Когда Фрэнсис расслабился, я поднялась и перешагнула через него. Помогла подняться с земли Бернадетт, а также Ноа и Оливии.

Ланс протянул руку, чтобы помочь Фрэнсису встать, и направил его к дому. Я смотрела, как они поднимаются по ступенькам и входят в дом.

Когда входная дверь закрылась, я почувствовала, как душевное и физическое истощение ударило меня прямо в грудь. Мои колени подкосились. Я села на землю и разрыдалась.

Не помню точно, сколько времени я просидела, плача посреди улицы, прежде чем Ноа отвел меня на крыльцо своего дома.

— Мисс Рейвен, — наклонился ко мне детектив Стоун с блокнотом в руках, желая заглянуть в глаза. — Мне нужно взять у вас показания.

— Зачем? — спросила я, оглядываясь по сторонам и видя, что у наших с миссис Полсон домов собралось около двух десятков человек.

Я заметила Диану, социального работника Фрэнсиса, в нескольких футах от меня. Она встретила со мной взглядом, пристально посмотрела на затылок детектива Стоуна, затем слегка покачала головой.

Я снова перевела взгляд на Стоуна.

— Что вы хотите?

— Мне нужно ваше заявление о том, что произошло.

— Ничего не было.

Стоун вздохнул.

— Мы оба знаем, что это неправда.

Я посмотрела на Оливию справа от меня, затем на Ноа слева.

— Что сказали все остальные?

— Ничего, — ответила Оливия.

— Ни черта они ему не сказали, — фыркнул Ноа. — Это семейное дело. Его не касается.

— Это моя работа, — твердо проговорил Стоун. — Когда я считаю, что поведение мистера Рейвена может представлять опасность для окружающих, меня это касается.

— Я — ведущий парамедик на месте происшествия, — заявила Бритт с другой стороны от Ноа. Она скрестила руки на груди, отведя плечи назад. — Как уже говорила, мистеру Рейвену дали успокоительное. Он никому не угрожает.

— А когда действие лекарства закончится? — Стоун, пристально посмотрел на нее. — Что тогда?

— Мы дадим ему еще, — уверенно заявил Ноа. — Давина забрала в аптеке лекарство для Фрэнсиса. Я составлю с ней график приема, пока его не переведут в больницу.

— Уже в следующую пятницу, — сообщила Диана, выходя вперед. — У меня с собой формы, которые Давина должна подписать. И я уже заказала транспорт для мистера Рейвена.

— За неделю может многое произойти, — проворчал Стоун, оглядываясь на меня. — Вы готовы рискнуть? Он может кому-нибудь навредить.

— Он жесток только со мной, — возразила я.

Несколько глаз посмотрели в мою сторону.

— И, видимо, с моей бабушкой, — добавила я, махнув рукой в сторону Бернадетт.

— Ты не можешь винить Фрэнсиса, — подтолкнула меня в плечо Оливия. — Уверена, многие люди испытывают неприязнь к Берни.

— Осторожнее, девочка, — предупредила Бернадетт.

Я проигнорировала их и посмотрела на Стоуна.

— Как Ноа вам уже сказал, это семейное дело.

— Боюсь, что этого недостаточно, — не сдавался Стоун.

— Детектив, — обратилась Диана, привлекая его внимание к себе. — Больничное психиатрическое отделение — не лучшее место для мистера Рейвена. Больничные палаты отлично подходят для острых кризисных ситуаций — тяжелой депрессии или травмы, — но у них нет персонала, чтобы справиться с Фрэнсисом в таком состоянии. Его пристегнут ремнями. Следующие три дня он проведет в смиренной рубашке, после чего его отправят через весь штат на ближайшую свободную койку. У нас могут уйти месяцы на то, чтобы перевести его обратно в этот район, в то учреждение, которое выбрала Давина.

— Я все понимаю, но если он представляет опасность для себя или окружающих..., — начал возражать Стоун.

— О, просто заткнитесь! — заорала я. Как только слова прозвучали, я прикрыла рот рукой, шокированная тем, что вообще сказала их, тем более повысив голос.

— Bravo, — хихикнула Оливия.

— Детектив, — по-матерински строго заговорила миссис Полсон.

Я обернулась, и увидела, что она сидит в своем кресле-качалке на крыльце.

— Если вы не можете смириться с решением Давины, то вам пора уходить, — прямо заявила миссис Полсон, глядя на Стоуна. — Здесь все в порядке, как вы убедились. И вы уже видели, что Фрэнсис крепко спит в своей постели. Прежде чем вы наделаете больше вреда, чем пользы, я настоятельно прошу вас прекратить приставать к моим гостям.

— Я расследую преступление, мне нужно...

— Не было никакого преступления, — перебил его Ноа. — Мы играли в футбол и увлеклись.

Все вокруг, даже люди на тротуаре, закивали в знак согласия.

Стоун огляделся по сторонам, испытывая все большее разочарование.

Айзек, который молча стоял позади и слушал, посмотрел вниз на траву. Его плечи затряслись, и он тихо засмеялся.

— Это не смешно, — недовольно буркнул Стоун, возвращаясь к своему полицейскому внедорожнику.

Айзек подошел и остановился передо мной.

— Предупреждаю. Кто-то позвонил шефу Адамсу по поводу дела Тауни. Он прервал свою рыбалку. Вернется завтра.

— Отлично, — вздохнула я. — Как раз то, что нам нужно. Когда он услышит о Фрэнсисе, первым делом прискачет к моему дому.

— Все будет хорошо, — пообещал Ноа. — Мы составим расписание, чтобы Фрэнсис не приходил в себя до тех пор, пока не состоится его перевод.

Я кивнула, снова оглядываясь по сторонам.

— Куда делась Бернадетт? Мне нужно с ней поговорить. Она была здесь всего минуту назад.

— Я видела, как она шла к твоему дому, — ответила Оливия. — Хочешь, схожу за ней?

Я покачала головой, вставая.

— Я все равно хочу проверить Фрэнсиса. — И посмотрела на Диану. — Тебе нужно, чтобы я что-то подписала?

Диана достала из сумки стопку бумаг.

— Нужно подписать документы о предварительном приеме. — Она пролистала документы, и я поставила необходимые подписи. В основном это были бумаги об

ответственности, остальные касались страховки или выставления счетов. Диана предупредила меня, что страховка может покрыть не все расходы.

— Я разберусь, — ответила ей. — Как всегда.

Пройдя через двор к крыльцу, я вошла в дом. Следуя по коридору, я услышала, как Ланс и Бернадетт спорят.

— Все было не так, — жестко прошептал Ланс. — Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Она заслуживает правды, — огрызнулась Бернадетт понизив голос.

— Кто заслуживает правды? Я? — спросила их, входя в комнату. — Какой правды?

Ланс отошел от Бернадетт, проведя рукой по волосам. Он снова повернулся к Бернадетт, ткнув в нее пальцем.

— Оставь это. Ради Эмбер, оставь это. — Он боком проследовал в дверной проем спальни, не сводя с меня глаз.

— Я никогда не видела Ланса сердитым, — сообщила я Бернадетт. — Что ты ему сказала?

Бернадетт отвернулась, глядя назад на кровать.

— Ничего. Просто возникли разногласия по поводу твоего отца. Не о чем беспокоиться.

— Бернадетт, я не люблю секреты.

— Никто не любит, но каждый имеет право на свою долю. Что касается твоего отца...

— Она поджала губы. — Боюсь, у меня нет хороших новостей.

— Ты смогла проникнуть в его голову?

— Нет. Но он определенно находится под чьим-то контролем. Проблема в том, что, поскольку Фрэнсис не экстрасенс, он в принципе не должен быть восприимчив. Обмениваться иллюзиями могут только экстрасенсы, находящиеся в кровном родстве. И даже тогда это не так просто. Нужна большая концентрация. И обычно необходимо, чтобы в момент осуществления контроля человек находился рядом с объектом.

— Но не всегда? — спросила я.

— Это требует большого мастерства, но нет, я полагаю, не всегда. — Бернадетт вздохнула и, подойдя к кровати, коснулась плеча Фрэнсиса. — Он в ловушке, дитя. Заперт внутри и не может противостоять тому, кто за этим стоит.

— Это он? Человек, который забрал Тауни? Это он причиняет боль Фрэнсису?

— Не думаю. Тут все как-то иначе. Так же темно, но я не знаю, как будто по-другому.

— Фрэнсиса переведут в лечебницу на следующей неделе. Может, мне стоит отложить переезд. Вдруг, мы найдем способ ему помочь.

Бернадетт повернулась ко мне с грустным выражением лица.

— Даже если мы вернем его обратно, он все равно сильно травмирован. Прошло слишком много времени, дитя.

— Значит, надежды нет? Никакой?

— Не знаю. Может быть. Но есть шанс, хоть и небольшой, что если отослать Фрэнсиса, то тот, кто стоит за этим вторжением, остановится.

— Почему ты так думаешь?

— Это всего лишь вероятность, но все зависит от намерений того человека. Кто-то хочет его наказать, — Бернадетт кивнула в сторону Фрэнсиса, а затем снова повернулась ко мне, — или тебя.

— А если цель — я, тогда что? Фрэнсиса оставят в покое? Но тогда почему бы не напасть на кого-то другого, кто мне дорог? Залезть к ним в голову?

— Невозможно узнать. Мы имеем дело с множеством неизвестных факторов и теорий.
— Бернадетт подняла голову и посмотрела мимо меня. — Кто там? — спросила она своим отрывистым голосом, проходя мимо меня.

Я последовала за ней в коридор. Она остановилась возле комнаты Райны, пытаясь открыть все еще запертую дверь.

Вытащив из кармана ключи, я открыла оба замка на двери своей спальни. Почувствовав дуновение ветерка, пересекла комнату и потянулась к двери ванной комнаты, чтобы ее открыть. Руки замерли, когда я оглянулась через плечо. Окно моей спальни оказалось открыто.

Дрожь пробежала по позвоночнику, я подошла и закрыла окно, снова заперев его на защелку. Проверила дверь в ванную, но она все еще была заперта. Повернув ручку на разблокировку, я открыла дверь, затем сделала то же самое со второй дверью.

Переступив порог комнаты Райны, я застыла на месте, охваченная паникой. Кто-то был здесь. В комнате Райны.

Я посмотрела на дверь, но стул по-прежнему стоял под дверной ручкой. Бросила взгляд на окно, но оно тоже оказалось закрыто. Я подошла к нему и убедилась, что окно не заперто.

— Нам пора уходить, — заявила Бернадетт из ванной. — Кто бы ни находился здесь, он почувствует наше присутствие.

— Кто это сделал? — спросила я, обводя рукой комнату. Все ящики комода выдвинуты, одежда разбросана. Блокноты, которые лежали в ящиках стола Райны, валялись на полу. Пластиковые контейнеры, стоявшие в шкафу, были вытащены и открыты. Я почувствовала, как по моему телу пробежала дрожь. — Кому понадобилось обыскивать комнату Райны? Тем более сейчас. Ведь прошло уже пятнадцать лет.

Бернадетт схватила меня за локоть.

— Я не знаю, дитя. Но нам здесь небезопасно. Пойдем. — Она потащила меня в ванную.

Я вырвалась из ее рук, чтобы закрыть обе двери в ванной. Вернувшись в свою комнату, я внимательно осмотрелась, но все выглядело так же, как и утром. Я подобрала фотографии, которые нашла в маминой комнате и положила их на стол. Затем взяла в руки шкатулку, открыла крышку и впервые заглянула внутрь. Поверх всего, что там лежало, оказалась фотография мамы, обнимающей меня, когда мы смеялись.

У меня защемило в груди, и я отвела взгляд. Слишком больно думать о ней. Слишком больно вспоминать о ее решении покинуть этот мир. Я сдвинула фотографию, чтобы разглядеть лежащие под ней предметы. Там нашлось несколько старинных украшений и сложенные листы бумаги. Что бы это ни было, оно может подождать. Сейчас я не в том состоянии, чтобы рассматривать. Я закрыла крышку и поставила шкатулку на комод, после чего вышла вслед за Бернадетт в коридор и закрыла за собой дверь.

— Тебе нужно собрать сумку. Остайся у меня, пока ситуация не изменится в лучшую сторону, — предложила Бернадетт.

— Я не могу бросить Фрэнсиса. И не брошу, — отозвалась я, проходя по коридору на кухню. Открыла холодильник, пытаясь придумать, что приготовить на ужин. Ничего не казалось стоящим. А все, что приходило в голову, требовало больших усилий.

В голове всплыл образ коробки с пиццей, но на этот раз я сразу поняла, в чем дело. Я оглянулась через плечо, и сузив глаза посмотрела на Бернадетт.

— Что? — Бернадетт пожала плечами. — Пицца звучит неплохо, верно? Я угощаю.

Я закрыла дверцу холодильника, затем открыла крайний ящик тумбы с меню на вынос.

— Хотела спросить, ты уверена, что я могу оставить себе грузовик? Это дорогой подарок.

— Мы можем себе это позволить, — заявила Бернадетт, направляясь к двери кухни. — Закажи достаточно пиццы для своих друзей в соседнем доме. Я схожу за деньгами.

Я как раз пыталась выбрать между одной большой или двумя средними пиццами, когда появилась Бернадетт и бросила на стойку горсть двадцаток и пятидесятидолларовых купюр.

— Закажи побольше, — велела она. — Я бы не отказалась от остатков на потом. Никак не могу добиться, чтобы кто-нибудь доставил мне еду на дом.

— Может, если бы ты не выходила на улицу с дробовиком, тебе доставляли бы еду. Просто мысль, — проговорила я, доставая телефон и набирая номер, указанный в меню.

Бернадетт бормотала ругательства под нос, выходя на улицу.

Я взглянула на деньги, затем улыбнулась, делая внушительный заказ. Я даже добавила сырные хлебные палочки, которыми не баловала себя уже много лет. Решила, что после той недели, которая у нас выдалась, мы это заслужили.

Повесив трубку, я пересчитала деньги, отложила то, что нужно заплатить курьеру, а остальное отнесла Бернадетт. Чего я никак не ожидала, так это ее слов оставить их себе. Мне даже стало неловко, но я понимала, что с деньгами будет туго, пока не удастся вернуть потерянные заказы на уборку.

Когда я пересекла двор, то увидела Ноа, миссис Полсон, Айзека и Оливию, отдыхающих на заднем крыльце дома миссис Полсон. Я порадовалась, что они перебрались на задний двор, подальше от посторонних глаз. Бернадетт поднялась вслед за мной по ступенькам крыльца, но потом переместилась на дальнюю сторону, подальше от всех.

Миссис Полсон и Оливия болтали о мальчиках Оливии. Айзек и Ноа обсуждали недавнюю спортивную игру, но мне не хотелось прислушиваться, чтобы узнать, о каком виде спорта идет речь. Бернадетт ерзала, чувствуя себя неуютно в такой светской обстановке.

Я улыбнулась, решив поиграть с ней. Представив, что Бернадетт сидит в свободном кресле по другую сторону от миссис Полсон и с удовольствием присоединяется к разговору, я мысленно подтолкнула этот образ к Бернадетт.

Бернадетт вздрогнула, затем сузила глаза.

Я захихикала, сидя на верхней ступеньке. Прошло несколько минут, но в конце концов Бернадетт перебралась ко мне и села на свободное кресло. Она по-прежнему не принимала участия в разговорах, но я видела, как Бернадетт понемногу расслабляется, и к тому времени, когда принесли пиццу, уже начала покачиваться.

Пока я расплачивалась, Ноа прихватил из кухни бумажные тарелки и салфетки, а Оливия поставила коробки с пиццей на два пластиковых столика. Бернадетт внимательно следила за коробками с пиццей, проверяя, что в каждой из них находится. Я догадалась, что она ищет, и достала коробку среднего размера из самого низа стопки, передав ей.

Бернадетт вытащила кусок пиццы, усыпанный анчоусами. Я отвернулась, не желая смотреть, как она ест.

— Что дальше? — спросила Оливия, складывая кусок пиццы и откусывая кончик.

— Найти Тауни, — ответила я, потянувшись за куском пиццы с пепперони. — У нас мало времени.

— Согласна, — одобрила Бернадетт, вытирая рот салфеткой. — Но нам нужно дождаться темноты.

— Почему после наступления темноты? Почему бы не попробовать сейчас? — спросила

я.

— Днем он оказался готов к моему появлению, — ответила Бернадетт. — Как будто он меня ждал. Надеюсь, он работает по ночам. Может быть, нам удастся его подловить, пока он отвлекается на что-то другое.

— Судя по тому немногому, что мы знаем, вряд ли у него есть постоянная работа, — заметил Айзек, стоя на крыльце, прислонившись к сайдингу.

— Все-таки лучше подождать до позднего вечера, — согласилась Оливия. — Может, он расслабится, успокоится, подумав, что сегодня Берни уже ничего не может сделать. Вдруг он соберется отдохнуть и выпьет пару кружек пива.

— Думаю, будет лучше, если у нас будет поддержка, — проговорила я. — На случай, если все пойдет не по плану.

— Если хотите знать мое мнение, вы все сумасшедшие. Но если намечается что-то на сегодня, я в деле, — буркнул Ноа, вставая, чтобы взять еще один кусок пиццы. — Захватчу с собой кое-какие медицинские принадлежности.

— Дорогой мальчик, не будь наивным, — криво усмехнулась Бернадетт. — Если сегодня все пойдет не по плану, тебе понадобится не аптечка, а мешки для трупов.

Все уставились на Бернадетт, пытаясь понять, серьезно она говорит или шутит.

— Тогда тем более, нам потребуется подкрепление, — мрачно заметила я.

— Ну, не уверен, что я смогу помочь, — отозвался Айзек. — Но тоже буду рядом.

Бернадетт, казалось, удивилась словам Айзека, но затем посмотрела на Оливию, как бы ожидая ее ответа.

Оливия фыркнула.

— Как будто я бы оставила свою лучшую подругу с вами. После утреннего трюка с отравленным чаем считайте меня телохранителем Давины.

Бернадетт сузила глаза, пытаясь нахмуриться на Оливию, но ей не особо это удалось. Видно было, что Оливия ее забавляет.

— А что насчет детектива Стоуна? — спросила я Айзека. — Я не могу решить, на чьей он стороне — на нашей или против нас.

Айзек пожал плечами.

— Я поговорю с ним. Посмотрю, может он уже успокоился. Если да, то приглашу с собой, если он пообещает вести себя хорошо.

— Я не позволю каждому жителю этого мерзкого городка шастать по моей собственности, — огрызнулась Бернадетт.

— Очень жаль, — съязвила Оливия. — Кроме того, когда вы умрете, думаете, Давина будет жить как отшельник? Это лишь вопрос времени, когда все узнают.

Я отвернулась, стараясь не рассмеяться.

Послышался тяжелый вздох Бернадетт, потом ничего.

Я оглянулась и увидела, что она ерзает на месте. Если я правильно поняла, Бернадетт озадачена тем, что все вокруг ведут себя подчеркнуто спокойно.

— Что я хочу знать, так это как Фрэнсис пересек крыльцо? — негромко обронила миссис Полсон. — Он никогда раньше этого не делал.

— Хороший вопрос, — согласилась я. — Но не знаю.

— А я знаю, — весело объявила Оливия, взглянув на Бернадетт. — Старая добрая Берни вывела твоего отца из равновесия. Он хотел убить ее в два раза сильнее, чем тебя.

— Она права, — неожиданно согласилась Бернадетт. — По крайней мере, на этот раз.

— Бернадетт положила недоеденную пиццу на тарелку и вытерла рот. — Кто бы ни манипулировал Фрэнсисом, ему не понравилось мое присутствие здесь. Вполне возможно, что этот кто-то, по какой-то причине терпеть не может нашу семью. Но когда Фрэнсис пересек крыльцо, его внимание было приковано именно ко мне.

— Тебе повезло, что Оливия затормозила Фрэнсиса, и мы смогли его поймать, — улыбаясь заметила я. — Говорила же, что она изобретательна. Может быть, стоит пересмотреть свое отношение к ней. Или, по крайней мере, сказать спасибо.

Мы все смотрели, как Бернадетт растерялась, обдумывая, как поблагодарить Оливию, но в конце концов только пробормотала:

— Я все предусмотрела, — и отвернулась.

Я видела, как дрожала ее рука. Инцидент с Фрэнсисом заставил Бернадетт понервничать.

Мы договорились встретиться у дома Бернадетт в десять, но, несмотря на то, что я приехала на пятнадцать минут раньше, оказалась последней. Солнце село уже несколько часов назад, но небо продолжало понемногу темнеть.

Ноа открыл дверь моего грузовика и отступил назад, когда я выпрыгнула из него. Я припарковалась рядом с машиной скорой помощи, но Ноа был без формы.

— Как ты раздобыл машину скорой помощи? — спросила я, пока мы шли к Оливии и остальным во дворе.

— Она запасная, — пожав плечами, ответил Ноа. — Мы используем ее только для местных спортивных мероприятий и фестивалей, так что я смог ее взять. Бритт слышала, как я просил разрешения.

Я оглянулась и увидела, что Бритт разговаривает с Айзеком.

— Она мне нравится. Бойкая девочка, — одобрительно проговорила я.

— Бритт ничего. Приличный медик.

— К тому же симпатичная, — толкнула я его. — У нее такая миниатюрная, но спортивная фигура, которая тебе обычно нравится.

Ноа провел рукой по шее.

— Ну, я буду счастлив, когда вернется Девон. Это маленькое атлетическое тело отвлекает, когда ты работаешь в восьмичасовой смене в тесном помещении. С Девоном такой проблемы нет.

Я рассмеялась, но ничего не сказала, когда мы подошли к остальным.

— Где Бернадетт? — спросил я Оливию.

— Внутри, — ответила подруга. — Она сказала нам двигаться на задний двор, когда ты придешь.

— Этот сарай, — кивнул Стоун, указывая на ветхое строение. — Кто-то должен его снести, пока он не опрокинулся. Несчастный случай только и ждет, чтобы произойти.

— Не всегда все так, как кажется, Новичок, — ухмыльнулась я, поворачивая к заросшему сорняками спуску. — Надеюсь, все видят в темноте. Тропинка сильно заросла.

— Я взял с собой запасные фонарики, — сообщил Айзек, подбегая ко мне и протягивая один из них. — Веди.

Не обращая внимания на пульсирующую боль в ноге, я осторожно двинулась вниз по склону холма. Добравшись до подножия, я направила свой фонарик на основание холма, пока остальные не спустились вниз. Оливия взяла коробку, которую донес для нее Стоун, и понесла ее в центр заднего двора.

— Вот это да, — восхищенно проговорила Бритт, направив фонарик на заднюю часть дома. — Он весь стеклянный.

Айзек, Ноа и Стоун тоже повернули свои фонарики в сторону дома с открытыми ртами. Я подошел к тому месту, где Оливия раскладывала на траве предметы из коробки. Должно быть, она заехала переодеться, потому что теперь на ней были угольные льняные брюки и белая блузка без рукавов. По крайней мере, туфли на платформе вполне уместны, во всяком случае, по меркам Оливии.

Наряд Бернадетт выглядел несколько более драматично. На ней была черная мантия, подпоясанная декоративной веревкой.

— Серьезно? — спросила я. — Мантия?

— Ты бы видела, что у меня под ней, — с ухмылкой ответила Бернадетт.

Я покачала головой и направилась к разложенным вещам.

— Не подходи слишком близко, — предупредила Бернадетт.

Я не прикоснулась ни к одному из предметов, но прошла мимо каждого на расстояние нескольких сантиметров, желая почувствовать их связь с Тауни.

— Я серьезно. Не подходи слишком близко, — прошипела Бернадетт. — Любой из них может оказаться очередной ловушкой. Мы не узнаем, пока не прикоснемся к ним.

— Нет, они все принадлежит Тауни, — успокоила Оливия. — Я попросила Далтонов внимательно все осмотреть. Они согласились, что сломанная Барби не Тауни, но заверили, что все эти вещи принадлежат их дочери.

Бернадетт на мгновение задумалась, затем расслабила плечи.

— Может быть, ты все-таки не совсем бесполезна, — пробормотала она.

— Ничего себе, — хихикнула Оливия. — Осторожно, Берни. Это прозвучало почти как комплимент.

— Но она все равно раздражает, — игнорируя Оливию поделилась со мной Бернадетт.

Я не обращала на них внимания, продолжая рассматривать вещи. Проходя мимо электронной книги Тауни, я остановилась.

— В книге есть какая-то энергия, но большинство этих вещей кажутся пустыми. Как будто Тауни не тратила на них много времени.

— А что насчет этого? — спросила Оливия, доставая из коробки толстовку. — Джеки сказала, что она постоянно ее носила.

Я не стал трогать, но провел рукой около толстовки.

— Примерно то же самое, что и с электронной книгой. Нам нужно что-то посильнее.

Айзек приблизился, бросил взгляд на Стоуна и поставил спортивную сумку на траву. Расстегнув молнию, он достал большой мешок для улик. В прозрачном пластиковом пакете, заклеенном сверху красно-белой лентой, лежал рюкзак Тауни.

Мы с Бернадетт обменялись взглядами, затем я кивнула Айзеку.

— Вы не можете вскрыть этот пакет, — заявил Стоун. — Это улика.

— Она уже оформлена, верно? — спросил Ноа. — Вы уже проверили его на ДНК отпечатки пальцев или что там еще, верно?

— Да, — ответил Стоун, — но это все еще улика. Если дело дойдет до суда, он может понадобиться защите.

— У нас не будет ни единого шанса на это, если мы не найдем девочку, — проворчал Айзек. — Мы ничего не нашли в рюкзаке, кроме волос, похожих на волосы Тауни. Мы даже не знаем, прикасался ли похититель к нему.

— Это официальная улика. Нет, — отрезал Стоун, положив руки на бедра. — Даже если бы я поверил во всю эту чепуху про экстрасенсов, ответ все равно был бы «нет».

Оливия схватила пакет с вещдоками и сорвала с него ленту. Ноа прыгнул перед Стоуном, используя свое тело, чтобы дать Оливии время. Она вытащила рюкзак из пакета и бросила его мне.

Инстинкт заставил меня схватить рюкзак, когда Бернадетт бросилась ко мне.

— Нет!!! — услышала я крик Бернадетт, но слишком поздно.

Я почувствовала, что падаю, тело кружилось и вихрилось, конечности тянулись к земле, но не находили опоры. Все вокруг превратилось в черноту, настолько густую, что я не видела

собственного тела. Я растворилась в небытие. Я падала все быстрее и быстрее, мои волосы рвались за мной и развеивались, как будто их тянуло ураганной силой.

— Найди двери! Представь свои двери! — услышала я крик Бернадетт.

Поборов панику, сосредоточилась на дверях. Сначала я не могла их найти, не могла наколдовать, ожидая неизбежного крушения на дне той тьмы, в которую провалилась.

— Ты справишься, Давина! — раздался крик Оливии. — Найди свои двери.

В видении я закрыла глаза, отгораживаясь от черноты вокруг, игнорируя свободное падение своего тела, и вывела двери на передний план. Открыв глаза, увидела, как они проносятся мимо меня, снова и снова, пока я проваливаюсь вниз по спирали. Я потянулась, чтобы схватиться за ручку, но она пролетела мимо слишком быстро.

— Сосредоточься, дитя, — прорычала Бернадетт. — Используй свою энергию. Заставь двери приблизиться к тебе.

Я выпятила грудь, представляя, что обладаю силой супергероя, и позволила энергии вырасти. Мое свободное падение в небытие замедлилось. Я увидела, что двери замедляются. Ощувив прилив сил, я вытолкнула энергию с большей силой.

В следующий раз французские двери остановились прямо передо мной. Я дотянулась до ручки, открыла дверь и перешла на другую сторону.

— Закрой дверь! — скомандовала Бернадетт.

Я захлопнула дверь и открыла глаза. И обнаружила, что лежу на земле, а надо мной склонились все и смотрят сверху.

— Привет, — радостно улыбаясь, воскликнула Оливия. — Хорошо прокатилась?

— Глупое дитя, — прошипела Бернадетт, толкнув меня ногой в бедро.

— Можно я измерю ее жизненные показатели? — спросил Ноа, немного паникуя.

— Нет, — отмахнулась Бернадетт. — Некогда. — Она посмотрела на меня. — Тебе нужно время, чтобы прийти в себя? Или ты готова сделать это по-настоящему, сейчас?

Я села, чувствуя прилив головокружения.

— Придется снова лететь вниз? Я не уверена, что готова к еще одной поездке на американских горках.

— Свободного падения не бывает, когда видение намеренное, — заявила Бернадетт.

— Это безумие. Бред какой-то, — проворчал Стоун, махнув рукой в мою сторону. — Что мы вообще здесь делаем?

— Или уходите, или посидите в патио, — потребовала Оливия. — Если вы понадобится, я позову. Но ведите себя тихо. Им нужно сосредоточиться.

Бернадетт бросила на нее косой взгляд, усаживаясь рядом со мной.

— Да, — усмехнулась я. — Она тоже умеет командовать людьми. — Я посмотрела на рюкзак. — Какой план? Просто прыгнуть одновременно и посмотреть, что получится?

— Черт его знает, — отозвалась Бернадетт.

Я рассмеялась. Мы собирались заняться экстрасенсорным расследованием, а моя наставница все делала наобум.

— Ну ладно... — Я взяла ее за руку и положила ладонь на свое предплечье, как будто сопровождала ее в бальный зал. — Я поведу. Пошли.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на рюкзаке, лежащем в траве передо мной, и протянула руку вперед. Я представила себе белые французские двери, когда кончики моих пальцев коснулись полотна рюкзака.

Внезапно мы оказались в фиолетовой комнате. Перед нами появились белые двери во

внутренний дворик. Я осмотрелась и увидела, как трафарет плюща разрастается, распространяя свои лианы по стенам и потолку, пока мы наблюдали за происходящим.

— Ну, это уже другое дело, — отметила Бернадетт, глядя вверх.

Стекло на дверях во внутренний дворик дребезжало, как будто сильный ветер пытался заставить их открыться.

— Это хорошо или плохо? — спросила я ее.

— Просто энергия с той стороны, — успокоила Бернадетт. — Но я его не чувствую.

— Тогда давай займемся делом, пока он не понял, что мы здесь. — Я протянула руку, открыла дверь и провела Бернадетт вперед. Она закрыла за собой дверь.

— Это важно? — спросила я, кивнув на дверь. — Закрывать ее?

— Зависит от того, хочешь ли ты, чтобы кто-то копался в твоих мозгах, пока нас не будет.

— Ясно. Всегда закрывать дверь. Поняла. — Я осмотрелась. Мы стояли в лесу, но деревья были гуще, чем за домом Бернадетт. И они росли ближе друг к другу. Я не видела тропинки, но чувствовала, в каком направлении нужно идти.

Земля под ногами была мягкой. Не болотистая, но с каждым шагом я ощущала, как сдвигается покрытая мхом грязь. Я повела Бернадетт вверх по холму, затем вниз и вверх по склону следующего. На вершине второго холма я остановилась, оглядываясь по сторонам.

— Я ее потеряла, — озираясь по сторонам, мрачно проговорила я. — А ты?

— Тоже. — Бернадетт отошла на несколько футов, сканируя деревья. — Может быть, она не знает, где находится. Или, как вариант, не видит окружающую обстановку, или потеряла сознание.

— Ты права. Такое ощущение, что прошло несколько дней. Как будто она была здесь, но потом просто исчезла.

— Не исчезла, дитя. Спрятана. Ее спрятали от нас.

Я не совсем понимала разницу, но подозревала, что это неважно.

— Что же нам делать?

— Пойдем назад. Здесь больше нечего смотреть.

Я создала двери и, отворив одну сторону, пропустила Бернадетт вперед, а затем закрыла дверь за собой. Открыв глаза, увидела, что мы снова находимся в траве за домом Бернадетт.

— Я хочу есть, — заявила Бернадетт, перекатившись на бок, чтобы подняться.

— Я сбегаяю в дом, — засуетилась Оливия, оттаскивая от нас рюкзак. — Принесу что-нибудь для вас. Берегите силы.

Когда Бернадетт взглянула на меня, Оливия уже бежала к дверям террасы. Губы Бернадетт подергивались, от едва сдерживаемой улыбки.

Пока Бернадетт ела третий кусок холодной пиццы, я описывала Айзеку и Стоуну увиденный нами участок. В общем-то, ничего интересного, но Айзек сказал, что у них в участке есть несколько топографических карт, которые могут помочь в поисках.

Стоун слушал, но не выглядел убежденным. Айзек записал, какие растения и деревья я видела. В каком направлении, по моим ощущениям, шла. Количество холмов. Он также спросил, не попадались ли мне ручьи или озера. Я не заметила, но сказала о том, что почувствовала воду недалеко оттуда.

Я прокручивала в памяти свое видение, убеждаясь, что рассказала ему все подробности, когда по спине пробежал холодный озноб. Бернадетт, должно быть, тоже почувствовала, потому что уронила свой недоеденный кусок пиццы и повернулась лицом к лесу одновременно со мной.

— Он здесь, — резко выдохнула я.

— Кто? — не поняла Оливия.

— Он. — Я побежала через двор. — Он здесь! На территории!

Поняла, что Оливия бросилась за мной, стараясь не отставать, но мы обе знали, что я быстрее. Я не только поддерживала форму, занимаясь физическим трудом, но и бегала по пересеченной местности в школе.

Но когда я оторвалась от Оливии и свернула вправо, уворачиваясь от деревьев, то заметила, что Ноа, Бритт и Стоун не отстают от меня. Я рванула вперед, зная, что они меня подстрахуют.

— Он убегает! Он знает, что мы приближаемся! — крикнула я, взбегая на невысокий холм, а затем боком сползая с другой стороны по размытой грязи.

Ноа схватил меня за руку и потянул за собой вниз по склону, пока я снова твердо не встала на ноги.

— Вон там, — указала я, когда мы рванули вправо, продираясь сквозь грязь.

Нога Ноа подкосилась, и его тело подалось вперед. Я продолжила бежать, не решаясь замедлиться, боясь, что тоже застряну. За спиной я услышала, как Стоун замедлил шаг.

Я бежала так быстро, как только могла, и, похоже, гораздо быстрее остальных, вырывалась вперед. Поднявшись на очередной холм, я посмотрела через короткую долину и увидела темную фигуру, поднимающуюся на следующий холм. Я отчетливо слышала его передвижения. Щелканье веток, стук ботинок, когда он снова скрылся из виду.

— Быстрее! — крикнула я, надеясь, что остальные прибавят скорость. — Он уходит!

На бегу я потеряла кроссовку, а еще через двадцать футов соскользнула вторая. Но я все равно ускорила, поняв, что лишний вес от грязи на обуви больше не тормозит меня. Почувствовав себя легче, я взобралась на склон еще одного небольшого холма и остановилась на вершине.

Услышав позади себя громкие шаги, я не стала оборачиваться. Но когда начала спускаться по склону, что-то ударило меня по затылку, повалив вперед. Я рухнула на колени во влажную грязь. Подтянув под себя одну ногу, попыталась встать, но опрокинулась набок, потеряв равновесие, и снова упала. Затем я провалилась в темноту.

— Да помолчите вы уже! — заорала я на Стоуна.

Все вокруг, включая Бернадетт, застыли в шоке от моей вспышки.

— Наверное, мне следует извиниться за то, что не сдержалась, и, возможно, завтра я так и сделаю, — покаялась я. — Но сейчас у меня раскалывается голова, и вы действуете мне на нервы. Я же сказала, что тот, кто меня ударил, не был тем парнем, за которым мы гнались. Хотите, верьте, хотите нет, мне все равно. Но я не собираюсь больше сидеть здесь и слушать ваш бред!

Бритт фыркнула, все еще сгибаясь и упираясь руками в колени, пытаясь отдышаться. Они со Стоуном продолжали бежать, в то время как Ноа задержался из-за помощи мне. Как и я, Бритт тоже осталась без обуви, потеряв ее в болоте. Все мы покрылись черной липкой грязью до самых бедер. Все, кроме Бернадетт.

Бернадетт восседала на каком-то военно-зеленом внедорожнике. Оливия и Айзек сидели сзади. Я подозревала, что Бернадетт в какой-то момент их подобрала.

— Черт, — выругалась Бритт, оглядываясь в сторону дома. — Мои кроссовки были совсем новые.

— И все ради чего? — недовольно проворчал Стоун. — Мы, наверное, преследовали браконьера.

— Я могу управлять этой штукой? — спросила Оливия у Бернадетт, не обращая внимания на Стоуна. — Как вы там его назвали, верблюду?

— Мул! — прошипела Бернадетт. — Это М-274, «механический мул». Они были популярны в армии в семидесятые годы.

Я подошла и запрыгнула на заднюю плоскую часть, не заботясь о том, как называется это транспортное средство, если это избавит меня от долгой прогулки к дому.

— И нет, ты не сможешь управлять им, — объявила Бернадетт Оливии. — Может быть, в следующий раз.

— Кто тебя вырубил? — спросил Ноа, прислонившись к дереву.

— Понятия не имею, но я смотрела на парня, за которым мы гнались, как раз перед тем, как кто-то подобрался ко мне сзади.

— Разве ты не почувствовал присутствие кого-то? — недоуменно спросила Бернадетт.

Я вспомнила тот момент и покачала головой.

— Я слышала чьи-то шаги, но решила, что это кто-то из нашей группы. Сейчас понимаю, глупая ошибка, потому что я знала, что Бритт, Ноа и Стоун остались далеко позади.

— Если здесь был кто-то еще, кто-то из нас должен был его увидеть, — настаивал Стоун. — Мы не так уж сильно отставали.

— Сэр, как бы вас ни звали, — прорычала Бернадетт, — заткните свою пасть, чтобы я могла поговорить с своей внучкой.

Оливия захихикала, пока Бернадетт не посмотрела в ее сторону и не заставила замолчать.

— Уверена, дитя? — продолжила Бернадетт. — Ты больше никого не почувствовала?

Я пожалала плечами, покачав головой.

— Этого не может быть, — запротестовала Оливия. — Я пыталась подкрасться к тебе

много лет, но ты всегда знала.

Я посмотрела на Бернадетт.

— Ты можешь. Ты делала это уже дважды. На самом деле, теперь, когда я думаю об этом, Фрэнсис тоже может.

Бернадетт кивнула.

— Я не могу пока объяснить ситуацию с твоим отцом, но знаю, как скрыть свою ауру. Ты чувствуешь ее, когда кто-то приближается, его ауру или, как говорят некоторые, жизненную силу. Любой экстрасенс может замаскировать себя, и я знаю нескольких обычных людей, которые тоже умеют это делать. Требуется концентрация и намерение. Решительная сосредоточенность, как у охотников, прячущихся от своей добычи, но это возможно.

— Это все ерунда, — заявил Стоун и повернулся, чтобы уйти. — С меня хватит.

Тут я почувствовала, как что-то покалывает мою кожу. Я спрыгнула с «мула» и зашагала прочь от всех.

— Давина? — позвала Оливия.

Я игнорировала ее, следуя какому-то внутреннему сигналу, который не могла определить.

Сзади слышался шум машины Бернадетт, но я сосредоточилась на слабых колебаниях энергии в воздухе.

— Что происходит? — слышался шепот Ноа.

— Тихо, — прошептала в ответ Бернадетт.

Я остановилась, посмотрела налево, потом направо, проверяя направление, прежде чем продолжить путь. Когда снова остановилась, то закрыла глаза, представляя себе белые двери, прежде чем в них войти.

Я опять оказалась в том самом лесу, который мы с Бернадетт видели раньше, но на этот раз почему-то дальше. Передо мной стоял свежеекрашенный синий сарай. Я чувствовала запах краски, смешанный с запахом деревьев и мха. Сарай был обшит деревянным сайдингом, а крыша покрыта черной черепицей. Я постаралась разглядеть подробности, но все вокруг расплывалось, не было четким, как в предыдущем видении.

— Это дом из прошлого, — осознала я разницу. — Сюда он привел Райну.

Посмотрев направо, я почувствовала, что воздух стал тяжелее. Черные тучи с грохотом неслись ко мне. Что-то приближалось.

— Двери! — скомандовала я, взмахнув рукой, как будто владела магией. Двери появились, и я прошла через них, закрыв за собой, когда черная туча врезалась в стекло.

Я открыла глаза и оглянулась через плечо.

— Это было интересно.

— Я не смогла к тебе присоединиться, — призналась Бернадетт. — Что произошло? Что ты сделала, чтобы вызвать видение?

Я обернулась, прикидывая, где мы находимся.

— Это ведь то место, где играла Райна?

— Да. Здесь и за поворотом налево, у доков. А что? — спросила Бернадетт.

— Видение. Оно было старым. Из тех времен, когда ее забрали. Я видела ярко-синий сарай из дерева с черной черепичной крышей. Думаю, там ее и держали.

— И если ее держали там... — Оливия замолчала.

— Тогда Тауни тоже может быть там, — закончил за нее Ноа

— Какой чудной у вас городок, — рассмеялась Бритт. — Я ни за что не вернусь в большой город.

— Я никогда раньше не видела в своих видениях сарай. Казалось, что клетка всегда находится рядом с грязью, — озадаченно проговорила Бернадетт. — Ты уверена?

— Я тоже не видела деревянных стен, как в сарае, но почему-то мне кажется, что это правильно. Ведь у сарая может быть подвал? Например, с земляным полом?

— Думаю, у сарая может быть подвал, — почесав голову, согласился Айзек.

— У сараев не бывает ни погребов, ни подвалов, — заявил Стоун, вернувшийся к нам.

— Но разве такое невозможно? — спросила Оливия. — Неужели нельзя технически построить подвал или погреб, а потом поставить над ним сарай?

Айзек и Стоун посмотрели друг на друга.

— Мы говорим о парне, который похищает девочек-подростков, — пояснил Айзек Стоуну.

— Может быть, Остин сможет нам помочь, — подумала Оливия. — Он архитектор и знаком со строительством.

Ноа щелкнул пальцами.

— И он изучил землю вокруг Дейбрик-Фоллс, прежде чем купить свой участок. — Ноа указал в сторону причала. — Остин ведь живет прямо напротив?

— Этот Остин — мужчина ростом около шести футов, с упругим прессом и впечатляющей мускулатурой? — спросила Бернадетт.

— Да, — смеясь, ответила я. — Это Остин. — Я ткнула в нее пальцем. — Так и знала, что у тебя камеры направлены на его дом.

Бернадетт лишь хмыкнула отворачиваясь.

— Бедный парень, — пробормотал Ноа.

— О, мне нужно познакомиться с ним, — промурлыкала Бритт.

— Берни? У вас есть лодка? — спросила Оливия. — Мы могли бы просто переплыть канал и расспросить Остина о сараях, подвалах и погребах.

— Да, но я не пользовалась ею уже много лет, — ответила Бернадетт. — Не уверена, в каком она состоянии.

— Есть только один способ выяснить, — уверенно заявила я, прежде чем направилась в сторону причала.

Ноа и Айзеку потребовалось десять минут, чтобы спустить лодку на воду из старого шаткого эллинга. Мотор дважды глох, но пустив несколько густых маслянистых облаков, он все-таки мерно затарахтел. Я оставалась на суше, пока Оливия, Ноа, Стоун, Айзек и Бритт забирались в лодку. С каждым новым пассажиром лодка опускалась все ниже и ниже, а ее верхний край почти не поднимался над поверхностью.

Я всматривалась в черную воду. Лунный свет пробивался сквозь ветви деревьев, оставляя на глади белые полосы. Я ненавидела воду. Сколько себя помнила, столько и ненавидела.

Вытащив телефон, я написала Остину сообщение. Его быстрый ответ заставил меня улыбнуться.

— Давина? Ты не собираешься с нами? — спросила Оливия.

— Одного раза, когда я чуть не утонула, на сегодня мне достаточно, — ответила я. — Если еще хоть один человек сядет в эту лодку, она пойдет ко дну.

Ноа, Бритт, Стоун и Оливия одновременно шагнули к борту лодки, глядя вниз на воду. Их совместное перемещение опрокинуло лодку настолько, что вода перелилась через край, заливая дно. Бритт и Оливия вскрикнули и отпрыгнули от края. Ноа и Стоун выпрыгнули из лодки на причал. Айзек схватил ведро и начал вычерпывать воду.

— Да, — пробурчал Ноа, идя по причалу и разбрызгивая воду ботинками. — Я лучше перегоню машину скорой помощи на другую сторону канала. Встретимся там.

— Хорошая идея. Я поеду за тобой на патрульной машине, — решил Стоун, следуя за ним.

Я ухмыльнулась, когда они прошли мимо меня.

— Может, стоит отвезти их обратно к дому на «муле», — вслух подумала Бернадетт.

— Или ты можешь дать им ключи от «мула», и они сами доедут, — посоветовала я Бернадетт, забирая ключи и бросая их Ноа. Когда Ноа и Стоун сели в «мул» и поехали, я оглянулась на Оливию. — Остин уже едет за нами на своей лодке.

— Чудесно, — призналась Оливия, спрыгивая на причал и протягивая руку назад, чтобы помочь Бритт. — Я тоже не готова к еще одному плаванию сегодня.

Сидя за штурвалом лодки, Айзек почесал голову.

— Мы так старались, чтобы вытащить эту лодку, а теперь что? Бросим ее здесь?

— Просто привяжи ее к причалу, — велела Бернадетт. — Если повезет, кто-нибудь украдет эту чертову посудину.

Айзек пробормотал что-то себе под нос, выключая двигатель и привязывая веревку к причалу.

— Ты ведь никогда не будешь пользоваться этой лодкой, правда? — спросила я Бернадетт.

— Нет. Я не люблю воду. А ты?

— Я тоже не в восторге от воды.

— Ладно, валяй. Предложи ему, если хочешь, — проворчала Бернадетт. — Мне без разницы.

— Айзек живет в городе. Он сможет хранить лодку в твоём эллинге?

— Не испытывай судьбу, — фыркнула Бернадетт.

Она не сказала «нет», подумалось мне. Я поговорю с Айзеком о лодке позже. Послышался шум другой лодки, и я подняла голову, чтобы увидеть огни, приближающиеся к нам. Я оглянулась на Бернадетт, которая стояла, сцепив руки перед собой, в нелепой черной мантии.

— Неужели то, что ты носишь под этой штукой, еще хуже?

Бернадетт усмехнулась, но продолжала смотреть вперед, когда Остин подъехал к другому концу причала на большой понтонной лодке.

Все зашли на понтон и стали рассаживаться. Я последней покинула причал, торопливо перебираясь по доскам.

Остин помогая мне забраться на борт, наклонился поближе и прошептал:

— Даже не знаю, почему вы все в грязи, кроме Бернадетт, которая выглядит так, будто она персонаж фильма о Гарри Поттере?

— Похоже, Бернадетт голая под этой мантией, так что скажи спасибо. — Я села в высокое кресло второго капитана.

Остин поморщился, втягивая причальный канат.

— А грязь?

— Мы охотились за похитителем Тауни, — ответила Оливия. — Но нам нужна твоя помощь.

Остин изучил каждого из нас, затем снова посмотрел на меня.

— Серьезно?

Я пожала плечами.

— Нам нужно поговорить с тобой о сараях, подвалах и рельефе местности. Мы надеемся, что ты сможешь помочь.

— Я рад сделать все, что в моих силах, но... — Он снова оглянулся на Бернадетт, Оливию и Бритт. Потом наклонился ко мне и понизил голос. — Это начинает напоминать старые мультфильмы про Скуби Ду. Пожалуйста, скажи, что впереди нас не ждет Фургончик тайн.

Я рассмеялась, но показала на воду.

— Фургона нет, но если ты сможешь переправить нас через этот чертов канал, я буду тебе благодарна. Я ненавижу воду.

— Будет сделано, — отозвался Остин, сдавая назад.

Остину потребовалось меньше минуты, чтобы развернуть катер, и еще три-четыре пересечь канал. И все же, когда мы добрались до причала, я так сильно разволновалась от близости к воде, что прыгнула и выбежала на сушу еще до того, как он привязал лодку. Бернадетт не отставала от меня.

— Это у вас семейное? — спросила я ее. — Куэйдды не любят воду?

— Вроде того, — неопределенно ответила Бернадетт.

Когда мы шли по лужайке, Оливия вполголоса щебетала с Остином, вводя его в курс дела.

— Думаю, у сарая может быть подвал или погреб, — сообщил нам Остин. — Насколько большой этот сарай?

— Может быть, десять на двенадцать? — ответила я.

— И ты сказала, что поблизости растет много деревьев? — уточнил Остин.

— Да, вся местность сплошь усеяна деревьями. Некоторые из них прямо рядом с сараем.

— Странно. Корни деревьев способны повредить подвал или погреб. Но я полагаю, что

кто-то мог вырыть земляной погреб и пару раз в год просто удалять корни деревьев. Но вряд ли его стали заливать бетоном.

— Хорошо, значит, земляной погреб. А как насчет места? — спросила Оливия.

Остин провел нас вокруг открытого бассейна.

— На самом деле, он может быть где угодно. Если бы мне нужен был сарай с подвалом под ним, я бы просто использовал экскаватор или бульдозер для рытья котлована, а затем установил сарай сверху. Можно поступить и иначе, но чем дальше от главной дороги, тем сложнее доставить технику к месту строительства. Что касается оборудования, то это сельская местность. Каждый знает кого-то, у кого есть необходимая техника.

— Значит, мы не найдем этого парня, если будем искать прокат оборудования? — заметил Айзек.

— Вряд ли, — согласился Остин, открывая дверь задней террасы, чтобы все могли войти.

Один за другим мы прошли внутрь, и я оказалась последней. Но когда я посмотрела по сторонам, меня охватила волна паники.

— Стойте все!

Все замерли и оглянулись на меня.

— Посмотрите вокруг, — махнув рукой, скомандовала я.

Дом Остина поражал красотой, высокими арочными потолками и огромными окнами, но я остановила всех из-за развешанных повсюду украшений.

— Если мы натаскаем грязи в дом Остина за день до вечеринки фонда Эдит, она подаст наши головы на блюде на торжестве.

— Ты права, — согласилась Оливия, пытаясь большими шагами отступить в сторону внутреннего дворика. — Все, медленно отходим от дома.

Я посмеялась над ее театральными выходками, но отошла назад на открытую террасу.

Остин криво усмехнулся.

— Хорошая мысль. Я принесу карты на улицу. — Он повернулся к Бернадетт. — Не поможете мне? Вы, кажется, единственный человек, не покрытый десятью фунтами грязи.

Бернадетт, казалось, удивилась просьбе Остина, но, бросив на меня недоуменный взгляд, пошла в дом. Я подумала, как давно никто не относился к ней с добротой.

Подойдя к дальнему краю террасы, я включила садовый шланг, чтобы ополоснуть руки и ноги. Высушив руки о футболку, я провела пальцами по волосам, распутывая их. Стоило коснуться шишки на затылке, как я поморщилась. Кто бы ни ударил меня, он сделал это с достаточной силой, чтобы оглушить на несколько секунд, не расколов череп. Но, черт возьми, я никак не могла понять, кто мог помочь похитителю сбежать.

Оливия и Бритт тоже подошли, чтобы привести себя в порядок, но Айзек, казалось, не замечал грязи и сидел за столиком в беседке. По деревянным балкам от одного конца до другого висели маленькие декоративные лампочки. Я не могла отделаться от мысли, как хорошо было бы посидеть здесь в одиночестве и просто отдохнуть ночью. Мне стало интересно, удастся ли Остину хоть раз остановиться, чтобы насладиться этим местом.

Бернадетт вернулась из дома с пачкой карт, когда Ноа и Стоун вышли из-за угла дома.

— Как вы, ребята, так быстро сюда добрались? — спросила я Ноа.

— Если двигаться на север по Пайпер, можно обогнуть Верхнее озеро Найтшейд, не возвращаясь в город, — ответил Ноа, выдвигая стул, чтобы сесть.

Я придвинула свой стул к нему.

К нам присоединился Остин, неся большую кастрюлю, наполненную льдом и бутылками пива. Он усмехнулся, поставив кастрюлю на середину стола.

— Не очень изысканно, но угощайтесь. Я не смог найти подходящего контейнера. И даже если бы у меня был специальный поднос, вряд ли бы я прошел через весь дом, не уронив все пиво.

— Мне подходит, — отозвался Ноа, откупоривая пиво и протягивая его мне. Он потянулся за второй бутылкой для себя.

— Мне тоже, — согласился Айзек, открывая бутылку. — Я уже несколько часов назад закончил службу.

Оливия собиралась что-то сказать, но я покачала головой, передавая ей свое пиво. Она не очень любила пиво. Да и никто из нас не любил. Но мы здесь не для того, чтобы пить коктейли. Она поджала губы и сделала глоток.

— Итак, синий сарай, — обратилась я к Остину. — Он находится на большом участке земли с несколькими холмами и несколькими обрывами. Земля влажная, поросшая мхом, но болот, как на участке Бернадетт, я не заметила.

— Задняя часть участка Бернадетт находится ближе к уровню грунтовых вод и ненамного выше озер, — пояснил Остин, прикладывая пиво к углу открытой карты и указывая на землю. — Это участок Бернадетт. Высота участка повышается тем больше, чем дальше он находится от канала. — Он перевел палец на другую сторону канала. — На этой стороне моя земля и она выше.

— Тогда где находится искомый участок? Где-то к юго-востоку от Среднего озера Найтшейд? — спросила я.

— Не обязательно, — покачал головой Остин. — Но высота земли будет немного выше, чем у Бернадетт.

— Что это за волнистые линии? — спросила Оливия.

— Изменения в высоте, пики и долины, — ответил Остин.

Я слушала, как они обсуждают землю вокруг Дейбрик-Фоллс, но не сразу поняла, что запуталась. Оливия каким-то образом поддерживала разговор, как Стоун, Айзек и Ноа. Бритт отлучилась и бродила по заднему дворику. Я поискала Бернадетт и обнаружила ее возле бассейна.

Как раз в тот момент, когда я вернулась к разговору за столом, послышался всплеск.

Я подняла глаза на Оливию, но она смотрела на меня.

Взглянула на Ноа.

Ноа уставился в небо, допивая остатки пива.

— Я не на службе, — заявил Стоун, разглядывая столик в патио.

Остин сверкнул своей односторонней ухмылкой.

— Я просто не хочу.

— Она в купальнике, — доложила Бритт, подходя к столику.

Я сморщила нос.

— Что за купальник?

Бритт усмехнулась.

— Прикольный. На ней слитный купальник.

Мы все выдохнули.

— Я принесу полотенце, — решил Остин и направился к небольшому стеклянному навесу на другой стороне внутреннего дворика.

Я слышала, как Бернадетт наматывает круги позади меня, но не оборачивалась. Мне хотелось отругать ее за плохие манеры, но я боялся, что Бернадетт только еще больше меня опозорит. Вместо этого я спросила:

— Ребята, вы поняли, где находится эта земля?

— Любой из этих светло-зеленых или светло-красных участков на карте, — проворчал Айзек, водя пальцем по карте. — Остин попытается сравнить некоторые из этих участков с кадастровыми картами, поскольку мы знаем, что речь идет о большом куске земли. А я утром поищу аэрофотоснимки в поисках синего сарая.

Остин вернулся к столу.

— Я предлагаю вам обзвонить местных опылителей и других пилотов небольших самолетов. — Он откинулся в кресле. — Думаю, ярко-синий сарай посреди леса будет выделяться из общей массы деревьев.

— Отличная идея, — согласилась Оливия, подпрыгивая на месте.

— Мы сделаем несколько звонков утром, — решил Стоун, сузив глаза на Оливию. Он хотел сказать, чтобы она не вмешивалась в их расследование.

Оливия надулась, но ничего не сказала.

На мой телефон пришло сообщение. Открыв его, я заметила, что уже за полночь. Прочитав сообщение, я усмехнулась.

— Оливия, твой муж интересуется, когда ты вернешься домой. Он пытался дозвониться до тебя.

Оливия фыркнула.

— Мой телефон лежит на дне озера Эдгар вместе с сумочкой.

Все засмеялись, кроме Стоуна.

Поднимаясь, я протянула Оливии свой телефон.

— Остин, спасибо за помощь.

— И за пиво, — добавил Ноа, тоже вставая.

— Конечно. Вас подвезти обратно через канал?

Я посмотрела на Ноа.

— Я не хочу возвращаться пешком через болото.

— Я тоже, — заявила Бернадетт, подойдя с полотенцем в волосах и закрепляя мантию декоративной веревкой.

— Ладно, хорошо, — проворчал Ноа, доставая ключи. — Все грузитесь в заднюю часть скорой помощи.

— Я поведу, — заявила Бритт, выхватив из его рук ключи.

После того как Ноа отвез нас к Бернадетт, я отправилась домой. Уже у дома, чтобы не разбудить Фрэнсиса, я припарковала грузовик на улице.

На часах было за полночь, но пока Фрэнсис крепко спал, я быстро прибралась на кухне и в гостиной, а затем заперлась у себя на ночь. Приняв душ и облачившись в пижаму, я задумалась о своем расписании на следующий день. Завтра суббота, и, как и сегодня, большинство заказов на уборку отменились. Единственное, что еще оставалось в расписании, — это уборка адвокатской конторы Брейдона, но я могла бы написать ему утром и перенести встречу на другую неделю. Тем более что у него тоже затишье с клиентами.

Я откинула одеяло, забралась в постель и попыталась избавиться от множества тревожных мыслей, роящихся в голове. Если нам удастся найти Тауни, жизнь в Дейбрик-Фоллс снова вернется в нормальное русло.

Поддавшись физической и душевной усталости, я закрыла глаза. Но после, казалось, всего десяти или двадцати минут сна, мои веки распахнулись. Только я находилась не в постели. И даже не дома, как выяснилось, когда я осмотрелась по сторонам.

Передо мной стояли Бернадетт и Оливия, обе в темных брюках, черных водолазках с длинными рукавами и черных перчатках.

Оглядела себя: на мне были пижамные шорты и темная футболка, но почему-то в руках оказалась загадочная книга рецептов, которую я оставила на тумбочке в спальне — та самая, из потайного ящика в мамином шкафу. И еще более удивительным показался холодный черный асфальт под моими босыми ногами.

Постепенно в моем затуманенном мозгу возникло понимание. Я вдруг осознала, где нахожусь. Я снова шла во сне к Догвуд-роуд.

— Вот черт...

Оливия завизжала, обнимая меня за плечи.

— Ты очнулась! — Она подпрыгивала на месте, покачивая меня при этом. — Ты такая странная, когда ходишь во сне. Знаешь что, твои глаза все время открыты? И когда ты моргаешь, ты делаешь это как в замедленной съемке. — Она приблизила свое лицо к моему, и продемонстрировала, как я моргаю. — Видишь? Это странно, согласишься?

— Оливия, я люблю тебя, но ты должна дать мне минутку, — попросила я, отстраняясь. — Мне нужно прийти в себя.

Оглянувшись назад, я заметила свой грузовик. Он оказался единственным автомобилем, так что они, должно быть, приехали сюда на нем. Я подошла и открыла заднюю дверь. Бросила книгу с рецептами на коврик и стала копаться в сумке, которая лежала в багажнике. Работа уборщицы бывает грязной, поэтому я всегда брала с собой сменную одежду. Я избавилась от пижамных шорт и натянула джинсы. Чтобы скрыть отсутствие бюстгалтера, накинула поверх футболки толстовку.

Взглянула на свои ноги. Они снова изрядно потемнели, если не считать пореза, который снова кровоточил. Я сняла повязку, когда принимала душ. Вытащив пару белых носков, я с трудом их надела, а затем обула дешевые парусиновые туфли, которые хранила в сумке.

Я заметила свою сумочку на переднем сиденье.

— Откуда у вас, моя сумочка? — Перейдя к передней двери, я принялась рыться в ней в

поисках телефона.

— Она уже лежала в машине, — пояснила Бернадетт. — Надеюсь, ты не против, но у меня остались запасные ключи от машины. Мы не знали, где ты окажешься, поэтому грузовик показался лучшим средством передвижения.

Я отыскала кошелек, электрошокер, пачку салфеток, блеск для губ, кучу ручек, но не обнаружила телефон. Он должно быть остался в моей спальне.

— Как вы узнали, что я хожу во сне?

Бернадетт кивнула на Оливию.

Оливия пожалала плечами.

— Я не была уверена, что ты сделаешь это снова, но на всякий случай решила понаблюдать за твоим домом.

— Понаблюдать за моим домом? Это немного странно, даже для тебя.

— Было довольно забавно, — заявила Оливия, подпрыгивая на месте. — Конечно, если бы ты тоже была со мной, получилось бы веселее. Бернадетт только и делала, что читала книгу. О, а ты знаешь, что твой сосед напротив выгуливает своих собак в час ночи? Кто так делает? Мы должны проследить за ним. Выяснить, чем он занимается.

Я вздохнула, глядя на звезды, пытаюсь сдержать свое разочарование.

— Оливия, он работает на кладбище пять дней в неделю. И ничего плохого не замышляет.

— О, — надулась Оливия. — Умеешь ты обломать кайф.

Я задела электронную книгу Бернадетт, когда укладывала свои вещи обратно в сумочку. Экран замигал, показывая обложку книги, которую она читала. Я рассмеялась, увидев, что это роман об оборотнях.

— Что? — огрызнулась Бернадетт, не глядя на меня.

Я перекинула сумочку через плечо, и закрыла дверь грузовика.

— Понятно, вы за мной шпионили, и к чему это привело?

— Ну, — Оливия пожалала плечами, — Особо нечего рассказывать. После того как ты вылезла из окна своей спальни, мы последовали за тобой.

— Почему вы меня не разбудили?

— Мы хотели посмотреть куда ты пойдешь? — ответила Бернадетт.

— Хочешь сказать, что я прошла босиком с уже травмированной ногой пять миль, только потому, что вам двоим показалось это любопытным?

Оливия посмотрела вниз на мою ногу, облаченную в носок и туфлю.

— Когда ты так говоришь, звучит не очень хорошо.

— Мы разбудили тебя, когда ты направилась в лес, — заявила Бернадетт, кивнув в сторону деревьев на дальней стороне дороги. — К счастью для тебя, у меня в сумочке лежит нюхательная соль.

Я встала рядом с ней и уставилась на лес.

— Зачем мне туда идти?

— Я не знаю. Что ты помнишь о транссе?

Я задумалась, и через мгновение та же мантра, что и накануне, сместилась на передний план сознания.

— «Доставь книгу». «Леджер Куэйдов». — Я оглянулась на грузовик. — Но он у тебя дома. Должно быть, я схватила книгу рецептов, потому что она примерно такого же размера и веса.

— Хм, — только и ответила Бернадетт.

— Там есть дом? — спросила Оливия, глядя в сторону леса. — Я нигде не вижу подъездной дороги.

— Я не уверена, что там есть дом, — ответила я. — Может быть, нам стоит позвонить Айзеку или Стоуну. Пусть они проверят участок.

— И как, по-твоему, они получают ордер? — проворчала Бернадетт. — Они должны сказать судье, что хотят провести обыск, потому что местный медиум постоянно ходит во сне по участку?

— Нет, но похититель может жить где-то на участке, — парировала я.

— Да, но полиция все равно ничем не может помочь, — согласилась Оливия. — Бернадетт права. Без веских причин они не смогут проверить участок.

— Нам придется обыскать его самим, — решила Бернадетт и направилась к лесу.

— Стой, — схватила я ее за руку. — Подожди минутку. Давай все обдумаем. У нас нет фонариков, мы не знаем кому принадлежит земля, и никто не в курсе, где нас искать, если потеряемся.

— Остин, — произнесла Оливия, глядя на дорогу. — Его дом — это следующий участок. Уверена, у него есть фонарики, которые мы могли бы позаимствовать.

— Сейчас середина ночи, — напомнила я.

Бернадетт кивнула на деревья.

— Да, но девочка может быть там. Прямо сейчас.

Моя твердая позиция — не заниматься поиском — пошатнулась. Она права. Если Тауни где-то здесь, то надо проверить.

— Хорошо, но сначала фонарики. И Ноа. Мне будет спокойнее, если он будет с нами. Кроме того, если мы найдем Тауни, ей может понадобится медицинская помощь. У кого-нибудь есть телефон?

Оливия покачала головой.

— Моя сумочка и телефон утонули, помнишь?

Я посмотрела на Бернадетт, но она тоже отрицательно покачала головой.

— Я не ношу телефон с собой. Нет необходимости.

Я подозревала, что список контактов Бернадетт в ее телефоне весьма ограничен.

— Ладно, поехали к Остину. От него можно будет позвонить Ноа.

Оливия звонила в дверь Остина целых пять минут, прежде чем взъерошенный Остин в одних боксерах распахнул дверь. Я старалась не смотреть на его почти обнаженное тело и даже смогла поднять голову, когда поняла, что мои глаза устремились за тонкими волосками, сбегаящими по его груди и дальше.

— Давно пора, — заявила Оливия, протискиваясь мимо Остина в холл. — Нам нужен твой телефон. О, и фонарики. Нам понадобится три фонарика.

— И достань свои навороченные карты. Они нам тоже пригодятся, — велела Бернадетт, следуя за Оливией внутрь.

Остин провел рукой по своим густым волосам, посмотрев на меня.

— Хочу ли я вообще знать, почему вы втроем оказались на моем пороге в два часа ночи?

— Прости? — произнесла я, чувствуя себя виноватой за то, что мы его разбудили.

Остин фыркнул, махнул рукой, чтобы я входила, и его губы растянулись в кривой ухмылке.

— Все в порядке, правда. — Он повернулся к Оливии и Бернадетт, закрывая входную дверь.

— Пока я принесу свой телефон, Оливия, проверь в шкафу рядом с дверью гаража фонарики. — Остин указал на другую сторону дома. — Бернадетт, вы знаете, где лежат карты. Будьте как дома. — Остин бегом поднялся по лестнице.

Я ждала в холле, пока все по очереди возвращались.

— Остин, объясни, зачем ты купил коробку с шестью фонариками, — открывая крышку, поинтересовалась Оливия.

Остин передал мне свой мобильный телефон, а затем направился на кухню.

— Я собирался вставить в них батарейки, а потом расставить по дому. Но так и не успел.

Я позвонила Ноа и удивилась, когда он ответил на первом гудке.

— Алло? Остин? — спросил Ноа.

— Это Давина, — сообщила я. — Машина скорой помощи все еще у тебя?

— Конечно, да, а в чем дело? Что-то случилось? Она тебе нужна? — затараторил Ноа.

Ноа по натуре спокойный человек, если только он не занимался делом, о котором не хотел, чтобы кто-то знал. А судя по его быстрой речи, он что-то такое и задумал.

— Где ты?

— Просто зависаю с другом, — неопределенно ответил Ноа. — Ты у Остина? Кто-то пострадал?

— Никто не пострадал, но мы отправляемся в очередную безумную вылазку. Так что наличие скорой помощи поблизости не помешает.

— Без проблем. Я в коттедже, так что буду минут через десять. — Ноа отключился.

Как странно, подумала я, глядя на телефон. Небольшой коттедж, представлял собой маленькую рыбацкую хижину, которую Ноа купил много лет назад, но редко использовал. Домик находился на грунтовой дороге в глуши, но в нескольких минутах ходьбы от одного из небольших озер.

Остин вернулся с двумя огромными упаковками батареек, которые открыл слишком резко, отчего они рассыпались по полу. Я помогала ему их собирать, пока Оливия

запихивала батарейки в фонарики. Бернадетт не обращала на нас внимания, изучая карту, которую разложила на серванте.

— Ты нашла участок? — спросила я ее.

— Я не знала, что он потерялся, — язвительно ответила Бернадетт.

— Ты меня прекрасно поняла. Там написано, кому он принадлежит?

— Что за участок? — спросил Остин, следуя за мной, чтобы посмотреть на карту вместе с Бернадетт.

— Земля к югу отсюда, на этой стороне канала, — ответила Оливия. — Не знаешь, там кто-нибудь живет?

— Там нет дома. По крайней мере, на аэрофотоснимках его не видно, — ответил Остин, указывая на квадратный участок земли. — Думаю, кто-то использует его для охоты. Вдоль дороги установлены знаки «Посторонним вход воспрещен», но я никогда не видел, чтобы кто-то приезжал или уезжал. Вот здесь есть небольшая дорожка на две полосы. — Он указал на границу владений на дальней стороне. — Участок передан в собственность компании, но я так и не выяснил, кто ее владелец.

— Я тоже, — кивнула Бернадетт Остину. — Это подставная компания, принадлежащая другой подставной компании. Я интересовалась владельцем несколько лет назад, примерно в то время, когда забрали Райну. Потом я забыла про него.

— Зачем вы это выясняли? — спросила Оливия.

— Потому что раньше это была собственность Куэйдов, — сообщила Бернадетт. — Но в семейном трасте никогда не регистрировалась продажа. В записи подробно описана передача права собственности.

— И это странно? — спросила я.

— Семья Куэйдов выживала из поколения в поколение, распродавая землю, чтобы прокормить себя. Этот участок — сорок один акр первоклассной недвижимости, но моя мать почему-то его отдала. Странно. Мне стало любопытно.

— Поколение за поколением? — Оливия сморщила нос. — Сколько земли принадлежало семье Куэйдов?

— Наша семья одной из первых поселилась в Дейбрик-Фоллс более двухсот лет назад, — поведала Бернадетт. — Первоначально они приобрели чуть более тысячи акров земли. Хотя, признаюсь, сведения о том, откуда у семьи взялись деньги на покупку земли, несколько туманны.

Посмотрела на Оливию, но она выглядела не менее потрясенной, чем я. Потом перевела взгляд на Остина, но он не казался удивленным.

— Ты знал? — спросила я его.

— Нет, не совсем, но в этом есть смысл. Многие земли в округе все еще принадлежат трасту Бернадетт. Фактически, я купил эту землю у нее.

— Серьезно? — спросила Оливия. — Сколько акров?

— Четыре. И должен сказать, что Бернадетт безжалостна, когда дело касается недвижимости. Земля продавалась уже несколько лет, но когда я попытался договориться о снижении цены, она не уступила ни цента. Я заплатил за него гораздо больше рыночной стоимости.

Бернадетт ухмыльнулась, но, глядя на меня, постучала пальцем по карте.

— Похоже, на этом участке есть несколько холмов, что совпадает с видением, возникшим у нас сегодня вечером. Может быть, ты помнишь что-нибудь из своего второго

видения, способное сузить круг поиска?

Я бросила взгляд на карту, но затем покачала головой.

— Я плохо разбираюсь в таких картах, чтобы определить место поиска. Замысловатые линии, разные цвета — все это слишком запутанно.

— Подожди, — сказал Остин, пересекая комнату. — У меня есть аэрофотоснимки. — Он исчез в дальнем коридоре.

В дверь позвонили, Оливия побежала открывать и запустила Ноа в дом. За Ноа вошла Бритт. На обоих была все та же грязная одежда, хотя большие куски грязи уже отвалились.

Я усмехнулась Ноа, но ничего не сказала. Он наклонил голову, пытаясь скрыть свою улыбку.

Оливия не была столь деликатна.

— Интересно, чем вы двое занимались в два часа ночи? — Она подставила Бритт кулак для удара.

— Оливия, веди себя прилично, — попросила я.

— Что? Мы все взрослые люди.

Бритт выглядела смущенной, быстро ответила на удар кулаком, а затем прислонилась к стене.

— Что-то случилось? Почему все собрались?

Оливия объясняла, что я хожу во сне, когда Остин вернулся с гигантскими аэрофотоснимками. Он заглянул в столовую, но стол там утопал под стопками декораций для вечеринки фонда. Я взяла две верхние фотографии, положила их на кафельный пол и наклонилась над ними.

Изучая каждую из них, я наблюдала, как он выстраивает остальные рядом, чтобы показать участок.

— Думаю, это то место, где мы были в первом видении, верно? — спросила я Бернадетт.

Она опустила на пол, скрестив ноги, затем изучила участок, на который я показывала.

— Возможно, ты права. Холмы располагались друг за другом точно так же.

— Но в следующем видении я очутилась ближе к воде. Думаю, между этим участком канала и этим небольшим прудом. — Я отметила это место на фотографии.

Оливия сидела по другую сторону фотографий, смотря на них вверх ногами. Она взяла снимок, который мы рассматривали, и перевернула его.

— Ты не возражаешь, девочка? Мы как раз на это смотрим, — съязвила Бернадетт.

— Ой, не шумите, — отозвалась Оливия, поднося фотографию к носу.

— Тебе нужно проверить глаза, — посоветовала я ей.

— Ты же знаешь, как я люблю эти книги «Я шпион»? Искать в них спрятанные предметы? — спросила меня Оливия.

— Конечно, — ответила я. — Ты покупаешь книги для мальчиков, но я постоянно выношу их из твоей комнаты.

— Ну, я вижу кое-что интересное на этой фотографии, — заявила Оливия, опуская снимок и указывая на участок к северу от пруда и к востоку от канала.

Мы все наклонились поближе и уставились на то место, где лежал кончик ее пальца.

— Я ничего не вижу, — проворчала Бернадетт.

— Я думаю, дело в этом, — сказал Остин, поворачивая фотографию. — Здесь снимок выглядит почти размытым. Невозможно разобрать, что находится на этом участке земли —

камни, кусты или что-то еще.

Я наклонилась ближе к Остину, всматриваясь в точку на карте.

— Я что-то упускаю. Почему размытое пятно на фотографии имеет большое значение?

— Мне кажется, проблема не в фотографии, — пояснила Оливия. — Похоже, кто-то замаскировал это место.

— Она права, — кивнул Остин. — Что бы там ни было, оно находится между этими тремя деревьями. Кто-то, видимо, натянул между ними маскировочную сеть, чтобы скрыть то, что под ней находится.

— Это может быть охотник, который прячет свой лагерь или охотничью засаду, — заметил Ноа.

— Возможно, — согласилась Оливия. — А может быть, кто-то прячет синий сарай.

— Мы должны это проверить, — решила я. — Думаю, нам нужно искать именно в этом районе. Мы можем начать оттуда, а потом разойтись, если ничего не найдем.

Бернадетт перекатилась на бок, затем на руки и колени, после чего встала на ноги.

— У меня есть дробовик в грузовике. Но кто-нибудь еще вооружен?

Ноа и Бритт покачали головами. Оливия усмехнулась, доставая из заднего кармана перочинный нож для выживания. Я открыла свою сумочку и достала электрошокер. Мы все посмотрели на Остина.

— У меня в гараже есть бейсбольные биты, — оглядываясь по сторонам, сообщил Остин. — Это поможет?

— Тебе не стоит идти с нами. Если нас поймают, то могут арестовать за незаконное проникновение, — предупредила я.

Остин рассмеялся.

— Если думаешь, что я останусь здесь, пока вы, дамочки, будете бегать по лесу одни, то ты спятила. Только следи, чтобы Бернадетт случайно меня не пристрелила.

Остин направился к гаражу. Бритт усмехнулась и побежала за ним следом.

— Мне тоже нужна бита.

— А ты? — Бернадетт спросила Ноа.

— Я понесу медицинские принадлежности, так что, когда все полетит к чертям, буду готов.

— Тебе не нужно оружие? — удивилась Оливия.

— Как думаешь, на что способны эти «плохие парни»? — усмехнулся Ноа, разминая мышцы рук.

Мы перегнали и мой грузовик, и машину скорой помощи через двор Остина к юго-западному углу его участка. Быстро осмотревшись, я направилась в лес, пока не успела струсить.

Первые сто футов пути шли по ровной местности, затем начались небольшие холмы. Чем дальше мы продвигались вглубь леса, тем ближе друг к другу росли деревья, закрывая свет звезд и луны. Даже фонарики с трудом справлялись с темнотой вокруг нас.

Никакого ветра. Ни малейшего дуновения. Доносилось лишь жужжание комаров. А поскольку комары водились, то и летучие мыши тоже, изредка пугая кого-нибудь из нас, если пролетали слишком близко.

Оливия в сотый раз шлепнула себя по шее.

— Проклятые кровососы, — пробормотала она.

— Сколько еще? — спросил Ноа.

— Еще пятьдесят футов, может быть, — отозвался Остин. — Или меньше. Трудно сказать. Здесь крошечная тьма.

— Нам нужно торопиться, — проговорила я, осветив фонариком пространство позади нас на востоке.

— Почему? — удивилась Оливия. — Что случилось? Ты говоришь таким взволнованным голосом.

— Я не уверена, что это, — ответила я, все еще размахивая фонариком. — Бернадетт? Ты чувствуешь?

— Это может быть животное, — ответила Бернадетт. — Что бы это ни было, человек или зверь, оно знает, что мы здесь. Мне кажется, оно ближе к главной дороге, но я могу ошибаться.

— Тогда не будем стоять на одном месте. После вас, — предложила Бритт, посветив путь перед нами фонариком.

Бритт права. Что бы там ни было, имело смысл двигаться дальше. Я снова зашагала вперед, на этот раз гораздо быстрее. Я слышала всех, кто шел позади, даже чувствовала, кто есть кто, но чем быстрее продвигалась, тем быстрее двигалось то, что скрывалось в черноте. Перепрыгнув через поваленное дерево, я вздрогнула от всплеска энергии. Разворачиваясь, я переместила Оливию за спину, освещая своим светом деревья на востоке.

Бернадетт встала рядом со мной.

— Похоже, мы что-то разозлили.

— Это не животное, совершенно точно, — прошептала я ей. — Ты чувствуешь?

— Да, — согласилась Бернадетт.

— Что вы чувствуете? — спросил Ноа. — Что там?

— Гнев. Ярость, — ответила я.

— Извините, конечно, что говорю как тупица, но что это значит? — недоуменно спросила Бритт.

— Человек, — пояснила Бернадетт. — Кто бы там ни прятался, он направляется к нам.

— Нужно развернуться, — заметил Остин. — Точка на карте расположена где-то здесь.

— Давина, — рявкнула Бернадетт. — Поищи в лесу своим разумом, дитя. Найди сарай.

Я закрыла глаза, отгоняя гневные вибрации, и открыла свои ментальные двери, исследуя

темный лес. Ощущения подсказывали, что сарай левее. Я выскочила обратно через двери, закрыла и заперла их, прежде чем открыть глаза.

— Сюда, быстрее! — Я побежала влево, намереваясь опередить того, кто находился с нами в лесу. Мне совершенно не хотелось его дожидаться.

Мы пересекли еще один небольшой холм, затем прошли по заболоченной местности, прежде чем оказались на вершине следующего холма.

— Это здесь.

— Что здесь? Где? — завертела головой Оливия.

— Здесь, — показала я. — За этой сеткой.

Ноа подбежал и откинул сетку в сторону.

— Святые угодники, — прошептала Оливия с расстояния в несколько футов. — Это синий сарай.

Я снова почувствовала злобный всплеск энергии, исходящий от деревьев на востоке. Он был настолько мощным, что казалось, будто энергия исходит от самого леса.

— Бернадетт, — прошептала я, — твой дробовик заряжен?

Бернадетт стянула с плеча ружейный ремень и вытащила дробовик из чехла.

— Заряжен.

Все вместе мы подошли к укрытию. Несколько больших камуфляжных сеток тянулись между деревьями, создавая защитный барьер. Мы обошли сарай, остановились с другой стороны и уставились на запертую дверь.

— Я останусь здесь, — решила Бернадетт, держа ружье повыше. — Если услышите выстрелы, прячьтесь.

— Ты не можешь оставаться одна, — возразила я. — Безопасность — в количестве.

Остин и Оливия посмотрели друг на друга, а затем ухмыльнулись. Они досчитали до трех, разыгрывая «камень, ножницы, бумага». Оливия победила, выбрав бумагу, против камня Остина.

— Я тоже останусь здесь, — заявила Бритт. — Три человека внутри, три снаружи.

— Дай-ка свою битку, — попросил Ноа Остина. — Попробую сломать замок.

— Не торопись, — притормозила его Оливия с большим камнем в руках и, подняв его над головой, ударила по замку. Замок не только открылся, но она выбила и скобу, удерживающую замок. — Черт, я сломала ноготь.

Я распахнула дверь и заглянула внутрь. На первый взгляд, пусто, но я догадывалась, что здесь не все так просто. Я вошла внутрь, Оливия шла прямо за мной.

Следом шагнул Ноа, но с некоторой нерешительностью.

— Мне начинает казаться, что это плохая идея.

— Слишком поздно, — заметила Оливия, наступив мне на пятку. — Ой. Прости.

В комнате стояла лишь стопка пластиковых контейнеров в углу. Если дверь в подвал находилась внутри сарая, а я верила, что так оно и есть, то она должна скрываться под контейнерами. Очень умно. Любой посторонний мог заглянуть в ящики, но вряд ли стал бы их передвигать.

Я опустила фонарик и взялась за один из нижних ящиков, пытаясь сдвинуть сразу весь штабель.

— Подвинься, — скомандовал Ноа, опустив фонарик и оттеснив меня в сторону. — Я — главный на этом задании, помнишь? — Он легко сдвинул первый штабель, затем второй.

Подняв оба фонарика, я протянула Ноа его, и мы уставились на люк в полу.

— Ладно, план такой, — проговорила я. — Ноа, ты откроешь люк, а я спущусь и проверю что там. Если понадобится помощь, я крикну.

— Нет, — одновременно воскликнули Оливия и Ноа.

— Я пойду первой, — предложила Оливия, держа в руках свой камень. — А ты иди за мной с электрошокером. Если там кто-то есть, то вместе у нас будет больше шансов. А Ноа останется у люка, чтобы убедиться, что мы не окажемся запертыми внутри.

— Да, — согласилась я. — Не хочется оказаться там в ловушке. Очень неприятно.

— Раз, два, три, — скомандовал Ноа, распахнув люк и прислонив его к стене.

— О, боже... — прошептала Оливия, стоя рядом со мной. — Там жутковато.

Я уже спускалась по лестнице, держа перед собой электрошокер, не желая пропускать ее первой. Подвал был меньше, чем сарай над ним, из грязи торчали корни деревьев и камни. Но в центре этого небольшого пространства стояла металлическая клетка. А на полу клетки, свернувшись клубком, лежала Тауни.

Несмотря на решение одному из нас остаться наверху, и Ноа, и Оливия последовали за мной в подвал. Ноа забрал у Оливии камень и с его помощью сломал висячий замок клетки. Когда он распахнул дверь, я скользнула в небольшое отверстие, приподняла голову и плечи Тауни и, опустившись на колени, потащила ее за собой к проему. Как только Ноа дотянулся до нее, он вытащил Тауни наружу, попутно проверяя жизненные показатели.

— Нам нужно забрать ее отсюда, — предупредила я, чувствуя, как злая энергия вокруг леса словно готова взорваться.

Ноа передал Оливии свой телефон.

— Звони 911. Вызови сюда полицию, пусть диспетчер предупредит больницу, что мы будем там через тридцать минут. — Он взглянул на меня, измеряя давление Тауни. — Пульс медленный, но ровный. Думаю, с ней все будет в порядке. Померив давление, он убрал манжету обратно в сумку и достал фольгированное одеяло. Я помогла ему обернуть его вокруг Тауни, пока Оливия говорила по телефону с оператором службы спасения.

— Нет, — отрезала Оливия. — Я не могу назвать более точное местоположение. Мы находимся на участке к югу от дома Остина Вандерсона на Догвуд-роуд. Выясните сами. — Оливия двинулась вверх по лестнице.

Я помогла Ноа поднять Тауни, затем взобралась на лестницу и легла на пол сарая, чтобы достать тело Тауни через небольшое отверстие и вытащить ее наружу. Выбравшись наверх, мы уже собирались выйти из сарая, когда Бернадетт выстрелила из своего ружья.

Мы все пригнулись.

— Извините! — крикнула Бернадетт. — Виновата.

Я открыла дверь.

— Во что ты стреляла?

Бритт и Остин засмеялись, но отвели глаза.

— Ну, понимаешь, там была летучая мышь, и... — Взгляд Бернадетт упал на Ноа, несущего Тауни из сарая. — Я не верю. Ты ее нашла.

— Подержи, — Остин передал мне свою битку, и забрал Тауни у Ноа. — Пойдемте. Оливия, освещай путь!

Я подтолкнула Бернадетт, чтобы она шла впереди меня, и предпочла последовать за всеми из леса. Я не чувствовала ничего, кроме злой энергии вокруг нас, но та стала настолько неуправляемой, что теперь невозможно понять, откуда она идет.

Когда мы добрались до участка Остина, все вздохнули с облегчением, увидев, что Стоун

и Айзек уже нас ждут. Я оглянулась в последний раз, чувствуя спиной вспышку гнева, но не видя того, кто посылает в мою сторону злые сглазы.

В этот момент я заметила вдалеке первое оранжевое мерцание. Не отрывая глаз, я смотрела, как разрастается пламя, устремляясь в небо с другой стороны леса. Кто бы там ни был, он поджег сарай.

— Диспетчер, — услышала я крик Стоуна. — Пришлите срочно к нам пожарных, здесь активное пламя. Сообщите им, что место находится в центре большого лесного массива, к нему нет доступа по земле.

— Высылаю пожарную команду, ожидайте, — ответил диспетчер по рации.

Я стояла и смотрела на пламя, лижущее небо с вершущек деревьев. Все улики, которые могли бы дать ответы, потеряны. И что еще хуже, тот, кто забрал Райну и Тауни, по-прежнему находился на свободе.

— Ты спасла эту девочку, дитя, — прошептала Бернадетт рядом со мной. — Не забывай об этом.

— Этого мало.

— Всегда бывает недостаточно, — только и сказала Бернадетт, прежде чем повернуться и пойти через лужайку.

Прошло несколько часов, прежде чем нам разрешили вернуться домой. Напоив Фрэнсиса апельсиновым соком и подав ему тарелку яичницы с тостами, я забралась в постель. Не помню случая, чтобы я чувствовала себя настолько измотанной.

На следующий день я проснулась только после полудня и, приняв душ и накормив Фрэнсиса обедом с лекарствами, отправилась к миссис Полсон.

— Это Давина, — крикнула я, входя через заднюю дверь.

— Привет, — отозвался Ноа, потирая глаза. Он сидел за столом напротив своей мамы. — Я как раз собирался тебе позвонить. У меня через час смена, хотел проверить твою ногу. — Ноа нахмурился, увидев, что моя нога не только не забинтована, но и босая. — Она такая опухшая и красная, как выглядит? Или у меня просто глаза еще не проснулись.

— Нет, она распухла, покраснела и очень болит, — ответила я, пересекая комнату и опускаясь на стул рядом с миссис Полсон. — Подлечи меня, ладно? — Я подняла ногу к нему на колени.

— Ой, — пролепетала миссис Полсон, перегнувшись через стол, чтобы посмотреть на мою ногу. — Чем же ты вчера занималась, что так сильно разбередила свою рану?

— Я опять проделала весь путь до дома Остина во сне. Босиком. Разве Ноа не рассказал вам о прошлой ночи?

— Нет, — отозвался Ноа, доставая антисептик. — Я завалился спать, когда мы вернулись домой. И встал за две минуты до того, как ты вошла в дверь.

Миссис Полсон уставилась на нас, ожидая ответа.

— Мы нашли Тауни. С ней все в порядке. Ее отвезли в больницу. Нам пришлось остаться, пока нас допрашивала полиция, потом пожарные, потом мы объясняли Эдит, почему в доме Остина такой беспорядок. Ночь была долгой.

— Безумно долгой, — согласился Ноа, разворачивая марлю.

— Я знала, что что-то происходит, — потрясенно проговорила миссис Полсон. — Но только потому, что вы оба пришли домой под утро и молча отправились в постель. Но никогда бы не подумала, что проспала все на свете.

— Городская страничка в Фейсбуке, наверное, взорвется, — закатив глаза, вздохнула я.

В дверь позвонили, и мы с Ноа переглянулись.

— У меня травма, — показав на свою ногу, объявила я.

Ноа вздохнул, убирая мою ногу со своих колен.

Пока Ноа открывал дверь, миссис Полсон налила мне кофе из стоявшего на столе кофейника.

— Это по твою душу, — сообщил Ноа, возвращаясь.

Мы с миссис Полсон повернулись и посмотрели в сторону входной двери. Бернадетт поставила три пакета у стены рядом с дверью.

— Бернадетт? Что ты здесь делаешь? — с интересом спросила я.

— Тебе нужно платье для сегодняшней вечеринки, а у меня еще осталось несколько дел в городе, поэтому я решила избавить тебя от необходимости ехать ко мне домой.

— Какое платье?

— Боюсь, это моя вина, — хихикнув, призналась миссис Полсон. — Когда вчера привезли платье, которое заказала Эдит, я решила его посмотреть. После этого я позвонила

Бернадетт и попросила дать тебе денег на покупку нового платья. Она сказала, что все уладит, но я не думала, что Бернадетт сама купит платье.

Я посмотрела на неоновый спортивный костюм, что надела Бернадетт, и вздрогнула.

— Мне страшно.

— Наденешь его или нет, мне все равно, — буркнула Бернадетт, вешая платье в шкаф для верхней одежды. — Но я не покупала это платье. Оно принадлежало твоей матери. — Бернадетт вышла из дома, громко хлопнув дверью.

— Черт, — простонала вслух. — Я ее обидела.

— О дорогая, я бы не беспокоилась об этом, — похлопав меня по колену, заметила миссис Полсон. — Бернадетт и твоя мама постоянно ссорились, а через пять минут вели себя так, будто ничего не случилось. А теперь давай посмотрим платье.

— А где, то, которое прислала Эдит? — вставая спросила я.

— В шкафу. Но не уверена, что оно тебе понравится.

Я открыла шкаф, затем белый пакет с одеждой, чтобы взглянуть на платье, которое прислала Эдит.

— О, боже! — Платье с золотыми блестками было слишком коротким, примерно на фут, а лиф представлял собой не более чем две тонкие полоски ткани. Мало того, что все синяки на моем теле будут на виду, так еще и слишком много моего тела окажется выставлено напоказ.

Я повернулась к платью, которое принесла Бернадетт, и, сделав глубокий вдох, расстегнула молнию на черном пакете.

— Оно великолепно, — восхитилась миссис Полсон.

— Просто потрясающее, — согласилась я, доставая платье из пакета. Рукава представляли собой парящие куски шифона, которые скроют большинство синяков на моих руках. V-образный вырез украшали нити пресноводного жемчуга, которые драпировались от одного плеча до другого. Само платье было серебристо-голубого цвета с зауженной талией и ступенчатым подолом, длинным сзади и до колена спереди.

— Я не могу поверить, что это платье моей мамы. Оно такое красивое.

— У твоей мамы был стиль, — поделилась миссис Полсон, подойдя и пощупав ткань. — Она не выставяла его напоказ, но те несколько раз, когда я видела ее нарядной, могли озарить любую комнату.

Заглянув в пакет, я обнаружила дизайнерские ботинки на размер больше, чем тот, что я носила. Если надены толстые носки, то они не только подойдут, но и не будут так сильно мешать повязке на правой ноге — я не планировала много танцевать, учитывая состояние моей ноги.

— Если бы у меня водились деньги и я не презирала шопинг, то купила бы себе именно это, — призналась я, открывая коробку с обувью поменьше. Внутри лежали серебристые атласные туфельки, которые можно было положить в сумочку на случай, если нога не сможет больше терпеть высокие ботинки.

— Она как будто читает твои мысли, — одобрила миссис Полсон, наблюдая за тем, как я все рассматриваю.

Ноа фыркнул.

— Наверное, так и есть.

Я, прихрамывая, вернулась к столу, неся два других пакета, когда у Ноа пискнул телефон. Он прочитал сообщение.

— Отлично, — язвительно протянул он. — Мой босс узнал о вчерашнем вечере и вызвал другую команду для работы сегодня. Говорит, что у нас с Бритт слишком много часов на этой неделе.

— А тебе, надеюсь, заплатят за вчерашний вечер? — спросила я.

— Скорее всего, нет. — Он бросил телефон на стол. — Теперь Бритт снова начнет доставать меня предложениями пойти на вечеринку. Просто замечательно. — Телефон снова пиликнул. Он посмотрел на него, но не стал трогать, а уставился на потолок.

Мы с миссис Полсон посмеивались, роясь в пакетах.

— О, — обрадовалась миссис Полсон, взяв в руки отдельный купальник. — Какой милый. И саронг в тон.

Я достала из пакета соломенную шляпу.

— О, это наводит меня на мысль.

Я написала сообщение Брейдону, поскольку не знала, заменила ли Оливия свой телефон. Брейдон, должно быть, дал Оливии свой, потому что ответ, типичный для моей подруги, состоял из дюжины значков «большой палец вверх» и смайлика. Я взглянула на миссис Полсон.

— Вам лучше пойти переодеться. Пока Эдит готовится к сбору средств, мы заберемся в ее дом, чтобы устроить импровизированную вечеринку у бассейна на заднем дворе.

— Ох, как здорово, — согласилась миссис Полсон, опираясь на спинку стула, чтобы подняться. — Дай мне пять минут.

— Я принесу пиво, — предложил Ноа, выливая кофе из чашек в раковину прежде, чем отправиться к себе в комнату.

Проходя через кухню, я взглянула на раковину. Надо бы помыть чашки.

«Нет, — подумала я, хихикая. — Они подождут».

Не прошло и десяти минут на приеме, как рядом со мной появилась Мириам Роллинз и, наклонившись, громко прошептала:

— Я всем говорила, если кто и сможет найти девочку, то это ты. Но разве меня послушали, нет... — Она негромко цокнула, оглядываясь по сторонам. — Потом пошли разговоры о Бернадетт, и я...

Я не расслышала, и последовала за ней на заднюю террасу. Пока она увлеченно болтала, я оглядывалась по сторонам. От задней части дома до переносного танцпола, расположенного за бассейном, тянулись белые гирлянды. Не менее сотни человек смеялись, танцевали или собирались в небольшие группы, все в своих шикарных платьях и костюмах. Куда бы я ни посмотрела, видела что-то красивое, но именно общая атмосфера, пространство, наполненное счастливой энергией, заставляло меня улыбаться. Эта энергия опьяняла.

Почувствовав чье-то приближение, я оглянулась через плечо.

— Кажется, я должен вам танец, — прошептал мне на ухо Стоун.

— Да? И почему же? — удивилась я.

— За то, что вы сделали за меня мою работу. Спасли девочку, — ответил Стоун, беря меня под руку.

— Извините нас, Мириам. Рада была увидеться, — проговорила я и позволила Стоуну меня увести.

Мы обошли бассейн и вышли на танцпол, после чего Стоун развернул меня лицом к себе.

— Вы всегда танцуете, чтобы поблагодарить кого-то? — спросила я, положив руку ему на плечо.

— Только когда они выглядят потрясающе, как вы в этом платье. — Стоун задержал взгляд на моем наряде, а затем притянул к себе, положив руку мне на талию. — Я надеялся, что увижу вас сегодня вечером.

— Еще вопросы о похищении Тауни? — спросила я, стараясь не обращать внимания на боль в ноге. Я решила надеть атласные туфельки вместо ботинок, но нога все равно отекала и болела.

— Нет, не по делу. Тауни все еще под успокоительным, а место преступления слишком нагрето, чтобы проводить его обработку. Пока что у нас связаны руки. Но мы найдем того, кто за этим стоит.

Я кивнула, но понимала, что Стоун расстроен не меньше меня тем, что человек, похитивший Тауни, все еще на свободе.

— Тогда почему вы надеялись увидеть меня?

Стоун покружил меня, а потом вернул обратно, прижав к себе еще крепче, чем раньше.

— Потому что ты мне нравишься.

Удивленная, я сделала полшага назад.

— Ух ты, я не знаю, что сказать.

Стоун пожал плечами, отводя взгляд.

— Понимаю. Ничего страшного, если ты не чувствуешь того же.

Я покачала головой, пока мы танцевали, все еще немного шокированная.

— Не обижайся, но ты не подавал мне никаких романтических сигналов. Сколько раз ты меня арестовывал? Или называл мои способности ерундой?

Стоун усмехнулся, снова посмотрев на меня сверху вниз.

— Ты права. Может быть, я постараюсь сократить количество арестов, но насчет комментариев об экстрасенсорных способностях не обещаю. Это немного выходит за рамки моей зоны комфорта.

Я усмехнулась, бросив взгляд в сторону, мы как-то незаметно и легко перешли на «ты»:

— Думаю, ты мне больше нравишься, когда не на службе, Стоун.

— Ты ведь заметила, что я не в форме? Можешь звать меня Кайл.

Я сморщила нос, проигрывая в голове это имя.

— Я уже вроде как привыкла к Стоуну. И если ты не сдержишь свое слово и не отступишь от идеи моего ареста, это может меня серьезно запутать.

Он засмеялся, уводя нас в угол платформы, подальше от других танцующих.

— Ты довольно неплохо танцуешь.

Стоун закружил меня в сторону и обратно, на этот раз обхватив мою спину руками.

— И приятно пахнешь. Пляжем.

— Пляжа нет, но близко. Мы устроили себе вечеринку у бассейна в доме Эдит. Даже Бернадетт пришла. Она научила мальчиков Оливии прыгать в воду пушечным ядром.

Стоун улыбнулся мне.

— Я рад. Вы все, конечно, заслужили выходной.

— Оливия сказала, что написала тебе сообщение. Но ты, наверное, еще спал.

— Если бы, — проворчал Стоун. — Мы с Остином каким-то образом нарвались на гнев Эдит из-за следов шин во дворе. Она заставила нас сгребать пучки травы, а потом их утаптывать.

Я рассмеялась.

— Упс. Это я виновата. Именно я предложила проехать по газону.

— Все в порядке, — ответил Стоун, когда песня подошла к концу. — По крайней мере, я могу использовать свою усталость как оправдание, чтобы пораньше уйти сегодня. Я просто хотел поблагодарить тебя перед уходом, — пояснил он, потирая рукой небритую челюсть. — И предупредить. — Он понизил голос, оглядываясь по сторонам. — Шеф Адамс вернулся. Он винит тебя в уничтожении места преступления.

— Отлично. Как раз то, что мне нужно. Я сообщу Брейдону.

— Брейдон уже знает. Я попросил Айзека позвонить ему. А потом в дело вмешалась Оливия.

Мы прошли через внутренний дворик. Я заметила Оливию и Брейдона за одним из столиков и указала в их сторону.

— Мне стоит бояться?

— Нет, — усмехнулся Стоун, направляя нас к их столику. — Честно говоря, я впечатлен. Брейдон оформил вас с Оливией в качестве следователей для своей юридической фирмы, а потом заставил Джеки подписать контракт, что она наняла вас для поиска Тауни. Шеф Адамс может разозлиться, но вы обеспечены прикрытием за участие в этом деле.

— У меня не будет никаких неприятностей? А как насчет обвинения в незаконном проникновении?

— Мы не можем предъявить обвинение в незаконном проникновении, пока не выясним, кому принадлежит эта собственность. А когда выясним, полиция уже не будет этим

заниматься. Обвинение предъявляет владелец собственности.

Мы были всего в нескольких футах от Оливии и Брейдона, когда в моих мыслях пронеслось видение. Молодая девушка в коктейльном платье стояла у камина с голубой вазой. Рядом с ней стоял мальчик-подросток и, наклонившись, шептал ей что-то, от чего она хихикала. Видение стало более четким. Лицо в форме сердца. Волосы завиты в колечки.

— Давина? — обратился Стоун, испугав меня.

Я оглянулась. Оливия и Брейдон стояли передо мной, наблюдая за происходящим с обеспокоенным выражением лица. Остин спешил к нам через внутренний дворик.

— Что случилось? — взволнованно спросила Оливия. — Похоже, ты вот-вот потеряешь сознание.

Подойдя к нам, Остин придержал меня за локоть.

— Ты в порядке?

Я покачала головой.

— Я видела голубую вазу, стоящую на камине. Где это?

— В моем кабинете, — ответил Остин. — А что?

— Покажи мне. Быстро, — велела я, схватив его за руку и переплетя наши пальцы.

Я бежала рядом с ним по внутреннему дворику, не обращая внимания на взгляды окружающих. Внутри Остин попросил людей расступиться, пока мы пересекали главную комнату и бежали по коридору. Я знала, что Оливия, Брейдон и Стоун следуют прямо за нами.

Когда мы оказались в кабинете, я сразу заметила девушку у камина. Подбежав к ней, я схватила ее за руку и отвела в угол комнаты, после чего повернулся, чтобы осмотреться. Все остальные лица в кабинете, обращенные на меня, я знала лично или знала об этих людях. Никто из присутствующих не вызывал подозрений, и большинство из них составляли женщины.

В комнату вбежали Ноа и Айзек, оба остановились рядом со мной. Я слышала, как Оливия разговаривала с девушкой, стоявшей позади меня, прося ее позвонить родителям. Стоун собирал гостей, расспрашивая их, не присутствовал ли в комнате кто-то еще.

— Нет, — сказала я, повернувшись к Стоуну. — В комнате никого не было. Там..., — я ткнула пальцем в сторону коридора. — Он стоял прямо за дверью. Может быть, десять или пятнадцать секунд.

Стоун кивнул, затем повернулся к гостям и стал расспрашивать их дальше.

Родители девочки вбежали в комнату с испуганным выражением на лицах, протискиваясь мимо меня. Я отошла на несколько шагов, чтобы дать им место.

— Я следующая? — плакала девушка, глядя на меня. — Неужели это случится?

— У тебя нет причин для беспокойства, — наклонившись к девушке, заверил Айзек. — С тобой ничего не случится, дорогая. — Он посмотрел на меня через плечо, но ничего не сказал.

Сказать тут нечего. Я не могла обещать девушке, что она в безопасности, но похититель вряд ли решится преследовать ее сейчас. Теперь, когда я стояла всего в нескольких футах от нее, становилось ясно, что локоны в ее волосах уложены, а не натуральные. И внешность намного скромнее, чем у других девушек.

Оливия подвела меня к дверному проему и прошептала:

— Что ты думаешь, Давина? Что случилось?

— Он был здесь. Возле дверей, наблюдал за девушкой. И он послал мне изображение.

— Ты знаешь, в какую сторону он пошел? — спросил Стоун, нависая над моим плечом. Я покачала головой.

— Думаю, он просто играл. Издевался надо мной.

— Ладно, — сказал Стоун, кивнув Остину и Брейдону. — Айзек может остаться с девушкой и ее родителями. Но вы не могли бы помочь собрать всех в гостиной? Мне нужны все, включая обслуживающий персонал. Необходимо допросить всех присутствующих и записать их имена, но у нас не хватает полицейских.

— Я тоже помогу, — заявила Оливия. — И моя мама. Она куда более властная, чем я.

Оливия потащила Брейдона за руку из кабинета, Остин, Ноа и Стоун последовали за ней. Я постояла еще несколько минут, глядя в коридор, потом повернулась и посмотрела на комнату со стороны входа. Он стоял именно здесь. Вот тут, у двери.

Все взгляды в комнате были устремлены на меня. Я знала, что они думают, что шепчут, но в кои-то веки мне наплевать. Все, о чем я беспокоилась, — это как отыскать похитителя, пока он не причинил боль другому ребенку.

Я закрыла глаза, вытянув руку, чтобы коснуться деревянной рамы двери. В моем воображении возникли белые французские двери. С другой стороны двери по стеклу барабанил дождь, отскакивая от поверхности.

И тут я поняла, что это вовсе не дождь. Это кровь.

Я задохнулась, открыв глаза. Меня шатнуло, и я оперлась о дверную раму, боясь упасть.

— Что случилось? — спросил Айзек. — Ты в порядке?

Я начала кивать, но тут почувствовала что-то в главной комнате. Следуя за энергией, я прошла по коридору в холл как раз в тот момент, когда Бернадетт вошла через парадные двери. Ее короткие волосы были уложены гелем назад, и она снова надела свою черную мантию. Все присутствующие в комнате разом замолчали, уставившись на нас.

— Что это значит? — спросил я Бернадетт. — Кровавый дождь. Что это значит?

— Ты понимаешь, что это значит, — спокойно ответила Бернадетт, глядя мне в глаза.

Она права. Я знала. Смерть приближается. Жестокая смерть. Но чья? Когда?

— Мы можем это остановить?

— Я не знаю, дитя. Но готова попробовать, если ты хочешь.

Я почувствовала, как подошла Оливия и перехватила мою руку.

— Думаю, пора уничтожить этого ублюдка, согласна?

— Ты понимаешь, он ведь может нас убить, — предупредила я подругу.

— Я тебя умоляю, — протянула Оливия, драматично закатив глаза. — Готова поставить все свои деньги на тебя в любой день недели. У него нет ни единого шанса.

— Кроме того, — обнял меня за плечи Ноа. — Ты не одна.

Я посмотрел на Ноа, потом на Стоуна, Остина, Айзека, Брейдона, миссис Полсон и других людей в комнате, многие из которых тоже кивали.

И снова взглянула на Бернадетт.

— Я за, но при одном условии. — Я наставила на нее палец. — Ты должна пообещать, что больше никогда не будешь меня травить.

— Я не даю таких обещаний, — проворчала Бернадетт и так быстро развернулась, выходя из дома, что ее мантия хлестнула нас по ногам.

Мы с Оливией переглянулись.

— Ну, по крайней мере, она честна, — заметила Оливия, стараясь не улыбаться.

Конец первой книги.